

ДРУГИЕ
МИРЫ

Эль Бланк

НА ГРАНИ
ВЫЗОВА

Annotation

В одно мгновение потерять родных и единственной выжить. Застрять на планете за тысячу парсек от Земли и не иметь возможности вернуться. Оказаться среди тех, кто ненавидит чужаков и сначала стреляет, а потом начинает разговор. Осознавать, что обречена, точно зная, что никто щадить не будет. Такие испытания не для хрупкой девушки? Наверное.

А она все равно не сдастся! Сначала спрячется. Потом замаскируется. Сделает то, ради чего пожертвовали жизнями близкие. Поможет тем, кто меньше всего этого ждет. И даже влюбится! Если, конечно, кандидата найдет достойного.

-
- [Эль Бланк](#)
 -
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Эпилог](#)
-

Эль Бланк

На грани вызова

© Эль Бланк, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Пролог

Грохот над головой оглушал. Сиденье подрагивало и вибрировало, идеально попадая в ритм работающих с перегрузкой двигателей. Датчики контроля за состоянием щита истерично мигали, пытаясь донести до меня степень той ужасающей огневой мощи, что сейчас лавиной обрушивалась на корабль. Я же учащенно дышала и неотрывно смотрела лишь на одну шкалу – ту, что показывала уровень затрат энергии.

Семьдесят процентов. Для работы защитного экрана хватит и десяти. Так что терпимо, кабы не одно «но». Уменьшается столбик катастрофически быстро. И если скорость расхода не изменится, то...

Быстро завела в программу вильюрера параметры и ужаснулась: полчаса – это в лучшем случае, с большей вероятностью – минут пятнадцать, в худшем... Лучше не думать.

– Медея, – отвлек от расчетов строгий голос отца. Удивительно спокойный для ситуации, которая вовсе не была рядовой. Впрочем, как и ожидаемой. – Иди к матери.

– Зачем? – возмутилась я, вцепляясь в подлокотники кресла, словно меня из него уже выдергивали. – Папа, я здесь нужна! Это мое место! Я же всегда тебе помогала. Ты один не справишься!

– Мне встать и тебя отвести? – охладил мою горячность жесткий ответ.

Посмотрела на лицо, закрытое непроницаемым щитком шлема, на напряженную фигуру, склонившуюся к соседней консоли, и сникла. Бесполезно. Отец у меня непробиваемый, особенно если что-то окончательно решил.

Да и мы сейчас не в том положении, чтобы вести дискуссии – обзорный экран не просто так подернут мертвенно-сиреновой пленкой защитного покрытия. За ним, почти неразличимые, видимые лишь смутными темными силуэтами, но от этого не менее страшные, корабли рарков. И та самая огневая мощь, которую едва сдерживает щит нашего дискоида, идет именно от них, появившихся так неожиданно, что сформировать синхро-канал и вывести нас из-под удара папа просто не успел. А теперь он лавирует на крошечном

кусочке космического пространства, отыскивая среди окруживших нас крейсеров слабое звено, которое можно разорвать и выбраться из западни. Мешать ему и отвлекать – чревато.

Расстегнув ремни, удерживающие меня в кресле, я встала и тут же вцепилась в спинку. Пол кренился, вибрация из мелкой, тряской, превратилась в резкую, рваную. Дойти до выхода из рубки и удержаться на ногах оказалось делом непростым. Впрочем, путь по коридору тоже не был легким и прямолинейным. Я дважды приложила плечом к ребристым стенам, прежде чем добралась до лаборатории.

– Все плохо? – встретил меня беспокойный голос мамы и руки, поддерживавшие как раз в тот момент, когда я готова была упасть, перешагнув через порог.

– Ага, – вздохнула я. Пробираясь следом за родительницей между, к счастью, накрепко зафиксированным на полу оборудованием, удивилась: – Мы куда?

– Папа приказал залезть в стабилизационную капсулу.

Ответ оказался настолько ошарашивающим, что я остановилась, глядя в затылок с собранными в пучок седыми, когда-то каштановыми волосами.

Капсулу? Она же герметична и неразрушима, а это значит... Просто страховка или другого способа спастись нет?

– Медея? – обернулась мама, хватаясь одной рукой за ближайший агрегат, чтобы не упасть от нового толчка, а другой вцепляясь в мое предплечье. – Идем!

– Мы не можем его оставить! – рванула я обратно, однако пальцы держали крепко.

– Прекрати истерику! – прикрикнула родительница. – Твой отец просто не хочет волноваться за нас. Он справится! Не смей даже сомневаться.

Я бы с радостью, да только паника, почти незаметная в начале и нарастающая по мере осознания происходящего, сводила на нет все мои усилия под грохот, теперь напоминающий бомбовые удары.

Сдвинув внешнюю обшивку, мама отстранилась, непререкаемым жестом приказывая мне залезать. Если у меня и были возражения, кому из нас идти первой, то они разбились о суровый карий взгляд и плотно сжатые губы. Слова застряли в горле, руки послушно

раздвинули внутренние листки капсулы, тело протиснулось сквозь эластичный материал.

Оказавшись в темноте, я включила подсветку наручного коммуникатора и обернулась.

— Мама? — позвала, когда вместо ожидаемого движения следом увидела неподвижные сомкнувшиеся створки. — Мама! — рванулась обратно, наталкиваясь на сопротивление пленки, закрывшей ставшую герметичной обшивку. Царапая упругую массу и падая на колени, всхлипнула: — Мама...

— Ты права, дочка, — донесся до меня ее голос из коммуникатора. — Я твоего отца не оставлю. Если все обойдется, то не о чем было и переживать. Если нет... Я разделю его судьбу. Да и смерти я не боюсь — мы долго прожили и много видели в своей жизни. А ты молодая, тебе надо жить.

— Нечестно! — выкрикнула я в отчаянии, в десятый раз пытаюсь достучаться до датчика разблокировки двери, который уперто отказывался срабатывать. — Неправильно! Выпусти меня! С ума сошли?! Я все равно погибну в этом герметичном «гробу». Лучше уж с вами...

— Глупая, — оборвал мои причитания не то вздох, не то хриплый смешок. И это был уже не мамин голос. Отца. — Не погибнешь. И вообще, лучше умереть поздно, чем рано... Лидея, — неожиданно позвал маму, — таймер на замок поставь, и ко мне.

— Не дрейфь, дочурка, — отозвался теперь уже ее голос. — Иду, Эдер.

Я без сил рухнула на покрытие. Ну вот. Теперь мне не выйти, пока не сработает счетчик. Даже в таких экстремальных условиях родители все просчитали, включая то, что я ни за что бы их не оставила и добровольно не пошла бы в капсулу одна.

Обман... Ради спасения. Разумом это можно было понять, чувствами — нет. Потому, борясь с жутким коктейлем надежды, злости, отчаяния и ожидания, я прислушивалась к себе. Звуки сюда не проникали, амортизаторы гасили удары, а коммуникатор выключился, более не сообщая о происходящем снаружи. Для анализа мне оставались лишь ощущения положения тела и веса. И пока они не менялись, можно было верить, что все закончится хорошо.

Глава 1

Смертельная ловушка

– Плотнее друг к другу. Не пропускать его. Держать окружение!

Приказы – резкие, жесткие, не оставляющие надежды тем, кто невольно стал объектом для атаки, – срывались с губ командора Лейса, гулким эхом отражались от экранов и стен рубки флагманского крейсера, уходили в эфир и послушно исполнялись капитанами флотилии. Они с той же фанатичностью, что и их главарь, жаждали лишь одного – уничтожить попавших в западню. Раздавить. Смять. Испепелить...

– Какой же у него запас прочности? – рыкнул стоящий рядом с командором офицер, не отрывая взгляда от диска – уворачивающегося от искрящих залпов, озаряющегося призрачным сиреневым светом при косых попаданиях и отчетливо содрогающегося при прямых.

– Какой бы ни был, – презрительно хмыкнул адъютант и предрек с предвкушением: – Навечно его не хватит. Спечется.

Судя по одобрению, которое читалось в глазах находящихся в рубке, полагал так не он один. Лишь сам командор щурился, приподняв верхнюю губу и обнажив белые зубы. Видимо, были у него какие-то сомнения. Подозрения. Предчувствия. И они оправдались.

Загнанный в ловушку диск неожиданно резво, набирая скорость, рванул в сторону одного из кораблей, стоящих на траверсе флагмана.

– «Зигар», обходной маневр. Третье звено, сомкнуться! Остальным прикрыть брешь! – мгновенно отреагировал Лейс, рассчитывая вынудить добычу снова оказаться на линии огня.

Однако у тех, кто управлял диском, планы были иными. А когда суть и смысл маневра стали ясны, предпринимать ответные действия было поздно – разогнавшийся корабль на полной скорости протаранил идущий на перехват крейсер. Огненный шквал рванул из изувеченного борта, куски обшивки полетели в стороны, двигатели полыхнули максимальным по силе всплеском – ходовая часть среагировала на удар активацией.

– Идиот, – процедил сквозь зубы командор. И осталось непонятным, то ли он имел в виду командира-неудачника,

допустившего столкновение, то ли бесстрашного пилота, решившего пойти на таран, то ли самого себя, не предотвратившего потерь.

Выяснять это никто не рискнул. Адъютант молча пожал плечами, пилоты уткнулись в мониторы, капитан флагмана пристально следил за медленно, но увеличивающим скорость кораблем. То есть, по сути, уродливой конструкцией из двух кораблей, спекшейся в единое целое, вращающейся, но при этом неотвратно стремящейся к наползающей на боковой обзорный экран планете.

– Щ-щ-щедар! – заорал Лейс. Резко подался вперед, впечатывая ладони в гладкую поверхность консоли. – Шестое и пятое звенья! На перехват! Стрелять! Уничтожить! На куски порвать! Не дать войти в атмосферу! Гр-р-р!..

Слова у него закончились, лицо побагровело, и командор, оттолкнувшись, упал в кресло, стоящее позади.

Причину его состояния понять было не сложно – под завязку начиненный боекомплект, с практически не израсходованным запасом топлива на маршевых двигателях, пусть и поврежденный, но покрытый прочной броней крейсер имеет все шансы не просто долететь до поверхности, не сгорев в атмосфере, но еще и взорваться, погребя в руинах не одно поселение. А за такое виновник, пусть и косвенный, может запросто головы лишиться. Если, конечно, его не пощадят.

Лейс ложных иллюзий не питал, потому, взяв себя в руки, вновь сосредоточился на командовании.

«Ускориться», «усилить огонь», «бить на разрушение» – приказы летели один за другим, а следом – заряды, которыми эскадра уничтожала собственного собрата, не думая о судьбе экипажа, который еще мог быть жив. Куски обшивки, носовая часть, сорванные орудия – фрагменты крейсера с той же поспешностью отрывались от становящейся все более бесформенной громады.

Однако и планета не оставалась в стороне от процесса. Массивная, огромная, она с жадностью тянула к себе все, что оказывалось в ее гравитационном поле. И этому уже не мог никто помешать. Белесая дымка атмосферы принимала падающие куски и разогревала, заставляя вспыхивать огненными метеорами. Коричневый грунт, покрытый серыми пятнами растительности, раскрывал для них

свои обьятия, взметывался вверх пылевыми тучами и опадал каменным дождем.

– Район Рагнаир. Местность почти незаселенная. Ущерб будет минимальным, – отчитался офицер, отмечавший точками места падений на виртуальной карте.

– Эвакуация? Зачистка? – коротко поинтересовался адъютант, услужливо раскрыв перед командором матрицу для связи с наземными службами.

– Не вижу смысла, – поморщился Лейс, отталкивая полупрозрачное переплетение голографических линий. – Спасать некого. Нарушитель уничтожен... А кто в Рагнаире наместник? – спохватился, оборачиваясь к адъютанту.

– Дьер Шайхот, – немедленно откликнулся тот. Шевельнул остроконечными ушами, скользнувшими по покрытым короткими светлыми волосами вискам, и предупредил: – Один из сыновей правящей тетрады. Лучше его все же поставить в известность.

– Г-р-рашш-ш-ш, – зашипел командор. Резким движением дернул отворот белого мундира, ослабляя ткань. Тяжело дыша, прищурился, опираясь на консоль. Наконец, все же подтянул к себе матрицу, а когда перед ним возникло изображение хмурого темноволосого мужчины, мрачно взглянувшего на абонента, выпрямился, закладывая руки за спину и выпячивая грудь.

– Мы у тебя намусорили, – сообщил без предисловий. – Но ситуация требовала решительных действий, дагон Дьер...

* * *

Тишина и темнота. Жуткое сочетание, когда итог неизвестен. Что творится там, за прочными стенками капсулы? Родители сумели вывести диск из окружения и сбежать? Или погибли, и он, разрушенный, летит мертвой глыбой в безжизненном космическом пространстве?

Невольно всхлипнув, я скользнула пальцем по коммуникатору. Цветной индикатор вспыхнул и погас, чтобы напрасно не расходовать энергию. Однако этого хватило, чтобы понять – сижу я запертой двадцать минут.

Всего двадцать! Но они кажутся мне вечностью. И ведь ничего не происходит... Стоп.

Сила тяжести изменилась – я словно стала меньше весить, возникло ощущение невесомости. Не так уж сильно выраженное, приглушенное защитными механизмами, но отчетливое.

Очередная волна паники родилась в груди, скрутила живот, мелкой дрожью ушла в мышцы. Сердце суматошно заколотилось, заставляя дышать чаще и цепляться холодными потными ладонями за складки упругой стабилизационной массы – набухшей, вязкой, в которую меня неожиданно сильно вжало... и отпустило.

М-м-м... Что произошло?

Строить гипотез не стала. Изводить себя можно до бесконечности, но будет ли от этого лучше? Потому я просто лежала, пока не поняла, что пространства в капсуле стало больше. Покрытие сдулось, освобождая доступ к консоли, и я поднялась, чтобы до нее добраться.

Сработал механизм не сразу, может, заклинило его, а может, время на таймере не вышло. Однако, наконец, струя свежего воздуха рванула в щель раскрывающейся обшивки, и я, растянув складки внутренней оболочки, высунула голову наружу.

Ой-ей...

Едва удержалась, чтобы не спрятаться обратно, потому что прямо перед моим носом раскачивалась гибкая коричневая ветка, покрытая мелкими серыми листьями, а на ней, глядя на меня огромными глазами, сидел... сидела... в общем, жуткое что-то сидело, темно-серое, тонколапое, пушистое, размером с ладонь.

Узрев меня, существо еще сильнее выпучило глаза, противно крикнуло, оттолкнулось, расправило необычные гофрированные крылья и рвануло в воздух. Подальше от потенциальной опасности в моем лице. Испугалось, видимо. А я так и не поняла, птица это была или насекомое. Впрочем, я же не биолог, мне простительно. Это моя мама могла с одного взгляда принадлежность любой тварюшки определить. Она-то в этом спец... Была...

Водная пелена размыла картинку. Я зажмурилась, чувствуя, как слезы покатались по щекам, но все же взяла себя в руки и, судорожно вдохнув, их размазала. Нельзя мне раскисать, не для того родители собой жертвовали, чтобы я, как клуша, сидела и ревела. Тем более не факт, что я в безопасности!

Последняя мысль оказалась действенной: забыв о слезах, я полезла наружу, костеря куст, который закрывал собой путь. Веток старалась не касаться – может, они и безопасные, но лучше не рисковать, – потому пробиралась осторожно. Сползла с покрытой копотью обшивки, еще горячей, но, к счастью, уже не обжигающей. Перелезла через изуродованный оплавленный кусок неведь чего. Спрыгнула на рыхлую коричневую почву, оказавшись в яме, оставленной ударом. Чертыхаясь, выбралась наверх по осыпающемуся склону и лишь тогда позволила себе осмотреться.

И снова ой...

Планета, на которую мне «повезло» приземлиться, глаз не радовала. Небо – белесо-голубое, туманное, без облаков. Местность холмистая, с парой-тройкой гор на горизонте, местами пустынная, местами заросшая серолистными кустиками и толстоствольными деревьями с широкими кронами. Совсем недалеко, за грядой валунов, поднимается вверх столб черного дыма – видимо, там горит что-то. А буквально в паре метров от меня еще один небольшой кратер, в котором наполовину зарылся в грунт кусок обшивки. В общем, не я одна сюда падала.

Я невольно обернулась. Капсула, ничуть не изменившая своей сферической формы, лежала в яме. Тот самый куст, через который я пробиралась, оказался уцелевшей частью кроны поваленного дерева – оно не так уж близко от места падения росло, корни цеплялись за самый край воронки. И такое растение тут было не одно, просто большинство остальных превратилось в щепки и древесный мусор. Удар был неслабым.

В растерянности я опустила на землю. Села, ничуть не заботясь о чистоте комбинезона, потому как тот и без того уже испачкан в саже. Непроизвольно зарылась пальцами в рыхлый грунт, напоминающий песок, набрала горсть и пересыпала из руки в руку.

Вот и что мне теперь делать? Да, я жива, но... Сколько я тут протяну без воды и пищи? Ладно хоть температура приемлемая, комфортная даже. Однако достаточно ли этого для выживания? Тем более помощь я вызвать не могу – для дальней связи мой коммуникатор не предназначен, а в пределах его действия банально некого звать. Мы одни летели, без страховки.

Но даже если найду способ себя обеспечить, что меня ждет? Какое будущее? Эта планета не необитаема, тут заправляют рарки, а от них ничего хорошего ждать не приходится, судя по тому... гм... приему, который они нам оказали. Ведь стрелять начали без предупреждения!

Перед глазами снова возникли подрагивающие звезды, какими они всегда становились, когда дискоид выныривал из временной ямы. Темные силуэты кораблей, которые оказались в той же точке пространства и времени, что и мы. И леденяще-синяя вспышка, озарившая нос ближайшего корабля и рванувшая к дискоиду – тот самый первый залп, который поразил меня до глубины души.

– За что?! – сорвалось тогда с моих губ возмущенное восклицание. – Мы же ничего им не сделали!

Искрящий разряд растекся по защитному экрану, который развернулся за долю секунды до удара.

– Видимо, сделали, раз они стрелять начали, – пробормотал папа, сосредотачиваясь на управлении. – И, скорее всего, счеты давние.

– А поговорить хотя бы для начала? Ситуацию прояснить? – растерялась я, не понимая, какие претензии могут быть у рарков к тем, кого они в глаза никогда не видели.

– Зачем, если выводы на наш счет у них однозначные? – буркнул отец и закрыл дискуссию: – Не отвлекай, дочка.

Выводы... И папа, и рарки что-то для себя решили относительно друг друга. А я? Я могу хоть какие-то предположения набросать? Могу. У меня ведь тоже есть информация.

Все, что я слышала о рарках, – характеризует их как очень неприятную расу. Неуживчивую, амбициозную и конфликтную до безумия. Так что, весьма вероятно, проявленный негатив лично к нам никакого отношения не имеет, и они просто уничтожают всех, кто оказывается на их территории. Оттого к ним в гости и в друзья никто и не рвется. Это мы... попали. То есть я попала.

И снова слезы размыли очертания окружающего мира. Да, хочется плакать. Нет, не так. Хочется волком завывать, лечь и исчезнуть, чтобы не думать, не помнить, не рвать душу...

Шмыгнула носом, стряхнула с ладоней пыль и вытерла тыльной стороной кисти глаза. Не время горевать. И не место. И вообще надо думать шире, а не хвататься за то, что лежит на поверхности!

Неуживчивые? Конфликтные? Два раза «ха»! Это не повод стрелять во всех без разбора! Наверняка есть еще что-то, иначе бы папа не сказал «давние счеты». И это «что-то» с высокой степенью вероятности может быть связано с тем необычным явлением, которое мы обнаружили.

И снова мысли мои ушли в прошлое, в деталях припоминая все, что в тот момент не казалось мне таким уж важным, а теперь...

– Я сделала, – торжествующе улыбаясь, протянула отцу накопитель и села в кресло напротив. Дожидаясь, когда он подключит флеш и развернет над столом экран, окинула взглядом кабинет – вроде привычный, однако в нем всегда можно было найти что-то новое.

Вот и сегодня на полочке, которую обычно занимала коробка с микросхемами, стояла широкая ваза с маленькими голубыми цветочками, обрамленными столь же крошечными веточками зелени. Ну а о том, кто именно мог вырастить для папы такую красоту, для открытого космоса, несомненно, экзотическую, можно было даже не спрашивать.

– Нравятся? Забери к себе, – заметив мое внимание, предложил отец. – Мама не обидится.

– Нет, что ты! – замахала я руками. – Они, конечно, изумительные, но ты же знаешь, что я больше люблю...

– Технику, – опережая меня, кивнул папа, разворачивая на экране карты, которые я составила по его просьбе. – Так, посмотрим.

Между нами сформировался виртуальный куб, заполненный яркими точками-звездами. Несколько минут я следила, как уверенно руки отца совмещают с ними сделанные мной плоскостные изображения и постепенно рождается единая картина.

– Любопытно... – рассматривая ее, сощурились серые глаза. Папа откинулся на спинку кресла, потирая рукой подбородок.

– Что? – заинтересовалась я, едва ли не носом утыкаясь в границы изображения, а в ответ получила веселый смех:

– Ты не вблизи смотри, издали лучше видно.

Издали так издали. Я послушно отодвинулась. Оценила размер временных деформаций, похожих на рельефные воронки, зависшие между звездами, ухватила за их подозрительную регулярность,

обнаружила явную тенденцию к угасанию и снижению временных промежутков...

– Ничего не напоминает? – подтолкнул меня папа.

– Круги на воде, – высказала я предположение. – Чем дальше, тем «яма» больше диаметром, но менее глубокая. Получаются прерывистые волны, которые расходятся по нарастающей от исходной точки. Действительно интересно, – поняла, наконец, реакцию родителя, – мы же думали, что такие деформации явление спонтанное и между ними связи нет, а выходит наоборот?

– Выходит, так. А точка... – рука отца потянулась к виртуальной панели, увеличила изображение и коснулась звезды, которая визуальнo попадала в центр, свободный от временных искажений. – Звезда Лидвот, – прочитал он пояснение, появившееся на боковой панели экрана.

– И чем же эта звезда такая особенная?

– Вроде как ничем. Обычная звезда спектрального класса G. Таких в галактике миллиарды, и временных провалов около них не наблюдается.

– Но ведь эта система обитаема, – встрепелась я, углядев рядом с названием звезды значок заселенности. – Кто нам мешает полететь к местным жителям и спросить напрямую? Мол, так и так, тут у вас вот такие непонятные штуки. Может, они сами их изучают.

– Там живут рарки, – вздохнул отец, – С ними трудно налаживать контакт. Задаешь, казалось бы, нейтральный вопрос, а они его воспринимают как претензию и прямое обвинение. В указаниях совета по контактам с внеземными расами рекомендовано к ним не соваться. Так что просто продолжим изучение. У нас еще один сектор остался незакрытым. Видишь, вот здесь. – Палец обвел область девственно чистого космического пространства, действительно смазывающего цельную картину. – Вдруг зависимость не совсем кольцевая, а, например, эллиптическая. Или параболическая. Есть же варианты. Тогда и рарки ни при чем окажутся.

– Ну да... – согласилась я, прикидывая, насколько должно быть сильным напряжение сингулярности, чтобы временной дефект существовал в пространстве так долго. В тот момент меня куда больше интересовала природа необычного явления, нежели те, кто невольно оказался в его эпицентре.

Невольно?

Нехорошее предчувствие, в общем-то ни на чем конкретном не основанное, заставило ахнуть и ужаснуться собственной несообразительности.

А вдруг эти временные ямы имеют искусственное происхождение? Вдруг рарки нашли способ исказить течение времени в локальных точках пространства! И все эти ямы – их рук дело! Тогда понятно, почему они нас обстреляли – не хотели, чтобы об их открытии узнал кто-то еще. И это они каким-то неведомым способом накачивали энергию, чтобы ямы не схлопнулись!

Хлоп!

Я вздрогнула, испуганно оглядываясь. Вот и реальность о себе напомнила, заставляя отвлечься от воспоминаний и предположений.

К счастью, ничем страшным звук не оказался – просто летучая тварюшка вернулась. С хлопком, как оказалось, у нее крылья складываются, а вместо веток поваленного дерева на этот раз в качестве посадочной площадки выбрала она прогалину между невысокими кустарничками. Покосилась на меня, изумленно выпучив глаза, и принялась склевывать маленькие черные ягодки.

Я же заметку сделала – возможно, они и для меня съедобные. Правда, проверять совсем не хочется, но, если выбора не останется, и на это решусь. Мне же есть совсем нечего, так какая разница от чего умирать: от отравления или голода?

А вот воду добыть можно. В стабикапсуле несколько блоков работают на водородном топливе, а его получают из воды фотолизом. Так что...

Так что я поднялась, осторожно сползла обратно в воронку, добралась до технологического люка, едва заметного на гладкой, пусть и покрытой копотью поверхности. В коммуникаторе отыскала электронный ключ – сама же прошивки к капсуле делала. Через несколько секунд уже закачивала обратно в бак драгоценную влагу, ушедшую из топливной системы. Отсоединила канистру, поболтала, прикидывая, на сколько же мне ее хватит.

Два литра. Значит, пару суток продержусь. Если буду экономить, то неделю. М-да, негусто... И все же это лучше, чем ничего.

Осталось хоть какую-то жизненную стратегию выработать. Решить, куда идти – ведь просто сидеть и ждать, когда меня найдут, точно не вариант. Не факт, что найдут до того, как я умру с голоду, – это раз. А если найдут и поймут, кто я такая, то или убьют, или заточат где-нибудь навечно – это два. Мне же жить хочется. И вернуться домой тоже.

Да, Лидвот от Солнечной системы в трех тысячах парсек, это невообразимо далеко, но ведь ракеты в космос летают! И двигатели у них, пусть менее мощные, уступают земным в скоростях, но мне этого хватит. Главное – найти такой корабль. И угнать! А уж как именно на нем лететь, разберусь. Я все же техник.

Аккуратно закупорила канистру и положила на рыхлый грунт. На всякий случай залезла снова внутрь капсулы. Пусть она и не предназначена для длительного пребывания, потому в ней нет неприкосновенного запаса, но, возможно, мама успела положить внутрь хоть что-то. Пару упаковок пищевого концентрата. Или оружие какое.

Я знала, что это маловероятно. Спешка. Отсутствие в лаборатории еды. Да и оружие хранилось в сейфе – мы же не на войну летели, у нас исследовательская миссия была. Но неистребимое «а вдруг!» не давало покоя.

Увы, сколько бы я ни перебирала мягкие складки, подсвечивая для верности фонариком коммуникатора, ничего не нашла. Зато поняла, что снова плохо вижу из-за новой порции слез – паника и отчаяние накатили с новой силой, словно не я пять минут назад убедила себя в бессмысленности душевных терзаний.

Я поспешила обратно. Меня не учили быть сильной, не готовили к выживанию в экстремальных условиях, но все же я не настолько глупа, чтобы не найти правильной стратегии самостоятельно.

Итак. Первое. Никто не должен предположить, что на планету проник нелегал. Значит, капсулу придется уничтожить – она внутри целехонькая, сразу наводит на подозрения.

Таймер на отсрочку, канистру в руки, лихорадочный подъем вверх по склону, десяток шагов в сторону для безопасности, пара минут ожидания...

Яростное шипение и искры, родившиеся в технологическом отсеке, быстро сменились гулом и белесым дымом, повалившим из

люка самой капсулы. А потом и огонь с треском вырвался наружу, напугав насторожившееся птиценасекомое, которое потрясенно крикнуло и вспорхнуло, тяжело отлетая подальше от беспокойного места кормежки.

Проследив за ее полетом, я снова вернулась взглядом к обгоревшим останкам, которые больше не выдавали моего присутствия. С этим всё.

Второе. Нужен запас потенциальной еды. Может, ягодки и ядовиты, но вдруг я даже такого пропитания больше нигде не найду? Ведь не просто так «птичка» настойчиво сюда рвется. Вон опять вернулась и устроилась на краю делянки. А потому...

Расстегнуть верх комбинезона, снять футболку, снова надеть курточку. Завязать узлом низ, соорудив мешок с рукавами-ручками, — удобно нести будет. В него ягод набрать: плотных, сладко-пахучих, чем-то напоминающих чернику.

Наверное, мне повезло, что я пока не голодна. Мы ведь из деформации выходить начали, едва я пообедать успела. Я прямо из столовой к отцу в рубку побежала, а спустя час, когда искажение окончательно сошло на нет, стало понятно, что мы в этой точке пространства-времени не одни.

Вдохнула, поднимаясь с колен, когда ягод набралось достаточно. Осмотрела белесое небо и открытое пространство, где по-прежнему не наблюдалось никакого движения. Тут я точно одна. А это значит, мои шансы на выживание сомнительны.

И потому третье. Самое проблемное. Карт местности у меня нет, но решить, куда идти, надо. Мне добраться до какого-нибудь поселения нужно, дальше уже действовать по обстоятельствам.

Долго я не раздумывала, побрела в сторону самого высокого холма. Если с него обзор будет недостаточный, придется к горе пробираться через заросли растений, которые там кажутся гуще, и на самый верх взбираться, в надежде оттуда хоть что-нибудь заметить.

— Пока, птичка, — пройдя пяток метров, все же обернулась, не удержалась, очень уж любопытно было.

Животное сидело на песке, нахохлившись, сердито сверкая глазами и жутковато перебирая в воздухе тонкими лапками. словно ткало невидимую паутину проклятий, в отместку расхитительнице личных угодий.

Чушь, конечно. Это нормально, что мозг, не имея готового решения, старается снять с себя груз неизвестности, радостно принимая невероятные объяснения. Но я все же ученый, прагматик, не верю в мистику, магию и прочие ненаучные штучки. Так что, помахав местному обитателю рукой, удобнее перехватила канистру, поправила «ручки» импровизированной сумки, которую надела на плечо, и сосредоточилась на маршруте.

Идти по плотной почве оказалось легко. Мои полуботиночки, предназначенные для перемещения по кораблю, пусть и не походные, но легкие, мягкие, с упругой нескользящей подошвой, ног от длительной ходьбы не натирали, и чувствовала я себя в них комфортно. Одежда тоже не доставляла проблем – она и от перегрева защищала, и от ветра, который становился все сильнее, по мере того как я медленно приближалась к пологому холму.

Почва под ногами постепенно превратилась в песок. Песок сменился мелким гравием, затем крупным каменным крошечкам, а на ровной как стол вершине мне пришлось прыгать по крупным валунам, между которыми было немало глубоких расщелин. С учетом порывистого ветра, надвигающихся сумерек и моей ноши, занятие казалось не самым безопасным. И все же я с настырным упорством сосредоточилась на цели – самом крупном валуне, возвышающемся над остальными и похожем на обелиск. А когда забралась и осмотрелась...

Н-да... Перспектива мне открылась не радостная. Насколько хватало глаз, в три стороны вдаль простиралась все та же холмистая местность, где не было никаких намеков на постройки. С четвертой стороны пейзаж становился разнообразнее – поднятия сближались и заканчивались внушительным горным хребтом, который я, из-за удаленности и неудачного ракурса места посадки, приняла за несколько небольших гор. В общем, идти туда бессмысленно. Обратно не выберусь.

Сползла с камня, выбрала подветренную сторону и разместились на отдых. Какой бы удобной ни была обувь, а я все равно устала. Ведь почти шесть часов шла без остановок – короткие, глотнуть воды, не в счет. Да и стемнело быстро.

Последнее выглядело странно, ведь местное солнце в белесоголубом туманном небе так и не появилось. Я не сразу разобралась,

что светится сама атмосферная дымка, и потому, когда постепенно она растаяла, наступила ночь, погрузившая окружающий мир в непроницаемый мрак. Даже появившиеся над головой звезды его не смягчали. Видимость оказалась нулевой, как и моя надежда увидеть огни поселений.

Сколько времени это продлится, я не знала, но продолжать путь с риском провалиться в расщелины было опасно. Оставалось ждать. Всматриваться в непривычный рисунок неведомых созвездий и гадать, виден ли тот кусочек космического пространства, где необозримо далеко находится Солнце. Эх, жаль, я не навигатор...

Впрочем, не о чем жалеть. Даже специалист, не имея звездных карт, вряд ли решил бы эту задачу, разве что предположение сделал, с высоким процентом ошибки. Не по силам человеку все запомнить, для того и существует техническая поддержка. А у меня ее нет. Коммуникатор не в счет, по сути, это всего лишь идентификатор, средство связи и органайзер с ограниченным объемом памяти.

Вспомнив о последнем, развернула маленький экран и настроила на экономный режим. Спать не хотелось, а занять себя хоть чем-то нужно. Вот и начала перебирать сохранившиеся записи: напоминания, комментарии, заметки...

«С днем рождения, подружка! Поздравления прими, отмечая двадцать три. Но не стоит забывать, что формально – тридцать пять!

Твоя Ви. 4 ноября 2147 года».

Электронная открытка заиграла радужными переливами, окатила меня приятным перезвоном и рассыпалась цветными искрами. Я ее сохранила, потому что она была последней, полученной от моей названной сестры.

Ви рано потеряла родителей, ей едва годик исполнился, и мы стали для нее приемной семьей. Мне тогда было четыре года, но я, как сейчас, помню зареванную синеглазую малышку, с которой потом играла, училась, ссорилась, мирилась, проказничала. У нас оказалось много общего, и самое главное – увлеченность техникой. Виола, хоть и младше меня, но сумела убедить моих родителей забрать нас из

высшей школы в ее почти тринадцать – мои едва шестнадцать, а не в положенные двадцать. Именно благодаря ей мы доучивались дистанционно и проходили учебную практику на корабле моего отца, помогая ему исследовать структуру подпространственных туннелей. И из-за нее попали в первую временную деформацию, которая выбросила нас в другой точке пространства через... два года, в то время как для нас прошел всего месяц! А потом были и другие «ямы», «съевшие» в общей сложности около двенадцати лет, которых мы не заметили. Вот и получается, что и у меня, и у Ви, и у моих родителей официальный возраст не совпадает с биологическим.

Наверное, мы бы и дальше путешествовали вместе, но отец категорически отказался брать ее в очередной полет. Виола осталась на Земле, а мы... Мы еще четыре года провели в космосе. То есть год. Остальные три незаметно исчезли из нашей жизни, принесенные в жертву науке – нашим попыткам на собственной шкуре проверить места расположения временных ям.

«17 марта 2128 года – появились искажения привычных показателей, измеряемых в ходе полета: нестандартно меняется блеск переменных, наблюдается ускорение смещения навигационных светил, нехарактерное для наших скоростей.

19 апреля 2128 года – явления, наблюдаемые в течение месяца, исчезли. Показатели пришли в норму.

20 апреля 2128 года – установлен канал связи с Землей для передачи информации. После автоматической синхронизации с земным временем, выяснилось: сегодня 28 мая 2130 года».

Вот она – первая временная яма. Мы из нее благополучно выбрались, сами того не подозревая.

В Институте Космоса, который принял наше сообщение, едва с ума не сошли. Потребовали всех мыслимых и немыслимых отчетов, данных, координат... Едва не заставили нас вернуться на Землю, но папа все же настоял на продолжении полета, пообещав провести полноценное исследование.

В общем, на родную планету я попала, став уже совсем взрослой. И поняла, что с Землей меня мало что связывает. Дом, в котором я проводила совсем мало времени, потому что во время учебы жила в школьном пансионе, казался чужим. Друзья теперь не были моими ровесниками и давно устроили свою жизнь – мне в ней не было места. Новых серьезных знакомств завести как-то не получилось, хотя я и попыталась.

«31 декабря 2147 года.

Медея, надеюсь на встречу на новогоднем маскараде.

Пират Флинт (с попугаем)».

Я грустно улыбнулась, скользнув пальцем по появившейся голографии улыбчивого парня в смешной шляпе-треуголке, с виртуальной птицей на плече и в идеально пошитом новеньком наряде, который вряд ли могли носить флибустьеры прошлого.

Мое первое приглашение на свидание... Разве я могла его удалить? Ну и пусть закончилось все ничем – кавалера, которого на самом деле звали вовсе и не Флинт, а Георгий, хватило лишь на две недели ухаживаний, даже до поцелуев дело не дошло. Но все равно приятные воспоминания остались.

А вот последующие «любовные послания» я не сохраняла: не нашлось никого, кто заставил бы меня потерять голову. Мне достаточно было пары-тройки встреч, чтобы понять – ничего общего у нас нет. Мама сокрушалась из-за моей привередливости, а папа добродушно усмехался и говорил, что некуда торопиться, все еще впереди...

Почувствовав накатившее раздражение, я погасила экран.

Нет никакого «впереди». Шансы, что экстремальный квест на выживание закончится на Земле, стремятся к нулю. Значит, не будет у меня прогулок под луной, томных вздохов, страстных поцелуев и счастливой семейной жизни.

Поежилась, потому что ставший прохладным ночной ветер начал менять направление и задуть сбоку. Подвинулась, чтобы снова казаться под защитой валуна, привалилась к нему и закрыла глаза.

Наверное, даже задремала, потому что, когда открыла, от ставшего уже привычным резкого хлопка, вокруг было светло. Не солнечно, не ярко, примерно как туманным утром до восхода Солнца.

– Привет, птичка, – поприветствовала усевшееся на соседний камень настырное создание.

В ответ получила приоткрывшийся рот, судорожный взмах передних лапок и пристальный взгляд огромных черно-зеркальных глаз, в отражении которых я даже себя видела.

Со стоном потянулась, только теперь сообразив, что ночь на жесткой поверхности для моего организма даром не прошла. Поднялась, подхватила «мешок» и канистру. Посмотрела на нахохлившуюся птицу-насекомое и вытащила несколько ягод.

– Ешь, – вздохнула, оставляя угощение на плоской поверхности камня.

Еще раз осмотрелась, проверяя, не появилось ли чего нового, и начала спускаться. Направление я выбрала единственно возможное – в обход горного массива. Идти по холмистому плато бессмысленно, заблудиться и потеряться там легче легкого. А горы – хоть какой-то точный ориентир.

Вот только толку от этого «ориентира»... Я упрямо шла, делая лишь небольшие остановки и стойко не обращая внимания на голодное недовольное бурчание желудка, а вздымающиеся вверх пики, уходящие в туманное небо по левую руку от меня, так и не сменились на что-то новое. Как и холмистая местность справа. Растительность на ней то совсем исчезала, то становилась гуще. Иногда мне приходилось продираться через плотные заросли какого-то кустарника, обходить густые сплетения ветвей низкорослых деревьев. А вот тех самых ягод, что набрала в запас, я больше так и не встретила.

Еще одну ночь я провела, свернув к горам и забравшись повыше. Оставаться в низине не хотелось, да и с надеждой увидеть хоть что-то с высоты я не расставалась, пусть даже каждый раз, осматриваясь, видела лишь темнеющую даль. А утром... Утром поняла, что идти дальше не в состоянии. Ноги казались огромными и тяжелыми, мышцы слабыми, во рту пересохло, веки я едва смогла поднять. Воды в канистре осталось пару глотков, но даже после них хотелось лишь лечь обратно на камни и умереть.

И я решилась. Забралась рукой в «мешок», достала горсть ягод и отправила в рот. Нет смысла оттягивать неизбежное, если оно все равно меня ждет. Как и нет смысла доводить себя до полного истощения в случае съедобности инопланетного продукта.

Ягоды оказались на вкус приятными. Сладкими, с легкой, едва ощутимой кислинкой. Внутри не сочными, а, скорее, желеобразными, с похрустывающими на зубах семенами. В общем, вкусными. Что, впрочем, ядовитости вовсе не исключало. Как и привлекательности для моей спутницы, которая, снова громко хлопнув крыльями, приземлилась напротив и уверенной вальяжной походкой направилась ко мне.

– Кажется, теперь ты от меня не отстанешь, – невесело засмеялась я, поднялась и снова опустилась на камни, почувствовав нарастающее головокружение.

Рот наполнился слюной, к горлу подкатила тошнота. Рвоты не было, но сознание подернулось той самой дымкой, что заполняла атмосферу. Я, словно в дурмане, видела, как моя рука, по-прежнему сжимающая ягоды, упала на землю. Пальцы раскрылись, черные горошинки покатались, на радость «птичке», тут же устремившейся к желанной добыче.

Я, едва дыша, наблюдала, как она их неторопливо заглатывает, смакуя каждую и поглядывая на меня с таким выражением, будто точно знает, насколько я беспомощна. И в этот момент короткие покрхтывания, с которыми существо глотало, точно сопровождались бурчанием:

Жадина... Оставила бы ягоды и шла себе дальше... Так нет же, спрятала... Разлеглась... Так, я все съела?

Она огляделась, присела, заглядывая под камень и убеждаясь, что туда ничего не закатилось. Шумно вздохнула и вспорхнула. А я задохнулась, потому что в этот момент какая-то неведомая сила оторвала меня от земли и дернула следом за летящим существом. То есть одновременно с ним. Или же вообще в нем?! Я словно чужими глазами увидела стремительно удаляющиеся камни, себя, лежащую на них, и горы, ставшие стеной на пути.

Разворот. Крен, видимо вызванный потоком воздуха. Холмистая даль, затянутая белесой дымкой. Плавное скольжение над возвышенностями. Тщательное изучение того, что стремительно

проносится подо мной, – песка, травы, зарослей. И новая порция ворчания:

Пусто, пусто... Вчера точно здесь было... Кто сожрал? Я ж здесь одна на всю территорию... Может, опять ушастые воры нагрянули? Ходют тут, ходют, мало им своих угодий.

Набор высоты, и горизонт еще сильнее отодвинулся. Открылись новые просторы: мутно-коричневая даль за границей последнего холма, обрыв, а внизу под ним, в обрамлении серой растительности... дома.

Поселение! Невысокие постройки, то ли покрашенные в белый цвет, то ли построенные из белого материала. По форме они напоминали кубики с угловатыми крышами, собранными из стволов выбеленных деревьев. Впрочем, мне, сверху, эти бревна казались соломой, а сами домики – коробками, между которыми петляла желтая дорога, а по ней шли люди. Нет. Рарки. Насколько они похожи на людей, я осознала, лишь когда моя «носительница» опустилась на одну из крыш и деловито осмотрелась.

Рядом с домом обнаружилась небольшая площадка, вымощенная камнем. На ней, вернее, на расстеленной серой ткани неторопливо раскладывала черные ягоды молодая темноволосая девушка с кудрявыми волосами, собранными в низкий хвост. Лица я не видела, но фигура была совершенно человеческая, одетая в темно-коричневую длинную юбку и белую блузку с короткими рукавами.

Кажется, девушка даже напевала что-то, но я слов не разбирала из-за новой порции ворчания:

Так и знала. Ворье на ворье... Настоящее бедствие... Можно подумать, им жрать нечего... А если и нечего, я тут при чем? Что я есть-то буду?

– Кыш! Кыш отсюда! Уходи! – спохватилась девушка, заметив гостью. Взмахнула рукой, прогоняя, а потом, видимо посчитав это недостаточным, сдернула со стены еще один кусок ткани и замахала им, чтобы устрашающий маневр выглядел внушительнее.

Толчок, и снова полет. На этот раз прочь от поселения, вдоль обрыва, вверх, снова вниз.

Нахалка. Эгоистка... Та, приишая, лучше. Завтра снова ее найду, пусть кормит...

Слушая ее, я удивлялась. Полету, в который меня отправили местные ягодки. Складности мыслей на первый взгляд неразумного существа. Внятности слов и отсутствию языкового барьера. Наконец, тому, что лицо девушки, радеющей за сохранность своего труда, выглядело совершенно обычным. Человеческим. В нем не было ни намека на что-то чужеродное.

Может, все это нереально и у меня банальные галлюцинации? Бред голодающего, помноженный на наркотическое действие плодов инопланетных растений?

Сделать с этим я ничего не могла и оставалась пассивным наблюдателем до тех пор, пока... Пока картинка вдруг не стала дергаться, неожиданно меняясь, словно лишившаяся целостности голопленка.

Поляна – гора. Кустики – камни. Серый лист – туманное белесое небо, ставшее совсем светлым.

Последнее задержалось перед глазами надолго. Настолько, что я поморгала, пытаюсь его прогнать, и от неожиданности ощущения своего тела, о котором совершенно забыла, дернулась и села.

Голова больше не кружилась, не тошнило, чувство голода притупилось. Не исчезло, но стало менее явным. Да и я себя ощущала уже не такой уставшей. Возможно, питательных веществ в ягодах оказалось достаточно, а, возможно, сил мне придало понимание – цель, к которой я стремилась, не так уж далеко. Просто находится ниже уровня видимости.

Тянуть я не стала. Поднялась, бросив пустую канистру в расщелину между камнями. Забросила на плечи импровизированный мешок, в котором еще оставалось немного ягод. Припомнила картинку, которая привиделась моему внутреннему зору. И направилась перпендикулярно своему прежнему маршруту. Эх, надеюсь, я не заплутаю и поселение на самом деле существует...

Сомнения у меня оставались, очень уж мистическим был эффект моего завтрака. Но я все равно предпочла ему довериться, ведь нет у меня альтернативы. К тому же я прекрасно помнила папины слова: «Не проверишь – не узнаешь...»

Проверять пришлось долго – к обрыву я вышла, уже когда начало темнеть. Зато какое облегчение почувствовала, увидев огни! Вернее,

светящуюся дымку, которая словно сползлась к домам и окутала их почти дневным светом.

Удивительное явление. Не менее интригующее, чем ягоды, связывающие сознания тех, кто совместно их дегустировал. Интересно, сколько еще сюрпризов преподнесет... Хм. Я ведь даже не знаю, как планета называется.

Зато теперь появился шанс это выяснить. Только для начала нужно вниз спуститься, не привлекая к себе внимания.

К счастью, сумерки еще не лишили меня возможности осмотреться в поисках тропинки, по которой рарки поднимались на плато, – не зря же «птичка» возмущалась. Да и ягоды они только здесь могли собрать. Наверное, поэтому дорога сыскалась быстро: метрах в двухстах левее места, где я подползла к обрыву, откос был не таким крутым. И на нем отчетливо просматривалась светлая полоса, похожая на серпантин.

При всем моем желании побыстрее оказаться внизу, я все же не торопилась, дождалась, когда темнота начнет поглощать окружающий мир. Лишь после этого начался утомительный спуск.

Шаг. Второй. Держать равновесие. Следить за тем, чтобы подошвы плотно вставали на плотный песок, норовящий сползти под действием силы тяжести. Дышать равномерно. Внимательно смотреть под ноги. Не пропустить поворот. Присесть, передохнуть. Новый виток...

Я потеряла счет времени, забыла о мыслях, ощущениях, обо всем, что могло отвлечь и лишить меня жизни, когда цель так близка! Ступив на траву, растущую внизу, вздохнула с облегчением, едва ли не бегом бросаясь к светлому пятну, окружающему постройку.

Добралась!

Радостная эйфория все же не до такой степени завладела мной, чтобы напрочь лишить осторожности. Бежала я отнюдь не на открытое пространство, где меня могли заметить, а в обход крайнего дома, чтобы спрятаться в его тени и растущих рядом кустах. Я ведь понимала – нельзя свое присутствие афишировать. По крайней мере, до тех пор, пока не станет ясно, как действовать дальше.

Маскируясь среди веточек, дождалась, когда стихнет неразборчивый гомон, доносившийся до меня гулом и выкриками. Подобралась ближе к дому и, прильнув к горизонтальной щели,

выполняющей функции окна, с любопытством принялась рассматривать внутреннее убранство дома.

Внутри, как и снаружи, все было лаконично, просто и без излишеств. Светлые бледно-зеленые стены со штрихами более темных тонов. Полки с какой-то утварью – не то посуда, не то инструменты. Лестница, ведущая на второй этаж, – с глубокими ступенями, но узкая сама по себе. Покрытый желтой скатертью стол, за которым вполоборота ко мне сидит пожилой мужчина и, набирая ложкой из тарелки, задумчиво вкушает нечто густое, оранжевое...

Провокационного зрелища мой желудок не вынес. Жалобно застонал, забурчал, напоминая о насущных потребностях. Однако я его порыв не одобрила. Да, я почти уверена, что пища будет для меня съедобна, но вот как ее незаметно добыть?

Сглотнув слюну, продолжила смотреть, подмечая детали.

Мужчина русоволосый, с сединой на коротко стриженных висках, однако сзади сплетена тонкая косичка. Рубашка на нем простого кроя, объемная, с широкими рукавами. Штаны не менее бесформенные, темные. Лицо морщинистое, уставшее, осунувшееся, глаза полуприкрыты веками. Он даже жует, едва-едва двигая челюстями, то и дело опуская и вздергивая голову. Засыпает, видимо.

В один прекрасный момент его голова настолько сильно склонилась, что он завалился вбок и уронил ложку, испачкав скатерть. Мне не слышно, но несомненно выругался, тяжело поднялся, посмотрел на стол, вяло махнул рукой и направился к лестнице. Я же, приоткрыв от удивления рот, следила вовсе не за грузной походкой и не за тем, как пригибаются под его весом ступени, мои глаза не могли оторваться от... ушей. Они у него были заостренные!

Так вот, почему местное птиценасекомое назвало их «ушастыми»! У девушки я из-за объемных, кудрявых волос этого не заметила.

Наконец ступни, обутые в массивную обувь, исчезли из видимости. Свет погас и, кажется, даже вокруг меня стало темнее – дымка тускнела на глазах.

Почувствовав неприятный холодок, пробежавший по спине, я обернулась, всматриваясь в ночной мрак. Ничего не заметила, но воображение услужливо нарисовало инопланетных чудищ, готовых накинуться и сожрать неосторожную землянку.

Отступила, скользнула по стене рукой и заглянула за угол. Никого не обнаружив, продолжила идти вдоль дома, неосознанно прижимаясь к нему. Наверное, именно поэтому нащупала внешне ничем не привлекающую внимание, но приоткрывшуюся даже от легкого нажима дверь.

Приглашением я пренебрегать не стала. Раз дом не запирается, почему бы этим не воспользоваться? Тем более я похищать ничего не буду. Только ложку каши съем. Две. Четыре. Ладно, всю съем. Надеюсь, хозяин утром не вспомнит, что он не проявил такого завидного аппетита. Как и не обратит внимания, что воды в кувшине, стоявшем на столе у окна, тоже стало меньше.

Насытившись, я себя совсем иначе ощущать начала. Увереннее, спокойнее, оптимистичнее. Хотя и понимала – решение временное. Это сегодня мне повезло, а дальше? Где гарантия, что снова получится добыть еду? В общем, надо что-то придумать.

Надо. Вот только мозг, ошалевший от ударной дозы питательных веществ, мыслить в правильном направлении отказывался напрочь. Чувство сытости расслабляло. Не стой я сейчас на ногах, точно бы задремала, как хозяин дома. Хотелось сесть, а еще лучше лечь. Желательно на что-то мягкое. И уснуть, само собой.

Наверное, это мое счастье, что в комнате ничего похожего не наблюдалось, – подсветки в коммуникаторе хватало, чтобы в этом убедиться. Посмотрев вверх, где скрылся рарк, я решила не рисковать и поискать убежище вне дома.

Вышла на улицу и вновь оказалась под прицелом хищных глаз, следящих за мной из подступающей вплотную к домам темноты. Мнимых наверняка, но от этого не менее страшных. Да еще и звуки какие-то непривычные начали раздаваться: чавкающие, шумные, вздыхающие... Именно поэтому на полноценную разведку у меня духу не хватило. Я лишь обошла дом по периметру, выяснила, что рядом с ним имеется пристройка – трехуровневый навес, с приставленной к нему лестницей, и забралась как можно выше. Потопталась по сухой траве, накиданной толстым, неровным слоем на дощатом полу, убедилась, что я здесь одна, пробралась к самому большому вороху, упала в мягкие объятия умопомрачительно пахнущего сена и...

Уснула моментально, потому что, когда открыла глаза, было уже совсем светло. А еще уютно, приятно и расслабляюще спокойно. Надо

мной в легком светящемся тумане мельтешили пылинки. Свежий воздух оведал, свободно проникая сквозь опоры конструкции, лишенной одной стены. Тихие звуки, похожие на курлыкание и мурчание одновременно, доносились откуда-то снизу.

Гряк!

Где-то за моей головой раздался резкий хлопок. Громкий, знакомый, но от этого не менее неожиданный. Такой, что я мгновенно подпрыгнула, разворачиваясь, и лишь затем сообразила, кто его издал.

– Фу ты... – запнулась, не решаясь оскорбить несомненно умеющую мыслить тварюшку. – Напугала меня!

Сидящая на толстом бревне «птичка» перебирала в воздухе волосатыми тонкими лапками и привычно широко раскрыла глаза. Заворчала, спрыгнула на сено рядом с моим мешком-футболкой и нагло сунула морду внутрь.

– Э, нет! Так не пойдет! – возмутилась я, подтаскивая мешок к себе.

Увидев, как в мягком клюве исчезает черная горошинка, поняла – хитрая бестия все же изловчилась добраться до вожаемого лакомства. Потому и я, недолго думая, вытащила ягоду и отправила в рот. Раз уж все так складывается, попробую повторить эксперимент.

Приготовилась было к новой порции тошноты, к перемещению сознания в тело странного животного... Не тут-то было. Ничего подобного не произошло. Чувствовала я себя прекрасно, а «птичка» как сидела напротив меня, так и продолжила сидеть, возмущенно сверкая глазами. И ворчать:

– Что, успела от них заразиться жадностью? Несчастливая ночь прошла, а тебя не узнать. Что дальше будет? Орать на меня начнешь? Гнать куда подальше? Воровать мою мудриссу... А что с тобой говорить-то? Уже ведь своровала. Пошел процесс.

Она вздохнула и отвернулась. Я же изумленно молчала. Как-то не привыкла я к тому, что животные разговаривают. Да еще и такие обвинения предъявляют.

– Гм... – наконец взяла себя в руки. – Простите, я не знаю вашего имени...

– Вага, – с готовностью обернулась «птичка». Чернильно-зеркальная поверхность глаз сверкнула заинтересованностью. – Прогонять не будешь?

– Не буду, – подтвердила я, смиряясь с ненормальностью местного мира. – Мне бы только кое в чем разобраться.

– В чем именно? – Вага смешно перебрала нижней парой конечностей, подбираясь ко мне ближе.

– Почему я вас понимаю? И речь слышу.

– Ты дура? – бесцеремонно поинтересовалась собеседница и сама себе ответила: – Нет, бывает, конечно, но не до такой же степени... Может, просто головой ударилась, когда падала?

– Да, ударилась. И все забыла. Даже, кто я и где живу, не помню, – с готовностью подтвердила я ее версию, дополнив подробностями.

– Кто ж тебя так бросил-то? – вздохнула Вага сочувственно. – Бедный детеныш... Ведь детеныш, да?

В голосе появились такие явные требовательные интонации, словно, окажись я взрослой особью, помогать мне «птичка» бы не стала. Оттого я интенсивно и закивала, вновь соглашаясь с ее предположением.

– Вот я сразу так подумала, – похвалила себя Вага. – Тогда... – она шагнула еще ближе, покосилась на мешок, который я держала в руках, и приказала: – Мудриссу дай.

– Зачем? – насторожилась я, крепче сжимая горловину.

– Ты узнать забытое хочешь или нет? – возмутилось птиценасекомое. – Семечки сейчас переварятся, и все. Кувульдыр нашему общению. Так что давай, поторапливайся, корми меня. И сама ешь.

Семечки? Хм... Любопытно. То есть не в мякоти ягод дело, а в зародышах растений? Они – своеобразные передатчики? Как-то между собой связаны, и потому все те, кто их проглотил, оказываются на одной волне сознания в радиусе и зоне взаимодействия семян? А когда зародыши погибают, связь рвется? Ну дела...

– Так-то лучше, – похвалила меня Вага, смакуя очередную ягоду. Приподнялась, чуть распустив крылья, заглянула мне в рот и посоветовала: – Ты их не жуй, дольше проживут. И ума прибавят, раз уж у тебя его немного. Я вот всю жизнь ими питаюсь, и, видишь, какая умная. Не чета всякому ушастому ворью. Сколько мудриссы у меня перетаскали, давно уже поумнеть должны были, а они все равно глупые. Спросишь почему? А я тебе скажу. Потому, что не едят они мудриссу. И своих питомцев не кормят. И даже не проращивают.

Сушат и в баночки прячут. Думаю я, эти изверги извести хотят бедные растения, чтобы я снова глупой бессловесной тварью стала... Ну что там? Все? Закончились? – сменила тему, поняв, что ягоды из мешка больше не появляются.

– Все, – солгала я, предчувствуя подвох.

– Ну тогда прощай, – деловито расправила крылья Вага. – А то я твоими подачками только аппетит раздразнила.

– Эй! – опешила я и даже остановить ее попыталась, да только поздно. Выпорхнула «птичка» из сарая быстрее, чем моя рука дотянулась до пушистого тельца.

И ведь вот что удивительно: хоть и была Вага уже далеко, а я все равно какое-то время еще слышала постепенно становящийся все тише, но несомненно тот же самый хитрый голос:

Эх ты, горе безмозглое... Надо же, не вспомнила ничего. Даже мудрисса не помогла. Так и быть, дам совет, а то ведь реально пропадешь. Никому не доверяй. А то используют тебя и пустят в расход. Повторно, судя по тому, что с тобой уже произошло. М-да, вот есть же существа, которых собственные ошибки ничему не учат...

С последним она точно ошиблась. Я с улыбкой заглянула в импровизированный мешок, убеждаясь, что пара горстей ягод все еще в моем распоряжении.

Уж не знаю, что местные обитатели с ними делают, то есть каково реальное назначение ягод. Скорее всего, способность понимать речь и даже слышать мысли после дегустации – лишь побочный эффект. Но для меня он самый важный! Лишь бы я права оказалась, ну и возможность нашла незаметно скормить ягодки какому-нибудь рарку. Хотя бы тому самому, чью кашу я вчера съела.

Была, конечно, надежда, что местные жители общаются не на своем языке, а на галактическом вайли, которому учил меня папа. Поняла же я речь девушки! Тогда и в эксперименте необходимость бы отпала. Но...

Но, как всегда, сработал закон подлости. Когда я осознала, что внизу подо мной шум и возня стали отчетливей, разгребла сухую траву и заглянула в щель. А там седовласый мужчина, ругаясь на совершенно невообразимом горловом «песнопении», которое я приняла за бурчание, перебрасывал сено в маленькие загончики. Мало

того, не прошло и получаса, как в сарай заглянул еще один мужчина, однозначно моложе, но при этом имеющий чрезвычайно громкий голос. Вот тогда я окончательно убедилась – без допинга извне такую абракадабру я не осилю. И вообще! Я же не лингвист, чтобы с нуля быстро разобраться в совершенно незнакомом языке и научиться говорить.

А значит, мудрисса мне в помощь! Жаль только, инструкции к ней не прилагается. Не вышло бы, что я забиваю микроскопом гвозди, как любила говорить мама. Однако ведь даже так лучше, чем делать это голыми руками!

Вот потому я без зазрения совести снова вломила в дом старичка, едва тот, бросив работу, ушел следом за женщиной. Мое счастье, что двери они не запирают! Я осмотрелась, отыскивая хоть что-нибудь, куда можно было бы спрятать пару-тройку ягод, да еще и так, чтобы они с гарантией оказались съеденными. На всякий случай, хоть и рискуя, но сделала аж две «закладки»: в толстые мягкие ломти выпечки, лежащей под полотенцем на столе, и в какое-то варево, еще теплое, стоявшее на полке. Последнее не удержалась и продегустировала – желудок, едва нос унюхал умопомрачительные запахи, моментально возмутился и наверняка выдал бы меня с потрохами, если бы я его не задобрила.

Ждать, пока вернется хозяин, пришлось долго. Я за это время успела еще раз кухню-столовую осмотреть и наверх заглянуть, обнаружив там спальню и стол, заваленный бумагами. Задерживаться не стала, опасаясь поимки. Зато изучила нижний ярус сарая, где, оказывается, в загонах сидели животные, похожие на Вагу. Такие же глазастые, пушистые и многолапые. Правда, на этом сходство заканчивалось. Размер их был несравнимо больше, головы меньше, а тела гибкие, словно перекормленные змеи. И это они шумно и протяжно вздыхали, потягиваясь, почесываясь о стенки вольеров и старательно поедая сено.

И снова осторожничая, прячась в серых кустах и радуясь, что мой комбинезон так удачно совпадает с ними по цвету, я пробежалась по окраине поселения. Сверху, глазами Ваги, оно не виделось мне таким уж большим. Сейчас же казалось громадным, когда я реально оценивала размеры и количество домов вместе с пристройками. Никого из местных на пути не встретила, однако недоумевать по этому

поводу мне долго не пришлось. За очередным домом моим глазам открылась настоящая толпа, собравшаяся на площади, где стоял невообразимый шум. Наверное, сегодня здесь происходило что-то важное.

Точно зная, что все равно ничего толком не выясню, раз речь не понимаю, подходить ближе не стала. Вернулась обратно к дому старика и спряталась в зарослях у той самой смотровой щели-окна, в которую заглядывала вчера. Она же с задней стороны дома, тут нет ни дороги, ни протоптанной тропинки. Значит, высоки шансы остаться незамеченной.

Глава 2

Безумные поступки

На площади действительно собрались все жители поселка. Взрослые и дети, женщины и мужчины... Все они, кто с волнением, кто-то с восхищением, кто со спокойным интересом, а кто-то и с подозрением, следили за происходящим в центре. А там...

Там недвижно стояла бронированная повозка. Вместительная, мощная, редкое зрелище в таких отдаленных от центра цивилизации местах. Рядом с ней замерли вооруженные охранники в шлемах, цепкими взглядами сканирующие местных жителей сквозь голографические забрала. Двое рарков-инспекторов сидели на сиденьях машины, тихо переговариваясь между собой. Еще один, суровый, темноволосый, одетый в строгий дорожный костюм, уперев руки в бока и отставив одну ногу, предъявлял претензии старосте, ссутулившемуся и склонившемуся в подобострастном поклоне.

– Тебе, Гуз Ръяр, надлежало сразу сообщить в департамент о недоимке. Тогда и моего присутствия здесь можно было бы избежать.

– Никакой недоимки не было, даг Легор, – возразил староста, распрямляясь. – Сбор мриссы идет как обычно...

– Почему же тогда последняя партия совсем маленькая?

– Так не сезон же.

– В прошлом году, – проверяющий деловито заглянул в записную книжку, сверив данные, – в это же время мы получили три коробки мриссы. В этом всего одну. У тебя есть этому объяснение?

– Думаю, крим-вага, живущая на этой территории, состарилась. Она ведь, сколько я себя помню, живет здесь, преемницу так и не вырастила. А без ее помета семена не прорастают.

– Значит, в помете проблема? – поморщился Легор. – А у нас имеется другая информация. – Он обернулся, чтобы посмотреть на своих коллег, и те дружно кивнули. – Ты, походу, утаивать мриссу начал. Признавайся, для себя оставляешь? Или кому на сторону продаешь?

– Да я ж никогда вас не обманывал! – аж взвился староста, оборачиваясь к соплеменникам, которые затаив дыхание

прислушивались к разговору. – И документы у меня есть! Кто, когда и сколько собрал. Все учтено до последней ягодки! Все подтвердят!

– Все когда-то бывает впервые, – философски заметил проверяющий, отмахнувшись от него. – Кабы не приказ дагона, я б с тобой даже разговаривать не стал... Где документы?

– Так в доме моем. – Гуз Рьяр махнул рукой в неопределенном направлении.

Впрочем, что жилище старосты находится на краю поселения, Легор прекрасно знал. Оттого и скривился. Идти так далеко ему не хотелось. Атмосферная дымка разогревалась, становилось жарче, а плотный костюм не давал уходить теплу от тела. Снимать же его и выставлять на обозрение простолюдинов легкую рубашку проверяющий считал ниже своего достоинства.

– Тащи сюда, – процедил, словно одолжение сделал, и отвернулся, чтобы забраться на сиденье в уютную прохладу воздушного потока, нагнетаемого бесшумно работающим двигателем броневика.

Гуз Рьяр судорожно прошелся пальцами по волосам, продираясь сквозь спутавшиеся пряди, кивнул своему помощнику, показывая, что тому следует пойти с ним, и поспешно зашагал по дороге.

– Что происходит, Щер? – коротко поинтересовался, едва площадь скрылась за поворотом.

– Я ж тебе говорил – опасно это! Заметят! А ты меня не слушал.

– Да ничего бы они не заметили, – разозлился Гуз. Некоторое время молча шагал, поднимая ногами пыль и обдумывая. Наконец констатировал: – Их явно навел кто-то. Донес.

– Да нет, нет, – затряс головой помощник, засовывая руки в карманы широких брюк. – Не может быть.

– Не нет, а да, – припечатал староста. – Такого бардака, как у них в департаменте, больше нигде не сыщешь. Сомневаюсь, что они вообще отслеживают сборы. Ты не заметил разве? Легор не передаточную ведомость смотрел, а простую запись. Письмо. Анонимку... Заходи. – Он распахнул дверь дома и продолжил: – К тому же в прошлом году я сдал не три коробки, а две с половиной.

– Как? Я же видел три... – вырвалось у Щера, перешагнувшего порог.

Он, разумеется, себя оборвал, сообразив, что почти проговорился, да только было поздно. Гуз к нему развернулся, изумленно вскинув

брови.

– Ты?! Это ты меня подставил! Да я ж тебя в преемники готовил!

– Готовил! – захохотал Щьер. Характер не позволял оправдываться, и потому он пошел в наступление: – Готовил? Да ты меня использовал как мальчишку на побегушках. Подай, принеси, проследи... Сколько я терпеть должен? Ты ж еще оборотов сто проживешь! А мне сейчас власть нужна! Сейчас! На законных основаниях!

– Власть ему! – затряс головой староста, уперев руки в бока и расставив ноги. Зло зыркнул из-под кустистых бровей и грохнул кулаком по столу: – Да дагон тебя при первой же возможности удавит без моей протекции!

– Протекция... – зашипел бывший соратник, словно сел на раскаленную жаровню. – Вот, кстати, еще вопрос: чем же ты дагона к себе расположил? Темные нагори раздери и его, и олухов из депа! Прикончили бы тебя, и всего делов. Меня б тогда и без твоего поручительства старостой назначили.

– Ах ты помет ваги! – рванул к нему Гуз, схватив со стола нож.

Щьер бросился навстречу. В его руках тоже было оружие, и именно оно встретило замахнувшегося для удара противника, со смачным хрустом пропоров ткань и плоть.

Староста крикнул, схватился за залитую кровью рукоять и, выдернув, уронил оба ножа. Заморгал, медленно оседая на пол, цепляясь пальцами за одежду своего убийцы и оставляя на ней кровавые отпечатки.

– Щ-щ-щедар! – выругался Щьер и отскочил в сторону.

Осмотрев себя, понял – чтобы не быть расстрелянным на месте за убийство, нужно срочно избавиться от улики! Убедившись, что за дверью по-прежнему никого нет, выскочил на улицу и побежал к себе – переодеваться и уничтожать испачканную одежду, попутно обдумывая, кого обвинить в гибели старосты...

Голоса, приближающиеся к дому, я услышала задолго до того, как хлопнула входная дверь. Но даже после этого через стену и прозрачный материал окна до меня продолжали доноситься рывкающие отрывистые звуки. Заглянула я внутрь буквально одним глазом, стараясь оставаться незамеченной. Впрочем, могла и не

осторожничать: старик и его гость ни на что постороннее внимания не обращали.

Кстати, гостем оказался тот самый молодой мужчина, что прибежал в сарай. Они и тогда-то разговаривали на повышенных тонах, а теперь вообще орали, очевидно в чем-то друг друга обвиняя. Серьезном. Потому что очень быстро ссора превратилась в поножовщину – я ахнула и отпрянула от окна, зажимая себе рот руками, когда старик упал на пол, истекая кровью. Рискнула вновь заглянуть внутрь, лишь когда услышала стук двери и топот убегающих ног.

Хозяин дома по-прежнему лежал на полу, убийца, видимо, удрал. Я тоже хотела было сбежать, подальше от этого ужасного зрелища, от медленно растекающейся по полу луже крови... Вот только ноги мои словно приросли к месту. Пальцы судорожно стиснули выступающий подоконник, и я с трудом смогла их разжать. А когда у меня получилось, отступила. Невольно бросила последний взгляд в окно и замерла.

Старик не умер. Раненый, он полз к стулу, хватался за него, пытаясь подняться. И я не выдержала. Вместо того чтобы унести прочь, рванула в дом.

О чем я думала? Да ни о чем, в общем-то. Просто мне моя совесть не позволила оставить его, бросить умирать, ничем не помочь.

Не обращая внимания на кровь, помогла мужчине сесть. Вернее, привалиться спиной к ножке стола. Сдернув со стены пару полотенец, одно скомкала в плотную подушку и прижала к ране, вторым затянула, чтобы не пришлось держать. Куда именно попал нож убийцы, я лишь смутно себе представляла. Слева. Ниже ребер. Крови много, потому что там селезенка. Насколько это смертельно? Я не знаю.

– Гап-дагг-рап... Щьер! Стиж... Стиж Щьер вар саж!

Пострадавший вцепился пальцами в мое плечо, мешал перевязке, настойчиво бормоча, но я его не понимала. Смотрела беспомощно, как он пытается мне что-то втолковать...

Стоп! Ягоды!

Поспешно вытащив из мешка последние, уже совсем сморщившиеся черные горошинки, я торопливо закинула несколько себе в рот, остальные – старику, изумленно расширившему глаза.

Впрочем, выплевывать их он не стал. Проглотил. Тяжело дыша, вытер пот со лба.

– Щьер, – выдохнул хрипло. – Щьер – убийца. Скажи это им, если я... Нет, подожди...

Закашлялся, а когда убрал ладонь, рот тоже был в крови.

– Не разговаривайте, – приказала я. – У вас легкое повреждено.

– Все равно умру, – болезненно поморщился раненый и вновь схватился за мою руку, торопливо говоря: – Щьер не должен стать старостой вместо меня. Он недостойн. Меня подставил. Смерти моей хотел. Скажи им.

– Хорошо, – пообещала, пусть даже совершенно не понимала, как я это сделаю. – Но лучше вы все же помолчите, поберегите силы, и тогда сами все расскажете. Можно же кого-нибудь позвать? – принялась лихорадочно соображать, как бы привлечь к дому внимание толпы, а самой в суматохе спрятаться понадежнее.

– Нет, нет, – почему-то заволновался старик. – Им нельзя! Нельзя, чтобы узнали... И пропасть не должно. Скрыть надо. Спрятать.

– Что скрыть? Нож? Так говорить им про Щьера или нет? – я затрясла головой, чувствуя, что окончательно запуталась.

– Быстрее, – не обращая внимания не мои вопросы, продолжал гнуть свою линию раненый. – Там, наверху, стол. В нем... коробка. Нижний ящик. Вот ключ. Принеси. Быстрее.

Сунув мне в руку короткую палочку, которую сдернул с цепочки на шее, рарк закрыл глаза и откинулся затылком на стол.

Я медлить не стала. Стрелой взлетела по ступеням. Лихорадочно сунула ключ в паз, услышав щелчок, рванула на себя ящик, в котором действительно стояла одинокая коробка из серого плотного материала. И обратно спустилась быстро, опасаясь, что не успею.

Губы старика стали совсем бледными, руки холодными. Однако едва я его коснулась, как глаза тут же распахнулись.

Активировав код на крышке, он вытащил крошечный непрозрачный пузырек с непропорционально большой и толстой закручивающейся крышкой.

– Открой, – приказал, потому что отвинтить ее ему сил не хватило. – Каплю на запястье... изнутри... вотри в кожу. Да, так... – кивнул, когда я хоть и нерешительно, но послушно растерла белую

вязкую жидкость. – Остальное спрячь. Надежно спрячь. Отдашь только дагону Дьеру Шайхоту. Никому больше! Поняла? Повтори!

– Отдать дагону Дьеру Шайхоту. – Я замаялась. – Только я тут... видите ли... не местная, в общем.

– Не важно, – хрипло засмеялся старик, и в уголках его рта снова появилась кровь. – Я понял, не дурак. Коробку на полку поставь. Не догадаются. Ящик ты закрыла? Закрой. Стой, дура! Там... – Он задохнулся, я же послушно замерла, вцепившись в перила. – Там сундук, слева. Платье. Внучка у меня была... Сгинула. Возьми.

Носить чужую одежду я не привыкла, однако понимала: оставаться в своей точно не вариант. Да и сундук обнаружился быстро – я его еще раньше заприметила, только заглядывать внутрь не стала.

Теперь же с понятным смятением вытащила светло-бежевое платье. Свободное, расклешенное от груди, с высоким воротничком-стойкой и длинными свободными рукавами. Под ним лежало еще одно, темно-коричневое. А затем вообще черное-пречерное. Нижнего белья не нашла, зато на самом дне обнаружилась пара не то плотных тапочек, не то мягких туфель и широкий пояс с сумочками-кармашками.

Последнее было бы очень удобным, чтобы вещи сложить. Вот только правильным ли будет брать что-то с собой? Я, конечно, не шпионка, но прекрасно осознаю, чем рискую. Моя земная одежда, коммуникатор, заколка для волос, секретная бутылочка... Это ж настоящий компромат! А у меня даже времени нет, чтобы подумать как следует, куда же их спрятать.

Лихорадочно осмотрелась. Пол... Стены... Мебель... Тут все на виду! Подняла голову и...

Ура! Есть! Более не мешкая, забралась на стол и затолкала опасные сокровища между балок. Надеюсь, никому не придет в голову сюда руки совать.

Услышав тихий стон, поспешно прыгнула и сбежала вниз по лестнице.

– Нет, нет, нет! – испугалась, когда увидела совсем тусклый стекленеющий взгляд на мертвенно-белом лице. Что ж я возилась-то так долго! – Не смейте умирать, слышите? Я позову на помощь! Только скажите кого!

– На площадь... – шевельнулись бледные губы. – Даг Легор... В синем. Та еще... сволочь. Тебя не тронет. Проси взять... С собой... Давай.

Кто такой этот «Легор», я переспрашивать не стала, рванула к выходу. Мне становилось не по себе от одной мысли, что первая ниточка, за которую мне удалось зацепиться в этом жутком мире, сейчас оборвется. И безумно было жаль старика.

Толкнула дверь и едва не упала, потому что нос к носу столкнулась с тем, кто... кто сбежал с места преступления!

– Щьер? – сдавленно выдохнула первое, что пришло в голову.

Потрясение в темно-серых глазах, которые и без того смотрели на меня изумленно, стало запредельным. Квадратная челюсть некрасиво отвисла, явив нижний ряд желтых зубов, и это стало для меня спусковым крючком. Я изо всех сил толкнула застывшего на пороге мужчину и со всех ног понеслась по дороге.

– Куда?! – донесся до моих ушей разъяренный вопль. – Стой!

Разумеется, останавливаться я не собиралась и, наверное, даже побила мировой спринтерский рекорд. У меня был прекрасный стимул – желание остаться в живых. К тому же топот бегущего следом рарка снижению темпа не способствовал.

На площадь я вылетела как луч бластера, пронзив толпу мирно что-то обсуждающих поселян. Затормозила лишь на мгновение, чтобы оглядеться. Глаз моментально выхватил синий костюм – единственный среди коричневых, бежевых, серых и темно-зеленых оттенков. К нему и бросилась, даже не подумав о том, как на мои действия отреагируют окружающие.

Оттого и не поняла, почему вдруг мои ноги оторвались от дороги, а мир кувыркнулся, меняя местами светящееся дымчатое небо и пыльную желтую землю.

Взвизгнула, заверещала, задергалась, извернулась, молотя ногами и руками по чему-то мягкому... То есть кому-то.

– Г-р-рашш-ш-ш! – отчетливо зашипело у меня над... гм... пятой точкой.

Плечо, на котором я зависла, ушло из-под живота, чужие руки, крепко схватив за талию, рванули вниз и отпустили, позволив упасть в пыль.

– Она бешеная какая-то! – грянул вердикт и вопрос: – Пристрелить?

Подняв голову, встретила глазами с дулом оружия и нервно сглотнула. Спаслась, называется.

– Убили... – вовсе не наигранно всхлипнула, отыскивая взглядом любителя синих оттенков, к которому меня не пропустила бдительная охрана. – Помогите! Даг Легор... Дедушку убили.

– Вот как? – не сообразил, о ком я говорю, и потому скептически ухмыльнулся коренастый мужчина, в облике которого несомненно было больше властности, нежели у местных рарков. – И кто убил?

– Щер...

– Нет, нет, не слушайте ее! – перебивая меня, заорал еще один голос.

Его обладатель, растолкав поселян, бежал к нам, и я, снова взвизгнув, подскочила. Отшатнулась и вцепилась плечом в охранника, но на этот раз тот отталкивать меня не стал. Просто крепко обхватил рукой, направив вторую, с оружием, на мою голову.

Однако и убийцу близко не подпустили – двое военных мгновенно среагировали. Теперь Щер, тяжело дыша и с заведенными за спину руками, тоже «отдыхал» в медвежьих объятиях одного из них, а оружие второго смотрело ему точно в висок.

– Не понял, – нахмурился Легор. – Что за спектакль вы тут устроили?

– Никакого спектакля! – категорично заявил Щер. – Староста по дороге к дому вспомнил, что у меня тоже есть документы, отправил за ними. А когда я к нему пришел, он уже мертвый лежал...

– Живой! – возмутилась я. – А ты трус! Потому что сначала сбежал, а потом вернулся проверить и наверняка добить. Даг Легор, помогите!

Мужчина приподнял брови, задумчиво почесал висок и кивнул военным, из тех, кто еще не успел проявить доблести и отваги при задержании. Две темно-зеленые фигуры, спрятав оружие в кобуру, трусцой побежали исполнять приказ.

Я не очень понимала, почему Легор не пошел сам, почему не вызвал медиков, но спрашивать не рискнула. И без того хожу по лезвию.

Поселяне, по-прежнему занимающие периметр площади, гудели и шевелились, но никто не уходил. Наверное, это было запрещено, потому что на Земле толпа зевак однозначно увязалась бы за проверяющими.

– Если бы я знал, что она старосту караулит, – продолжал сокрушаться убийца, – я бы его не оставил! Не допустил...

– Заткнись, – рыкнул Легор, оборачиваясь к мужчине, который подошел к нему со спины.

Если у Щера и было желание еще что-то сказать, то оно тут же пропало. Причиной был не только приказ, но и широкая ладонь военного, закрывшая болтуну рот. Я, хоть и была возмущена обвинением, тоже предпочла промолчать. Тем более никто не собирался меня слушать.

Слушать! Я почему-то только в этот момент сообразила, что мое свободное общение с рарками не укладывается в логику объяснения воздействия ягод. То есть семян. Да, я их ела, но ведь никто из присутствующих одновременно со мной этого не делал. Получается, ошиблась в выводах? Или не учла каких-то факторов? Или в неожиданном освоении чужого языка виновата та жидкость, которую я растерла на коже? Но как?

И вновь я пожалела, что не уделяла должного внимания биологии. Тогда наверняка могла бы с большей достоверностью предположения делать! Впрочем... Вот оно мне надо? Как сказала Ви, когда мы тестировали свою первую зачетную работу в школе: «Работает – не трогай! Сломается – будешь разбираться». В то время я с ней спорила, сейчас была готова согласиться. Пропадет способность – озабочусь решением проблемы, а пока...

Пока будет правильным присмотреться к технике, которую Легор забрал из рук своего напарника, если судить по сходному крою костюма, хоть и темно-серого цвета, но с синими вставками. Да и на рукавах у них была одинаковая эмблема – шестиугольник-сот, с вышитой в нем многолучевой звездой, – словно отмечающая принадлежность к какой-то одной организации.

На технике, похожей на тонкий планшет, с нижней стороны точно такой же знак красовался. А вот верхняя часть, светящаяся, однозначно служила экраном, на котором Легор что-то внимательно рассматривал.

– Левее ракурс и ниже, – неожиданно произнес.

Больше никаких указаний не поступало, раздавались лишь одобрительные «угу» и недовольные «гм», но мне и этого хватило, чтобы догадаться: он смотрит то, что передает ему камера на шлеме одного из военных! Значит, все увидит будто собственными глазами. Вот только будет ли этого достаточно?

Вопрос сложный. И я с волнением ждала, когда же он прояснится, а в итоге...

В итоге Легор сунул планшет в грудь напарнику – тот едва успел его перехватить – и в три широких шага подошел ко мне.

– Руки, – рявкнул, сверкнув глазами.

От неожиданности я растерялась. Смысл дошел, лишь когда удерживающий меня военный, ловко сменив положение и перехватив мои запястья, рванул их вверх и вперед, предъявив начальству. А оно там быстро углядело то, что вполне могло служить уликой – кровь. Воды, чтобы ее смыть полностью, я не нашла, лишь оттерла, насколько смогла.

– Я его перевязывала, – тихо пробормотала. Впрочем, так, чтобы меня слышали. Иначе какой смысл оправдываться?

– Гуз Рьяр, староста, твой дед? – на меня обрушился следующий вопрос.

– М-м-м... – это Щьер попытался было ответить за меня, забыв, видимо, что рука военного все еще мешает ему свободно изъясняться.

Я бы не стала врать, да только выбора не было.

Кивнула, всхлипнула... Похоже, напрасно, потому что Легор уже потерял ко мне интерес и столь же быстро переключился на второго подозреваемого, который, наконец, получил возможность говорить.

– Твой нож – орудие убийства, – припечатал коротко.

– Я еще вчера его старосте одолжил, – ни на секунду не замешкался Щьер. – Он свой забыл, просил выручить. Забрать обратно не успел, а Гуз его, видимо, дома оставил. Вот убийца этим и воспользовалась.

– Где документы, которые ты нес из своего дома?

О-о-о... Видимо, именно этот нюанс убийца из виду упустил. Не обдумал. Не ожидал. Замер, бегая глазами по сторонам, лихорадочно соображая, что ответить.

Я обрадовалась. Вот! Хотя что-то доказывает его вранье! А если найдут окровавленную одежду, то ему будет совсем сложно

оправдаться. Интересно, как у рарков судят? Наверное, всем поселением выслушивают обвинения и определяют наказание.

Подумала и вздрогнула, потому что мои предположения оказались не верны. Легор одним движением вытащил оружие из кобуры ближайшего к нему военного и...

Пшш-ш-ш!

Мягкий звук, словно шипение змеи, распорол воздух. Вспыхнув огненным росчерком, короткий световой кинжал пронзил голову, заставив глаза рарка вылезти из орбит. Его рот приоткрылся, руки судорожно дернулись, тело начало оседать в пыль, а вокруг стало подозрительно быстро темнеть...

– И долго будем ждать?

– Сколько начальству надо, столько и будем.

– Со скуки сдохнуть можно.

– Ну ты, скажешь тоже... Работка одно удовольствие – сиди себе спокойно, красотку стереги. Это ж не труп закапывать.

– Маграсу с Дарем не повезло. Домой вернутся пыльные и потные.

– Вот и я о том же. И вообще, рабочее время идет, денежки капают. Так что не дергайся.

Мужские голоса раздавались совсем рядом. Негромкие, но отчетливые. Тот, что звучал наставительно, – несомненно был старше. Второй, сокрушающийся и нетерпеливый, – совсем молодой, звонкий.

Признаваться, что все слышу, я не стала. Лежать было удобно и мягко, а приходить в себя совершенно не хотелось. Особенно после наглядной демонстрации местных порядков. Оказывается, рарки не только чужаков не жалуют, они и своих тоже не особенно жалеют.

Вспомнив отвратительную казнь, вновь почувствовала дурноту. Я ведь даже сознание потеряла, хотя никогда не считала себя излишне чувствительной, да и к виду крови относилась спокойно. Но зрелища вскипевшего мозга, прущего наружу из оплавленной раны, моя нервная система не вынесла, а осознание, что это мог быть мой мозг, добавило «приятных» ощущений, отправив меня в спасительный обморок.

– Заметил, как народ моментально исчез? – сменив тему, вновь заговорил молодой военный.

– Дык ясное дело, – добродушно проворчал старший. – Разрешения ждали, а как получили, так и испарились. Кто ж будет лишний раз рисковать и себя подставлять, привлекая внимание? Им своя шкура дороже чужой.

– У дага Легора не забалуешь, – уверенно подтвердил его собеседник. – Как думаешь, кого теперь старостой назначат, раз помощник... того?

– Вот ты спросил-то... – завозился, видимо меняя положение тела, второй охранник. – Мне почему знать? И вообще, не забивай себе голову ерундой. У каждого своя работа и свои обязанности. Проблемы дага – это головная боль самого дага, тебе в это вникать ни к чему.

– Так интересно же! – не сдался молодой. Оттого и получил возмущенное:

– Да что ж ты за бестолочь такая?! Я его уму-разуму учу, а он все равно за свое! Любопытство хорошо для тех, кто статусом вышел. А такового не имеющим лучше в чужие дела нос не совать.

Некоторое время мужчины молчали. Я слышала лишь шумное сопение одного, чуть хриплое дыхание второго и хруст песка под подошвой сапог. Наверное, кто-то из них устал стоять и решил размяться.

Я бы этому не придавала особого значения, если б разминающийся не подошел ко мне совсем близко. Не видела, но ощущала, что наклонился, рассматривая. И от этого притворяться становилось все труднее.

– Хорошенькая, – похвалил он с видимым удовольствием. Я даже с закрытыми глазами представила себе смазливую физиономию с масляной улыбочкой. – Ушки только все портят. Сразу понятно – селянка. Такую горожанину разве что в любовницы...

– Ать ты как заговорил-загордился, – засмеялся пожилой военный. – А у кого бабка из сельских, а? И что-то не припомню я, чтоб твой дед ее как любовницу приходовал. Вроде женкой была.

– Была, не была, – заворчал молодой. – У меня от нее все равно ничего во внешности нет.

– У тебя от нее дефицит ума, – глубокомысленно изрек собеседник.

– Унижаешь, да? – в голосе прибавилось обиженных ноток. – Вот, смотри! Видишь остренькие какие? Значит, глупым быть не могу по

определению!

– Остренькие, да только короткие, – в ответ раздался хриплый смех и очередная подначка: – А потому по уму ты недалеко ушел от круглоухих, которых учи не учи, все без толку...

– Уг-гр-рр-р!

Рядом раздался раскатистый звук, похожий на рев, и одновременно – движение воздуха и скрип песка. Четкое ощущение, что куда-то в сторону рванул молодой парк.

Впрочем, не «куда-то», а к своему напарнику, потому что в ответ раздался не менее явный топот сапог и смачное «хрясь!».

Я даже на локтях приподнялась, чтобы лучше видеть устроенную ими потасовку. И лишь тогда поняла, почему мне так мягко и удобно – меня на сиденье того самого транспортного уложили, который на площади стоял. Вместительного, по размерам внушительного. Видимо, на нем все и приехали.

Дверцы оказались открыты, потому мне был виден небольшой кусочек площади, где действительно не наблюдалось никого из поселян. Зато для рарков это место стало прекрасным татами.

Дрались они качественно. Красиво. Выпад, уклонение, подсечка. Оружие так и осталось в кобуре, определенно не ради убийства спарринг затеян. Просто выяснение отношений.

– Разойтись! – неожиданно рявкнул начальственный голос. – Нашли время...

Упасть обратно на мягкое сиденье я не успела. Рука Легора легла на край кузова машины, а через секунду и он сам заглянул внутрь.

Изображать беспамятство больше смысла не имело, потому я мило ему улыбнулась и пожала плечами. Типа я тут просто лежу. И вообще не понимаю, с чего эти двое дерутся.

То, что мне теперь придется играть роль недалекого ума простушки, я уже осознала. Буду вести себя так, чтобы соответствовать образу, которого от меня ждут. Но это и к лучшему – мои промахи спишут на недостаток сообразительности, да и незнание тоже будет иметь объяснение. Последнее, правда, в том случае, если я в город попаду, а не останусь в поселении. Здесь-то я как раз должна все хорошо знать.

– Значит, Гуз Рьяр тебя прятал, – заставив меня невольно вздрогнуть, заговорил Легор. – Забавно, ведь все полагали, что ты

шесть оборотов как умерла. И до сих пор пребывают в этой уверенности. Почему же он тебя скрывал? Да еще и так долго. А, Дея?

Дея... Я снова вздрогнула, настолько неожиданно созвучным с моим оказалось имя погибшей девушки. Легор же пригнулся, забираясь внутрь. Расположился на сиденье рядом, вынуждая меня сдвинуться и сесть, опустив ноги. Закинул руку на спинку и, склонившись ко мне, продолжил, таинственно приглушив голос:

– Может, потому, что болезнь твоя была смертельной? А Гуз нашел способ ее излечить и не желал, чтобы об этом узнали остальные? Чем он лечил тебя?

Несмотря на коварный вопрос, версия мне понравилась. Она, кстати, и пузырек с жидкостью объясняла. Возможно, старик на самом деле ее для внучки готовил, да только лекарство не помогло... Правда, тогда непонятно, зачем он заставил меня им намазаться.

– Не знаю, – нашла в себе силы пробормотать. – Не помню. Мне плохо было.

– Понимаю, – кивнул Легор. – У меня дочка от лиспы умерла. Сильно мучилась.

Пользуясь тем, что в этот момент смотрел он не на меня, я с удивлением рассматривала мужчину, у которого настолько явные двойные стандарты по отношению к одному и тому же результату! Щьера он убил не задумываясь, а о судьбе дочери скорбит.

– Маленькая?

– Ей два оборота всего исполнилось.

В задумчивости рарк пробыл недолго. Прищурился хищно, ухмыльнулся одним уголком рта...

Быстрое движение, холодное лезвие, прижатое к шее, и угроза в леденяще-спокойном голосе:

– Советую вспомнить, чем тебя лечили, иначе отправишься следом за моей девочкой.

Ошалев окончательно, я задохнулась, боясь пошевелиться. Горло сдавило спазмом, на глаза навернулись слезы, покатались по щекам...

– Тьфу ты ж! Женщины!

Легор убрал оружие, презрительно скривился и полез из машины наружу. Моя персона, по всей видимости, больше его не интересовала.

Не зная, что делать дальше, сначала я просто сидела, вытирая слезы, никак не желающие исчезать. Потом сдвинулась на край

сиденья и выглянула.

Вернувшиеся военные рассредоточились по площади: кто-то патрулировал, кто-то просто стоял, бдительно взирая по сторонам. Моя бывшая охрана, стоя по стойке смирно, выслушивала нотацию Легора. Напарник, который услужливо снабдил его планшетом, чуть в стороне что-то обсуждал с еще одним, точно так же одетым в темно-серый костюм с синими вставками. И если первый мне показался обычным, то второй неприятным.

Острый нос и такой же заостренный подбородок. Маленькие бегающие глазки, прячущиеся под длинной черной челкой. Да и сам он тощий, длинный, угловатый. И при таком несуразном облике от него даже на расстоянии разило опасностью. Причин подобного впечатления объяснить я не могла. Разве что...

Присмотрелась внимательнее и поняла – уши! Они у него совсем узкие, но чрезвычайно длинные, потому сильно заостренные. А если отталкиваться от услышанного и соотносить этот признак с уровнем интеллектуального развития, наложив его на своеобразный облик, то получится умная, пронырливая и наверняка вездесущая бестия. От такого лучше держаться подальше.

Подумала и вздрогнула – словно ощутив мое внимание, голова на тощей шее резко крутанулась, а черные как угольки глаза безошибочно нашли меня. Оторвались буквально на мгновение, чтобы оценить диспозицию, и вновь вцепились в мое лицо, теперь уже изучая досконально.

На всякий случай я опустила взгляд, одернула подол платья, сложила руки на коленях. Простая сельская девушка. Скромная, стеснительная, глупая. Что с меня взять? И вообще, что такого страшного в моем внимании? Обычное женское любопытство. Ведь не каждый день нам, живущим в глубинке, выпадает счастье лицезреть столь выдающиеся уши. То есть умы. А это значит, что мне будет не только простительно, но и закономерно проявить заинтересованность.

Набралась смелости (а может, наглости), чтобы из-под челки и упавших на лицо волос посмотреть на ушастика. Убедившись, что он по-прежнему изучает мою персону, смущенно хихикнула и повела плечиком. Мол, льстит мне проявляемое внимание со стороны столь важной персоны.

– Не понял, – прервал мое позерство Легор, закончивший с воспитательной беседой и незаметно подошедший. – Ты все еще здесь? А ну кыш домой.

– Куда? – растерянно пролепетала я.

– Домой, домой иди.

Рарк, взяв за руку, стянул меня с сиденья, заставив отойти. Сам же забрался в машину, завожился, устраиваясь удобнее, и обернулся к напарникам, которые сели позади. Принял из рук художавого планшет и уложил в подставку на маленьком столике перед собой.

Военные тоже развили бурную активность: перепрыгивая через высокие борта, забрались в кузов, который закрылся сверху прозрачным колпаком. Двери машины, которые до этого были подняты наподобие крыльев, развернулись и сложились, закрывая проемы и придавая технике обтекаемую форму. Я же судорожно соображала – как поступить?!

Остаться в поселении? Но что я здесь буду делать? Отсюда в космос точно не полетишь, а местное население меня в два счета признает чужачкой и разоблачит, даже если в доме старика поселюсь. Так что мне в город нужно! А еще лучше – на какой-нибудь местный космодром. Надеюсь, таковой имеется.

В общем, я решила. Бросилась наперерез поднявшейся на воздушной подушке и начавшей разворачиваться машине.

Поступок был безумным. Вполне вероятно, самоубийственным. Меня могли задавить, отбросить, искалечить... И все же тупоногая громада затормозила, а из-под начавшей подниматься дверцы-крыла выскочил Легор.

– Идиотка! – заорал, надвигаясь на меня. – Жить надоело? Я неясно сказал? Домой пошла!

– Я не хочу! – отступить я не стала, не для того собой рисковала. – Не могу! В этом доме дедушку убили, как я туда вернусь и буду жить? Совсем одна! Я же не выживу! Заберите меня с собой. Пожалуйста! Я все, что скажете, буду делать: убирать, готовить, шить. Я буду хорошей помощницей. Правда!

– Не придумывай глупостей! У нас прислуги хватает. А твое место здесь. Все живут и ты ничем не лучше! – возмутился рарк, продолжая меня теснить. Когда же я упрямо отказалась отступить,

толкнул. Сильно. Настолько, что я не удержалась на ногах и упала в пыль, как оказалось, на острые песчаные грани.

От боли в ладонях и бедре, но больше, наверное, от обиды и отчаяния, я разревелась. В этот момент мне уже было безразлично – убьют меня или оставят в живых. Первое было вероятнее: Легор уже полез в кобуру. Не вытащил оружие лишь потому, что тонкая костлявая рука легла на его предплечье, останавливая, а тощая долговязая фигура склонилась к уху и принялась что-то шептать.

– Хорошо. Сам разбирайся, – неожиданно согласился Легор. Застегивая фиксатор на кобуре, он отступил к машине, а его нескладный напарник, шагнув ко мне, присел на корточки.

– Со мной поедешь? Мне как раз нужна... помощница.

От вопроса, вернее весьма выразительного уточнения, двусмысленность которого не понял бы только наивный идиот, я даже о своих переживаниях забыла. Ой-ой... Перестаралась. Он решил, что я с ним заигрывала.

Однако отказываться от щедрого предложения – не вариант. Возможно, это вообще мой единственный шанс отсюда выбраться. А способ, то есть планы на меня остроухого... Ну не силой же он меня в постель потащит и не с нахрапу. Успею что-нибудь придумать. Жаль только, совсем ничего не знаю о местных традициях и действовать придется наугад...

– Поедешь? – повторил вопрос рарк. Доброжелательности в голосе ощутимо убавилось, видимо, не понравилась ему моя нерешительность. Мне даже почудились злые, резкие интонации, как приговор.

Потому и пришлось кивнуть поспешно. Для пущего эффекта, пока он поднимался, в очередной раз всхлипнуть, стирая запястьем слезы. На протянутую мне руку опереться, чтобы встать, а оказавшись рядом с машиной и почувствовав на спине ладонь, которая настойчиво подтолкнула внутрь, сообразить:

– Мои вещи!

Я-то о доверенном мне пузырьке подумала. И о моей одежде, которую было бы неплохо либо получше спрятать, либо с собой забрать вместе с двумя другими платьями. Да только у моего нового спутника на этот счет мнение оказалось иным.

– Вещи? – острый взгляд придирчиво скользнул по моей фигуре. – Если они такие же, как те, что на тебе сейчас, то я не собираюсь тратить на них время.

– Они... нет. То есть да... То есть...

Пока я судорожно соображала, что же ему ответить, и путалась в словах, из недр машины раздалось недовольное: «Гр-р-раш, Ньевор! Тащи уже свою девку сюда. Или мы уедем без тебя!»

На этом деликатность остроухого рарка иссякла окончательно. Он просто обхватил меня за талию, приподнял и впихнул в салон. Сам запрыгнул следом, уже на ходу, практически поднырнув под закрывающуюся дверь.

Надо же... Сильный. А ведь, казалось бы – кожа, кости да жилы! Я, хоть и потеряла вес на вынужденной голодовке, но все же не стала невесомой. Ан нет, он меня без особых усилий поднял.

Оказавшись между ним и его коллегой, который косился на меня с понятным интересом, я благоразумно молчала. Ньевор, если это было его имя, а не фамилия, тоже говорить не спешил. Почему? Строить предположений я не стала, сделала вид, что ушла в себя, – как-никак я в одночасье и единственного родственника лишилась, и дома. Имею же я право на этот счет переживать?

Зато, пользуясь возможностью, прислушалась и присмотрелась к машине. Изнутри здесь все было в особенности притягательным, знакомым, завораживающим!

Ритмичные вдохи-выдохи системы нагнетания воздуха – судно определенно движется на воздушной подушке. Легкое ощущение падения, словно мы катимся с горки, хотя я точно вижу – движение идет по равнине, – значит, для облегчения массы активируется что-то антигравитационное. Вибрация от работающей ходовой – тут механика явно на первом месте. Едва слышный тонкий писк, почти на уровне ультразвука, – это однозначно идет беспроводная передача сигналов.

Диагноз: уровень технического развития на высоте. Хорошо, что не только в космосе, но и на планете. А то ведь бывают перекосы...

Впрочем, они-то как раз имеются, раз в глубинке, куда мне «посчастливилось» приземлиться, ничего даже близко похожего в техническом плане не обнаружилось. В доме у старика все было исключительно простое. Самое продвинутое устройство, что я

видела, – аппарат для автоматического приготовления еды. В пристройке же вообще царила атмосфера глубокой древности.

Посмотрим, какие сюрпризы преподнесет город...

Сюрпризов пришлось ждать долго. Больше часа прошло, прежде чем равнина за частично прозрачным материалом, из которого были выполнены двери, сменилась на низкие постройки. По мере продвижения вглубь города дома становились выше, масштабнее и все плотнее теснились друг к другу.

Машина тоже изменила «поведение». Если до этого она двигалась практически на уровне земли, то теперь набирала высоту. А затем вообще нырнула в воздушный туннель с матово-фиолетовыми стенами, за которыми оставались видимыми контуры зданий. Двигатель заглох, а нас подхватила мне пока неизвестная сила, утаскивая в сложную разветвленную систему полостей. Похоже, «дорогу», транспортирующую попавшую в нее технику, рарки считают более экономичной, нежели движение каждой машины в отдельности.

– На сегодня все, по домам, – обернулся к нам до этого занятый какими-то своими делами Легор. Увы, мне из-за спинки сиденья совсем ничего не было видно, замечала лишь движение плеч и отсветы от экрана планшета. – Завтра не опаздывать. Особенно это касается...

Серые глаза пробежались по мне и перескочили на лицо моего долговязого соседа. Послышался отчетливый смешок, но продолжать Легор не стал. Отвернулся, словно никаких намеков и не делал.

С тихим шипением дверца поднялась. Следом за Ньевором я вылезла, спрыгнув на упругое покрытие небольшой площадки, выступающей из стены туннеля.

Машина тут же уплыла дальше, а я, ведомая за руку, потрясенно осматриваясь, шла за рарком. Потрясенно, потому что идти на ошеломительной высоте по полупрозрачному материалу – занятие не для слабонервных сельских девушек.

В общем, рука моя дрожала очень естественно, ноги двигались неуверенно, дыхание спокойным не оставалось...

– Если страшно, можешь закрыть глаза. Я тебя доведу.

Сказал словно одолжение сделал. Снисходительно, с налетом превосходства. Впрочем, чему удивляться при такой высокой задиристости и амбициозности?

– Спасибо. Я потерплю, – пролепетала в ответ и добавила заискивающе: – Мне ведь нужно привыкать, да?

– Было бы неплохо, – похвалил мою инициативу Ньевор, заводя меня в услужливо раскрывшийся проем.

Огромная площадь, на которую мы шагнули, наверняка была создана как место для прогулок тех, кто живет на верхних этажах зданий. Здесь прослеживалась такая явная имитация земной поверхности!

Неширокие дорожки из рыжего материала – искусственного песка. Квадратные тумбы-кубы, привлекающие к себе, чтобы посидеть, уставших прохожих. Кустарники с длинными серо-голубыми игольчатыми листьями, напоминающими хвою земных сосен. Даже небольшой фонтанчик в центре, куда сходились все прогулочные дорожки. Над всем этим господствовало серо-жемчужное светящееся небо, а под нами притаилась пусть и невидимая, и неосязаемая, но... бездна! Этажей на сорок, не меньше.

Разумеется, были здесь и люди. То есть рарки. Одиночками и парочками, целыми группами, они двигались, кто неторопливо, а кто поспешно. Мужчины, женщины, дети... Последние неизменно в сопровождении взрослых.

Но примечательнее всего была одежда. Особенно женская. Яркая! Броская! Красивые полупрозрачные блузки и открытые топы. Длинные юбки с высокими разрезами и совсем короткие, пышные. Изящные туфли на высоком каблуке и удобные низенькие лодочки... Радующее глаз разнообразие!

Мужчины оказались более консервативны. Узкие брюки. Длинные навывпуск рубашки. Жилеты или короткие пиджаки. Все одноцветное или в два-три близких оттенка, не более.

– Перестань на всех пялиться! – строго одернул меня Ньевор. – Может, в твоём поселении в этом не видят ничего особенного, но здесь точно сочтут за дерзость. А мне не нужны проблемы. Если кто-то решит, что ты его оскорбила, я защищать не стану. Будешь доказывать свое право на вызывающее поведение сама. Ясно?

Я бы спросила, как именно доказывать, но вовремя прикусила язык. Уж что-что, а такие вещи знать обязан каждый. Наверняка подобные формы доказательств в таком задиристом обществе часто встречаются, значит, настоящая Дея могла их видеть.

Пришлось любопытство поумерить. Теперь я лишь украдкой посматривала на прохожих, стараясь делать это незаметно. Больше смотрела под ноги и путь запоминала – если мне здесь жить, то ориентироваться жизненно необходимо.

Закончилась дорога у примыкающего к одному из гигантских домов павильона. Оказался он входом в еще один вид транспорта, перемещающего пассажиров внутри здания – этакий гибрид лифта и эскалатора, в котором площадки-ступени поднимались, ускоряясь и замедляясь по мере приближения к этажам.

На одну из таких ступеней мы и зашли вместе с еще одной парой. Молодая, уверенная в себе брюнетка в броском сиреновом платье, с юбкой выше колен и плотно облегающим красивую грудь верхом. Короткие рукава оставляли открытыми изящные руки с надетыми на предплечье браслетами, а на ногах, ощутимо их удлиняя, красовались туфельки на каблуках, состоящие из одних ремешков. Мужчина, тоже темноволосый, был одет куда лаконичнее: черные узкие брюки, темные туфли, бледно-голубая рубашка.

Не обращая на нас внимания, парк обнимал свою спутницу и что-то шептал ей на ухо. Та улыбалась, упираясь ладонью в грудь кавалера, словно удерживая на расстоянии. Наверное, так и было, потому что, едва он проявил чуть большую настойчивость и попытался поцеловать, как доброжелательность девушки мгновенно пропала. Красотка зашипела что-то явно ругательное, и мужчина тут же отступил. Из объятий не выпустил, но неприличных, с точки зрения девицы, действий больше себе не позволял. Потому и она свое расположение к нему вернула на исходную позицию.

Все это время Ньевор стоял к ним спиной, я вполоборота, а потому видела пару не столько боковым зрением, сколько в отражении от чернильно-зеркальной поверхности стены, вдоль которой плыла ступенька. И в том, что мой спутник, как и я, наблюдал за происходящим, можно было даже не сомневаться – его лицо я тоже видела.

Взгляд маленьких глубоко посаженных глаз, прикрытых длинной челкой, был цепким, подмечающим детали. Он словно сканировал попутчиков, что-то для себя выясняя. И то, как они общались, ему однозначно не нравилось.

Наверное, я зря на этом сосредоточилась – мой интерес не остался незамеченным. Ньевор прищурился, плотно сжал губы и осуждающе покачал головой, по-прежнему глядя на меня лишь в отражении. А когда я опустила взгляд, склонился к уху, чтобы едва слышно предупредить:

– Даже не мечтай. У тебя права выбора не будет. Я тебя не для того с собой притащил. Мне вольных самочек и здесь хватало. Если решишь бросить вызов, я его не приму. Просто тебя убью, поняла?

Ничего себе заявление! Наверняка рассчитанное на то, что я устражусь, а потому буду послушной... любовницей.

И я его разочаровывать не стала, мне лишние подозрения сейчас ни к чему. Кивнула, так и не подняв глаз. Ведь круглоухая, а потому не слишком сообразительная Дея именно такой тип поведения должна выбрать – испугаться за свою жизнь и предпочесть полное подчинение. Однако сам факт того, что в этом обществе женщина может рассчитывать на равноправие и даже иметь право выбора, более чем обнадеживающий. Перспективы есть! Главное, узнать побольше и найти способ держать долговязого субъекта на расстоянии. Хотя бы пару-тройку дней. А дальше уже действовать.

В общем, вместо того, чтобы расстроиться, я, послушно сойдя со «ступеньки» и шагая рядом со своим провожатым, начала продумывать план. Сложно ведь что? Убедить его, что я в общем-то совсем не против его кандидатуры в роли любовника, но не готова к столь стремительным отношениям. Могли же меня воспитывать в строгости и воздержанности? Это же не только от ума зависит. А даже если зависит, «дедушка-то» у меня остроухий был. Мог внучку в правильном русле наставлять. И учить пытался наверняка...

– Тебя что, совсем ничему не учили?! – негодующее шипение и рывок за руку вернули меня из своих мыслей в реальность и впечатали в жесткий корпус Ньевора. – Даже читать не умеешь? Написано же: «Стоять! Идти опасно!»

Изумленно захлопав глазами, я уставилась на зависшую в паре-тройке метров от нас светящуюся голографическую картинку, куда тыкал палец рарка, возмущенного моей вопиющей безграмотностью. Видела я при этом лишь точки, перекрестья черточек и волны. словно баловался маленький ребенок, толком не умеющий рисовать.

За те несколько секунд, пока я соображала, в чем вообще проблема, нам под ноги скользнула платформа, а картинка изменилась. Значки пришли в движение, плавно изменив конфигурацию. Рарки, стоящие рядом, тут же шагнули на ребристое покрытие. Не дожидаясь ответа, Ньювор потянул меня туда же и, лишь когда платформа медленно поплыла вверх, вдоль отвесной стены, все же вопрос повторил:

– Действительно не умеешь читать?

Видимо, нет. Не учат этому ни ягодки, ни чудодейственный раствор из бутылочки. Потому я лишь пожала плечами и виновато на него посмотрела, в душе радуясь, что моя капсула не ухитрилась приземлиться в каком-нибудь более просвещенном месте. В этом же городе, например. Тут бы я точно на местную не потянула.

С тонких губ сорвался сокрушенный тоскливый вздох. «Настолько тупая?» – так явственно читалось в крошечных глазах, что я с трудом удержалась от демонстрации чего-нибудь, доказывающего мою способность мыслить и соображать. Например, выдать ему принцип работы антигравитационного аппарата, поднимающего эту самую платформу, на которой мы стояли.

Прикусила язык вовремя. Нет уж. Пусть считает меня безнадежно дремучей. Мне до его мнения никакого дела нет. И вообще, не нравится – пусть отпустит на все четыре стороны. Разумеется, предварительно снабдив инструкцией, куда безграмотной селянке можно податься в городе, и одарив хоть какими-то денежными средствами в качестве компенсации за причиненное беспокойство.

М-да... Мечты и оптимизм это, бесспорно, замечательно. Да только в реалии местного мира и менталитет его обитателей они никак не укладываются. Потому что изо всех перспектив, что только что пронеслись у меня перед мысленным взором, сбылась всего одна. Мою руку на самом деле отпустили. Однако лишь для того, чтобы похозяйски обнять за талию и, успокаивающе погладив по волосам, сообщить:

– По сути, тебе это и не нужно. Будешь дома сидеть, а гулять со мной.

– Спасибо, – выдавила я, не найдя других слов. Надеюсь, издевки в моем голосе он не услышал, лишь благодарность за проявленное

снисхождение. А то ведь вдруг тут за безграмотность расстрел на месте положен? Я, вот честно, не удивлюсь.

Странно, кстати, что у меня до сих пор никто документов не потребовал. И вообще не ясно, в какой форме они тут в ходу. На Земле сейчас система генетической идентификации. Надеюсь, что здесь до такого не додумались, иначе меня быстро разоблачат. Правда, и вживляемые чипы – ID-идентификаторы, от которых земляне совсем недавно отказались, тоже не вариант. Как и древние бумажные или пластиковые носители информации. Нет у меня ни первых, ни вторых!

Пока я продумывала, как бы, не вызвав подозрений, это выяснить, платформа замерла, одним краем плотно прижавшись к нише в стене дома, вдоль которого мы поднимались. Вместе со всеми мы с нее сошли и оказались в полукруглом холле с радиально расходящимися коридорами.

– Моя квартира в первом секторе, – предусмотрительно известил меня Ньевор. И даже рукой направление показал, хотя мы именно туда уже и направлялись. То есть он вел. – Дверь вот эта, слева. Номер шесть. Запомни на всякий случай.

Я запомнила – круг, в центре которого жирная точка. Вот и первое достижение. Спорное по своей значимости, но... Но начинать-то с чего-то нужно!

Квартира оказалась не такой уж маленькой. Почему-то мне казалось, что попаду в совсем крошечное пространство, где жить придется в тесном соседстве. Ан нет. Холл, гостиная, столовая, совмещенная с зоной для приготовления, три жилых комнаты и еще две для гигиены. В общем, просторно.

Не произошло и того, к чему я морально готовилась, подыскивала слова, примеряла тактику, изобретала запасные ходы...

– Спать будешь здесь, – на пороге одной из комнат указав на диван, Ньевор провел меня дальше. – Это моя спальня, – сообщил столь же бесстрастно у следующего проема. Развернув меня за плечи, впечатал спиной в стену и строго предупредил: – Ко мне без дозволения не лезть. Еще раз повторяю: я решаю, что и когда между нами будет. А я не желаю торопиться. Самоуверенных и требующих доминирующего положения самок я ненавижу. Попытаешься изобразить из себя такую, удавлю сразу. Ясно?... Есть хочешь? – поинтересовался, когда я потрясенно кивнула.

Вот так... Получается, я не совсем верно его реакции оценивала? Он, выходит, эстет. Гурман. Предвкушение для него так же сладостно, как и обладание. Любит завоевывать, растягивать удовольствие, но чтоб результат был с гарантией. Хм... Впрочем, мне же проще! Если, разумеется, я опять не делаю неправильных выводов из-за отсутствия достоверной информации.

– Ты готовить умеешь? – прервал мои размышления Ньевор. Усадил на стул в столовой и отошел к стене, в нишах которой размещались посуда и коробки с едой. Вытащил одну, встряхнул, проверяя, и, пересыпав содержимое в тарелки, запихнул в радостно загудевший агрегат, установленный рядом на тумбочке.

– Умею, – уверенно подтвердила я, точно зная, что уж с такой-то примитивной техникой справлюсь. Осталось лишь объяснить это удивленно посмотревшему на меня рарку: – У дедушки такая штука тоже была.

– Понятно... – он поморщился. – Штука? А название дедушка не говорил?

– Говорил, – я встала и подошла ближе, заглядывая в прикрытую прозрачной дверцей камеру, где на глазах маленькие сухие гранулы превращались в сочные шарики. Там, похоже, гидратация проходит. Значит, где-то еще и источник воды должен быть. Его и обнаружила сбоку. Улыбнулась про себя и не удержалась от шалости: – Только я не забывала. А нужно было?

Обернулась с вопросом в глазах. Искренним таким, наивным. Мне просто жутко было интересно, что же он ответит!

А он не сразу это сделал. Основательно задумался, словно я ему тригонометрическое уравнение задала. Я за это время успела кнопку выключения обнаружить и датчик готовности. И даже вытащить еду, когда индикатор дополз до максимальной отметки.

– Ты права, не нужно, – наконец, когда мы уселись за стол, рарк соизволил озвучить итог столь долгих размышлений. – Для тебя главное – практика, а не теория. И все же, если в чем-то сомневаешься, спроси сначала меня, а потом делай. Или просто не лезь куда не просят. Поняла?

– Угму... – промычала я с набитым ртом. Вкусно было до умопомрачения. Я даже часть сказанного мимо ушей пропустила. И зря, потому что Ньевор свою мысль продолжил:

– Здесь больше сложных и опасных... штук, чем в твоём поселении. И обращаться с ними – это тебе не спариваться с кем ни попадя.

Я поперхнулась и закашлялась.

– Да не дергайся ты так. Думаешь, волосы распустила, значит, и уши не видны? Я знал, кого в дом тащу... – Ньевор постучал меня по спине, поморщился, замолк, махнул костлявой рукой и выругался: – Щ-щ-щедар! Вот не думал, что докачусь до такого...

Он встал, раздраженно отодвинув стул, неприятным звуком царапнувший ножками пол. Пока рарк наливал что-то розовое из кувшина, я кое-как привела себя в порядок. Вытерла салфеткой испачканные руки и одежду. Скомкала впитывающую ткань, которую долговязый буквально вырвал у меня из рук, вручив взамен стакан.

– Пей, – приказал, выбрасывая грязный комочек в высокую полую тумбу-мусоросборник. Вернулся за стол и продолжил есть, теперь уже молча.

Я лезть к нему с вопросами не стала. Сама разберусь. Нужно только подумать логически. Он определенно на себя разозлился. Почему? Что с моими ушами не так? Признак недалекого ума, это уже понятно. Но при чем тут... секс? Или...

Огненным росчерком резанули слова военного, который меня охранял: «Такую городскому разве что в любовницы». То есть круглая форма ушей свидетельствует еще и об отсутствии контроля за либидо?

Получается, чтобы себя не выдать с потрохами, мне придется изображать не простую глупышку, а охочую до секса, которой безразлично с кем этим заниматься?

Вот я попала-то...

И ведь даже непонятно: есть ли смысл убеждать Ньевора, что девица легкого поведения из меня как бабочка из слона? Шанс в этом преуспеть имеется – можно попробовать, например, отсутствие зашкаливающего влечения к противоположному полу списать на побочный эффект лекарства, которым меня якобы вылечили. Но не спровоцирует ли это большей активности и интереса, проявляемого в моем направлении? Сейчас, похоже, именно моя «доступность», как ни странно, является фактором сдерживающим.

Я полночи потом это обдумывала, прислушиваясь к шорохам в соседней комнате. Хозяин квартиры долго не мог уснуть, ходил за

стенкой кругами, даже ко мне заглядывал – его силуэт дважды появлялся в проеме. Межкомнатных дверей здесь не было, лишь легкие, прозрачные занавеси, и та, что закрывала вход в выделенную мне спальню, колыхнулась было, отодвинутая тощей рукой, но тут же вернулась на место. В общем, зайти рарк так и не рискнул.

Поведение, с одной стороны, странное, а с другой... С другой, нет в нем ничего противоречивого. Ньевор – мужчина, и потому имеются у него физиологические потребности. Но он не красавец, и, по всей видимости, остроухие дамочки его отшивают – не на пустом же месте рарк так болезненно-резко реагирует на вопрос о праве принятия решений и выбора. Похоже, отчаялся найти себе девушку, оттого и решил с круглоухой попробовать, раз уж я ему глазки строила и не оттолкнула. Наверняка спонтанно решение принял, а пообщавшись, пришел к выводу, что спать с первой встречной, готовой лечь с любым, да еще и настолько необразованной, что с ней и поговорить не о чем, – для него унижительно. Что, впрочем, моей привлекательности как женщины не снижает. Получается, сам себя загнал в угол.

Мама в таких случаях говорила: «И хочется, и колется...»

Глава 3

В паутине решений

– Ты опоздал, Ньевор. И выглядишь плохо. С девчонкой проблемы?

Сидящий во главе стола, заваленного бумагами и инфоносителями, даг Легор с неудовольствием осмотрел торопливо вошедшего в кабинет подчиненного.

Высокий, нескладный, сегодня еще и одетый небрежно. Плюс темные тени под глазами... А ведь еще вчера выглядел он куда приличнее. Да и в ответ буркнул невнятное:

– Разберусь.

– Сначала с работой разберись, – поморщился начальник. – Надо выяснить, что творится в Рагнаире. По всем районам с данными порядок, а по этому бардак полный. Все отчеты в кучу свалены, никакой системы. В них, похоже, оборотов десять шош не валялся. Да и документы я едва нашел. Притом не все – часть кто-то в архив запихнул, часть, видимо, уже уничтожили. Хорошо, что мы анонимку получили, иначе бы так и не обратили внимания.

– Сопоставляем все имеющееся в нашем распоряжении с тем, что забрали в поселке, и ищем нестыковки? – несмотря на утомленный вид, быстро сориентировался Ньевор, пробегая глазами по столешнице и изучая объем работы.

– Надо понять, что пытались скрыть, – удовлетворенно кивнул Легор. – Чую, тут пахнет глобальной махинацией! А если это так, то...

Он хищно ухмыльнулся, мысленно представляя, как организаторы аферы корчатся в муках на полу тронного зала, а он получает награду из рук дагона. И повышение!

– Приступаем! – скомандовал, показательно засучив рукава.

Начальственный призыв касался не только опоздавшего, но и второго помощника, который до этого лениво читал ближайшую к нему бумагу. Теперь же ему пришлось сосредоточиться и взяться за дело основательно. Но даже после этого к обеденному перерыву количество рассортированных документов с его стороны уступило тем,

что ровными стопками лежали со стороны Ньевора. К вечеру перевес стал настолько заметным, что Легор не выдержал:

– При таких темпах, Тракс, мы и к следующему обороту с делом не разберемся. Бери пример с Ньевора – ночка у него была та еще, но как работает, а?!

Комментарий попал в цель. Тракс бросил злой взгляд на равного ему по статусу конкурента, огрызнулся: «С девкой, небось, ни фиги не вышло, вот ему энергию девать и некуда» и с удвоенным рвением набросился на бумаги. Даг же довольно усмехнулся – соперничество он считал куда более эффективным, нежели равноправие. Однако с того момента, как в штате департамента появился Ньевор и одинаковых по статусу помощников стало двое, никак не получалось столкнуть их и вынудить выстроить внутреннюю иерархию, а тут такой повод подвернулся удачный.

Однако долговязый, поглощенный очередным документом, лишь отчетливо скрипнул зубами, видимо решив и на этот раз избежать выяснения отношений, и потому Легор подлил масла в огонь.

– Не вышло? – протянул с деланным сомнением. – Странно. Я слышал, сельские девки безотказные и горячие, мертвого поднимут.

– Значит, даже такая ему не по зубам, – не сдержался и хохотнул Тракс.

Спусковой механизм сработал. Уронив на стол накопитель, который только что вытащил из еще не рассортированных материалов, Ньевор перегнулся через стол, упиравшись ладонями в столешницу.

– Ты бы свои умозаключения при себе держал, – прошипел предупреждающе.

– А ты бы мне не указывал, – не внял угрозе оппонент, повторяя его движение.

Даже даг Легор непроизвольно подался вперед. Замер, опасаясь спугнуть прожигающих друг друга взглядами парков, и, наконец, услышал желанное:

– Вызов! – еще сильнее вытянулась длинная шея, приближая встрепанную темноволосую голову к чуть более светлой, но не менее взъерошенной.

– Принимаю, – растянулись в кривой усмешке полные губы, обнажив белые зубы. – Полный разбор и анализ всей документации по Рагнаиру за три дня!

Ньевор вздрогнул. Условие Тракс поставил практически невыполнимое. Не настолько, чтобы обвинить его в умышленном намерении превысить возможности противника, но оно точно было на грани.

– Принимаю, – зло процедил в ответ и припечатал: – Без права ответного вызова.

Теперь уже побледнел Тракс. При таком раскладе, если противник задание выполнит, реабилитироваться, вернуться на исходную позицию не получится. Придется всю жизнь безропотно отходить в сторону и подчиняться. В то время как у Ньевора, даже в случае проигрыша, останется право бросить ему новый вызов. Вот только отступать было поздно, да и невозможно в присутствии свидетеля, который с явным удовольствием наблюдал за поединком.

– Ты проиграешь! – яростно выплюнул, отталкиваясь от стола. Словно случайно задел стопки бумаг, смешав их и фактически сведя на нет все, что сделал за день.

– Кх-м, – прокашлялся Легор, но его поступок комментировать не стал, лишь подтвердил: – Вызов есть вызов. Тогда, Тракс, завтра мы с тобой поедem на новый объект, а ты, Ньевор, остаешься работать с документами. А сейчас по домам.

– Я могу взять часть материалов с собой? – хрипло выдохнул долговязый.

– М-м-м... не думаю, что это хорошая идея, – отрицательно покачал головой даг. – Тебе определенно надо выспаться. Отсчет времени пойдет с завтрашнего утра, – решил и, посмотрев на скривившуюся физиономию второго помощника, добавил: – Раз уж на то пошло... Тот из вас, кто в итоге получит преимущество, получит прибавку к зарплате. Думаю, это справедливо при таких жестких условиях.

Тихий щелчок, и владеющая мной легкая полудрема исчезла.

Не открывая глаз, я с удовольствием потянулась, скользя ладонями по гладкому белью. Блаженно вздохнув, зарылась лицом в уютную мягкость подушки... Эх, как же здорово, когда спать приходится не на жестких камнях! И не на сеновале, который, разумеется, приятнее, но колется. Ну да, это уже не первая ночь в

комфорте, а третья, но этот факт все равно не мешает мне наслаждаться ощущениями! Теплом. Тишиной. Спокойствием...

Голодное бурчание желудка сбило с мысли, сигнализируя: не все в рассуждениях верно! Есть неучтенный фактор! Который настаивает, нет, требует, немедленного решения.

Впрочем, фактор этот был не единственным. Вторым оказалась потребность избавиться от излишков жидкости в организме. Но не успела я спустить ноги на пол, как возник и третий – желание проверить, действительно ли я осталась в квартире одна. Или щелчок, так похожий на смыкание створок входной двери, имел какое-то иное происхождение?

Третье реализовалось первым – добежав на цыпочках по проема, а потом проскакав по коридору и заглядывая в другие помещения, но все же неуклонно приближаясь к туалету, убедилась – кроме меня, дома никого нет. Ньевор, следуя какому-то одному ему ведомому графику, исчез ни свет ни заря, как и в предыдущие дни.

В общем, очередь желудка подошла последней. И то лишь после того, как я сменила тонкую рубашку-пижамку на домашнее платье. Конечно, по опыту прошлых дней я знала – парк вернется совсем поздно, но рисковать не стоило.

Кстати, новой одеждой я обязана именно отсутствующему хозяину квартиры. Он ведь, оказывается, первую ночь не просто так не спал – успел заказ сделать. Возможно, даже ко мне заглядывал вовсе не по причине моральных терзаний относительно физиологических потребностей, а всего лишь сомневался, какой размер брать. Но проявил сочувствие и будить не стал. Оттого утром метался по квартире, спешно собираясь на работу, хоть и злой, потому как невыспавшийся, а все равно выкроил несколько минут на то, чтобы сбегать к доставке и купленные вещи мне принести.

– Старое выбросить! – приказал непререкаемо, бросив пакет поверх одеяла, которое я на себя натягивала. И исчез. Я даже спасибо сказать не успела.

А вечером, когда попыталась это сделать...

– Чего? – Ньевор посмотрел на меня таким непонимающим взглядом, словно это его двойник утром проявил невиданную щедрость, а не он. – Одежда? Уй... – болезненно скривился, будто я на мозоль ему наступила. – Дея, не лезь ко мне со своими женскими

глупостями. Если я что-то делаю, значит, так надо. И вообще... можешь помолчать? Мне надо подумать.

Я и молчала весь ужин, пока он думал. Потом мы спать легли. Утром я не заметила, как рарк ушел, а пришел еще позднее, чем в предыдущий день. И я не рискнула лезть к нему – мрачному и ушедшему в себя, едва ковырнувшему вилок еду и тут же отправившемуся в спальню. А когда на следующий день все повторилось, задумалась: либо рарки все ненормальные, либо мне достался какой-то странный. Хотя не исключен и третий вариант – у Ньевора какие-то проблемы, потому он и не в себе. Но что из этого верно... оставалось лишь гадать.

А как гадать, не имея информации? Никак. Вот потому я, благо времени было достаточно, этим и занималась. То есть активно изучала окружающее пространство. Планировку, мебель, технические устройства, домашнюю утварь... Я даже рискнула выйти в общий коридор и прогуляться до той самой платформы, которая поднимала жильцов к их апартаментам.

Открытий для себя сделала немало. Больше, конечно, умозаключительных, нежели фактологических, но даже это уже прогресс. Итак...

Первое. В жизни на верхних этажах нет никакого престижа. Иначе местная мадам, в ожидании платформы, не выговаривала бы своему спутнику: «Последний оборот я это терплю. Если не купишь квартиру в нижнем ярусе, обо мне можешь забыть».

Второе. Один из коридоров заканчивается открытым балконом, а с него далеко внизу видна площадь с парком, по которому мы с Ньевором шли. Может, конечно, другая, потому что чуть дальше виднелась еще одна, но очень похожая. И несмотря на то, что, кроме меня, желающих провести время на балконе не наблюдалось, я с удовольствием подставляла лицо теплему ветру и рассматривала крошечные движущиеся точки. В общем, негатива по отношению к высотному месту жительства я не разделила.

Третье. Рарки – существа абсолютно безбашенные в плане сохранности личного имущества, потому что дверей не запирают. Нет у них замков! Нигде! Ни на дверях в квартиры, ни на шкафах! А комнаты совсем без дверей. Даже гигиенические. Такое впечатление,

что в этом мире единственный замок – на ящике стола в доме старика, где была спрятана коробка с загадочным флакончиком.

Четвертое плавно вытекло из третьего. А именно: я порылась в самых разных... легкодоступных местах в пределах жилплощади Ньевора (заходить в соседние квартиры не рискнула) и убедилась – читать я не умею категорически, а наглядные картинки рарки в письменности не используют. Потому как нашлась уйма информационных пластин, оставшихся для меня тайными манускриптами.

Пятое. Техника тут... Ну нормальная техника! Я не ошиблась, когда причислила рарков к развитой в этом смысле цивилизации. Беспроводная передача энергии, антигравитационные механизмы, ультрамикропроцессоры, волновые излучатели, силовые компрессоры, вакуумные нагнетатели... Опять же обратимая дегидратация... Просто рай для специалиста! То бишь меня.

Разобраться с назначением и принципом работы большинства бытовых приборов труда не составило. И даже несмотря на то, что в присутствии хозяина я упорно делала вид потрясенный и опасливый (исключение составлял тот самый кухонный агрегат, название которого мне так и не удалось выяснить), в его отсутствие я нагло пользовалась благами цивилизации.

Впрочем, моя наглость держалась в рамках инстинкта самосохранения. Быть застуканной на месте преступления я не хотела. И потому все делала с оглядкой.

Вот и сейчас, после завтрака, прежде чем удобно расположиться на диване в бордовой гостиной и включить визор – то бишь устройство, транслирующее новости и развлекательные передачи, – я рассыпала перед входной дверью сухие питательные гранулы. Так у меня есть шанс узнать о возвращении хозяина квартиры. Бесшумно мимо такой ловушки Ньевор не проскочит, а если я закончу просмотр раньше, то все соберу, он и не заметит. По крайней мере, в прошлые дни убирать успевала до его появления.

Местный аналог нашего земного головидения был не таким уж реалистичным. Изображение, хоть и голографическое, но плоскостное, не объемное. Цветовая насыщенность не самая высокая. Контурные контрастные и четкие только при стабильной картинке, а при смене кадров сразу «плывут». Звук – моно, не стерео. В общем, создателям

сего «шедевра» еще есть над чем работать. Тем не менее для меня в настоящий момент это был единственный источник информации! С которого я не сводила глаз, запоминая, вслушиваясь, вдумываясь и анализируя.

– На орбитальной станции вводится в эксплуатацию новый рабочий модуль, предназначенный для ремонта и тестирования патрульных крейсеров. В сфере оптимального использования космического пространства Ракис вновь лидирует среди других планет, – лучезарно улыбаясь, вещала сидящая за столом симпатичная остроухая темноволосая дикторша, в идеально пошитом лиловом деловом костюме. За ее спиной на фоне звезд и космоса медленно вращалась эта самая станция и на пару мгновений попала в кадр полусфера с бежево-коричневой поверхностью, испещренной белесыми штрихами.

Планету я узнала сразу. Ведь именно она появилась на экране дискоида, когда рарки на нас напали. Именно на ней я сейчас находилась. А теперь и название мне известно. Ракис...

– Очередной совет правящей тетрады состоится через десять дней и продлится стандартные сутки. На Лангосте и в прилегающем секторе космоса в это время будет действовать режим повышенного уровня безопасности.

М-да... Они и так палят по всем без предупреждения. Боюсь представить, что означает этот «повышенный уровень». Не меньше, чем уничтожение угрозы до того, как у нее самой возникнет мысль, что она может стать таковой.

Появившееся на экране изображение сине-красной планеты сменилось колоритным пейзажем: коричневые горы с белыми вершинами, море растительности цвета морской волны и мегаполис на горизонте.

Видимо, у рарков несколько населенных планет. Две как минимум. Хотя если подумать... правящая тетрада... Возможно, это означает, что есть четыре планеты, у каждой из которых свой правитель, но общее правление.

– Согласно сводным данным Департамента аналитики и статистики за последний оборот по поставкам и вкладу в экономику Ракиса лидирует провинция Гохор, где объем добычи шритовой руды превысил их собственный рекорд, поставленный три оборота назад.

Дагон Зирьер Вайс выразил благодарность дагам и работникам своего региона, а также надежду на высокие показатели в будущем. Второй в рейтинге стоит провинция Шиссар, поднявшаяся сразу на шесть позиций по сравнению с прошлым оборотом. Дагон Пурс Кьер официально заявил, что это не предел и работа продолжается.

Ага... То есть планета разделена на провинции, и во главе каждой – дагон. А «даг» это, по всей вероятности, еще один начальственный статус чуть более низкого уровня.

– Традиционно, со времени начала ведения статистики, последнюю строчку рейтинга занимает провинция Рагнаир. Однако дагон Дьер Шайхот заверяет, что прикладывает все силы, чтобы ситуация изменилась. Напоминаем, что двадцать шесть оборотов назад, при назначении на должность, на него, как на одного из сыновей правящей тетрады, были возложены особые полномочия. Так что мы все ждем результатов.

Упс! «Отдашь только дагону Дьеру Шайхоту» – как наяву резанул по сознанию голос старика, а я мысленно застонала. Ничего себе требование! Где я и где этот... дагон! Да еще и приближенный к правящей верхушке! Меня ж к нему на пушечный выстрел не подпустят! Ну и как я обещание буду выполнять?

Никак – холодным душем окатило осознание. У меня нет для этого ни возможностей, ни того самого флакона, ни даже способа вернуться, чтобы его забрать. Если он вообще цел.

Придется мне смириться с тем, что я буду вечной должницей перед рарком, который... А, кстати, что он сделал? Заставив втереть жидкость, закрепил возможность понимать и говорить? Да, похоже на то. Но именно похоже. Может, она и так у меня бы не пропала. Гадать тут бессмысленно.

Не только новостная программа оказалась информативной в плане познания менталитета рарков. После нее начался фильм, хотя, скорее, сериал, потому что менялись короткие сюжетные фрагменты, а основные действующие лица оставались теми же. И вот тут стало понятно, что имел в виду Ньевор, когда говорил про некий вызов.

Оказывается, у ушастых типов все в жизни строится на жесткой иерархии. Либо подчиняешься и уступаешь ты, либо тебе. Равенство возможно лишь как временный, промежуточный этап, и то условное – в случае если встречаются два рарка, которые ранее не

взаимодействовали. А дальше начинается выяснение «кто круче». Своеобразный спор. В некотором смысле пари. И вот как раз это выяснение и есть вызов. Его можно принять – соответственно выиграть или проиграть, бросить свой или ответить встречным, отказаться, проигнорировать, уступить... Ничуть не меньше было и форм: от физической борьбы до интеллектуальной дуэли.

В общем, вариаций оказалось так много! Трудно было предсказать, какой тип «вызова» выберет главный герой, который из серии в серию только этим и занимался, поднимаясь по служебной лестнице, уничтожая врагов и добиваясь расположения дам. Последние, кстати, в стороне не оставались и лезли грудью четвертого размера на амбразуру ничуть не менее активно. То есть вызовы тоже бросали. Правда, чаще проигрывали, поэтому сколько их перебывало в постели местного мачо, я точно сказать не могла – перестала считать после первого десятка.

Прояснился и мучающий меня вопрос высокой частоты, с которой рарки хватаются за оружие и практически не раздумывая применяют по прямому назначению. Просто закон им это позволяет. Принцип в нем заложен такой: уверен в необходимости – пожалуйста, стреляй. Но если ошибся и действовал необоснованно, следующей мишенью будешь ты сам.

Как они вообще еще живы, с такими законами... Не понимаю.

Задумавшись об этом, я так глубоко ушла в себя, что о реальности забыла. О том, что вечер неуклонно приближается, потому что атмосферная дымка за окном уже тускнеет. О том, что головизор продолжает работать, демонстрируя очередную красотку, флиртующую с местным кобельеро. О том, что нужно успеть приготовить ужин...

Спихватилась, когда до сознания дошли неестественные звуки: хриплая ругань и треск лопающихся гранул.

Осознав ужас своего положения, подорвалась и заметалась по комнате. Рванула в коридор, чудом ухитрившись щелкнуть выключателем головизора, и, не успев затормозить, впечаталась в грудь прущего мне навстречу Ньевора. Причем злущего до крайности, потому что пальцы намертво вцепились в мои плечи, толкая обратно, а на голову обрушилось:

– Ты с кем там разговаривала?!

– Ни с кем! – жалобно пискнула я, но, по-моему, это было совершенно бессмысленно.

Гневно сопящий рарк испепеляющим взглядом окинул помещение, естественно, никого не обнаружил и снова пошел в наступление:

– Кто с тобой был?! Я же слышал!

– Никого не было! – взвизгнула я от страха, и, наверное, из-за него же мозг моментально придумал оправдание: – Я пела!

– Что?... – изумился, отступая, Ньевор. Похоже, от такого признания он опешил куда сильнее, чем если бы обнаружил в комнате десяток мужчин.

– Пела! – сообразив, что терять мне все равно нечего, нагло отрезала я. – Ля-ля-ля... – сфальшивила фальцетом. – До-о-о... – последнее выдала басом, чтобы окончательно снять подозрения.

– Зачем? – потрясенно выдавил рарк, часто моргая. Одна из его рук с моего плеча медленно переместилась на ремень брюк, и я решила обороты снизить. Несколько секунд помолчала и, шмыгнув носом, спокойно ответила:

– Скучно.

Вполне вероятно, что на этом скандал бы и завершился, если бы Ньевор не вспомнил о гранулах.

– А сублиматы рассыпала тоже потому, что скучно?! – рявкнул, вытаскивая меня за шкурку обратно в коридор.

– Я случайно. Хотела убрать. Пошла искать тряпку, отвлеклась и забыла.

– Гр-р-раш! – сердито выругался рарк. Отпустил меня и, неуклюже подпрыгивая, быстро прошел в сторону кладовой. А когда вернулся, вручил в руки впитывающую ткань и приказал: – Убирай!

Я именно этим и занялась, ползая на коленях по полу и сгребая в кучу уцелевшие и раздавленные шарики. Ньевор, по-прежнему неуклюже, заваливая ботинки на ребро, чтобы не разносить по квартире прилипшие к подошве гранулы, направился сначала в ванную, потом, уже без обуви и носков, босыми мокрыми ногами прошлепал к себе переодеваться.

Выбросив мусор в утилизатор, я поспешно принялась за готовку. Естественно, не успела.

– Ты даже ужин не сделала?! – рявкнул мужской голос за спиной. Вернее, прямо в ухо.

Я подпрыгнула. Рефлексы сработали, сама не ожидала. А в итоге...

В итоге новая, только что открытая коробка, которую я держала в руках, дернулась так сильно, что заполняющие ее гранулы оставаться внутри уже никак не могли. С радостным перестуком покатались по столу и не менее активно поскакали на пол.

– Прос...

Не договорила. Вернее, не дали. Видимо, произошедшее стало последней каплей, и Ньевор сорвался окончательно.

– Ты издеваешься? – взвыл, выхватывая коробку и швыряя ее в мусорку. С той же силой оттащил меня от стола и впечатал в стену. – От тебя одни проблемы! – проорал в лицо. И даже то, что я зажмурилась и вжала голову в плечи, меня не спасло. – «Я все, что скажете, буду делать: убирать, готовить, шить. Я буду хорошей помощницей». Твои слова?

Мне показалось, это был вопрос. Увы. Мое тихое: «Я стара...» он не услышал.

– Я тебя не для того забрал, чтобы влипнуть в неприятности! И дома от тебя никакой пользы! Ты настоящее бедствие! Или от того, что спариваться не с кем, у круглоухих вообще мозги отказывают? Так это легко исправить.

Схватив меня за руку, поволок в коридор. Нет, в спальню. А я в шоке от его действий, от напора, с которым этот щуплый на вид субъект на меня набросился, но больше, наверное, от непонимания – что ж он так трепетно к этим гранулам относится?! – даже сказать ничего не могла.

Упав на кровать спиной, потянула было вниз задрвшуюся юбку, которая и так-то не слишком сильно закрывала ноги, но жилистые мужские пальцы, одним движением схватив ткань на груди и рванув на себя, оставили от платья лишь два разорванных куска. И это при том, что ни намека на вожделение в маленьких темных глазках не было, лишь злость и раздражение. Даже когда на обозрении оказались обычно для мужчин привлекательные... части тела.

Наверное, от смущения, потому как нижнего белья на мне не было, я дернулась, переворачиваясь на живот. К сожалению, поза

оказалась не самой удачной для спасения. Подхватив за бедра, Ньевор резко меня поднял, поставив на колени. Удерживая одной рукой, другой начал расстегивать ремень.

И я... Я застонала. От собственного бессилия, от понимания, что нет у меня возможности что-либо изменить, от безысходности...

А потом поняла, что Ньевор остановился. Замер, прекратив раздеваться. Неожиданно резко меня оттолкнув, перекатился на бок и слез с кровати, рявкнув:

– Убирайся! Немедленно! Вон из моего дома, пока жива! И чтобы я тебя больше не видел!

Трясущимися руками я схватила то, что осталось от одежды. Прижав к себе, выбежала в коридор и лишь там попыталась ее на себя натянуть, оглядываясь на проем, из которого вот-вот мог появиться разгневанный рарк. Поняв, что занятие бессмысленное, прошмыгнула в комнату, чтобы надеть хотя бы ночнушку. Огляделась в поисках обуви, потому как домашние туфли благополучно свалились с меня в спальне...

– Ты еще здесь?

Уже нет.

Как есть, босиком, в тонкой рубашке и, сжимая остатки платья в руках, я скользнула мимо Ньевора на выход. О том, куда именно бегу, в тот момент даже не думала. Наверное, потому, оказавшись за дверью, метнулась туда, куда чаще всего ходила эти дни, – смотровой балкон.

По сути, больше мне и некуда было бежать. На платформу? Она ночью редко ходит, это я от недовольных жителей «поднебесья» слышала. Но даже когда дождусь, что дальше? Вниз, в неизвестность? Ночью, да еще и в таком потрепанном виде? Не зная, как на меня среагируют другие? С их менталитетом всего можно ожидать. Есть, конечно, еще один путь...

Вцепившись в перила, я заглянула в темный клубящийся туман, скрывающий в себе неясные огни отраженного от окон света, и отпрянула. Нет уж. К нему не готова точно.

Опустилась на пол, сжалась в комочек, больше не сдерживая рыданий, которые до этого безмолвными приступами сотрясали тело. Какая же я все-таки дура! Гранулы рассыпала у дверей, еще и радовалась, какую удачную хитрость придумала. Идиотка! Вот он, результат.

Уткнувшись лицом в мягкий ком, когда-то называвшийся платьем, я так и сидела, вздрагивая каждый раз, когда из общего коридора до меня доносились какие-то звуки.

Металлический лязг скрепляющейся с этажом платформы. Чьи-то торопливые шаги, эхом отражающиеся от стен. Смех, кажется идущий с балкона, где-то еще выше. Далекий стрекот от неведомого мне источника. И на грани восприятия, хриплое: «Дея?»

Встрепенулась, напряглась, вслушиваясь, готовая то ли снова бежать, то ли забиться куда-нибудь подальше. Но больше ничего тишины не нарушило. И голову я опустила. Показалось.

Наверное, даже незаметно задремала, потому что неожиданно очнулась от громких голосов, раздавшихся совсем рядом.

– Не хочу возвращаться, здесь проще.

– Побыстрей. Я жду.

Первый голос был женский, и именно девушка спустя мгновение впорхнула на балкон. Молодая, одетая в нарядное платье до колен, с наброшенной поверх него короткой пелериной. На меня она бросила лишь краткий взгляд и спокойно села на узкую скамеечку, выступающую из стены. Закинув ногу на ногу, стянула туфельку и принялась поправлять, видимо, неудобно надетый мысок колготок. Она ничуть не удивилась тому, что кто-то решил здесь ночевать. И даже мой облик ее не смутил. Или она только вид сделала?

– Овриса, ты скоро? Опоздаем, – поторопил второй голос, мужской, и незнакомка, быстро вернув обувь на ногу, тут же вскочила.

– Все, все, иду...

Я ее по-прежнему не интересовала. Возможно, моя потрепанная персона также не заинтересовала бы и тех, кто оказался рядом, реши я все же спуститься на платформе и куда-то пойти. Но сейчас встать и двигаться казалось мне нереальным. Тело задеревенело, как в горах на камнях, в душе царило полное опустошение, сил не было совершенно. Их хватило лишь на то, чтобы откинуть голову и снова закрыть глаза.

Мне было хорошо. Почти. Мешал взгляд. Пристальный, жесткий. И дыхание. Тяжелое, шумное.

Я лениво подняла веки. Фон уже светлеющего неба темным силуэтом перекрывала ломаная, неуклюжая фигура.

Ньевор.

Мелькнувшая мысль и... И ничего. Организм реагировать не пожелал. Появление рарка меня не удивило. И не ужаснуло. Мне было все равно. Меня не интересовало, зачем он пришел, почему, что будет делать...

— Ты здесь.

Прозвучало это не как вопрос. Утверждение. Не злое, не раздраженное. Просто факт.

— Я не в... твоём доме.

Не знаю, почему я это сказала. Я вообще не хотела говорить. Но слова сами по себе сорвались с губ.

— Это вызов? — удивленно вскинулись тонкие брови.

Вызов? Какой еще вызов? Логика я не поняла.

И снова мое подсознание среагировало до того, как я определилась:

— Ты сказал, что его не примешь.

Совсем краткий миг молчания, и уверенное:

— Ты уже не в моем доме.

Э-э-э... И что? Как это связано? И вообще, чего это он так улыбается?!

— И я его принимаю, — продолжил Ньевор, приседая, чтобы оказаться со мной на одном уровне.

Окончательно прекратив попытки хоть что-то понять, я пожалала плечами. Вернее, нервно передернула, то ли от холода, то ли от озноба. Только сейчас заметила, насколько сильно замерзла.

Увидел это и рарк.

— А ну-ка...

Подавшись вперед, он с легкостью взвалил меня на плечо и без видимых усилий поднялся на ноги. Поза оказалась не самой удобной — я чувствовала его кости, упирающиеся мне в живот, — но сил спорить и требовать поставить меня обратно не было.

К счастью, и терпеть пришлось недолго. Дальше своей квартиры нести меня Ньевор не собирался. А когда опустил...

Наверное, мой визг в этот момент точно переполошил соседей, а рарка оглушил. Последнему досталась не только звуковая атака, но еще и водный душ. И причина была простая до банальности — холодными ногами встать в горячую воду! Немудрено, что я выпрыгнуть попыталась. И Ньевора обрызгала.

То есть он опять разозлится?

На этой мысли я замерла, непроизвольно вцепившись в плечи удерживающего меня рарка. Вот только ожидаемой реакции не последовало. Совсем иная.

– Потерпи, – спокойно приказал он. – Это только ощущения. Вода едва теплая. Сейчас привыкнешь.

«Прав, прав», – билась в мозгу судорожная мысль, в такт толчкам крови и жгучим иглам, принявшимся терзать тело.

И все равно я не выдержала, тихонько заскулила, когда руки мужчины надавили, заставив полностью опуститься в углубление в полу ванной комнаты, постоянно заполненное водой, обновляющейся после каждой «помывки». Она действительно всегда была теплой, а увеличить или уменьшить ее температуру можно было регулятором на стене.

– Грейся, я сейчас приду.

Отсутствовал он долго. То есть «сейчас» растянулось... ну, наверное, на полчаса. Возможно, больше. А может, это было субъективное ощущение?

В любом случае за это время я действительно согрелась и даже сделала воду чуточку горячее. Задумалась было насчет одежды – Ньевор ведь меня прямо в ночнушке купаться отправил, – но решила ее не снимать. Не хватало еще смущать рарка. И самой краснеть со стыда.

Конечно, в мокрой тонкой тряпочке, облепляющей тело, я тоже не выгляжу особенно целомудренно. Но все же это лучше, чем ничего.

Вместе с теплом в организм вернулась энергия. Уже и спать не так хотелось, и мозг наконец проявил сообразительность, прагматично сопоставив мой невнятный лепет, ответы рарка и все то, что я успела об этой расе узнать. В общем, как ни крути, а выходило, что я действительно ухитрилась бросить вызов Ньевору. А он его принял, потому что его же собственное прежнее заявление, что я не имею права что-либо требовать, утратило силу, когда он меня выгнал. Осталось понять, какими рарк увидел условия нашего с ним пари, раз обрадовался и так кардинально изменил свое поведение. Я вроде ничего детального не просила.

Теперь мне не хватало двух вещей. Окончательного ответа и... еды! Я ведь так и не поужинала. Вопрос с одеждой, конечно, тоже

стоял, но не так остро. В конце концов, можно завернуться в полотенце...

Последнее не понадобилось. Вернувшийся Ньевор держал в руках пакет, сквозь который просвечивала ткань приятного синего цвета.

– Сама справишься? – поинтересовался и, едва я кивнула, тут же исчез, оставив пакет на тумбочке.

Сгорая от любопытства, я стягивала мокрую ночнушку, вытиралась и сушила волосы, вскрывала упаковку... Одеждой оказался теплый длинный халатик с поясом, а мои домашние тапочки ждали меня в коридоре за занавеской. Так что босиком идти мне не пришлось. Зато пришлось остановиться, делая выбор – куда именно направиться.

– Завтракать! – развеял мои сомнения строгий голос, доносящийся с кухни.

Вошла я с опаской. Может, в голове у этого рарка что-то и щелкнуло, сместив акцент поведения с агрессии на доброжелательность, но откуда я знаю, на какой срок сохранится эффект?

– Пришоединяйша, Дея.

Жующий Ньевор дернул головой в сторону свободного стула, перед которым на столе стоял стакан с соком и полная тарелка, и продолжил ковырять ложкой свой завтрак. В итоге его он съел раньше, и потому доедала я уже под пристальным взглядом маленьких черных глаз, отслеживающих каждое мое движение.

– Ну и что нам с тобой теперь делать? – неожиданно сокрушенно вздохнул рарк.

Я подавилась. Пока откашливалась, пила сок, вытирала выступившие на глазах слезы, Ньевор терпеливо ждал. А когда я выдавила потрясенное: «Нам?», растянул губы в вымученной улыбке.

– Ты же хотела равных прав на одной территории.

Э-э-э... То есть тогда, на балконе, мой ответ: «Я не в твоём доме» на его: «Ты здесь» означал заявление, что вне своей квартиры он мне не указ? А потому я могу сидеть где хочу? И он решил, что я вернусь обратно, ну или он меня вернет, только на условиях равенства?

– Разве равноправие между нами возможно? – не нашла ничего лучше, чем спросить. И тут же пожалела, потому что Ньевор нахмурился.

– Ты снова бросаешь мне вызов? Дея, притормози. Первый я принял без ответных условий, понимая, что сам виноват, погорячился. Второй обойдется тебе дороже.

Упс... Я зажала рот рукой и вторую приложила для надежности. С этим рарком лучше вообще молчать, раз он любой вопрос как сомнение в его возможностях воспринимает. С другой стороны, я сама сглупила, не подумала, что «равные права на территории» – это очень узкая степень свободы, а вот «равноправие» наверняка рассматривается в самом широком смысле.

– Так что же нам делать? – повторил Ньевор, но я лишь крепче прижала руки ко рту и помотала головой.

Ну нет, больше я ничего не скажу, целее буду.

– Ладно, извини, – рарк болезненно скривился и запустил пятерню в волосы, окончательно разворошив челку. Посмотрел на меня из-под руки и признал: – Понял я, понял, что ты меня не провоцировала. Просто по дурости ляпнула. Теперь буду это учитывать. Говори, не бойся.

Пришлось поверить. И рискнуть. Потому что, если бы я поступила иначе, он бы наверняка еще что-нибудь себе напридумывал.

– Может, просто жить? – осторожно предложила. – Пусть все идет само собой. Ты будешь работать, я дома... – запнулась, вспомнив рассыпанные гранулы и скандал. Но все же договорила: – За порядком следить.

– Я о другом вообще-то спрашивал. – Ньевор наконец оставил в покое свою шевелюру и, уперев острые локти в столешницу и переплетя пальцы, опустил на них узкий подбородок. – Ты ведь захочешь со мной... – он стушевался, явно подыскивая слова, – отношений.

О как! Значит, с другими это называется «спариваться», а с ним – «отношения». Мило.

Потому, наверняка из чувства противоречия, а может из-за невесть откуда взявшейся обиды, я сказала то, что, наверное, сказала бы настоящая Дея:

– А если захочу, ты будешь против? Я тебе настолько противна?

Ляпнула и ужаснулась. Это уже не вызов, это оскорбление. Вот кто тянул меня за язык?!

Поспешно сползла со стула. Теперь над столешницей остались только мои глаза, внимательно наблюдающие за рарком. А тот приоткрыл рот, растерянно похлопал короткими ресницами и неожиданно засмеялся:

– Вылезай, Дея.

Он даже встал и протянул руку, чтобы мне помочь.

Игнорировать галантный жест я не стала, а когда поднялась, получила сомнительный комплимент.

– Какая ты все же глупая.

О, как в этот момент мне хотелось воскликнуть: «Это вызов?» А потом наглядно ему доказать, что интеллект круглоухих может дать фору даже таким умникам, как он.

Сдержалась. Я еще слишком мало знаю о рарках и совсем ничего о самом Ньеворе. Вдруг за такие отклонения у них тут положен расстрел на месте? Конкуренции они не любят.

Пока я мысленно фыркала, возмущалась и сама же себя успокаивала, рарк потянул меня за руку, вынуждая шагнуть к нему ближе. Я напряглась было, но обниматься он не полез, лишь по волосам погладил и выдал:

– Ты очень красивая, Дея. Но, понимаешь, для меня этого мало. Чисто физическая разрядка, сброс напряжения это, конечно, важно, но... неправильно. Интимные отношения в первую очередь должны строиться на притяжении душ и лишь во вторую – тел. Секс без чувств это унижительно. И мне хочется быть уверенным, что ты со мной не потому, что тебе нужно удовлетворение, а потому, что именно я тебе нужен. Хоть немного.

Ну все. Приплыли. Получается, достался мне романтик и идеалист. То есть я, такая вся развратная, готова хоть сейчас затащить его в постель, а он принципиально без любви ни-ни! Даже не поцеловать!

Вот и что делать?

Что, что?... Радоваться. Будь Ньевор другим – таким же неразборчивым, как герой того самого популярного у рарков сериала, – проблем у меня было бы несоизмеримо больше. А так все обошлось лишь нервотрепкой и непонятками, которые благополучно прояснились.

И ведь его позиция мне нравится! Даже не в том смысле, что она удобна и страхует меня от принуждения, а потому, как созвучна с тем, что я сама про личные отношения думаю! Я ведь тоже любить хочу и быть любимой. Жаль, что ему об этом не скажешь... Не поверит.

– Молчишь, – разочарованно вздохнул Ньевор.

Отпустив мою руку, он отошел к окну, оперся на подоконник и замер, глядя куда-то вдаль. Видимо, решил, что разговор бессмысленный. На Земле говорят: «Горбатого могила исправит», а на Ракисе, наверное, в ходу: «Круглоухого не переделать».

Глядя на нескладную фигуру в тонком, невнятного серого цвета вязаном свитере и коричневых бесформенных брюках, – он ведь как в таком виде пришел вчера, так и не переоделся, – я никак не могла определиться с ответом. Заверять, что я не такая, как он обо мне думает, опасно – он ведь примется за мной ухаживать, рассчитывая на дальнейшую взаимность. Сказать, что я его понимаю, но сделать с собой ничего не могу, еще опаснее – Ньевор во мне разочаруется окончательно, и тогда вообще неясно, как в отношении меня поступит. А мне ведь выжить нужно. И домой улететь. Без его помощи вряд ли получится. Первое точно.

– Может, нам для начала попробовать узнать друг друга получше? – рванула в бой, когда отыскивала золотую середину. – Сложно принимать решения вот так, совсем ничего не зная.

Обернулся. Вслушиваясь в мои слова, голову набок наклонил – смешно, по-птичьи, став похожим на ушастую тощую ворону. На миг мне показалось, что в черных глазах мелькнуло удивление, и я забеспокоилась – не слишком ли рассудительная для дурочки-Деи фраза получилась. Но ничего, обошлось.

– Правильно. Не будем форсировать события. – Ньевор кивнул и оттолкнулся от подоконника. Посмотрев на белую настенную панель, где медленно перетекали одна в другую черные черточки и геометрические фигуры, сообщил: – Мне на работу пора. Идем, я покажу, как пользоваться волнором, чтобы тебе не скучно было. Надеюсь, не испортишь.

Последнее пробормотал совсем тихо, и я сделала вид, что не расслышала. А потом радовалась, потому что «волнором» оказалось то самое устройство видеотрансляции. И теперь я могла его смотреть на законных основаниях, не таясь.

Правда, злоупотреблять разрешением я не стала. Сначала убралась на кухне, потом занялась комнатой Ньевора – там не только на кровати все оказалось скомкано, но и на полках шкафов порядка было мало. Я даже ужин решила сделать заранее и уделить этому процессу больше внимания, чтобы хоть немного порадовать Ньевора. Мужчина должен хорошо питаться, нормальными продуктами, а не сидеть на одних сублиматах, пусть даже с разными вкусами. Этот «продукт» только поначалу казался мне шедевром кулинарии, а за три дня изрядно надоел. Я даже сегодня завтракала без особого аппетита, несмотря на голод. Не представляю, как Ньевор ест это постоянно. Ну и стоит ли удивляться после этого, что он такой тощий? И злой.

В общем, перво-наперво я изучила пространство кухни с той же тщательностью, с которой до этого осматривала шкафы в комнатах. Нашла убранные с глаз долой, видимо за ненадобностью, аналоги терки и разделочной доски. На задворках антресоли с мисками, обнаружили сковорода и кастрюля. Ничего принципиально нового тут не изобрели. Вот ведь! Чужая планета, иная цивилизация, а направление мышления сходное!

С продуктами оказалось не так просто. Свежих я вообще не нашла, из сухих были только сублиматы, а на «натуральность» условно тянули лишь герметично упакованные в вакуумные формы, неведомые мне плоды, корешки, куски... возможно, мясные. Надписи на них были, да только толку, если я читать не умею?

Пришлось экспериментировать. Вскрывать, нюхать, пробовать на вкус, прикидывать – сырым его едят или жареным, или вообще варить надо. А потом запоминать и, открыв следующий, задумываться о сочетании...

Негусто оказалось и с приправами. Если соль я нашла, аналог сахара тоже, то никаких специй у Ньевора не водилось. Увы. Но все же я придумала выход – сублиматы-то очень даже ароматные! Причем поразному. Вот их и растерла в порошок. Что-то добавила в воду, отваривая ярко-красные тонкие корни, что-то просто сверху посыпала, на некое подобие салата из овощей, что-то как панировку использовала, чтобы обвалить и обжарить «брусок», похожий на мясо. Оставалось надеяться, что не испортила.

Времени на готовку ушло больше, чем я думала. Жаркое все еще шкворчало на сковороде, в кастрюле булькала розовая жидкость, а

дымка за окном уже начала тускнеть, неся понимание — никаких передач по волнору я сегодня так и не посмотрю.

Накатившее было сожаление я подавила. Вот нашла из-за чего расстраиваться! Мне важнее наладить контакт с Ньевором, а упущение в плане новой информации я завтра наверстаю.

С этой мыслью и на новой волне энтузиазма я принялась за последнюю фазу подготовки. Сервировка, она ведь важна ничуть не меньше...

— Что происходит? — потрясенный мужской голос прервал меня в самый разгар «битвы» с приборами, когда я решала, класть вилки и ножи так, как принято не Земле, или это ноу-хау покажется рарку подозрительным.

— Ой! — обрадовалась я. — Ты как раз вовремя! У меня все почти готово, я только не знаю, как...

Не договорила, осеклась, потому что на лице мужчины так и не появилось радостного выражения. Я видела лишь недоумение, когда его взгляд изучал стоящие на столах блюда.

— Откуда? Неужели... — сорвалось с тонких губ, и Ньевор бросился к тому самому шкафу, где я обнаружила весь этот продовольственный запас.

Распахнув створки и увидев опустевшие полки, рарк схватился за голову, стиснул зубы и застонал. А я испугалась. Это было несъедобно? Или я неправильно приготовила? Или все это предназначалось для кого-то другого?

— Ты зачем их взяла?! — не сдержался и вспылil Ньевор. — Тебе сублиматов мало? Что ж ты вечно лезешь, куда не просят? Нет бы подумать для начала! Или хотя бы спросить... — не договорил, как и я минуту назад. — Дея?... Дея... Дея...

Имя он несколько раз повторил, сначала вопросительно, потом растерянно, наконец просительно-извиняюще. Последнее синхронно с моим надрывным всхлипом.

— Дея, ну прости.

Ладони крепко обхватили за плечи — расстроенная, я даже не заметила, как Ньевор подошел. Потянул на себя, заставляя уткнуться носом в жесткую ключицу и намочить слезами свитер.

— Я стара-а-алась... — от нежданно проявленного сочувствия я разревелась окончательно.

– Знаю, – вздохнул рарк. – Мне надо было учитывать, что натуральная пища для сельских – привычное дело, а сублиматы, наверное, наоборот – редкость. Просто последние дни на взводе, вот и срываюсь. Извини.

– У тебя проблемы? – заволновалась я и, все же преодолев прижимающую меня силу, отстранилась.

– А у кого их нет? – криво и совсем невесело усмехнулся Ньевор, отвечая вопросом на вопрос. Убрал руки с моих плеч, оглянулся на стол и признал, наконец-то отреагировав на манящие запахи: – Пахнет умопомрачительно... Давай ужинать, не пропадать же продуктам, раз ты их приготовила. Кстати, – спохватился, усаживаясь. – Когда я вошел, у тебя такой вид сомневающийся был. И потом сказала, что не знаешь... Чего?

– Как приборы класть. Дедушка показывал, но это давно было, – повинулась я, слегка слукавив.

– Понятно, – совершенно спокойно, без подозрений принял объяснение рарк. – Я позже тебя научу, – пообещал и вытянулся, заглядывая на нагревательную панель.

Кадык на длинной тонкой шее дернулся, когда Ньевор проглотил слюну и намекнул:

– Окирис там не пережарится?...

– Ой! Да! – спохватилась я, бросаясь к сковороде.

Дальнейшее с лихвой компенсировало мне тот стресс, что пришлось пережить. Жевал рарк с завидным аппетитом и не скрывая получаемого удовольствия. Я старалась его не отвлекать. Сама тоже ела, хоть и не была так уж сильно голодна – за время готовки напробовалась. Но интересно же, каков итоговый результат.

И лишь когда заметила, что скорость поглощения снизилась, решила на вопрос:

– Почему ты не хотел, чтобы я все это использовала?

Сытый, расслабленный и оттого видимо подобревший, ответил Ньевор спокойно, задумчиво:

– Потому что я продукты для праздника покупал. Через двадцать дней взойдет Лидвот. Разве можно встречать его с пустым столом?

– Нельзя, – уверенно подтвердила я то, о чем понятия не имела, хоть и догадалась, что речь о местном светиле, которое так долго

отсутствует на небосклоне. – Но двадцать дней это много. Можно успеть новые купить.

– Эх, Дея... – сокрушенно качнул головой Ньевор. – Это у вас в поселениях мясо и овощи ничего не стоят, потому что вы сами их выращиваете. Здесь они дороги, а у меня не так много средств.

Он помрачнел. Умиротворение, рожденное моими стараниями, исчезло в одно мгновение, смытое моим же неосторожным напоминанием о... проблемах? Определенно о них речь. Хоть он и не ответил прямо, но не на пустом же месте сидит на сухом пайке, ходит нервный и взрывается от малейшего повода. Узнать бы – что именно у него в жизни не ладится?

Понимая, что могу наделать ошибок, все же решила действовать. Я глупая, да, но ведь не бессловесная! И любопытство свойственно всем...

– Дедушка считал, – решила отдать ему авторство умной мысли, – что если плохо, то держать это в себе нельзя. Надо обязательно выговориться. Я его слушала, а он размышлял вслух. И решение нашлось.

– Предлагаешь мне сделать то же самое? Боюсь, это бессмысленно. Так ничего не решить, – скептически хмыкнул рарк. Отложил вилку, с сожалением посмотрел на еду, которой оставалось еще много – не рассчитала я порции, перестаралась. Перевел взгляд на меня, виновато втянувшую голову в плечи, и неожиданно передумал: – Впрочем, я ведь ничего не теряю, верно? Давай только сначала все в гермики уберем, чтобы не испортилось.

«Гермики» оказались пакетами, при закрывании создающими вакуум внутри, а я начала подозревать, что холодом как способом сохранить продукты здесь совсем не пользуются. Впрочем, опять же, я ведь выводы делаю на одном конкретном примере, а это частный случай, не закономерность.

– Жаль, что до праздника они не долежат, придется съесть, – Нейвор начал «исповедоваться» раньше, чем мы закончили с уборкой. – А Восход будем с сублиматами встречать. И не в этой квартире.

– Как не в этой? – потрясенно повторила я последние слова, памятуя о том, что разговорчивость собеседников надо поддерживать.

Это меня Ви научила. Она одно время психологией увлекалась, вот на мне и тренировалась. А потом суть приема объясняла.

– Вот так, – закрыв дверцу шкафа, рарк развел руками и поманил меня за собой. Видимо, решил, что в комнате нам будет удобнее. – Придется переехать еще выше. Нас ведь теперь двое, и по нормам площадь жилья должна быть больше.

– Здесь достаточно места, куда еще? – буркнула я ему в спину, топая следом.

– Нормы установлены законом, – оглянулся и строго посмотрел на меня рарк. – Это не моя личная квартира, а ведомственная. Мне из социального отдела уже прислали уведомление о нарушении правил размещения. Так что переезжать в любом случае придется. А этот этаж с большей площадью я по квартплате не потяну. Плюс на сублиматы расход увеличится. И тебя надо хоть немного приодеть – не будешь же ты все время в одном халате ходить. А зарплата у меня... – цыкнул языком, усаживаясь на диван. – Не самая большая, скажем так.

– Но ведь ты, забирая меня, знал, что будут расходы, – присев рядом, на свой страх и риск пролепетала я. Постаралась сделать это с максимально глупым видом, чтобы не вызвать подозрений.

– Знал, конечно. Просто рассчитывал, что получу повышение. Вызов принял, который мог меня хорошо зарекомендовать. Только ничего путного не вышло. Условия я не выполнил. Теперь мой рабочий статус даже ниже, чем был до этого.

– И что же делать?

– Вот и я о том же, – неприятно язвительно засмеялся Ньевор. – Что делать...

Он поднял глаза к потолку, словно искал там ответ. В итоге нервно дернул головой, и длинная челка вновь упала на лицо, скрывая его почти наполовину. И все равно острый, колющий взгляд я ощущала буквально физически, как прикосновение.

– Меня выгнать, – резонно предложила я.

– Вот дура! – в сердцах отреагировал рарк. Чуть ли не сплюнул с досады, да вовремя спохватился. – Я ведь твой вызов принял! Так что теперь где я, там и ты.

Он даже с дивана вскочил и, заложив руки за спину, принялся расхаживать по комнате, став при этом похожим на неуклюжую, длинноногую цаплю. Я же осталась сидеть и молчала, потому что

Ньевору, кажется, больше мои подталкивания не были нужны – его наконец прорвало:

– Ничего, Дея, не переживай, я справлюсь. Мне ведь не впервой в такой затруднительной ситуации оказываться и себя ограничивать. Двенадцать оборотов назад, когда я отцу вызов бросил и из дома ушел, все намного хуже было. Ни работы, ни денег, ни угла для ночлега... Вот это был экстрим. Я пол-оборота обивал пороги потенциальных работодателей, которым было плевать на мое образование, раз нет опыта. Спал где придется, голодал. Даже на должность помощника инспектора меня не сразу взяли. До этого пришлось и мусорщиком поработать, и контролером на конвейере, и секретарем в отделе жалоб. Конечно, сейчас ситуация чуть иная, мне о тебе надо позаботиться, но я все равно не сдамся! Снова брошу вызов, право на это у меня осталось. Верну утраченное доверие дага, получу повышение... Ты мне веришь? – резко остановился, в очередной раз впиваясь в меня глазами.

– Я в *тебя* верю, – чуть сместила я акцент. – Если эта работа тебе нравится...

– Нравится? – Ньевор сдавленно хмыкнул и вернулся на диван. Упал, раскинув руки на спинке, и выдохнул: – Дея, я ведь по образованию инженер. Техник. А занимаюсь тем, что перекладываю, сопоставляю и анализирую бумажки. По-твоему, это может мне нравиться?

– Инженер? – ахнула я более чем искренне. Еще бы, такое совпадение! И моментально вспышкой сверкнуло озарение: – Ты мог бы на орбите работать! Я в новостях слышала, там новый модуль открывают, где ремонтируют патрульные крейсера. Наверняка им кадры нужны!

Теперь и я на диване подскочила, не в силах сдержать эмоций. Ведь если у Ньевора все получится, то у меня появится возможность добраться до какого-нибудь корабля и... угнать! Улететь. Вернуться на Землю! Забыть о рарках как о страшном сне.

– Кто ж меня туда примет? – обрубил мои надежды Ньевор. – Тем более я столько времени не по специальности работал.

– Но попытаться-то можно, – не сдалась я, сердито буркнув. – От тебя что, кусок убудет, если попробуешь? Я бы на твоём месте рискнула точно. На прежней работе тебе ловить особенно нечего. Если

останешься, так и проживешь всю жизнь на побегушках у дага Легора. Он-то твой вызов не примет и перепрыгнуть через себя не даст.

Ньевор, у которого от моей отповеди отвисла челюсть, неожиданно захохотал.

— А ты, оказывается, амбициозная девочка! И наивная. Совсем жизни не знаешь. Дед тебя, видимо, от реальности подальше держал. Не бывает таких удач, Дея. Не-бы-ва-ет. Все, хватит, иди спать, а то я опять не высплюсь и завтра еще в какие-нибудь неприятности влипну.

Глава 4

Ложная цель

Сидя на стуле в холле корпорации «Космолин» и рассматривая кабинет, ограниченный прозрачной стеной, где размещалась приемная комиссия, Ньевор нервничал. Припоминал прошлые неудачные попытки трудоустройства. Ругал себя за то, что повелся на заманчиво уверенный тон Деи. Хотя... Говорят, у глупцов интуитивный выбор правильных решений и поступков. Иначе как они вообще выживают? Возможно, действительно на этот раз повезет. Ведь этапов всего два! Прием документов и собеседование. Вот только если насчет второго парк был спокоен, то первое...

– Ньевор Хот. Инженер высокоточного оборудования. Опыта работы по специальности нет. Закончил Холлосский технический университет, факультет прикладной динамики. Дополнительная специализация – «Молекулярное перестроение в атипичных средах», – отчеканил, когда, сменив очередного претендента, сел на стул перед одетым в строгий деловой костюм кадровиком.

– Это я и сам вижу, – проворчал тот недовольно, оторвав взгляд от экрана. – Данные, которые внесены в анкету. А оригинал диплома где?

– Утрачен. Восстановить не смогу.

– Почему? – заинтригованно воззрился на него сотрудник.

– Данные в учебном архиве тоже утеряны.

– Печально, – хмыкнул кадровик. – В таком случае ничем не можем помочь. Нам квалифицированные кадры нужны.

– Я могу пройти тестирование. Проверку. Любое задание... – начал было Ньевор и замолк, поняв, что его уже не слушают.

Рарк поморщился. Затея была бессмысленная. Знал же, что ничего путного не выйдет. Зря послушал девчонку. День прошел напрасно, а за взятый отгул департамент зарплату уменьшит.

Резко оттолкнувшись от стула, Ньевор рванул на выход. Он не оглянулся, а потому не увидел, как сидевший чуть поодаль мужчина, со скучающим видом изучающий пейзаж за окном, а на деле внимательно отслеживающий происходящее, поднялся и пошел следом. Не видел Ньевор и того, как долго незнакомец за ним шел,

постепенно сокращая расстояние и выбирая удобный момент. Потому и удивился, когда, в ожидании транспортной ленты, услышал за спиной:

– Есть разговор, Ньевор Хот.

Безликий серый комбинезон, универсальные ботинки-кроссы, свободная куртка, короткая стрижка, совсем не подходящая к округлому лицу с неприметными чертами, – вот то, что увидел цепкий взгляд черных глаз, прячущихся под длинной челкой. К таким личностям Ньевор никогда не испытывал доверия, потому что знал – за невзрачной внешностью скрывается куда больше, чем хотят показать. И это скрытое чаще всего грозит неприятностями окружающим. Но все же любопытство победило:

– Слушаю.

– Присядем? – тут же указал на скамейки недалеко незнакомец, а когда сел, первым делом представился: – Тьес Тузар. Сотрудник... м-м-м... пока просто сотрудник, – уклончиво не стал афишировать свою организацию. – Я был в «Космолине» и видел твоё резюме. Специалист по МоПвАС – редкая специализация. И осваивать её решаются единицы.

– Бессмысленная, – передернул тощими плечами Ньевор. – По ней нет вакантных должностей. Негде работать.

– Напрасно так думаешь, – спокойно отреагировал Тьес. – Мы давно ищем специалиста в этой сфере. Как, впрочем, и в некоторых других. Поэтому и посещаем все возможные собеседования... Но это не важно. У меня полномочия от... м-м-м... тоже не важно. Пока просто вопрос: готов ли ты работать там, где высокий и уровень секретности, и степень ответственности. Само собой, оплата будет соответствующая.

– У меня нет документов, – тряхнул головой Ньевор.

– А разве документы будут проектировать? Работать со схемами? Делать расчеты? Нет? Тогда зачем они нам? – рассудительно заметил собеседник. – Ты же умный парк, этого не скроешь. Ну а если приврал насчет квалификации... У тебя есть возможность признаться и отказаться сейчас, пока еще не поздно. Потом твоих оправданий уже никто слушать не будет. Так что решаешь? Есть сомнения в своих силах?

– Никаких. Есть вопросы. Я живу не один.

– Жена? – деловито уточнил вербовщик.

– Нет. Любовница. Круглоухая.

– Понятно. – Тьес с трудом, но все же подавил улыбку. – В таком случае ограничений точно не будет. Сможешь брать ее даже в командировки. Жилой комплекс у... м-м-м... моей организации собственный, в непосредственной близости от самого места работы. Апартаменты в нем предоставляются на стандартных условиях. Еще вопросы?

– Последний. Когда истечет срок контракта и меня ликвидируют, мою девушку отпустят?

– Ну зачем так пессимистично... – поморщился вербовщик. – Контракт заключается бессрочный, без права расторжения у обеих сторон. А работы там не только на твою жизнь хватит, но и детям, если пойдут по твоим стопам. Разве только ты сам подставишься и дашь повод себя пристрелить.

– И все же? – продолжил настаивать Ньевор.

– Круглоухая? – задумался Тьес. – Отпустят. Чего ж зазря пускать в расход? Наверняка ведь кому-нибудь сгодится.

Рассуждал он бесстрастно, прагматично учитывая детали, и все равно Ньевора окатила волна возмущения. Дея «сгодится»? Уж лучше он ее сам убьет. С другой стороны, зачем тогда спросил, отпустят ли девушку? Это же логично, что, оставшись одна, она найдет себе любовника. Противоречивое чувство...

– Решил? – напомнил о своем присутствии озабоченный долгим молчанием Тьес и расслабился, услышав краткое:

– Согласен.

Высокие дома, стоящие совсем близко, издали напоминали прямоугольные, плотно растущие кристаллы. Они темными силуэтами высились в предрассветной, едва начавшей светиться дымке, вспыхивали яркими огнями окон, оконтуривались неоновой декоративной подсветкой. Практически прозрачный полетный туннель огибал эти здания и петлял, как древние американские горки. Компактное транспортное средство, именуемое «аграв», бесшумно в нем скользило, послушно совершая виражи и стремясь к цели, которая мне была пока неведома.

Прилипнув к окну ладонями и носом, я с нескрываемым интересом рассматривала невероятный пейзаж.

А что такого? Я глупая деревенщина, мне положено быть непосредственной.

Оглянувшись на сидящего рядом Ньевора, убедилась, что он по-прежнему занят своими мыслями, то есть до меня ему дела нет, и вернулась к изучению красот Ракиса. Вернее, к архитектуре мегаполиса, являющегося всего лишь шестым по масштабу на этой планете. М-да... Мне страшно представить, как же выглядит первый.

На Земле уже давно отказались от плотных застроек – максимум пространства, минимум тесноты... Парки же все стараются расположить максимально плотно. Оттого и здания строят высокие, причем самые гигантские располагаются на окраине. И это при том, что свободного пространства вокруг – немерено! Фактически весь город ютится на крошечном пятачке, хотя за его пределами тысячи километров неосвоенных земель, на первый взгляд пригодных для постройки.

– Нелогично, – не сдержалась, высказалась вслух и пожалела: парк меня услышал.

– Что?

– Я говорю, непривычно, – лихорадочно подобрала схожее по произношению слово. Сомневаюсь, что понятие «логика» присутствует в речи круглоухих. И пояснила: – Здания. Они такие большие! И так близко! Зачем?

Последнее спросила с умыслом. Отвлечь – раз. Побудить хоть что-то мне рассказать – два.

– Так жителей же много, вот и большие, – терпеливо объяснил Ньевор. – А близко, чтобы на купол тратить как можно меньше энергии.

– Какой купол? – пролепетала я и изумленно похлопала ресничками, пытаясь припомнить, видела ли хоть что-то подобное. Однако быстро пришла к неутешительному выводу – не видела. Еще и мой спутник, как на грех, вместо прямого ответа набросился на меня с вопросами:

– Дея, вы у себя в поселке после восхода Лидвот и до заката чем занимаетесь?

– Чем? – не нашла ничего лучше, чем тупо повторить его же вопрос.

– По домам сидите! – рявкнул Ньевор, видимо не выдержав. Поморщился, увидев, как я вздрогнула, и снова сменил тон на более мягкий: – А почему?

– Традиция, – жалобно предположила я. – Так принято.

– Ну да, – обреченно согласился рарк. – Только традиция не возникает на пустом месте без причины. Вы не выходите из домов, чтобы не получить дозу нейтронного излучения. Лидвот в этом смысле очень опасна. Только если вы можете себе позволить десять дней изоляции и отдыха, то в городе жизнь не прекращается. Вот его и накрывают куполом, отражающим нейтроны. Понятно?

Кивнула. Спихватилась, сообразив, что душой в случае осознания термина «нейтрон» мне не быть. Мотнула головой в отрицании. Напоровшись на потрясенно-тоскливый взгляд, снова кивнула и пропищала: «Почти».

– Дея... – Ньевор поморщился и в явном смятении коснулся ушей. Провел пальцами по внешнему краю, снизу вверх и обратно, прежде чем продолжить: – Я понимаю, тебе не хочется выглядеть глупой, но скрывать тут нечего. Не надо стесняться. С тобой так легко, когда ты ведешь себя естественно! Но когда делаешь вид, что ты другая... У меня сразу ощущение возникает, что ты меня обманываешь.

Ой... А вот это нехорошо. Особенно потому, что из его слов я так и не поняла, в каком случае возникает подозрение. То есть в какие моменты я, по его мнению, веду себя естественно – когда на самом деле говорю, что думаю, или когда имитирую местный психотип круглоухих?

– То есть задавать вопросы я не могу? – сделала единственно возможное предположение.

– Да нет, задавай, если хочешь. Просто имей в виду, что многие вещи в этом мире сложнее, чем ты себе представляешь. Так что иногда я не смогу ответить так, чтобы тебе все стало понятно.

М-да... Вот уж действительно – ответил, и все равно ничего не понятно.

На всякий случай я все же кивнула и откинулась на спинку сиденья. Скользнула взглядом по внутреннему убранству аграва – бархатно-серым тонам обивки сидений и приятному сглаженному

дизайну комфортного салона на двоих, отделенному от водителя непрозрачной перегородкой. Наполовину приопустила веки, из-под ресниц наблюдая за сидящим рядом рарком. Со вчерашнего дня что-то в нем неуловимо изменилось, и я никак не могла разобрать, что именно дает этот эффект.

Одежда?

Да, другая, нежели та, которую я видела на нем раньше, – свежая тонкая голубая рубашка, темно-серые качественные брюки с широким ремнем, узконосые черные ботинки, тоже новые. Впрочем, даже новый имидж внешне Ньевора не преобразил – он остался прежним угловатым, нескладным субъектом.

Получается, не в ней дело. Тогда... Работа?

Несомненно, могла повлиять. Ведь вернулся он домой такой взъерошенный, взбудораженный, бросил резкое: «Не сейчас!» и рванул в гостиную. Перерыл все полки, видимо что-то отыскивая, привел все в хаос, потом долго стоял у окна, что-то там высматривая, а когда ему надоело, сообщил: «Я нашел другую работу». Реакция на столь важное событие не совсем понятная. Я, честно говоря, ждала иной, когда провожала его утром из дому.

Так что, возможно, есть иная причина. Какая?... Деньги?

Они точно меняют людей. Думаю, что и рарки не исключение. А в том, что Ньевор внезапно «озолотился», можно было даже не сомневаться. За ужином сказал – последний раз мы с тобой едим эти сублиматы. Вечером отвел меня в местный магазин, позволив выбрать одежду. И сам приоделся.

С удовольствием, хоть и постаралась сделать это незаметно, я погладила приятную на ощупь светло-розовую ткань длинной юбки. Блузка прилегала к коже ничуть не менее ласково, да и туфельки сидели на ноге как влитые...

Однако вряд ли мой внешний вид заставил Ньевора измениться. Когда я вышла из примерочной, он лишь кивнул одобрительно, оценив мой выбор, не более.

Есть, конечно, еще одно предположение – сказалась бессонная ночь. Он ведь опять вместо сна что-то читал, перекладывая стопки информационных пластин, которые перетащил из гостиной в свою спальню. С другой стороны, уставал он и до этого.

Так что же тогда? Смена жилья? Перспективы? А может, все-все, вместе взятое?

Не найдя ответа, я бросила бессмысленное занятие. Когда-нибудь все само собой прояснится. Хотя, конечно, жаль, что у меня самостоятельно разобраться не получается, а Ньевор молчит как партизан. Мне сейчас любые подсказки нужны, раз поведение мое настолько нетипично, что рарк начал это подмечать. А значит, заметят и другие. Эх... Мне бы хоть полчасика с настоящими круглоухими пообщаться! Только где ж их взять? Судя по сообщениям в местном СМИ, живут они действительно отдельными общинами – поселениями. Да и на улицах города я только остроухих видела...

Ощувив силу, вжимающую в сиденье, торопливо распахнула глаза и дернулась к окну.

– Не бойся, – по-своему расценил мой порыв Ньевор. – Мы почти на месте.

– Хорошо, – согласилась я, усаживаясь обратно. И все же успела-таки увидеть стену, отливающую иссиня-черной облицовкой, и раскрытый зев ангара, куда плавно скользил аграв.

Жутко интересно, что же это за место, куда лететь пришлось ни свет ни заря, собрав скромные пожитки, которых у меня, по сути, и не было, а у рарка оказалось совсем немного, – техника, мебель и предметы быта являлись частью самой квартиры и принадлежали бывшему работодателю. Забирать их запрещено. Оставалось надеяться, что новое жилье окажется «экипированным» в той же степени.

Не прошло и пары минут, а аграв действительно уже остановился. Дверцы услужливо поднялись, и я, следуя примеру Ньевора, осторожно ступила на стерильно чистый белый гляцевый пол. Обежала глазами помещение, где наша машина не была единственной, и, увидев идущего к нам рарка, в сопровождении суровых вооруженных охранников в строгой серебристой форме, с трудом удержалась от желания спрятаться за спину своего защитника. Укрытие было бы сомнительной надежности, так что я осталась стоять в полушаге за его плечом, скромно опустив глаза в пол.

– Пунктуально. Это хорошо, – вместо приветствия нас одарили... видимо, комплиментом.

– Всего лишь прибыл ко времени, указанному в контракте, – не повелся на лесть Ньевор. – Что дальше?

– Тебя ждут в офисе, я провожу. Вещи доставят в жилой комплекс. Твою спутницу разместят в забронированных апартаментах.

Почувствовав изучающий взгляд, я все же позволила себе поднять глаза. Незнакомец же присмотрелся к моим ушам, чуть заметно дернул уголками губ и неожиданно предупредил:

– Ответственность за ее действия в полном объеме лежит на тебе.

– Я понял, – отчего-то хрипло выдохнул Ньевор. Развернулся, неожиданно цепко обхватывая меня за талию. Притянул совсем близко к себе и, склонившись к виску, тихо попросил: – Дея, сегодня из квартиры без меня не выходи, если не хочешь, чтобы сначала я придушил тебя, а потом они пристрелили меня.

Тон у него был вовсе не веселый. Шуткой от заявления не пахло от слова совсем. И мне этого вкупе с ожидающими окончания беседы охранниками хватило, чтобы осознать – устроился Ньевор работать на какой-то стратегически важный объект. Возможно, просто близкий к власти, возможно, военный, но несомненно секретный и со строгим режимом.

Неясно только, почему в таком случае у меня никто до сих пор документов не потребовал...

Надо отдать должное сопровождающим, со мной, даже оставшейся без своего спутника, они вели корректно. Спокойно подождали, когда еще один служащий переложит немногочисленные коробки с вещами из багажника агравы на маленькую платформу. Видимо, она была автоматической, потому что тут же заскользила по полу к ближайшему выходу. Мне молча указали оружием, что следует идти за ней. Сами позади шли, не торопя, но и не позволяя замедлить шаг.

Путь оказался не самым коротким. Широкий коридор. Лифт, плавно скользящий вниз. Зал-тамбур, с выходом на улицу. Дорожка, вдоль которой густо растут красивые декоративные кустики. Скамеечки, фонтаны, скульптуры неведомых мне существ и рарки... Деловито спешащие по своим делам, активно что-то обсуждающие, расслабленно-прогуливающиеся... Ни напряжения, ни страха, ни безысходности. Я ничего этого в них не ощущала! Здесь были даже

женщины, гуляющие с детьми или сплетничающие около фонтанчиков.

Практически в конце улицы платформа свернула к одному из трех жилых комплексов, в каждом из которых было по шесть невысоких зданий. У входа, в ожидании пока откроются двери и платформа заползет внутрь, я все же оглянулась – очень уж любопытно было, как выглядит офис. Наверняка что-то глобальное!

Мои чаяния он оправдал. Высоченное дугообразное здание, покрытое черным облицовочным материалом, внушало почтение. И разжигало любопытство, потому что на нем сиял голубым неоновым свечением своеобразный логотип – вдребезги разбивающийся кристалл. Однако было и то, что удручало – кажется, к космосу и кораблям здесь не имеют никакого отношения. А ведь я надеялась, что Ньевор ко мне прислушается и пойдет на собеседование в ту компанию, где нужны сотрудники для работы на орбите. Видимо, ошиблась. Он не рискнул, выбрал более «приземленную» работу.

– Заходи, красавица, – поторопил один из сопровождающих меня мужчин, – насмотришься еще, будет время.

На всякий случай я ему улыбнулась. Скромно так, застенчиво. Чтобы и хамкой не выглядеть, и на заигрывания не нарваться. Видимо, не очень удачную тактику выбрала, потому что уже в квартире, сгрузив коробки с платформы на пол, он снова заговорил, ничуть не стесняясь своего напарника:

– Захочешь еще что-нибудь посмотреть, с удовольствием покажу. Места, допустим, красивые. Или веселые. Да и у меня самого много интересного есть. Девушкам нравится, – выразительно поиграл бицепсами, рельеф которых даже форма скрыть не могла, а потом отработанным движением достал из кармана черно-белый квадратик размером с половину ладони. – Вот моя карточка. Как ее активировать, знаешь?

От неожиданности я отрицательно мотнула головой быстрее, чем подумала, как же на такую ситуацию среагировать. К счастью, ничего страшного не случилось. Кавалер просто поманил меня к стене у входной двери, рядом с которой стояла высотой мне по пояс стойка, похожая на столбик.

– Вот сюда кладешь и вот сюда нажимаешь, – сопровождал пояснение наглядной демонстрацией.

Площадочка на стойке засветилась синим, на самой карточке вспыхнул рисунок красных линий, а над ней сформировалось облако, похожее на атмосферную дымку. И в тот же миг прибор, закрепленный на виске мужчины, завибрировал, требуя каких-то ответных действий.

– В общем, я сам себе звоню, – захохотал рарк и, сняв карточку, вручил мне в руки. – Держи.

Он вышли, а я... Я тут же дверь приоткрыла, чтобы подслушать – ну а вдруг?! И ведь не зря это сделала.

– У нее же мужик есть, – все же высказался охранник, который казался безразличным.

– Да какой там мужик, – презрительно парировал наглец. – Ни мяса, ни рожи, один мозг. А таким девочкам разве умные речи нужны? Им бы объятия потеснее да трах подольше. Вот увидишь, она от него через неделю сбежит. Не ко мне, так еще к кому. Ну и смысл шанс упускать? Я же рарк свободный, личным вызовом не связан...

Последние слова уже едва различила и с раздражением закрыла дверь. Пренебрежение в отношении Ньевора неприятно царапнуло. Вот ведь гад самонадеянный! Умные мужчины, видите ли, девушкам не по нраву!

Круглоухим девушкам, – прагматично подсказала логика, заставив эмоции прижаться к полу и виновато вильнуть хвостом. Увы, но от местных стереотипов мне никуда не деться. Во мне все и всегда будут видеть легкомысленную вертихвостку. Обидно.

С другой стороны, а стереотип ли это? Может, оно так и есть? И на самом деле недалекий ум и специфичное поведение круглоухих это факт... м-м-м... диагноз, из которого нет исключений? Тогда я, если начну выделяться, точно навлеку на себя подозрения.

Невольно покрутила в пальцах карточку. Что с ней делать? Выбросить или оставить? Показать Ньевору, честно обо всем рассказав, или промолчать? Как поступила бы настоящая Дея?

За невозможностью найти правильный ответ, пришлось рассуждать, отталкиваясь от своих потребностей. Мне ведь что нужно? Улететь с этой планетки, да побыстрее! А как это сделать, если живешь под прицелом? Охранник же может стать «ключиком» к свободе. Значит...

Спрятала карточку в карман юбки – пусть лежит на всякий случай. Перевела взгляд на коробки, сгруженные в центре холла, потом

осмотрелась и отправилась изучать новое пространство.

Квартира действительно оказалась большой. И от прежней отличалась не только площадью самих комнат, но и высотой потолков. Бросалось в глаза и то, что отделка здесь была качественнее, мебель – удобнее, а техника – совершеннее. Кухонного дегидрирующего аппарата я не обнаружила, зато нашелся другой, на первый взгляд – что-то типа универсального комбайна для приготовления еды. А еще здесь в наличии имелся холодильник! Не вертикальный, а горизонтальный в виде выдвигающейся из шкафа для хранения продуктов полки, но я все равно ему обрадовалась как чему-то родному и знакомому!

Самих продуктов в наличии не было – видимо, их покупать нужно или заказывать. Однако я не расстроилась. У меня столько дел! Со спальнями определиться, коробки разобрать, переодеться...

Начала с последнего, а уже затем, в полюбившемся, потому что очень удобном, синем халатике и тапочках я порхала по квартире, обустраивая ее так, как мне казалось правильным и удобным.

– Ух... – только и смог выдохнуть Ньевор, когда наконец появился дома.

Я в этот момент расставляла на полке плоские коробочки с информационными носителями. Напряглась было, но, не почувствовав в интонации агрессии или недовольства, с улыбкой обернулась.

– Мне показалось, это место будет удобным, чтобы ты мог дома работать.

Вместо ответа рарк пробежал глазами по темно-синим стенам, отливающим перламутром, стеллажам цвета бело-серого мрамора, большому столу, выполненному в том же стиле, картинам, изображающим необычные пейзажи, диванчику для отдыха...

– Да, это кабинет, все правильно, – похвалил меня и, подойдя ближе, присмотрелся к коробочкам. – Почему ты их именно так поставила? – заинтересовался выбранным мною порядком.

– Потому что красиво, – не задумываясь ответила как есть. – Здесь черный кружочек один, без точек внутри, и находится в самом низу, – ткнула пальцем в самый левый корешок. – А здесь он же, но чуть выше и с одной точечкой, – переместилась на следующий, а затем дальше. – Он поднимается, а количество точек внутри него становится больше.

– А как же остальные символы? – прищурился Ньевор, словно что-то показалось ему подозрительным.

– Никак, – скрывая нарастающее беспокойство, дернула я плечами. – Это же невозможно – учесть сразу все. Надо выбрать что-то одно, и только на него ориентироваться.

– Это тебе дед говорил, – не столь вопросительно, сколь утвердительно прокомментировал услышанное Ньевор, в очередной раз доказав: логика – занятие не для круглоухих.

– Да, – не стала отрицать я «очевидного». – Так что? Мне их переставить как-то иначе?

– Не надо. Ты удобно рассортировала, пусть и не совсем привычно, – похвалил рарк. – И вообще ты молодец, все успела разобрать. Я пустые коробки видел в коридоре.

– Только поесть не приготовила, – повинулась я. – Продуктов не нашла. Совсем.

– Не страшно, – отчего-то радостно улыбнулся Ньевор. – Мы с тобой в ресторан сходим поужинать. Я теперь могу себе это позволить. Только ты переоденься.

Ресторан? Тут есть такой вид общественного питания? Ух...

Мое изумление сравнялось с предвкушением, и вот на этих самых «крыльях» я полетела в комнату, которую выбрала для себя, уверенная – Ньевору нежно-сиреневые с беленькими цветочками обои, воздушный тюль и белая резная мебель вряд ли приглянутся. Куда больше подойдет строгий колорит практически черного спального гарнитура, строгий декор гладко окрашенных в шоколадный цвет стен и благородный пурпур тяжелых портьер.

Торопливо скинув халатик и вновь надев блузку с юбкой, метнулась к зеркалу. Стянув резинку с хвостика, расчесала волосы, темно-русой волной обравившие лицо, собрала было снова в хвост, но, заметив в отражении за спиной заостренный нос и глаза, прячущиеся под длинной челкой, вздрогнула и замерла.

– Оставь распущенными, – попросил рарк. Проследил, как медленно я разжимаю пальцы, и аккуратными касаниями поправил рассыпавшиеся прядки, закрывая ими уши. – Мне так больше нравится, – пояснил свои действия. – У тебя очень красивые волосы.

Комплимент... Однако у меня ощущение, что он за ним скрыл истинную причину своей просьбы. Неужели таким, как я, нельзя

посещать общественные места? Но ведь по городу он меня вел совершенно спокойно. И в магазине никто на нас пальцем не показывал... Значит, дело в самом Ньеворе?

– Волосы красивые, – повторила я со вздохом. – А уши не очень. И тебе они не нравятся.

– Хочешь, чтобы я доказал тебе обратное? – поинтересовался Ньевор с совершенно непередаваемой интонацией в голосе. В нем было одновременно и негодование, и предостережение, и какое-то непонятное предвкушение. Но самое поразительное, что я с таким уже сталкивалась! Когда мы с рарком на балконе пререкались!

Получается... Получается, я ему новый вызов бросила? А сейчас своим вопросом он требует подтверждения, чтобы поставить ответное условие и начать действовать?

Набралась храбрости и пусть через зеркало, но все же посмотрела Ньевору в лицо. Вздрыгнула, напоровшись на буравящий взгляд, и поняла – мне страшно даже представить, как он собирается доказывать, что я не права.

Значит, никаких вызовов!

– Я есть хочу, – пожаловалась, сделав вид, что так ничего и не поняла.

На мгновение мне почудилось мелькнувшее в глазах разочарование, однако рарк быстро линию поведения изменил. Снова спрятался за своей челкой и безразлично пожал плечами.

– Ну так идем, – совершенно буднично отозвался, словно ничего не произошло.

Наверное, я этих рарков не пойму никогда. Не удивительно, что о них и сведений-то толковых нет – это же нереально общаться, когда все, что ты говоришь, может обернуться против тебя.

Я думала об этом всю дорогу, пока мы шли по очерченной яркими световыми бордюрами дорожке. Черная громада главного здания, к которой мы направлялись, в легком туманном сумраке была видна ничуть не хуже, чем днем. Она бликовала и отражала свет, но ярче всего на ней сиял сине-голубой разбивающийся кристалл... Логотип... Символ... Фирменный знак... Я даже не знала, как это правильно назвать, и потому решила проявить непосредственность и восхититься:

– Какая красивая штука! А что это?

– Эмблема компании, в которой я теперь работаю, – с готовностью ответил Ньевор.

– Эм-бле-ма... – завороченно повторила я «необычное» слово.

Спешно прикинула, как у круглоухих с абстрактным мышлением. Наверное, не очень хорошо развито, раз ни читать, ни писать не умеют. По всему выходит, спрашивать, что кристалл означает, нельзя. Жаль. Придется идти иным путем.

– Такая большая. И блесит, – уважительно похвалила. – Значит, компания важная. Это хорошо. У тебя теперь не будет проблем. Правильно?

– Еще утром я в этом сомневался, – сдержанно хихикнул мой спутник, которого наверняка насмешили мои наивные рассуждения. – Но теперь понимаю, что переживал напрасно. Работа именно та, что мне по душе.

– Я помню, ты говорил о своей профессии. Ты ею будешь заниматься? Инженерить? – выдала с «умным» видом и сама едва не расхохоталась вслед за окончательно развеселившимся рарком.

– Это называется «проектировать», Дея, – успокоившись, все же объяснил. – То есть планировать, как сделать придуманное реальным.

– То есть когда я думаю о том, что приготовить на ужин, то тоже проектирую?! – изумилась я и, воодушевленная его «ну, можно и так сказать», рванула в наступление: – А ты что будешь проектировать?

– Я буду совершенствовать то, что нас всех защищает и спасает, – мечтательно, подняв лицо к небу, сообщил Ньевор.

– Купол от этих... нейтронов? – запнулась я, «вспоминая».

– Нет, тут все уже давно налажено.

– Тогда от чего же еще защищаться и спастись? – потрясенно прошептала я, чтобы рарк проникся моими страхами и решил успокоить-просветить.

– Вот разместимся, закажем ужин, и я тебе расскажу. Мы пришли.

Хоть и хотелось мне получить ответ немедленно, а пришлось любопытство приглушить. Точнее, сменить его направление, потому что в местных ресторанах я еще не была! По сути, я и в земных-то всего два раза ужинала, когда меня кавалеры-неудачники приглашали.

Ресторан оказался своеобразным. В чем-то знакомым и понятным, в чем-то отличным. Располагался он в небольшой пристройке к основному зданию, внутри был похож на лестницу с очень широкими

ступенями. На каждой размещался полукруглый диван и стол, в форме половинки круга. Освещения здесь почти не было – лишь приглушенное, идущее исключительно от маленьких светильников на столах. И потому рассмотреть дизайн стен и потолка не было никакой возможности – все терялось во мраке.

Часть столиков была занята, в основном нижние – вероятно, тут шла аналогия с выбором жилья, однако Ньевор повел меня выше. Сели мы под самым потолком, чему я была даже рада, ведь мимо нас никто не ходил и мы могли спокойно разговаривать!

Обслуживающего персонала я не увидела и потому с интересом ждала – как именно примут заказ и откуда появятся блюда. А по факту все оказалось до смешного просто.

Уточнив, хочу ли я чего-то конкретного, и получив в ответ голодное урчание желудка и уверенное: «Я все-все съем», Ньевор быстро что-то написал на лежащей перед ним пластинке и бросил ее в отверстие стола.

К этому самому отверстию, размером с голову, я давно уже присматривалась. Теперь же приподнялась, пытаюсь заглянуть.

– Там кухня, – торопливо сообщил рарк. – Сядь.

Я послушно вернулась на место, понимая, что привлекать внимание точно не стоит. И злить своего кормильца, по совместительству источник информации, тоже. Сложила руки на коленях, выпрямила спину, вздохнула и услышала тихое, но раздраженное:

– Дея, я же просил!

Так я ж ничего еще и не сделала! Вот что ему сейчас не понравилось, а?

Пока я растерянно хлопала ресницами, в отверстии появились края стаканов. Поднялись, показывая, что они и не стаканы вовсе, а бокалы на ножках. Последним торжественно всплыл поднос, на котором они стояли. И как ни старался остаться незамеченным тот, кто нам это подал, удерживающие плоскую поверхность растопыренные пальцы я все равно увидела.

Стремление заглянуть под стол загасила на корню. Ясно же, что не увижу ничего сверхъестественного – там наверняка толстая ножка, через которую нам передают заказ. Зато не получу нового выговора от

рарка, невозмутимо забравшего напитки и стукнувшего пальцем по подносу.

Тот исчез, чтобы через минуту вернуться, уже с тарелкой, полной еды. Затем второй. И еще с двумя, но очень маленькими, наполненными крупными зелеными шариками.

– Ешь, – приказал Ньевор, распределив блюда между нами.

Меня дважды просить не пришлось. Сказалась суточная голодовка, ведь последний раз я ела вчера вечером – утром не успела, настолько быстро мы собирались. Рарк от меня не отставал, с аппетитом уминая жареные мясные пластинки и запеченные овощи. Лишь когда съел больше половины, вспомнил о своем обещании. Причем опять начал с вопроса, вместо того чтобы сразу нормально все рассказать.

– Тебе дед говорил, что мы в космосе не одни?

– Говорил, – осторожно подтвердила я, с быстро дожевав и проглотив кусочек.

– Вот от этих самых чужаков мы и защищаемся.

– Разве они на нас нападают? – все же я успела взять себя в руки и фразу построить нейтрально, хотя так и хотелось бросить обвинение, что это рарки всех атакуют без разбора!

– Если бы напали, – со знанием дела поделился мнением Ньевор, аккуратно складывая салфетку и вытирая губы, – то здесь давно бы шла настоящая война. К счастью, мы успеваем принять меры и исчезнуть раньше, чем попадем под удар тех, кто мечтает нас уничтожить.

– Что значит «исчезнуть»? – смысл даже мне-умной остался непонятен, что уж говорить обо мне-глупышке. – Как можно спрятать целую звездную систему, где несколько планет?

Сказала и испугалась: а ну как сейчас Ньевору покажется, что я не должна знать о таких вещах!

К счастью, обошлось. Он лишь меня поправил:

– Две звездные системы, Дея. Четыре планеты. И да, проблема именно в том, что занимают они огромное пространство, которое сложно защищать или даже просто заблокировать. А вот, как ты говоришь, «спрятать» вполне реально, хоть этот процесс и требует много энергии. Я как раз и буду заниматься модернизированием

установки, благодаря которой это происходит. Модель устаревшая, давно уже требует доработки.

– Все равно не понимаю, – несчастным голосом повинилась я. – Вот, например... – Огляделась в поисках наглядного пособия и, забрав с маленькой тарелки четыре зеленых шарика, переложила их на стол перед собой. – Допустим, это планеты. А ты – враг. Ты же их видишь, верно? Как их спрятать? Разве что накрыть чем-то... – выдвинула предположение, имея в виду какой-нибудь маскировочный экранирующий щит. И потому, развернув салфетку, опустила ее на «наглядное пособие».

– Есть более эффективный способ.

Ньевор деловито убрал белую тряпочку, вновь открыв взгляду шарики. Забрал у меня вилку, добавив ее к своей, и положил обе, сориентировав в направлении на «планеты».

– Это летят корабли чужаков, – пояснил свои действия и медленно начал пододвигать вилки ближе к шарикам. А когда расстояние стало совсем небольшим, приказал: – Глаза закрой, сосчитай до пяти и открой.

Я послушалась, хоть и подозревала, что рарк просто заберет шарики со стола. А когда убедилась, что он сделал именно так, хотела было возмутиться, что это, мол, совсем из разряда нереального даже для моего скудного ума. Вот только Ньевор еще не закончил.

– Видишь, враг по-прежнему летит. Только нас тут уже нет и нападать ему не на кого. Убедившись в этом, чужаки вернутся к себе домой... – ловко развернул вилки по направлению к нашим тарелкам. – А в это время... Закрывай снова!

Понимая, что игру нужно довести до конца, я обреченно опустила веки, подождала и, разумеется, увидела вернувшиеся на место шарики.

– Ну и где ты их прятал? То есть они прятались? – вздохнула, прикидывая, какого же размера нужно создать гравитационную воронку, чтобы в нее спокойно «ушла» такая масса, и можно ли в этом случае обойтись без разгона до сверхсветовых скоростей – таких планеты точно не выдержат и развалятся.

– Нигде не прятались, – улыбнулся рарк. – Они на том же месте оставались. Просто из настоящего момента перепрыгнули в будущее, где врага уже нет, потому что он ушел.

В будущее?

Мой мозг словно отключился, не в состоянии осознать сути столь невообразимого процесса. Отклонения от нормального хода времени, разумеется, возможны, например при прохождении кротовой норы, если масса попавших в него объектов превышает критическую. Или же вблизи черных дыр. Но эти искажения спонтанны и непредсказуемы. А управляемые перемещения – это из разряда научной фантастики.

Наверное, выглядела я сейчас крайне забавно – с приоткрытым ртом, изумленно хлопающая глазами, – потому что Ньювор понимающе хмыкнул и, стащив у меня из-под носа чудом спасшуюся «планету», принялся ее грызть.

– Вот! – Я отмерла и, решив подойти к проблеме с другой стороны, обвиняюще ткнула в него пальцем. – Ты сам себе противоречишь! Ну переместились, и что? Их опять видно! А враг мог и не улететь! Остаться и ждать. Никто не помешает ему снова напасть.

– Само время помешает, Дея, – равнодушно пожал плечами рарк, дожевывая фрукт. – Вряд ли у кого-то хватит терпения и ресурсов ждать несколько десятков лет, пока наши планеты появятся в реальности. Ну а если и дождутся... Можно ведь снова в будущее нырнуть.

Нырнуть...

Воображение тут же нарисовало, как «планета», падая с высоты, уходит под воду, сначала оставляя после себя воронку, а затем рождая бурный всплеск, поднимающийся вверх и разбегающийся в стороны кольцевыми волнами...

Круги на воде!

Перед глазами как наяву встала звездная модель, которую собрал мой отец: кусочек космического пространства, а в нем контуры тех самых прерывистых линий, показывающих расположение временных дефектов, расходящихся по нарастающей из исходной точки. И точка эта – звездные системы рарков! Выходит, сами ямы, в которые мы попадали, – всего лишь побочный эффект переброса планет во времени, а вовсе не специально созданные искусственные объекты!

Картинка в моей голове из непонятно-нелогичной моментально превратилась в очень складную и объяснимую. Планеты рарков погружаются во вневременной континуум так же, как наши корабли уходят в подпространство!

Но... Существование нультайм-матрикса – это же гипотеза! На Земле ей до сих пор нет математического подтверждения, без которого нельзя провести ни точных расчетов, ни создать реалистичных моделей. Именно поэтому путешествия во времени невозможны.

Тогда *как* рарки это сделали?!

А ведь действительно сделали, иначе бы я не сидела сейчас среди хладнокровных убийц, а мои родители были бы живы...

В горле встал ком, в носу защипало. Как я могла так быстро о них забыть?

– Заказать что-нибудь еще? Или ты наелась? – приняв мое молчание за нежелание обсуждать столь сложную для понимания тему, Ньевор с легкостью переключился на бытовые вопросы.

Я же с трудом заставила себя сосредоточиться на том, что он говорит.

– Нет, мне больше ничего не нужно, – выдавила в ответ и поднялась, решив, что нам пора уходить.

– Дея?... Что случилось? – рарк моментально уловил изменения в моем настроении. Перехватив запястье, удержал и потянул, заставляя развернуться к нему и снова сесть. И, поскольку я молчала, потребовал: – Признавайся немедленно!

Что я могла ему сказать? Полуправду.

– Просто вспомнила... дедушку.

Как ни старалась, а голос все же сорвался и слезы, заполнившие глаза, покатались по щекам. А через мгновение что-то сильное, стиснув плечи, дернуло меня на себя и прижало к твердой груди. На затылок легла ладонь, зарываясь пальцами в волосы и вынуждая уткнуться носом в ткань рубашки.

Чужой. Опасный. Непредсказуемый... Рарк просто удерживал меня рядом, не позволяя отстраниться. Он больше ничего не делал, даже не шевелился, и молчал. От него пахло чем-то сладко-горьким, незнакомым, тревожным. И необычно сильно ощущалось биение сердца. Моего? Или же это то, другое, что пряталось в груди мужчины, старалось до меня что-то донести?

Хотела ли я его слушать? Хотела ли этого контакта? Вряд ли. И все равно он мне был нужен. Наверное, потому, что не было рядом никого другого. Наверняка потому, что без него я осталась бы совсем одна.

Утопающий хватается за соломинку, даже если она в шипах. Раздирая руки в кровь, все равно держится, потому что, если отпустить... Больше уже ничего не останется.

Я поступала именно так. Беззвучно плакала, вжимаясь лбом в единственную опору, которая мне была доступна. Не думала. Просто оплакивала то, что оставляла в прошлом. А когда накопившееся напряжение схлынуло...

Отстранилась, не зная, как поступить: то ли просить прощения за свою истерику, то ли сделать вид, что не было в ней ничего особенного. Молчала, не решаясь отыскать взглядом глаза, которые снова прятались под упавшей на лицо мужчины челкой. И ждала.

– Точно все? – неожиданно услышала совершенно дикий, на мой взгляд, вопрос. – Если нет, лучше еще поплачь.

– Все, – стащив со стола салфетку, я вытерла лицо и покосилась на светлую голубую рубашку, где красовалось темное мокрое пятно. – М-м-м... Давай просушу?

– Зачем? – неожиданно рассердился Ньевор. – Жалеешь, что позволила себе быть слабой со мной?

– Нет...

Столь резкой перемены настроения я испугалась, поспешила предположение опровергнуть и найти другое. Мой мозг судорожно искал ответы, перебирая те скудные факты, что имелись в наличии. Но из подходящих припомнилось лишь одно:

– Ты запретил к себе прикасаться.

– Без моего разрешения, Дея, – мягче, с облегчением, словно сбросив груз с плеч, поправил меня рарк. – А оно не обязательно должно быть словесным... Ну что, идем домой? – Он даже мне улыбнулся, подбадривая. – Поздно уже, а нам еще нужно в магазин успеть заскочить, иначе тебе завтра голодать до ужина придется. Я-то могу и без завтрака обойтись, и в обед в столовой перекусить.

Подав руку, помог подняться и неожиданно обнял за талию, в точности как когда привез меня в город. И вниз повел, придерживая, чтобы я не оступилась.

Посетителей в ресторане за время нашей беседы прибавилось – сейчас почти все столики были заняты. Так что шли мы, сопровождаемые взглядами, которые в первую очередь впивались в мокрое пятно на рубашке моего спутника, а затем с не меньшим

интересом в мое лицо, наверняка еще покрасневшее и припухшее от слез.

И ведь вот что поразительно: женщины презрительно кривили губы и старались сделать вид, что они ничего не видели. Мужчины же, напротив, смотрели открыто и в их глазах читалась странная смесь удивления и уважения по отношению к Ньевору. Такое впечатление, что слезы в этом мире – явление редкое. И для мужчины добиться, чтобы женщина проявила столь сильные эмоции в его присутствии, – необычайная доблесть.

Вывод элементарный, если учесть, что Ньевор мокрое пятно не прятал, скорее наоборот, разворачивался так, чтобы оно было всем хорошо заметно. И с каждым шагом я ощущала, как тощая рука рарка все увереннее чувствует себя на моей талии.

Была ли это еще одна форма вызова? Означало ли это, что рарк изменил свое решение относительно близости? Возможно, принял проявленную мной «слабость» за чувства к нему? На эти вопросы ответов у меня не было. Но теперь я была уверена – даже если все так, даже если, придя домой, он первым делом потащит меня в постель, я... я ему не откажу.

Не потому, что настоящая Дея с восторгом бы приняла его как мужчину. Не потому, что он мне нравится – тут все, скорее, наоборот. Причина в ином – Ньевор мне нужен! Он – ключ к загадкам мироздания, которые раркам так удачно удалось разгадать. Его работа – новая цель, к которой у меня без него не будет доступа. У него в голове кладезь информации о специфике перемещений во времени! И я полечу на Землю, только получив доступ к этим тайнам! Я не допущу, чтобы родители, спасшие меня ценой своей жизни, пожертвовали собой напрасно. Рарки виновны в их смерти... Так пусть они и расплачиваются по счетам!

Глава 5

Изломанные судьбы

Мягкий свет Лидвот, льющийся через тонированные стекла, наполнял собой маленькую комнату. Совсем крошечное рабочее пространство, где помещались исключительно стол с развернутым над ним голографическим экраном, пара стульев и владелец кабинета, сейчас как раз сидящий на одном из них. Нескладный, долговязый, в голубой рубашке и простых темных брюках – стандартных для дресс-кода сотрудников корпорации – он присматривался к чертежам, поглаживал кончики заостренных ушей, словно это действие стимулировало и без того высокий интеллект. Не менее острые локти впивались в хромированную столешницу, а цепкий взгляд, анализируя детали, скользил по голографическим линиям.

На втором стуле, напротив, устроился парк куда более симпатичный – пропорциональный, с аккуратно подстриженными темными волосами. Да и рукав его рубашки украшала не бледная эмблема компании, а полноценная цветная вышивка – знак более высокой должности.

– Ну? И что ты об этом думаешь? – поторопил он подчиненного.

– Навскидку сказать, конечно, сложно, но... – Ньевор замолчал, чуть ли не с головой влезая в экран.

Кивнув, даг терпеливо ждал продолжения. То есть мнения нового сотрудника, который оказался на удивление ценным приобретением для отдела технического сопровождения. И если первые дни к нему, как и ко всем новичкам, присматривались, оценивая с точки зрения квалификации, то теперь, когда сомнений не осталось, можно было использовать его потенциал на все сто процентов. И даже больше, если понадобится.

Что, в общем-то, начальник отдела сейчас и делал, попросив оценить поступившее из исследовательского сектора техническое задание.

– Все же... Слишком много допущений и одна принципиальная нестыковка, – наконец высказал свое мнение Ньевор, отодвигая рукой экран. – Не будет работать эта штука.

– Где именно нестыковка? – поморщился даг, запуская пальцы в шикарную шевелюру. С одной стороны, за отказ выполнять проект могут и расстрелять, если его сделает кто-то другой и окажется, что он вполне себе жизнеспособный. С другой, если его выполнить, а он на самом деле будет бесперспективным, то головы полетят в отделе теоретических изысканий. А у рарка там жена... Лучше уж намекнуть, чтобы отозвали заявку на доработку. Только сначала выяснить, в чем конкретно они ошиблись.

– При таком построении молекулярных субструктур параметры «проседания» останутся отрицательными, – Ньевор побарабанил тонкими длинными пальцами по столу. – Значит, ход времени лишь замедлится, вспять не пойдет. А здесь, как я понимаю, – указал подбородком на экран, – нужен эффект обратного хода.

– Верно понимаешь, – одобрил начальник, в который раз удивляясь скорости, с которой Хот улавливал суть. – Значит, в прошлое эта штука ничего не забросит. Я тебя понял.

Пока он поднимался, Ньевор, свернув изображение, вытащил тонкую пластину-накопитель из считывателя. Молча ждал, когда даг ее заберет, уйдет и позволит вернуться к текущим делам, от которых оторвал его визит.

Однако тот уходил так медленно, задумчиво глядя куда-то сквозь стены и поглаживая пластину пальцами, что Ньевор не выдержал:

– Даг Хьердор, ты же понимаешь, что создание подобного устройства, возможно, приведет к катастрофе?

– Не нашего ума это дело, Хот, – отрешенно посмотрел на него рарк. – Не нашего. А жаль...

Последнее добавил едва слышно, шагнув к двери и будучи уже спиной к подчиненному, а потому не увидел взгляд, полный порицания, и кривую невеселую усмешку. Иначе вызова бы не избежал...

– Смотрим на изящный «хвост», поворачиваем вправо... И теперь читаем: «мост»!

Из динамиков волнора послышался детский смех, на экране ярким веером промелькнули цветные картинки, иллюстрируя образы, а я скрипнула зубами со злости.

Письменность у рарков иероглифическая. Мало того – динамическая. То есть один и тот же символ, если его рассматривать под разными углами, будет нести разную информацию. Но самое раздражающее – они ухитряются подбирать символы так, что при повороте написанное приобретает другой смысл! То есть одной строчкой можно записать сразу восемь разных по сути предложений!

Вздыхнув, я перенесла символ на пластинку, тренируясь в написании, и вновь приклеилась взглядом к экрану.

Да, я учусь, отыскав канал, где показывают обучающие программы для детей. А что мне остается? Без элементарного знания хотя бы азов письменности я рискую стащить у рарков не секрет перемещений во времени, а, к примеру, принцип работы местных туалетов. Да и когда придет время угонять корабль, опять же, хоть названия датчиков прочесть – уже половина дела.

Просить Ньевора со мной заниматься я не могу. Он и без того ко мне как-то подозрительно внимательно присматривается с того дня, как я у него на груди рыдала. И рубашку до сих пор хранит, не стирает, хотя пятно уже давным-давно высохло. А все почему?

Да потому, что слезы в чьем-либо присутствии для рарков – показатель высокой степени доверия и одновременно капитуляции. Признания за собой полного и безоговорочного поражения. Оттого даг Легор тогда в поселении, когда он меня толкнул и я, упав, расплакалась, даже оружие убрал. А ведь сохрани я внешнее спокойствие, пристрелил бы точно... Я же своим «возьмите меня с собой» и отказом идти в дом старосты, оказывается, ему вызов бросила.

Вот и Ньевор принял мой нервный срыв за проявленное доверие – все же вызова как такового в тот момент между нами не было, а причиной слез он лично не являлся.

Кстати, в постель он меня не потащил – остался верен своему принципу: секс только по любви. А до последней я, в его понимании, еще не созрела. Зато в форме проявленного в слезах доверия развязала ему руки в плане ухаживания. По крайней мере, я только этим могла объяснить резко возросшую активность, которую развил Ньевор вокруг моей персоны. Он же и гулял со мной после работы каждый вечер, и одежды купил столько, что я, наверное, за всю жизнь не сношу, и перестал на меня рычать, пугая своей несдержанностью, и...

– Дея? – раздался громкий зов, и я, спешно переключив канал на какой-то развлекательный и спрятав пластину под сиденье дивана, отправилась рарка встречать.

До входной двери дойти не успела – хозяин дома оказался проворнее, и потому, едва шагнув из комнаты в коридор, я носом уткнулась в бело-серое пушистое облако, именуемое «букет».

Вот оно – еще одно «и», которое теперь неизменно сопровождает вечерние появления Ньевора. Цветы, вкусоности, небольшие украшения... Все то, что, по его мнению, должно меня радовать и к дарителю располагать.

– Спасибо! – восторженно поблагодарила я. Смущенно хихикнув, забрала из его рук подарок и убежала на кухню, чтобы налить в вазу воды и погрузить в нее стебли несчастных растений. Я и на Земле не была ценителем этой формы выражения чувств, а уж здесь... Здесь и подавно мне не было никакого дела до того, чего именно добивается Ньевор. Однако разочаровать рарка я себе позволить не могла. И вообще я все делала, чтобы соответствовать его ожиданиям.

Ужин? Да, готов!

Чем занималась днем? Так в квартире прибиралась и новый сериал смотрела.

Скучала? Само собой! Разве волнор может заменить живое общение?

Гулять? Пойдем обязательно! И в магазин надо зайти, у нас продукты заканчиваются...

Я даже насчет выбранной для меня одежды не спорила, хотя, на мой вкус, она была излишне нарядной и непрактичной в носке. По крайней мере, раньше я бы себе никогда не позволила выйти на обычную прогулку в обтягивающем фигуру белом платье, с юбкой до колен и рукавчиками-фонариками, в изящных туфельках и наброшенной на плечи почти прозрачной шалью. Не мое это. Но раз уж рарку нравится...

И волосы я по той же причине перестала в хвост собирать, перестав мучить себя вопросом: стесняется он моих круглых ушей, то есть моей глупости, или нет? К тому же распущенные, вьющиеся, пушистым облаком обрамляющие лицо и падающие на плечи, с изысканными нарядами они действительно смотрелись лучше.

Я переламывала себя? Во многом, да. Но лишь потому, что была уверена: принятое решение того стоит. Осознавала ли, насколько длительным может оказаться процесс? На все сто процентов. Но меня это не останавливало. Я запаслась терпением, я выработала тактику, я перестала быть собой – лишь бы в итоге получить желаемое.

– Как прошел день? – словно между делом спрашивала идущего рядом мужчину. Внимательно слушала, пытаюсь представить, где и что в здании корпорации находится. Анализировала, чтобы найти способ секретами завладеть. Пока продуктивных идей не было. По всему выходило, что Ньювор имеет доступ лишь ко второстепенным разработкам. Увы...

Однако и шанс того, что он получит повышение, тоже оставался. Вопрос стоял только в том, что произойдет раньше – рарк решит, что я достойна близких с ним отношений, или его начальство неосмотрительно примет вызов и проиграет, уступив место более смышленому сопернику.

Разумеется, мне было бы проще и комфортнее, если бы реализовался второй. Вот только пока наращивал темп лишь первый. В том смысле, что Ньювор решал: долго ходить – для девушки занятие крайне утомительное, а потому требующее отдыха на скамеечке, рядом со своим спутником. И с каждым днем расстояние, которое нас разделяло, становилось меньше, а контакт начинал приобретать эротический подтекст, реализуемый в одностороннем порядке.

Это как? Да очень просто, если вспомнить, что у меня, по мнению рарка, все мысли только о том, как бы побыстрее затащить его в постель. И потому...

– Даже не думай, Дея! Держи себя в руках, – звучало строгое предупреждение, едва я вздрагивала и напрягалась, когда тонкие длинные пальцы прихватывали мою кисть.

А дальше он нежно поглаживал ладонь, переходил на запястье, рисовал неведомые узоры на плече, спускался по спине к талии...

– Мне завтра вставать рано! – спохватывался, прекращая свою приручательную деятельность.

На следующий день все повторялось. Подарок, ужин, монолог о работе, прогулка... Рука на талии решалась спуститься еще на пару сантиметров ниже... Затем три дня смещалась в сторону... Не меньше

недели гладила бедро сквозь тонкую ткань юбки... Еще три дня добиралась до колена...

Я уже стала прикидывать, как скоро в зоне ее внимания окажется стратегически важный объект, как вдруг рука решила, что рано ей его покорять, а потому сменила тактику «вниз» на «вверх». И теперь столь же методично и медленно штурмовала шею, волосы, лицо...

Мне это нравилось? Нет! Меня это бесило! Мало того, что Ньевор в такие моменты становился молчуном и из него ни слова было не вытянуть, так еще и длительные «ласки» ему нравились. А я, оказывается, чужие касания вообще плохо переношу! Вот честно – лучше бы уж быстренько довел дело до конца и отстал. А еще лучше – отдал мне накопитель с технологией временных перемещений и вообще исчез из моей жизни.

Однако я скрипела зубами и терпела. Делала вид, что удовольствие получаю запредельное. Хотя мышцы на лице уже сводило от постоянной глупой полуулыбки...

Стоило ли после этого удивляться тому, с каким энтузиазмом я, оказавшись снова дома, сбегала в ванную отмыться? И как радовалась, когда, выйдя в холл, убеждалась, что Ньевор уже спит. До тех пор радовалась, пока однажды не обнаружила рарка стоящим у дивана в гостиной и не услышала суровое:

– Это что такое?

Мне, как штрафную карточку на футбольном поле, показали пластину с иероглифами, стойко терпевшую мои издевательства над местной «азбукой».

– Пластина, – робко призналась я.

– Это я и сам вижу! – отрезал Ньевор. – И то, что на ней символы, тоже! – предвосхитил очередной ответ, готовый сорваться с губ. – Почему ты мне не сказала, что умеешь писать?!

– Я не умею, – всем своим видом показав, как сильно расстроилась, я опустилась на краешек дивана. – Научиться хотела, чтобы ты мог мною гордиться. Я ведь даже в магазине ничего прочитать не могу, а спрашивать стыдно. Вдруг из-за этого о тебе другие плохо подумают.

– Дея... – агрессивный напор рарка моментально исчез. Ньевор, так и не выпустив из рук пластину, присел рядом и, приподняв за

подбородок голову, заглянул в глаза. – Мне приятно, что ты обо мне заботишься. Но зачем прятала пластину-то?

Недоумевающе уставившись на него, я похлопала ресничками.

– Я не прятала. Просто убрала, чтобы не мешалась на виду.

– Почему под подушки?

– А куда надо было? – изобразила я полнейшее непонимание.

– В шкаф.

На указанный предмет мебели я посмотрела так, словно вообще первый раз видела. В общем, показала – до такого мой дефектный мозг не додумался.

– Ладно, я понял, – спас меня от необходимости объясняться словами Ньевор. – Знаешь, я на самом деле рад, что у тебя есть потребность учиться. Обычно у круглоухих с этим все с точностью до наоборот. Ты детский развивающий канал смотрела, да? – мягко погладив меня по щеке, бросил взгляд на каракули. – Ну и как? Тебе понравилось писать? А читать?

– Это трудно, – вздохнула я. – Стараюсь, но плохо получается.

– Ничего, – ободрил меня рарк. – Главное, что у тебя желание есть. Теперь я сам буду тебя учить. Вот увидишь, станет намного проще.

Он на следующий же день так рьяно взялся за выполнение своего обещания, что его усилия в разы увеличили запас иероглифов в моем арсенале. Вот только я прекрасно понимала – высокую обучаемость показывать ни в коем случае нельзя. Оттого и пыталась притворяться не слишком сообразительной, невольно доводя до белого каления рарка, старающегося проявлять терпение.

– В старом... доме жил-а... жила большая семья, – неторопливо скользила пальцем по строчке. Дойдя до черного треугольничка, поворачивала голову, неудобно вывернув шею, и читала еще медленнее: – Три... ребенка... лежали...

– Дея, сколько раз повторять! – возмущался Ньевор. – Не глазами надо читать, а мозгом! Он сам должен научиться переворачивать изображение, когда ты доходишь до символа инверсии. И не «три ребенка», а «трое детей».

– Я помню про ин... инв... поворот. Только оно не поворачивается, – жаловалась я, хотя и была с ним полностью согласна. Надо добиваться автоматизма.

– Меньше надо мозгу потакать, – сердился рарк. – Иначе он так и будет лениться. Давай еще раз.

М-да... Если уж мне было непросто, легко представить, каково настоящим круглоухим. С такой, мягко сказано, «письменностью» даже не дурак быстро не разберется. Сколько же времени обычным раркам приходится эту грамоту осваивать? С другой стороны, в детстве все усваивается быстрее и проще.

Кстати, время! С этим понятием тоже пришлось помучиться, пока я не разобралась, что означает «оборот». Я-то по аналогии с нашими земными стандартами думала, что это время движения Ракиса по орбите вокруг своей звезды, а оказалось что период от одного восхода местного солнышка-Лидвот до другого. То есть астрономические сутки. И в каждом полушарии планеты они делятся по половине их настоящего «года».

А «год» этот, по моим расчетам, равен месяцам десяти на Земле. Вот и выходит, что я на Ракисе уже четыре земных месяца. Возможно даже пять, потому что один оборот идет к завершению.

– Скоро заход... – в один прекрасный день сообщил Ньевор, задумчиво посмотрев на мерцающий над нашей головой, закрывающий небо купол.

Устав «бороться» с моей вопиющей безграмотностью, он утащил меня на прогулку, и теперь мы сидели на его любимой скамеечке. Я – в привычном напряженном ожидании, рарк – расслабленно откинувшись на спинку сиденья, потому как с работы пришел уставший. У него даже на исследование моего тела сил не осталось, видимо. Впрочем, с того времени, как мы начали заниматься, он вообще не часто вспоминал о том, что я – женщина. Изредка на него находило желание продолжить прерванный курс «соблазнения», да только ни до чего серьезного так дело и не дошло.

– Дней через пять, – продолжил Ньевор, потому что я молчала, не зная, как на его слова реагировать, – снимут защиту, и, если хочешь немного развлечься, можно будет выбраться в старый город на экскурсию. Он не очень далеко.

– Очень хочу, – загорелась я перспективами. – А почему «старый»?

– Потому что в нем никто не живет, – терпеливо объяснил рарк. – Он огромный по площади, еще до нейтронной вспышки был построен.

Его пытались накрыть куполом, но защита очень тонкая получалась. Не выдерживала. Вот все жители в новые города и переехали.

– То есть раньше на Ракисе было иначе? А когда же все изменилось? – вдохновенно изумилась я, стараясь сохранить видимость наивной непосредственности. Хотя, разумеется, вопросы-то вовсе не были праздными.

– До первого прыжка в будущее многое было иначе, – ошарашил меня признанием Ньевор. – Опасного излучения не было и в помине. Лидвот и Дэйци были двойной звездой, а все четыре наши планеты обращались вокруг них.

– Как же так получилось? – прошептала я.

– Большинство ученых считают, что временная установка дала сбой. То ли энергии не хватило, то ли еще что произошло, но Лидвот, прихватив с собой Ракис, оказалась в будущем чуть раньше, чем Дэйци и другие планеты. А на том месте, где рядом с ней должна была находиться звезда-спутник, возник источник нейтронов. Когда же, наконец, появились Дэйци и остальные планеты, Лидвот вместе с Ракисом успела сместиться в пространстве. Вот и получилось, что теперь у нас две звездные системы, а не одна.

Наверное, выражение лица, в тот момент, когда я потрясенно переваривала информацию, было очень своеобразным, потому что рарк, посмотрев на меня, поморщился и тоскливо поинтересовался:

– Сложно? Ты хоть что-нибудь поняла?

– Поняла, – на этот раз я решила проявить сообразительность, очень уж не хотелось мне, чтобы на этом объяснение прервалось. – Я фильм про звезды смотрела. Только там такого не показывали.

– Ясное дело, – пожал плечами рарк, закидывая руки за голову и сцепляя пальцы в замок. – Познавательный канал дает лишь общую информацию, а астрофизическую историю нашего мира только в институтах преподают. И даже не на всех факультетах.

Обидно, если так. Значит, давить на рарка в смысле научных откровений нельзя. Зато можно вернуться к причинам. Что я и сделала:

– Но, раз настолько страшные последствия, зачем же наши предки пошли на риск?

– Так никто же о последствиях даже не догадывался. Расчеты показывали, что все должно пройти гладко. А риск... – Ньевор расцепил пальцы и взъерошил волосы, на миг приоткрыв лоб и брови,

которых я раньше из-за густой челки вообще ни разу не видела. – Рискнуть пришлось потому, что иначе от наших планет вообще могло ничего не остаться. Я же про врага тебе говорил. В ресторане. Помнишь?

– Настолько страшный? – кивнув, спросила я скептически беспечно. Мне можно. Я глупая, многих проблем не понимаю, наверняка не в состоянии оценить истинного уровня опасности.

– Непобедимый.

Вот как... Может, рарки наш корабль за этого самого врага приняли? С другой стороны, от него, настоящего, они прятались, сбежали, а нас просто атаковали. Что-то не сходится.

– А сейчас? – продемонстрировав волнение, с опасением посмотрела на небо, закрытое куполом. – Он тоже нам угрожает?

– Нет. Сейчас его уже нет.

– Но как же? Если он был непобедимый... Кто его уничтожил?

Вывралось. Не смогла сдержаться. Поздно спохватилась, что логическую цепочку очень уж складную построила. Наверное, поэтому Ньевор не только положение тела изменил, развернувшись ко мне, но и посмотрел с подозрением.

Понимая, что пошатнувшуюся репутацию круглоухой нужно спасать, я смущенно улыбнулась и подвинулась к нему ближе. Погладила по руке. Пусть хоть этим умная мысль нивелируется, превратившись в ловкую попытку добиться его расположения.

Вот только рарк, вместо того чтобы в нужном мне ракурсе оценить желание сблизиться, рассердился:

– Дея, ты неисправима! Тебе от меня только банальный секс и нужен! Ты что, так ко мне ничего и не чувствуешь? А ведь я старался! Даже касался, чтобы тебе привычнее было и проще меня воспринимать. Или круглоухие действительно напрочь лишены не только ума, но и способности любить?

Если он меня спрашивает, то совершенно напрасно. Что я ему отвечу, когда сама ничего толком не знаю? Мало того, я еще и его возмущения не понимаю! И вообще, если не прикосновениями, то как тогда рарки показывают друг другу, что влюблены?!

В общем, я молчала, на всякий случай сверля взглядом гладкое покрытие дорожки, на которой стояли мои ноги, обутые в сиреневые туфельки.

Бежевые ботинки рарка, вскочившего со скамьи, отбежали в сторону, прогулялись по границе видимости, вернулись и...

– Я ничуть не умнее тебя, Дея, если решил, что ты сможешь изменить свою суть, – раздался холодный, жесткий, вовсе не извиняющийся голос. – И я совершенно напрасно тебя мучаю. Как только снимут купол, отвезу обратно в поселение. Там ты будешь иметь все то, что тебе привычно.

Вот честно, скажи он это раньше, до того как я узнала о перемещениях во времени, наверное, я бы не расстроилась. И даже сочла за благо избавиться от общества рарка, поведение которого вводило меня в основательный ступор и нервировало. Но сейчас у меня была цель. Я подобралась так близко к пониманию того, что происходит! Я почти добыла нужную информацию! И вот так легко все потеряю? Вернусь к исходной точке? Ну нет!

Подскочив на ноги и сжав кулаки в негодовании, я вытянулась, чтобы казаться выше, и обвинила:

– А откуда ты знаешь, что мне привычно и нужно? Разве я тебе об этом говорила? Ты требуешь, что я тебя полюбила, потому что решил, что ты этого желаешь. А сам? Ты сам собираешься меня любить? Или я нужна, лишь чтобы ты мог потешить свое самолюбие? А когда со мной возиться надоест, ты от меня без зазрения совести избавишься? Ведь тебе будет не нужна нелюбимая влюбленная дурочка!

Осеклась, подавившись воздухом, потому что Ньевор, перехватив, сильно стиснул мои запястья. Торопливо разжала кулаки, коря себя за несдержанность. Я ведь даже не заметила, как начала бить его в грудь.

– Значит, хочешь, чтобы я тебя полюбил? – голос мужчины теплее не стал, скорее, заглодел еще больше. – Мечтаешь о настоящей взаимности? Или же я должен влюбиться в одностороннем порядке, а ты рванешь на сторону, к первому же, кто покажется тебе более... привлекательным?

– С чего такие подозрения? – изумилась я. – Разве я дала повод? Я хоть раз посмотрела на кого-то другого?

– А разве нет? Тогда это что? – отпустив мои руки, Ньевор полез в карман брюк и триумфально презрительно вытащил ту самую карточку, которую мне оставил охранник.

– Понятия не имею! У нас в поселении таких не было! – фыркнула я, борясь со сложным смешанным чувством возмущения и

страха. Первое – оттого, что он рылся в моих вещах! Второе – потому как это на самом деле серьезный компромат.

– Это коммуникационный идентификатор! – обвиняюще припечатал рарк. – Сказать тебе, кому он принадлежит? Это ведь проверяется на раз!

– Не знаю и знать не хочу! – отрезала я, решив не признаваться. Мог же охранник мне этот идентификатор незаметно в карман положить. – И я по нему ни с кем не связывалась! Надеюсь, это тоже... проверяется!

– Да, – нехотя, но признал Ньевор. – Поэтому я и молчал, не говорил, что нашел. Но сам факт! – снова перешел на повышенный тон. – Ты его хранила!

– Я про него не знала! – я схватилась за голову, не в силах выдерживать его непробиваемого упрямства.

– А если бы знала, то наверняка воспользовалась! Мне не нужен секс ради самого секса! Тебе – наоборот! Ну и зачем в таком случае тебе моя любовь, Дея, а?

От такого умозаключения у меня дар речи пропал. Я, как вытащенная на берег рыба, лишь открывала и закрывала рот, хватая воздух. Наверное, сейчас был бы подходящий момент, чтобы заплакать, но слез, как на грех, не было. Лишь желание как следует встряхнуть вошедшего в раж мужчину, чтобы в себя пришел!

Вместо этого я заставила себя сесть на скамейку и зажмурилась.

– Раз... Два... Три...

– Что ты делаешь? – непонимающе рыкнул Ньевор.

– Девять... Десять, – закончила я и, открыв глаза, подняла голову, чтобы посмотреть на нависающего надо мной рарка. – Успокаиваюсь. Дедушка говорил, что если считать вслух, то думается потом лучше и правильнее.

Уж не знаю, как был понят мой намек, но Ньевор тоже сел. Вытянув длинные ноги, уперся руками в сиденье, чуть наклонившись вперед. Правда, молчал совсем недолго.

– Странный он у тебя... Был.

– В чем странный?

– Судя по тому, что ты о нем говоришь, темперамент у него был ненормальный. Какой-то... – он запнулся, подбирая определение, –

флегматичный. Сдержанный. Мягкий. Даже непонятно, как он с таким на должности старосты в поселении так долго продержался.

– Он просто был очень разумный, – заступилась я за образ, который в реальности не существовал. Мне оставалось лишь надеяться, что проверять мои слова никто не станет.

– Так я ж не про ум, – покосился на меня Ньевор. – В этом-то какие сомнения, раз он остроухий был? Я про характер...

Развивать тему я не стала – чревато. Я же прекрасно видела, с какой яростью схлестнулся старик со своим убийцей. Он же бросился на него не раздумывая, сдержанностью там и не пахло. Мог ли такой парк рассуждать о психологическом комфорте? Вряд ли. Но моему собеседнику этого знать не обязательно.

– Похоже, ты от своего деда характер унаследовала, – продолжил рассуждать Ньевор, – Ни моего вызова нормально принять не можешь, ни со своим окончательно определиться. А с учетом твоей круглоухости... то есть некоторых особенностей... В общем, я уже не знаю, что с тобой и делать-то.

Челюсть у меня отвисла отнюдь не в переносном смысле. Что он хочет этим сказать?

Нет, то, что ему нужна влюбленная любовница, а не вертихвостка на одну ночь, – это понятно. Однако, видимо, не укладываюсь я в привычные рамки, как ни стараюсь соответствовать местным канонам. Придется искать оправдания.

– Может, дело не в характере? – осторожно, словно прощупывая почву, пошла я на разведку, подталкивая его, чтобы выдвинул хоть какие-то предположения. Иначе я опять наворочу непоняток.

– А в чем? В несоответствии генетики и воспитания? Так это бессмысленно, сколько раз пытались... – фыркнул было Ньевор и замер, словно действительно догадался. Посмотрел на меня ошарашенно и неуверенно озвучил: – Может, это из-за болезни? Какой-нибудь побочный эффект от вируса? Он же в мозг пробирается, оттого и мучения страшные. Исследований в этой области мало. Это ты выжила, а обычно у круглоухих смертность от лиспы стопроцентная. Я видел данные статистики, когда работал в департаменте... Кстати, кто были твои родители? Твоя мать или отец, не знаю... Кто родился у твоего деда, с какими ушами?

– И я не знаю, – вздохнула максимально естественно и принялась с той же отдачей изобретать легенду: – Я вообще после болезни все забыла. Никого в поселении не узнавала, дедушка меня заново учил. И родителей уже не было. Я поэтому и испугалась, когда дедушку убили. Не представляла, как одна выживу, ничего толком не понимая. И в такой панике была, когда даг Легор отказался меня брать с собой.

– Ты почему мне раньше не сказала?! – взорвался Ньевор. – Дея, ты... ты... – Он, так и не подобрав нужных слов, возмущенно надул щеки.

– Я боялась, – поежилась я вовсе не наигранно. – Вдруг ты меня на опыты сдашь? Дедушка говорил, что мне туда нельзя. Замучают.

– Вот тут я с ним согласен... Стоп! – собеседник остановил сам себя и воззрился на меня с очередной порцией подозрения во взгляде: – Дея, а ты в смысле тяги к сексу тоже... изменилась?

Пожав плечами, я развела руки в стороны. Мол, да, как-то так получилось.

– И что, меня совсем-совсем не желаешь? – растерянно пробормотал рарк, осунувшись.

– Прости, – пискнула я, вжимая голову в плечи.

– Тогда зачем ты ко мне приставала?

– Я? – изумилась совершенно искренне. – Когда?

– Да только что! Когда мы про напавшего на нас врага говорили!

– Я не приставала. Просто хотела тебя успокоить. Ты так волновался...

– Я?... – теперь настала очередь Ньевора изумляться. – Дея, да я и не думал переживать. Ну напали амиоты, да. Но ведь это давным-давно было, сейчас этих монстров в нашей галактике уже нет. И сделали наши отцы все, что могли, защищая планеты от неминуемой гибели. А то, что не самым удачным оказался способ... Так нам теперь не переживать нужно, а с этим жить... Все, идем домой, а то поздно уже. Завтра договорюсь насчет экскурсии.

Он решительно поднялся со скамьи, протягивая мне руку, чтобы помочь.

– Значит, в поселение меня не отправишь? – с робкой надеждой уточнила я, цепляясь за тонкое запястье.

– А нужно бы... – словно в сомнении качнул головой Ньевор. Посмотрел на мое расстроенное лицо и фыркнул: – Дея, ты как была

глупышкой, так и осталась! Я, по-твоему, совсем без мозгов? Тебя же там твои... соплеменники изведут. А ты мне... здесь пригодишься.

Перед последними словами снова запнулся. И у меня не было даже намека на сомнения – изначально он что-то другое хотел сказать. Вот только что? Это, увы, так и осталось для меня загадкой.

Зато теперь поведение рарка снова изменилось. Не так чтобы кардинально, но трогать меня он перестал. Совсем. Даже руку начал подавать, чтобы помочь подняться или пройти, лишь в крайнем случае. Я хоть и удивилась, и поначалу обрадовалась, но, когда этому факту нашлось объяснение, серьезно задумалась – вот оно мне надо? Потому что причиной был... ритуал ухаживания!

Оказывается, если рарки желают легкого флирта и необременительных отношений, то и показывают это именно таким незамысловатым способом – прикосновениями. Оттого и круглоухие, с их навязчивой тягой к сексу, воспринимаются в штыки. Ибо серьезные намерения по отношению к ним бессмысленны.

– Как же тогда влюбленные? Они что, так и держатся друг от друга на расстоянии? – решив, что мне, как потерявшей память, такие вопросы простительны, я при любом удобном случае добросовестно допрашивала Ньевора.

Сейчас случай был подходящим: рарк вернулся с работы раньше обычного, с аппетитом поужинал и прилег на диван, включив на волноре канал с музыкальными композициями. Лиричными они никогда не были, скорее жестко-ритмичными, задорно-боевыми, от которых действительно хотелось... бросить кому-нибудь вызов и выиграть!

– Влюбленные обнимаются только после того, как вызов друг от друга принимают, – наставительно пояснил Ньевор. – Потому что без него это безнравственно.

– То есть со мной ты вел себя безнравственно? – хихикнула я.

– С тобой вообще невозможно вести себя прилично! – рыкнул Ньевор, отрывая голову от подлокотника, чтобы сердито на меня посмотреть. Впрочем, беззлобно, скорее, профилактически.

– А вызов... Он в этом случае какой? – сидя на подоконнике, я покачала ногами, заставляя взлетать в воздух тонкую ткань юбки, придавая своему вопросу легкомысленной беспечности. Мол, я безо всякой задней мысли спрашиваю, просто интересуюсь.

– Обоюдный, – припечатал мужчина. – Прямой вопрос, прямой ответ, условия... Ты ведь почти мне его бросила, когда спросила, собираюсь ли я в тебя влюбляться. «Почти», потому что условий не озвучила. И я тебя подтолкнул, когда спросил, хочешь ли ты моей любви. И о предполагаемой взаимности. А ты проигнорировала, увела разговор в сторону. Не приняла и не отвергла. Я и разозлился. Подумал, это потому, что тебе другое нужно.

Вот так. В который раз убеждаюсь – со словами на Ракисе действительно нужно быть очень аккуратной. Мне любовь Ньевора точно не нужна, и сама я влюбляться в него не собираюсь. Хорошо хоть повезло избежать вызова с последствиями! Ну почему? Почему у меня вечно язык впереди ума рыщет? Ведь едва не вляпалась!

«Все мы крепки задним умом»... Фраза известная и потому хорошая в оправдательном смысле. Правда, проблем от этого меньше не становится.

Но хоть с личными отношениями немного разобралась – уже плюс. Осталось прояснить, что же рарки со своим врагами не поделили? Просто так ведь они на них нападать бы не стали. Как он их назвал? М-м-м... Амиоты?

– Они самые, – подтвердил Ньевор, когда я осторожно об этом спросила. Не отрывая взгляда от проплывающего за окном агрова унылого коричнево-серого пейзажа, продолжил: – А напали они потому, что мы на их пути оказались. Была бы на нашем месте другая звездная система, амиоты бы ее разрушили. Им ведь без разницы, кого пожирать.

– Как это «пожирать»? – растерялась я. – Они разумных существ едят?

– Они все едят, – по-прежнему не глядя на меня, зло процедил рарк. – То есть разрушают, выкачивая максимум энергии. От звезды за год ничего не остается, планету за месяц превратят в ничто, а уж корабли или живые существа... Это для них вообще минутное, а то и секундное дело. На один зуб.

Ошалев от таких подробностей, я замолчала. Вот уж не думала, что такое бывает. Неужели есть цивилизация, которая запросто аннигилирует звезды? Это ж какого уровня развития она достигла? И почему в таком случае нападает на себе подобных? В космосе ведь масса безжизненных звездных систем! Но и это не все. Есть еще один

животрепещущий вопрос: куда эти самые амиоты девают такой объем энергии?! Зачем им столько?!

Ох, с каким бы удовольствием я бы все это спросила у Ньевора! Увы... Я хоть теперь, в новом видении моей персоны, и не глупая патологически, но все равно необразованная. Значит, разбираться в подобных вещах не могу. Придется проявлять любопытство в рамках моего умственного развития.

— А как они выглядят, эти «амиоты»?

— Да никак, — пожал плечами Ньевор. — Это нематериальные сущности. Энергетическая форма жизни. С ними нельзя договориться, невозможно наладить контакт, невозможно убить, только...

— Сбежать, — закончила я, наконец хоть примерно, но представив себе реальность, которая сподвигла рарков на такой рискованный шаг, как прыжок во времени.

— Тебе тоже кажется, что это было трусостью? — встрепенулся Ньевор. Даже от окна отвернулся, перестав изучать практически безжизненное каменистое плато, и развернулся ко мне, ожидая подтверждения. Или опровержения. Наверное, все же первое, судя по тому воодушевлению, которое звучало в интонациях.

— Ты говорил, что в той ситуации это был единственный способ спастись, — я постаралась ответить обтекаемо, чтобы не подставить себя и не провоцировать собеседника.

— Единственный лишь потому, что правящая тетрада посчитала его таковым, Дея, — укоризненно погрозил мне тонкий палец. — И не нашлось тех, кто смог бы, бросив вызов, доказать иное.

— Но несогласные были? — заинтересовалась я.

— Несомненно.

Ньевор усмехнулся так неприятно, что у меня моментально возникло подозрение: а не он ли был в их числе? Сначала я его прогнала — он же молодой рарк, вряд ли мог при этом присутствовать. Но потом... Неожиданно я осознала, что не знаю, как давно были эти самые прыжки! И вообще не в курсе, как у рарков с продолжительностью жизни. Может, мой собеседник только по местным меркам молод, а по земным мне в дедушки годится!

Мои догадки оказались от истины и далеки, и близки одновременно — поняла, когда Ньевор продолжил:

– И когда мы с тобой еще не родились, были, и сейчас есть. Но авторитет тетрады остается незыблемым, а ее состав за это время не изменился.

– Прости, я, наверное, излишне любопытна, – неуверенно извинилась, но, увидев отрицательное движение головой, осмелела: – А как давно Ракис в новом времени оказался? То есть в будущем.

– Сто сорок оборотов назад. И само понятие «оборот» с этого момента появилось. Раньше в ходу другое летоисчисление было. Связанное со всеми четырьмя планетами и двойной звездой.

М-м-м... Сто сорок это... Около шестидесяти земных лет? Не так уж много.

– А тебе сколько? – проявила-таки любопытство, не удержалась.

– Семьдесят в следующий оборот исполнится.

Ага, значит... Двадцать восемь. Ну... не юноша точно. Знать бы еще, сколько мне, на взгляд Ньевора.

– Тебе шестьдесят, наверное, – я даже вопроса не задала, а ответ уже получила. Понятно, что не точный, но не в этом суть.

Кивнув, согласилась. Если он и зависил возраст, то вряд ли ошибся. Скорее, общая продолжительность жизни у рарков больше, чем у землян.

Пока мы болтали, пейзаж за бортом агравы изменился. Появились невысокие здания: кое-где кажущиеся совершенно целыми, а где-то сильно разрушенные. Мы прилетели в старый город.

Выбираться из машины мне пришлось самостоятельно. Помогать Ньевор не стал, хотя я и видела, как ему хочется это сделать. Однако сдержался, позволив действовать независимо. Это он ту самую деликатность проявил, что положена рарку, уважающему свою даму и ожидающему, когда она бросит ему соответствующий вызов «влюбленности».

Меня это, с одной стороны, сместило – кидает его из крайности в крайность! А с другой, я понимала, насколько с их, рарковской точки зрения, поведение достойное. Особенно в отношении круглоухой. И поэтому я старалась тоже вести себя правильно, не желая ни выставить своего спутника на посмешище, ни подставляться самой, дав ему повод рассчитывать на перспективы в личных отношениях.

В общем, я спокойно спрыгнула с высокой подножки на каменную мостовую, поправила юбку, одернула задрывшуюся кофточку и

осмотрелась.

Атмосферная дымка за время полета разогрелась и потому хорошо освещала площадь, на которой мы оказались. Наш аграв здесь был не единственный – не меньше десятка стояли рядом, в ожидании ушедших на экскурсию пассажиров. Но, даже если бы их было в десять раз больше, это не создало бы тесноты – настолько большое пространство разделяло здания, построенные по периферии.

– Идем, Дея, успеешь еще насмотреться, – позвал меня Ньевор. – Нас ждут.

Ждут? А вот это интересно. Личный экскурсовод или?...

Оказалось «или». В ближайшем к парковке здании, чистеньком и отремонтированном, до которого мы дошли за пару минут, в холле на диванчиках расположилось не меньше двадцати рарков. Кто-то листал электронные брошюры, зависшие над столами, кто-то болтал между собой, кто-то просто сидел со скучающим видом, ожидая начала.

Видимо, мы прибыли последними, потому что высокая внушительная женщина в черных брюках и белой плотной блузке навывпуск, до этого опирающаяся задней частью тела на подоконник, от него оттолкнулась, вышла в центр холла и громко позвала:

– Прошу следовать за мной.

Она повела группу в боковой коридор, а я обрадовалась. Мало того, что у меня есть шанс легально знакомиться с неведомой никому из землян историей Ракиса, так еще и могу наблюдать за поведением самих рарков. В естественных условиях, так сказать. У меня ведь не так много возможностей для этого было – ресторан и краткие прогулки не в счет, а те сериалы, что показывал волнор, можно было примерять на реальность хорошо если на пятьдесят процентов. Очень уж герои были везучими, и все у них с лета получалось. В жизни такого не бывает.

Коридор вывел нас в зал, центральную часть которого занимало небольшое возвышение-макет – наверняка этот самый город в уменьшенном варианте. Но сделан он был красиво, натурально, в цвете и совсем не казался игрушечным. Пожалуй, вот так можно было бы его увидеть с небольшой высоты. Там даже люди, то есть рарки, на улицах двигались как настоящие!

– Как вам, несомненно, известно, Раркилис, бывшая столица Ракиса, был самым первым поселением на планете, – начала говорить

экскурсовод, когда ее слушатели заняли удобные места вокруг. – Численность населения к моменту прыжка во времени достигла шестнадцати миллионов, а площадь была равна ста восьмидесяти галлам. Для сравнения: в нынешней столице – Рардесе, при площади в десять галл проживает двенадцать миллионов рарков.

Она сделала небольшую паузу, дожидаясь, пока погаснет свет, а невысокие дома и широкие улицы расцветятся неоновыми огнями.

– Мы с вами побываем в трех наиболее интересных районах города, – в полумраке голос женщины слышался еще звонче и отчетливее. – Музейный, где вы познакомитесь с постройками и бытом, сохранившимися с доисторических времен... – Дальний от меня угол макета выделился ярче, обозначая свое местоположение, остальные стали светиться приглушеннее. – Техно-архитектурный – это застройка периода, который стал для нашей цивилизации переломным в развитии и освоении космического пространства, – сообщила экскурсовод, и новая зона вспыхнула, привлекая к себе внимание. – И новейшей истории, который расскажет нам о военном времени в истории Ракиса. – Последний упомянутый район разгорелся прямо передо мной, позволив увидеть куполообразные строения, между которыми были проложены туннели.

Вот честно, я бы предпочла начать именно с него – было у меня предчувствие, что здесь кроются разгадки необычайной агрессивности рарков, – однако вместе со всеми пришлось следовать запланированной программе.

Сначала полюбоваться на макет, заигравший новыми красками, едва занялся искусственный рассвет, и восхищенно ахнуть при виде зашевелившейся, словно от ветра, голографической листве и ветках деревьев – больше для Ньевора, который на меня смотрел с явным ожиданием подобной реакции. Затем неторопливо идти следом за толпой в еще одно помещение, где нас ждали двухместные полусферы, скрепленные между собой как бусинки, нанизанные на нитку.

Сейчас это «ожерелье» висело в паре сантиметров над мостовой, а когда все устроились на своих местах, качнулось, приподнялось и медленно выплыло из раскрывшихся створок ангара. Обогнув площадь, стремительно полетело по улице: мерно покачиваясь, игриво взлетая, опадая вниз и веселя детишек, которых в нашей группе

оказалось аж трое. Они взвизгивали, хихикали и в нетерпении ждали очередного кульбита.

Взрослые на забаву реагировали спокойно – не обращая внимания на неудобства, просто смотрели по сторонам, изучая архитектуру. А я поняла, почему организаторы экскурсии, несмотря на то что детей не так уж много, все же сместили акценты – юным созданиям несомненно было бы скучно десять минут созерцать стены зданий. Пусть даже и отличных от тех, к которым они привыкли дома.

Мне детское развлечение тоже нравилось. От резких перепадов высоты перехватывало дыхание, пальцы крепче вцеплялись в ограничивающий сиденья поручень, а губы невольно растягивались в улыбке. Не было у меня в детстве таких аттракционов, вот недополученная порция примитивного ребячьего счастья и нашла место в моей душе.

Ньевор сначала поглядывал на меня с подозрением, потом, видимо, догадался о причинах – разумеется объяснив со своей «колокольни» тем, что в поселении мне точно было не до игр. В общем, дальше рарк смотрел уже понимающе снисходительно.

Мы не разговаривали. Сейчас в этом не было смысла, потому что мешал голос экскурсовода, наверняка транслируемый динамиками в каждую полусферу. Комментарии были ожидаемыми:

«Дом первого управляющего столицей, построенный...», «Городская управа, впоследствии уступившая здание школе молодых курсантов...», «Лаборатория, где проводил свои первые опыты известный ученый Грельес Герен»...

Музейная часть города оказалась кардинально отличной от остальных районов, по которым мы проезжали, и одновременно безумно знакомой! Передо мной, спрыгнувшей на плотно утоптанную коричневую землю, стояли те самые дома, что я видела в поселении! Ну да, может чуть иные – одноэтажные, где-то иной формы и из других материалов – но сам факт!

– Старейшее примитивное жилище, – благоговейно поведала экскурсовод, когда подвела нас к наполовину вросшему в землю сарайчику из переплетенных между собой побелевших стволов. – Не реконструкция. Сохранилось благодаря естественной консервации, возникшей в условиях отсутствия доступа воздуха, когда древнее

поселение засыпал вулканический пепел. Можете заглянуть внутрь, там все осталось в неизменном виде.

Дождавшись своей очереди, я присела и с любопытством прильнула к смотровому окну, находящемуся в полуметре от земли.

Первое, что бросилось в глаза, – совершенно аскетичная, простая обстановка. Неаккуратный, грубый настил из бревен на полу, видимо выполнявший функции стола, потому что на нем стояла какая-то утварь, похожая на посуду. Рядом – лежанка из более тонких веток, покрытая сверху шкурой, наверняка раньше пушистой, теперь же грубо-каменной. С потолка свисало нечто, похожее на веревки. Часть из них была притянута к стенам, и на них определенно что-то сушилось. Опять же, за давностью лет понять, что именно, не представлялось возможным. Очага не было. Либо ели древние рарки все сырым, либо жарили на улице.

Уступив место Ньевору, я отошла на пару шагов и, стараясь не слишком привлекать внимания, присмотрелась к другим посетителям города-музея. До этого у меня было не так много возможностей это сделать.

Все парами, ни одного, кто пришел бы в одиночестве. Те, кто с детьми, – наверняка супруги, а вот остальные, несомненно, разной степени «знакомства». Две пары, как и мы с Ньевором, держат почтительное расстояние, остальные ведут себя более раскованно, даже обнимаются. Вот только понять, что это – непристойное поведение или брошенный личный вызов, – нереально. Никто ведь не будет афишировать своих отношений.

И все же теперь я следила за поведением рарков с ничуть не меньшим интересом, чем знакомилась с их же историей. В итоге к моменту, когда мы сели в капсулы, чтобы доехать до третьего, последнего района, по обоим пунктам накопилось не так уж мало новых сведений.

По первому. Круглоухая в группе была лишь я, остальные остроухие. И неприличного поведения они не допускали – девушки огрызались на мужчин, если те проявляли излишнюю настойчивость. Впрочем, последнее случалось не так уж часто.

По второму. Предки современных рарков имели круглые уши. Остроухость оказалась мутацией, которая возникла спонтанно и быстро распространилась в древнем обществе как раз по причине

высокого интеллекта ее носителей. А, размножившись, остроухие предпочли исключить контакты личного характера с дефектной частью населения – очень уж велика оказалась между ними умственная пропасть. Официального запрета не было, да он и не требовался – большинство остроухих считало ниже своего достоинства иметь хоть какие-то отношения с примитивными существами. Ну а меньшинство... Именно они возглавляли современные поселения, управляя и контролируя «общины фермерского типа», в которых по-прежнему жили глупые и ничем, кроме примитивных форм удовольствия, не интересующиеся круглоухие.

Зато остроухие быстро развили свою цивилизацию. Изобретения шли лавиной – одно за другим, наука вела к прогрессу семимильными шагами... Цифры, которые называла экскурсовод, мне мало о чем говорили – их не с чем было соотносить, но чисто интуитивно мне показалось, что техногенное развитие Ракиса претерпело взлет с первых механизмов до космических кораблей за какие-то пару-тройку сотен лет, если принять в расчет то, что создатель первого поднявшегося на орбиту космического корабля до сих пор еще жив! Очень стар, но... Но ведь теперь ракеты летают, развивая субсветовые скорости! Причем без погружения в подпространство! Само собой, это медленнее, однако результат все равно един – достичь других звезд они в состоянии.

Впрочем, к последнему они не шибко стремились. Причина оказалась неприятной – первый же полет в дальний космос обернулся трагедией. Из двух космолетов, отправленных к ближайшей звезде на разведку, вернулся только один. И новости, которые он привез, были страшными.

– Сам путь был преодолен успешно, – интригуяюще приглушая голос, рассказывала экскурсовод, комментируя картинки, сменяющиеся на экране перед панорамой, которая пока скрывалась в темноте. – Оба корабля благополучно достигли намеченной цели. Около звезды обнаружилась планета, которую поначалу приняли за необитаемую. С непригодной для дыхания атмосферой, сплошь покрытая кристаллами разных форм и размеров... Кто бы мог на ней выжить? Однако после приземления и разведки исследователи поняли – кристаллы кто-то добывает. В некоторых местах были следы разрушения и изъятия. Решив, что это какое-то ценное сырье, команды

обоих кораблей заполнили трюмы, наверняка так же, как это делали инопланетяне. В том, что это не были местные обитатели, – ни у кого не возникло сомнений, особенно когда наши путешественники своими глазами увидели опустившийся из космоса на прииск чужой корабль.

То ли фотография, то ли рисунок этого события тут же отразился на экране, и я едва сдержала возглас. Инопланетным кораблем оказался самый обычный дискоид, практически такой же, как тот, на котором я летела с родителями!

Получается... Получается, мы действительно невольно с ними пересеклись? Земной дискоид забирал кристаллы, а рарки оказались свидетелями и... Кем? Они пошли на контакт? Или спровоцировали конфликт?

Ох... Я неожиданно осознала, почему папа сказал: «У них с нами счета давние»! Вот где кроется разгадка! И теперь еще внимательнее слушала женщину, которая комментировала очередную иллюстрацию.

– В тот момент руководство экспедиции решило не афишировать своего присутствия. Корабли были хорошо замаскированы, им ничего не угрожало. Дождавшись, когда инопланетяне поднимутся на орбиту, экипажи отправились к прииску, чтобы посмотреть на результат. Надеялись найти что-нибудь любопытное – инструменты, возможно, оброненные вещи, а вместо этого... – Голос экскурсовода стал совсем трагичным и суровым: – На них напали. Что-то неведомое, страшное, неопознанное, похожее на фиолетовую дымку, металось над разрушенными кристаллами и кружилось вокруг оставшихся целыми. Оно тянулось к путешественникам своими призрачными щупальцами, а коснувшись, выпивало их жизни...

От таких подробностей даже мне стало жутко. Легко воевать с врагом, которого ты можешь потрогать и убить. А что может уничтожить вот такую эфемерную сущность? Это... Это и есть те самые амиоты?

Догадка мне показалась логичной, пусть даже прямого подтверждения я не получила, лишь услышала горестный вздох и продолжение:

– Когда команды осознали, что столкнулись с самым ужасным, что можно себе вообразить, побежали назад. Туман не отставал. Он гнал своих жертв, настигая по одной, и жадно пировал над упавшими

талами... Именно эти секунды позволили другим достичь спасительных шлюпок и подняться в них на орбиту.

В зале, где наконец начала проявляться ранее скрытая объемная панорама, стояла гробовая тишина. Даже дети, которые до этого возились и пусть тихо, но что-то говорили родителям, сейчас молчали. Раскрыв рты, все смотрели на объемную модель кусочка космического пространства, где две ослепительные золотистые молнии, вылетевшие словно из ниоткуда, ударили в поверхность планеты. Исчезли, когда жадный каменный шарик поглотил их без остатка, а затем... В одно мгновение синий цвет поверхности превратился в багровый. Атмосфера набухла и расцветилась огненными всплесками. Яростная вспышка, и... И в стороны стремительно полетели пылающие астероиды.

– Один из кораблей не смог выйти из-под метеоритного дождя, – поясняет экскурсовод. – Второй, поврежденный, все же вернулся домой. Вот так, заплатив за эту информацию огромной ценой, мы узнали о существовании других цивилизаций... А теперь пройдемте в следующий зал, чтобы познакомиться с героем, который не раздумывая отдал свою жизнь, чтобы мы узнали еще больше.

Больше... Это действительно важно. Пока остается непонятным слишком многое. И в первую очередь – что ж за кристаллы такие, из-за которых у всех столько проблем?!

– Тебе не скучно? Можем уйти, – тихо предложил Ньевор, воспользовавшись паузой в рассказе, пока мы шли по переходу в другое здание.

– Здесь интересно, – торопливо заверила я его. А чтобы не показаться излишне сообразительной (и уж тем более образованной), негромко добавила: – Такие яркие картинки! И камушки красиво разлетались.

– М-м-м... – страдальчески промычал рарк, видимо окончательно убеждаясь – если мой интеллект и изменился после болезни, то над ним все равно еще работать и работать!

Я же пока решила умной сразу не становиться. Во-первых, это может показаться подозрительным. Во-вторых, иногда выгодно, если тебя не принимают всерьез. Ну а вдруг пригодится?

Первое, что бросилось в глаза, когда мы шагнули в гулкое пространство куполообразного помещения, – стоящая в центре статуя.

Вернее, мужчина, который смотрелся бы совершенно живым и настоящим, если бы не был ростом под три метра.

Прозрачно-зеленые, чуть раскосые глаза смотрели на нас с вызовом. Гордо поднятая голова не оставляла сомнений – личность о себе не последнего мнения. Прямой тонкий нос, изящная линия губ, высокий лоб, выраженные скулы. Длинные почти белые волосы собраны в хвост, открывающий удлинённые, заостренные уши. Красивый...

Засмотревшись на лицо, я не сразу увидела остальное: светло-бежевые брюки, куртку и белую рубашку, в разрезе которой виднелся надетый на шею кулон с мутно-желтым каплевидным кристаллом. На бедре – перевязь, в которую воткнут то ли очень тонкий бластер, то ли короткий меч. Изящные пальцы правой руки как раз и сжимают рукоять неведомого мне оружия. А у ног, обутых в сапоги с высокими голенищами, сидит...

Ох... Такого зверя я в своей жизни не встречала. Рыжая шерстка, пушистая и на вид нежная, как птичий пух. Крупное тяжелое тело, короткие, массивные лапы, заостренные ушки, как у самих рарков, вытянутая мордочка с тонкими острыми зубками. И глаза – желтые, янтарные... умные!

– Хитл Шерьерон и его шош, – с необычайной гордостью проговорила экскурсовод. Таким голосом, словно незнание этого имени ставило крест на любом рарке, будь он хоть трижды остроухий.

Интонации попали в точку – лишь дети и я растерянно хлопали глазами, остальные благоговейно ахали, уважительно качали головами, почтительно перешептывались. Видимо, действительно известная личность.

– Родившийся в семье простого торговца техникой, Хитл с младенчества проявлял недюжинный ум и смекалку. Он всего добивался сам, без раздумий принимая все вызовы, что уготовила ему судьба, – коротко озвучила биографию рассказчица, прежде чем перейти к заслугам. – Сначала – кадет первой космической гвардии, удостоенный звания офицера высшего эшелона. Затем – капитан того самого корабля, что вернулся из первого межзвездного путешествия. Один из четырех смельчаков, кто решился вновь побывать на месте трагедии. Единственный, кто сумел остаться в сознании, когда снова пришлось столкнуться с неведомым врагом, затаившимся в космосе

около взорванной планеты. Именно он выяснил, что фиолетовый туман – это энергетическая форма жизни, разумная, но не знающая ни страха, ни сомнений, ни жалости, уничтожающая все, с чем соприкасается. Погиб, исполняя свой долг...

Нотки, полные трагизма, уважительное молчание как дань памяти героическому поступку и продолжение:

– Его шош, верный и преданный, до самого конца оставался со своим хозяином, защищая. Именно благодаря ему Хитл смог противостоять врагу так долго. Именно его действия впоследствии спасли остальных рарков, попавших в энергетический плен амиотов. Способность шошей чувствовать и атаковать призрачного противника оказалась неожиданной, уникальной, и в корне изменила итог разведки. Да, Хитл погиб, но выжили те, кто на самих себе испытал весь ужас и мощь нового врага.

В зале потемнело, и на фоне лазурных стен за спиной местного героя возникли голографические образы трех рарков, застывших в целеустремленном движении вперед.

– Иатл Гьергон... Деверьен Шайхот... Вадрис Пульерос... – последовательно назвала их экскурсовод. – По возвращении все трое вместе с сыном Хитла Шерьерона бросили вызов правящей в то время тетраде и возглавили новое правительство. Организовали четыре специальных подразделения, включающих не только рарков, но и шошей, для ведения боевых действий против наступающих на нас амиотов. А когда война приобрела глобальные масштабы и планеты оказались под угрозой полного уничтожения, приняли решение спасти наши миры единственным оставшимся в нашем распоряжении способом... На следующей экспозиции мы с вами узнаем об этом переломном для нашей истории моменте.

Да уж, момент... Судя по тому, что дальше рассказывала женщина, все произошло действительно в один миг. Если бы не исчезновение с небосклона второго светила и появление жуткого излучения, возможно, никто бы этого временного перехода и не заметил. А так...

Так была экстренная эвакуация и поиск способов защиты, теперь уже от нейтронов. И даже то, что ученые отыскиали его в рекордно быстрые сроки, – им оказался слой простейшего парафина, который стали наносить на дома, – помогло лишь отчасти. Рарки того

полушария, что оказалось в момент выхода в другое время под нейтронным ударом, либо погибли, либо получили сильное облучение. Жителям столицы повезло. Они оказались в числе тех, кто увидел губительный источник лишь спустя три месяца, когда Ракис повернулся к нему другим боком. Из растений выжили только те, что имели серые листья, покрытые восковым налетом, а из животных вообще единицы. Крим-ваги в их числе.

Слушала я все это, смотрела на модель дома, в котором прятались несчастные рарки, и чувствовала, как душу затапливает холодный ужас. Становилось жутко от осознания, что, упади капсула в месте, где царил нейтронный «день», вряд ли я смогла бы добраться до деревни. И к раркам, что вели себя так жестко по отношению к чужакам, возникло двоякое чувство – да, я все еще их ненавидела, но теперь и жалела тоже. Пережив такую трагедию, сложно остаться гуманными. Потеряв половину населения планеты, легко обозлиться на весь мир.

И я совершенно напрасно виню в своем горе поголовно всех рарков. Определенно, ответственность лишь на тех, кто все это допустил, исковеркав судьбу своего народа. На тех, кто отдал приказ уничтожать всех, кто приближается к системе Лидвот. И я эти лица надолго запомню... Чтобы отомстить именно им!

Глава 6

Знакомые незнакомцы

– Мне нужны самые-самые. Лучшие! Сообразительные, хорошо ориентирующиеся в вопросе, быстро реагирующие и качественно выполняющие свою работу. Четыре, максимум пять сотрудников. Этого будет достаточно, весь штат ни к чему.

Динамики нисколько не исказили четкий, хорошо поставленный голос, а звук заполнял кабинет, меняя модуляции синхронно с движениями губ голограммы.

Даг Хьердор, начальник отдела технического сопровождения корпорации «Звездные камни», терпеливо слушал абонента, не демонстрируя эмоций, хотя его и возмущал наглый, бесцеремонный тон собеседника. Лишь на мгновение он позволил себе бросить краткий взгляд на самоуверенного светловолосого парка, определенно уроженца Лангоста, и вновь вернулся к созерцанию гладкой столешницы своего рабочего стола.

Да, Лаит Шерьерон намного его моложе и наверняка не ас в технических вопросах, но он – куратор проекта «Возвращение», к тому же один из сыновей правящей тетрады. Бросишь такому вызов, и, если проиграешь, о перспективах и высокой должности можно будет забыть. Приходилось терпеть.

– Проект установки обратного прыжка признан перспективным и одобрен. Однако прежде, чем внедрять его на базовую станцию и использовать, решено собрать тестовое устройство, чтобы проверить работоспособность на малых мощностях. Реат с расчетными характеристиками мы получили, нужные детали будут доставлены через три дня. Наши техники начнут сборку в соответствии с проектной документацией. Им требуется контроль и консультации специалистов, которые непосредственно участвовали в разработке. Хочется верить, что сотрудники твоего отдела с этим справятся.

Лаит фактически второй раз повторил свою мысль, хоть и в иных выражениях.

«Точно на вызов подталкивает», – недовольно подумал Хьердор. Правда, предпочел сделать вид, что подначки не заметил.

– Я пришлю лучших кандидатов. Проблем не возникнет.

– Если возникнут, наш разговор продолжится в другом... ракурсе, – презрительно-разочарованно бросил куратор, который так и не добился от собеседника желаемого – условий, на которых начальника можно будет окончательно подчинить. Подмять под себя. Заставить выполнять нужные ему, Лаиту, распоряжения!

Это означало бы полный контроль над отделом технического сопровождения корпорации и окончательный захват власти в институте научных разработок! Тогда можно будет бросить вызов тетраде и занять место одного из тех, кто не желает уступать бразды правления! Мало того, ведет презренную политику жалости и фактически признает свою вину, потому что бросает столько сил на попытки освободить Лидвот из-под гнета нейтронного источника и вновь сделать ее звездной парой для Дэйци.

Да, жителям Ракиса не повезло. Да, их планету, вместе со звездой безжалостное время оторвало от других. Ну и что? Это вовсе не означает, что остальные должны ущемлять себя, обеспечивая Ракису его потребности и продлевая агонию! Мало того, тратить средства и ресурсы на попытки исправить неисправимое. И все это лишь потому, что Ракис был первой из населенных планет! Однако теперь-то какой в нем смысл? Гибнущий мир, недостойный спасения! А вот Лангост... Сделать Лангост главенствующей планетой, пусть среди трех, а не четырех, для Лаита Шерьерона было целью всей жизни. Целью, до которой осталось совсем немного! Ради которой он даже поступился своими принципами, приняв предложение стать куратором проекта, который считал бессмысленным.

Впрочем... Еще достаточно времени, чтобы найти рычаги давления, заставить дага Хьедора принять вызов и... проиграть!

– Месторождение шритовой руды считается самым крупным...

Решения! Как же легко я их принимаю и как сложно, оказывается, их реализовывать!

– ...и ценным природным объектом в провинции Гохор.

Хотела улететь с Ракиса, захватив корабль, ради этого решила на авантюрные отношения с Ньевором, а в итоге поняла, что мне на орбиту не попасть ни при каких обстоятельствах. Нет для этого

возможностей. Полеты в космос находятся под строжайшим контролем.

– Помимо основного сырья, здесь залегают...

Хотела заставить рарков заплатить за убийство моих родителей, украв у них самое ценное – технологию перемещения во времени, – однако так и не смогла найти способ. Намекнула было Ньевору, что с удовольствием побывала бы на его рабочем месте, но мой пыл сразу охладили: в здание корпорации допускают только сотрудников.

– ...металлоносные пласти, кристаллические самородные образования...

Хотела, чтобы понесли справедливое наказание настоящие виновники – кто так недальновидно вел политику уклонения от агрессивного врага, что даже у Ньевора по отношению к ним имеется изрядная доля недовольства, – а по факту так и сижу в четырех стенах комфортного, но ставшего для меня тюрьмой жилища.

– ...газовые линзы, тонколистовые танцы...

– Какие еще «танцы»? – прервало мое чтение возмущенное восклицание. – Откуда здесь взялись «танцы»? «Сланцы», Дея, «сланцы»! Ты опять забыла перевернуть символ!

– Ах, да... Точно.

Рассеянно ответила, думая о своем, и не сразу заметила, как пластина исчезла из моих рук.

– Ты последние дни совсем на себя не похожа. Отвлекаешься, внимание уже не то... – Строгости в голосе моего учителя не стало меньше. Еще и требовательность появилась: – Тебе надоело со мной заниматься?

– Нет, что ты! Мне очень нравится, – изобразив негодование, поспешила его разубедить, а то ведь, не ровен час, обидится и решит, что с меня хватит.

– Может, стало слишком сложно? – не повелся на мою уловку Ньевор. – Тогда я буду приносить тебе развлекательные тексты.

– Ты говорил, что от них толку меньше, – торопливо припомнила ему его же собственные слова. Мне совершенствоваться нужно! Я же, хоть и освоила базовые речевые конструкции, все еще далека от понимания научной терминологии.

– Тогда я ничего не понимаю! – рассердился рарк. – Дея, ты можешь мне нормально объяснить, что тебя так угнетает, а? Ты

жалеешь, что уехала со мной в город?

Ну вот... Снова вызов. Я наконец-то научилась распознавать эти коварные выверты разума местных обитателей. Вернее, одного обитателя, который настойчиво пытается добиться от меня ответного вызова, чтобы получить право ухаживать. Мне же лишних проблем не хочется. Одно дело, если бы я вынуждена была принять его как мужчину, и совсем другое, сделать это, имея выбор.

Бросила краткий взгляд на застывшего в напряженной позе, сидящего рядом со мной на диване в гостиной собеседника. Одетого в домашние мягкие бежевые брюки и свободную белую рубашку навыпуск. Взъерошенного, потому как в негодовании от моего чтения постоянно забирается пальцами в волосы, приводя их в беспорядок. Он замечательный рарк – ответственный, со своей точкой зрения, с достойными уважения убеждениями, но... Но мне с ним хорошо и комфортно лишь как с другом. С наставником. В некотором смысле работодателем, который обеспечивает мои потребности, требуя ответных действий по созданию комфорта в доме и удобного быта. Не хочу я от него ничего иного. Не-хо-чу! И потому в очередной раз делаю вид, что не услышала, не догадалась, не поняла...

– Мне просто грустно. Я ведь постоянно одна, ты на работе, с визором нельзя поболтать-посплетничать, а подруг у меня нет.

– Со мной сплетничай. Вечером. Когда прихожу, – недовольно пробурчал Ньевор, в голосе которого с каждым новым словом прибавлялось раздражения. – Или я для этого не гожусь, раз ты молчишь постоянно?

Опять... Это не разговор, это минное поле какое-то!

– Ты же мужчина! – я округлила глаза в притворном ужасе, рассматривая откинувшегося на спинку дивана рарка. – Как я могу с тобой тебя же обсуждать?

Кажется, направление я нащупала верное, потому что в голосе собеседника теперь куда больше насмешливых ноток.

– Легко! Мне будет любопытно знать, что же ты на самом деле обо мне думаешь и чего от меня хочешь.

– Не-е-ет! – я улыбнулась и укоризненно погрозила пальцем. – Так нечестно! Давай что-нибудь другое придумаем. Возможно, здесь есть другие круглоухие девушки, чтобы я могла с ними общаться?

Спросила не без умысла, мне давно хотелось познакомиться с «себе подобными», чтобы составить о них объективное мнение! Да только никак не получалось ни с кем пересечься. А остроухие дамочки хоть внешне и не показывали неприязни, но говорили со мной как с очень глупым ребенком, и старались побыстрее от моего общества избавиться.

– Здесь, кроме тебя, таких нет. Я узнавал, – неожиданно признался Ньевор.

– Почему? – не смогла сдержать удивления.

– Потому что от круглоухих в городе вреда больше, чем пользы. Оставлять одних нельзя, постоянный присмотр нужен, чтобы ничего из техники не сломали и не испортили. Они поэтому в поселениях и живут, где можно без этого обходиться.

– Но меня же ты взял... в помощницы.

– Я тебя взял для... – резко начал Ньевор. Осекся, поморщился, как от зубной боли, и схватился за голову, окончательно превратив прическу в воронье гнездо. Вздыхнул и продолжил, уже не столь яростно, но все равно сердито: – Дея, вот зачем ты мне напоминаешь о моих ошибках, а? Чтобы я лишний раз признал, что и умные могут становиться глупыми, когда в перспективе у них лишь безысходность? Ты жалуешься, что тебе скучно одной, а каково было мне? Я двенадцать оборотов прожил один! Да, когда принял вызов отца, я сам лишил себя семьи, друзей, люб... – он снова себя оборвал на полуслове и изменил формулировку: – Общения. Все это стало мне недоступным, но от этого не перестало быть нужным. И когда увидел тебя в таком же отчаянии, что владело мной, принял решение на эмоциях. Предложил. Ты согласилась. А я потом не раз себя за это укорял. Ведь твое присутствие в квартире могло обойтись мне очень дорого в финансовом смысле, который, сама знаешь, был в то время для меня актуальным вопросом. И если одеть тебя проблем не составило, то необходимость приобретения чего-то более существенного, например, нового волнора, нанесла бы ощутимый удар по моим накоплениям.

Он говорил, говорил, говорил... Словно прорвало плотину, до этого сдерживаемую тщательным контролем. Ньевор даже с дивана вскочил и теперь, заложив руки за спину, расхаживал по ковру передо

мной, похожий на цаплю. Я же, боясь спугнуть нежданное, но столь важное откровение, сидела как мышь, стараясь даже дышать через раз.

Впрочем, остыл рарк так же быстро, как вспыхнул. Резко остановился, развернулся ко мне и, уперев руки в бока, неожиданно рассмеялся:

– Ну, Дея! Провокаторша! Это ты мне должна свои мысли рассказывать, а не я тебе душу изливать!

– Почему нет? – пожала я плечами. – Дед часто так же поступал. Я слушала.

– Оно и видно, – скептически хмыкнул Ньевор.

В два больших шага он вернулся к дивану и сел, подтягивая брючины, чтобы не натягивались на острых коленках. Однако расслабиться я не успела, потому что колкий взгляд из-под черной челки впился в мои глаза. Мужчина наклонился, и его лицо оказалось так близко, что я вздрогнула и едва удержалась, чтобы не отшатнуться. Не от отвращения, наверное... от страха. Очень уж порывистыми и непредсказуемыми были его действия.

– Вот скажи мне, Дея, почему, когда я с тобой говорю, мне так трудно себя контролировать? Почему, как ни стараюсь сдерживаться, а в итоге все равно рассказываю все то, о чем должен молчать? – Он снова словно рассердился, уже на самого себя: – Жалеть себя и жаловаться недостойно истинного рарка!

– Может, не во мне дело? – я осторожно попыталась избежать перехода на личности. – И окажись на моем месте другая девушка, было бы то же самое? Или такая, как я.

– С любой вряд ли, – криво усмехнулся Ньевор, наконец отодвигаясь. – А с круглоухой... Хм... Не знаю. Просто ты единственная, я раньше с селянками никогда не сталкивался. И вообще первый раз с дагом Легором с ревизией в провинцию выехал.

Теперь он смотрел на меня с изрядной долей сомнения, а я обрадовалась. Получается, ему не с чем сравнивать! Значит, и мои промахи не так заметны. Фух!

– Зато теперь у тебя и опыт такого общения есть, и одному не скучно, – весело подвела итог.

И рарк заулыбался:

– Да уж, польза от тебя несомненная...

Он бы наверняка еще что-нибудь сказал, да только не успел. Отвлек переливчатый сигнал в холле, видимо, пришел кто-то.

Гости в доме – явление редкое. К нам за все это время лишь однажды зашел тот самый мужчина, что встретил нас в первый день, когда мы сюда прилетели. И визит его был совсем недолгим – он лишь забрал у Ньевора какие-то пластины с записями. А вот кто навестил нас сейчас?

Я торопливо вскочила с дивана, едва рарк вышел из комнаты. Подбежав к проему, выглянула в холл, стараясь остаться незамеченной. Как раз вовремя, чтобы увидеть молоденького рарка, который, даже не переступив порога, вручил хозяину квартиры коробку и исчез.

Видимо, посыльный. Причем Ньевор его определенно ждал – ничуть не удивился визиту и появлению загадочного предмета.

Размер коробки оказался немаленьким, и я с любопытством следила за руками рарка, который, поставив ее на стол, неторопливо вскрывал упаковку.

– Что там? – не выдержала и пошла, хотя меня и не приглашали.

– Новая униформа, – просветил Ньевор. Скомкал содранную с одной из граней пленку и бросил в утилизатор. – Послезавтра я в командировку еду, там дресс-код другой.

– А я? – растерянno пробормотала, проследив за точностью попадания в цель. Остаться одной категорически не хотелось.

– Со мной, разумеется. Не могу же я тебя тут бросить? – успокоил рарк, раскрывая крышку и вытаскивая на обозрение темно-коричневые брюки и белый китель с вышитой на одном из коротких рукавов красной эмблемой.

Рассмотреть, что именно на ней изображено, не получилось – одежда вернулась в коробку, а та – в руки Ньевора.

– Много вещей не бери, – посоветовал он, направляясь в свою спальню. В проеме остановился, чтобы посмотреть на меня строгим взглядом и напомнить: – И настройся на то, что тебе придется тщательно себя контролировать. Это здесь мы с тобой мало с кем пересекаемся, а на орбитальной станции плотность населения выше. Контингент своеобразный. Не все будут вести себя деликатно. Могут и настойчивость проявить в... намерениях. Ясно?

Завороженно кивнув, я наверняка не услышала еще что-то из того, что сказал рарк. В голове билась только одна мысль: орбита! Орбита...

Неужели мне наконец-то повезло? Я даже не сразу спохватилась, что не расспросила Ньевора о том, что ему в командировке делать придется. Сообразила, что нужно было бы это сделать, лишь когда совсем поздно было и мы спать легли. А ведь отправляют его определенно не просто так, наверняка что-то тестировать будут или изучать. Возможно даже, это с перемещениями во времени связано. В таком случае мне дважды повезло!

Впрочем, от того, узнаю я раньше или позже, уже ничего не изменится. Потому утром приставать к спешно собирающемуся на работу рарку тоже не стала. День потратила на сборы, приготовление ужина, даже волнор успела посмотреть – а вдруг как там в новостях будет какая информация. Однако узнала лишь о том, что правящая тетрада, благополучно завершив инспекцию подведомственных организаций на своих планетах, планирует собраться для проведения очередного совета на Ракисе. То есть меры безопасности, теперь уже для этой планеты, будут максимально высокими.

И вот вроде бы обычная информация, а на размышления наталкивает. Такое ощущение, что местные правители очень сильно опасаются не только нападения извне, но и собственных подданных. Боятся покушений? Иначе с чего им с такой тщательностью организовывать свою охрану. Значит, на самом деле недовольных много, а заслуги перед народом явно трансформированы в выгодную для нынешней власти форму.

Долго выдерживать напор лавины вопросов и догадок я не смогла. На следующий день за ужином меня «прорвало». Разумеется, я старалась не выйти за рамки моей мнимой глупости, потому подбирала слова тщательно, а выражения – проще. Ньевора мои вопросы сместили и забавляли, но он на них все же отвечал.

– Наверное, это повышение, раз тебя так высоко в космос отправляют?

– Не повышение, просто рабочие моменты.

– А то, что ты будешь делать, это то самое, чем ты хотел заниматься? Этим... проектированием?

– Работа по моей специальности, но это уже не проект, а опыт. Помнишь, я тебе про прыжок во времени рассказывал? Вот он был вперед. А мы хотим попробовать то же самое, только назад.

– Назад? – изумилась я вовсе не наигранно. – Зачем?

– Чтобы вернуть Ракис на то место, где он должен быть.

Наверное, в этот момент выражение лица у меня было совершенно непонимающее, поэтому рарк вздохнул и отложил приборы. Осмотрев стол, взял из вазочки несколько разноцветных хрустящих крахмалистых шариков и разложил их перед собой.

– Звезда Дэйци. Планеты – Лангост, Вьероп и Тьер. – Тонкий длинный палец указал сначала на центральный голубой шар, затем на три красных, что его окружали. Сместился к двум, что лежали отдельно: белому и коричневому. – Звезда Лидвот и планета Ракис. А это источник нейтронов, – подумав, Ньевор к последним добавил скомканный кусочек салфетки. – Все они движутся в космосе в одном направлении. Допустим, к краю стола. А теперь смотри, что будет, если вернуть Ракис и Лидвот на несколько дней в прошлое...

Ньевор ловко подхватил белый и коричневый шарики и перенес их против «хода», присоединив к остальным.

– Видишь, как просто? Источник нейтронов останется в настоящем, продолжит лететь по своей траектории, окажется далеко впереди и больше не будет опасен.

И ничего не просто! Если бы такой вариант был реальным, то Ракис появился бы в настоящем-прошлом раньше, чем исчез в настоящем-будущем! То есть в какой-то момент времени, существовало бы две одинаковые планеты! С одинаковыми жителями. А это настоящий парадокс! Абсурд.

Мне так хотелось рарку возразить, привести доказательства, опровергнуть. Но приходилось молчать. Позволила себе лишь пробормотать: «Вот небывальщина какая...»

– Именно небывальщина, – неожиданно согласился Ньевор. – В прошлое вряд ли получится отбросить. Однако затормозить, заставив застыть на месте, в то время как остальные продолжают движение, вполне.

Он вернул все на прежние места, а затем сдвинул комок из салфетки вперед и в том же направлении передвинул голубой и красные хрустящие шарики. Итог, само собой, получился тот же, что и в первом случае. Вот только я прекрасно понимала, какой за этим результатом стоит глобальный труд! Это же как точно нужно рассчитать длительность «временного торможения», соотнести его со скоростью движения звездной пары, учесть расстояния... А то ведь

ошибешься – и планеты, вместо того чтобы оказаться рядом, просто-напросто столкнутся! Я уже не говорю про технические характеристики устройства, способного на подобное замедление времени!

О! С каким удовольствием я бы взялась за такой расчет!

– Сложная какая у тебя задача. И ответственная, – старательно подавила и это желание, вовремя вспомнив о своей круглоухости.

– Скорее, трудоемкая. Очень четко нужно все рассчитать, чтобы не ошибиться. Ну и ответственность, да, от нее никуда не денешься.

– Ты справишься! Я в тебя верю!

Последнее, наверное, сказала напрасно. Потому что Ньевор неожиданно поднялся. Пока я лихорадочно соображала, что случилось, он обогнул стол и присел на соседний стул.

– А давай-ка вот с этого места поподробнее.

– В смысле? – ошарашенно пискнула я.

– Насколько сильно веришь? – не снизил напора Ньевор. – И что хочешь взамен, если я твои надежды оправдаю?

Ой-ой... Он меня на вызов подталкивает. Вернее, открытым текстом требует его условия озвучить!

– Я просто верю, – все же попыталась ускользнуть от прямого ответа. – Разве так нельзя?

– Нельзя! – рассердился рарк. – Дея, хватит водить меня за нос и увиливать. Я хочу определенности! Или ты уже забыла, что я жду разрешения за тобой ухаживать?

Это я как раз помню. Как помню и свое облегчение, когда выяснилось, что подобные отношения без вызова со стороны девушки мужчине не интересны. Жаль, что Ньевор никак не хочет принять, что он мне нужен исключительно как друг.

– Хорошо. Я в тебя верю настолько, что, когда твоя командировка закончится успешно, ты сможешь начать за мной ухаживать, – понимая, что выхода нет, постаралась изобрести для него самый долгий путь к цели... которой к этому моменту уже не будет в наличии! Я все сделаю, чтобы с орбиты улететь на Землю. И на Ракис не вернусь. – Это все? – уточнила, осторожно подняв глаза на замершего в неподвижности собеседника, и вздрогнула. Взгляд из-под челки был колючим, не обещающим ничего хорошего. Видимо,

раскусил рарк мою уловку. То есть желание отсрочить неизбежное. Оттого и припечатал резко.

– Нет, не все, Дея. Я принимаю твои условия без права ответного вызова.

– А-а-а... – его заявления я не поняла, тем не менее ощутив непонятное, удушающее беспокойство. – Что это значит?

– Это значит, что вызов, который я тебе сделаю, когда выполню поставленные тобой условия, ты примешь, ничего не потребовав взамен.

Упс... Вот я попала! Этак он может что угодно запросить, а у меня прав на отказ не останется. Впрочем... Чего я боюсь? Меня же здесь уже не будет!

Мысль эта успокоила настолько, что я улыбнулась. И даже ответила с некоторой долей веселости:

– Ясно.

На этом мы и разошлись. Я сбежала в ванную, Ньевор в свой кабинет. И утром он вышел из него, а не из спальни, словно и не ложился вовсе. Серьезный такой, сосредоточенный. И, кажется, сердитый, потому что, остановившись на пороге кухни и бросив взгляд на накрытый стол, заявил:

– Я есть не буду. Ты свои вещи собрала?

– Собрала.

Я пожалала плечами и пошла завтракать. Хочется ему морить себя голодом – пусть, а я отсутствием аппетита не страдаю.

То есть не страдала до этого момента. Теперь же мне кусок в горло не лезет.

Минут пять я старательно пыталась жевать кажущийся безвкусным бутерброд, пока, наконец, не рассердилась и не бросила его на тарелку. Да что ж такое-то! Совесть мне не позволяет одной пировать, что ли?

Недолго думая, собрала все, что приготовила, уложила в герметичные пакеты. Напитки перелила в такие же, но более жесткие...

– Это что? – Ньевор, вытаскивающий в холл сумки, с удивлением воззрился на ношу в моих руках.

– Сухой паек, – пошутила я. – Будем в дороге подкрепляться.

Взгляд из-под челки приятнее и мягче не стал, но я решила внимания не обращать. Глупая же! Имею право на ненормальные поступки. А что касается выражений...

У рарков ведь странная не только письменность, но и правила общения друг с другом. Например, в их языке напрочь отсутствуют слова-приветствия. Первое время меня так и подмывало с Ньевором поздороваться, когда он домой приходил. Я судорожно искала в голове нужные выражения и не находила. Просто потому, что таковых не было! В итоге поняла, что если какое-то слово срывается с языка, значит, в их обиходе оно тоже имеется. Тут важнее было не ошибиться со сложностью смысла. «Паек» показался не таким уж страшным. Мог же мой «дед» его при мне употреблять? Мог.

Да и Ньевора, как мне кажется, больше напряг сам факт того, что я еду с собой потащила. И наверняка потому, что решил – я этим хочу показать ему, насколько он плохо обо мне заботится, раз даже поесть толком не дал. А в итоге...

– Ты для меня это взяла? – опешил, когда, усевшись на сиденье аграва, я уточнила, долго ли нам лететь, и, услышав хмурое «долго», развернула кулек, достала завернутый в салфетку бутерброд и протянула рарку.

– Конечно, – доброжелательно улыбнулась я. – Ты же так и не позавтракал. А откуда тогда энергия для мозга возьмется, чтобы такую сложную задачу решить, которую перед тобой поставили! Или ты передумал? И специально отказываешься, чтобы вызов проиграть и за мной потом не ухаживать?

– Даже думать о подобном не смей, Дея, – строго пригрозил Ньевор. – Я от своих решений никогда не отступаю.

Пакет с напитком исчез из моих рук так же быстро, как и бутерброд. Скорость, с которой все это переместилось в желудок мужчины, тоже была немаленькой. За первой порцией последовала вторая... третья... В общем, мой сотрапезник умял все взятое, пока я жевала единственный доставшийся мне бутерброд и мысленно радовалась своей находчивости. Вот меньше всего мне нужно, чтобы у Ньевора было плохое настроение и негатив по отношению ко мне. Почему? Да потому, что от кого, если не от него, я получу схему временной установки, инструкцию по сборке и ее работе?!

Это я вчера, уже когда спать легла, сообразила. Везение вновь повернулось ко мне лицом, отправив на орбиту вместе с тем, кто непосредственно занимается разработкой проекта! И чем доброжелательнее и без опасений будет относиться ко мне рарк, тем выше шанс стащить у него из-под носа нужный материал!

Расчет мой оказался верным – Ньевор принял мою заботу за поддержку в выполнении личного вызова. Теперь я едва ли не физически ощущала наполняющий мужчину оптимизм. Он словно духом воспрянул: в позе начала ощущаться уверенность, выражение лица стало спокойнее, а во взглядах, направленных на меня, отчетливо распознавались признательность и тепло. И самое ужасное – мне это нравилось.

Неправильное восприятие, нелогичное. Я стыдиться самой себя должна, потому что готова прагматично и бессердечно использовать рарка в своих интересах. А вместо этого наслаждалась проявлениями благодарности, порожденной моим поступком. Видимо, нет у меня совести...

Время до прибытия в космопорт прошло совсем незаметно. Я еще сворачивала опустевшие пакеты, а за окном летающей машины уже появилось куполообразное сооружение. Одинокое, построенное в совершенно безжизненной, похожей на каменистое плато местности, оно напомнило мне фотографический затвор, который использовали в древних фотоаппаратах. Разве что не плоскостной, а сферический. Выпуклые, плотно прилегающие друг к другу заслонки сходились в центре и наверняка раскрывались, опускаясь вниз, когда притаившиеся за ними корабли стартовали или приземлялись.

Аграв опустился к самой поверхности, медленно причалил к небольшому выступу, выполняющему роль посадочной платформы, и вкатился под купол. Нас уже ждали. Вернее, встречали: два незнакомых мне рарка – один в черной с белыми вставками, другой в темно-синей униформе, – и трое традиционно облаченных в серебристую экипировку охранников с оружием наперевес.

– Ньевор Хот, – сверившись с информацией на планшете, что держал в руках, утвердительно произнес рарк, одетый в черно-белый мундир. Перевел взгляд на меня, задержался глазами на ушах, которые Ньевор попросил на этот раз волосами не закрывать, снова заглянул в записи и мотнул головой: – Проходите.

Он направился к еще одному аграву, остановившемуся позади нашего. Охрана как приклеенная следовала за ним, а второй парк в синем костюме заговорил:

– За мной следуйте. Ваши коллеги уже на месте. Транспортник готов.

Космопорт внутри оказался лаконично простым, лишенным красивой отделки и определенно рассчитанным исключительно на деловые полеты. Здесь не было весело гомонящих туристов и глазающих по сторонам путешественников. Я видела лишь сосредоточенно укладывающих контейнеры на платформы грузчиков, марширующих по коридору военных и спешащих к кораблям пассажиров, в сопровождении сотрудников в синей униформе, такой же, как у нашего провожатого.

Пожалуй, я в своей белой кофточке и розовой юбке была единственной, не вписывающейся в этот строгий деловой мир. Наверное, потому притягивала к себе немало взглядов, может и не вызывающе наглых, но несомненно заинтересованных.

Была ли причиной исключительно одежда или же главную роль играло то, что я девушка? Или же в основе интереса парков были именно моя круглоухость? В этом я окончательно разобраться так и не смогла. Кто-то на самом деле первым делом на уши обращал внимание и, хмыкнув, обо мне забывал напрочь. Кто-то смотрел на лицо и лишь затем на все остальное – у таких обычно в глазах было либо безразличие, либо мне даже сочувствие мерещилось. Кто-то ни лица, ни ушей не видел, их привлекал лишь сам факт того, что рядом особь противоположного пола...

Кстати, среди коллег Ньевора оказалась женщина в таком же белом с коротким рукавом кителе, что и у мужчин, разве что в темно-коричневой юбке до колен, а не брюках. На меня она посмотрела лишь раз – когда мы зашли в кабину транспортника. Все остальное время старательно игнорировала, словно меня не существовало, хотя к моему спутнику обращалась, интересовалась, нет ли у него мыслей насчет того, как сделать параметры проседания положительными. Ньевор лаконично буркнул, мол, есть одна идея, но вдаваться в подробности не стал. Зато остальные моментально подхватили несомненно любимую тему.

Работа... Для этих рарков она была увлечением, смыслом жизни, а вовсе не способом заработать. Я это отчетливо понимала, рассматривая горящие возбуждением глаза и прислушиваясь к азартным «на шесть процентов поднять можно, больше никак!», «нам бы напряжение сингулярности снизить...», «где ты там видел предел статичности?!» Даже Ньевор в конце концов втянулся в обсуждение и принялся сыпать формулами, которым его сослуживцы внимали со всей серьезностью.

Я тоже внимала. Успевала ухватить не все, лишь отдельные элементы, но даже этого было достаточно, чтобы перед внутренним взором в общих чертах нарисовалась схема процесса...

Мое отрешенное состояние Ньевор объяснил самому себе привычно просто: помогая отстегнуть ремень, когда транспортник качнулся, причаливая к станции, повинулся:

– Прости, я о тебе совсем забыл. Скучно было? Обещаю, на станции найду для тебя развлечение или какое-нибудь простенькое задание. Например, приносить мне обед, если не буду успевать есть в столовой. Возьмешься?

Мне бы не простенькое! Мне бы посложней! Стать разносчицей это... это... Мой мозг, истосковавшийся по техническим задачам, едва ли не взвыл в порыве отчаяния, однако на лице я изобразила милую улыбку и жизнерадостно сообщила:

– С удовольствием!

Возможно, в одно из таких посещений мне и удастся проверить мой шпионский план. Да и не сидеть же мне безвылазно в каюте! Тем более она совсем крошечная: две кровати, стол, волнор, шкаф, пара одноногих табуретов и небольшая ванна-туалет за шторкой. Иллюминатор не в счет.

Пока рарк затаскивал в наш новый дом вещи, я успела все осмотреть, подивиться тесноте, сообразить, что места на станции совсем не много, и взяться за распаковку контейнеров. Развесив юбки, платья, блузки – нарядные, яркие, потому что Ньевор мне только такое покупал, – вспомнить о своей заметности и попросить:

– Можно мне будет купить что-нибудь попроще?

Вот только моего желания рарк не понял. Даже когда я объяснила, что не хочу лишнего внимания, все равно упрямо отрицательно замотал головой.

– Ты красивая, Дея. И это надо подчеркивать, а не скрывать. Тем более больше-то тебе похвастаться нечем.

Н-да... Умом меня местное божество не наделило. И отношение Ньевора ко мне не меняется, хотя он-то как раз должен видеть, что я другая. Неприятно...

Отвернувшись, сделав вид, что меня это нисколько не волнует. Сосредоточилась на очередном наряде, который вытащила из контейнера, и вздрогнула, когда почувствовала присутствие мужчины совсем рядом за моей спиной и услышала тихое, едва слышное:

– Не обижайся, Дея, я же о тебе забочусь. Ты свое желание учиться и умение читать лучше не афишируй, иначе живой на Ракис можешь и не вернуться. Безопасники запросто тебя в расход пустят, если выяснится твоя... ненормальность. Им проблемы не нужны. Одно дело – стандартно глупая круглоухая, которую при всем желании ничему толком научить невозможно, и совсем другое – вот такое отклонение от нормы. Получится, что они допустили на охраняемый объект непроверенную личность, от которой непонятно чего ждать.

Пораженная не столько логикой его слов, сколько тем, насколько неправильно его оцениваю, я развернулась. Фактически уткнулась носом в белую футболку, которая оказалась на мужчине, снявшем по приходу в каюту китель.

– Убьют? – ошарашенная нежданной близостью, растерянno уточнила.

– Наверняка, – спокойно подтвердил рарк. – И меня заодно, потому что утаил информацию. Так что обе наши жизни зависят от твоих амбиций.

Шутка? Запрокинула голову, чтобы в этом убедиться, и похолодела. Ньевор не улыбался, в его глазах я видела лишь серьезную сосредоточенность.

Во рту мгновенно пересохло, а сердце подпрыгнуло, погнав кровь с такой скоростью, что в ушах зашумело. Смерть, то есть публичную казнь, Щьера я помнила прекрасно. И повторять его судьбу мне совсем не хотелось. Впрочем, как и видеть на его месте Ньевора.

– Зачем же ты меня взял? – облизнув губы, хрипло выдавила. – Если знал, насколько это опасно...

– Это ты меня сейчас в трусости обвинила? – зашипел рарк, а я, спохватившись, замотала головой, надеясь хоть этим себя

реабилитировать. Вроде помогло, потому что продолжение последовало куда более спокойное. – Я не могу оставить тебя одну, Дея. Ты такие условия поставила, что должна сама убедиться в их выполнении. Иначе как проверишь, что я тебя не обманываю?

– А ты можешь обмануть? – ошалела я. Привыкла к честности и прямоте, а тут такие заявления!

– Мог бы, – отрезал Ньевор. – Но не стану. Потому и привез сюда.

Наверное, решив, что такого объяснения достаточно, он отступил и принялся распаковывать следующий контейнер. Я же, глядя, как ловко его руки снимают упаковку, по-прежнему оставалась в недоумении.

Это был намек, что верить всем подряд не стоит? Очередное профилактическое предупреждение от необдуманных поступков?

Да, видимо, так. Ньевор имеет на меня личные планы, значит, ему конкуренты не нужны. А ведь я или по глупости, или по наивности могу прельститься чужими речами и посулами. Интересно, много ли на станции окажется желающих приятно провести со мной время? И ограничатся ли они необременительными предложениями, как это сделал охранник-сопровождающий на Ракисе, или же проявят большую настойчивость?

Любопытство совершенно праздное, выяснять этого на практике я не собиралась. Передо мной стояли иные задачи, и я сосредоточилась на их реализации. Изучить станцию. Понять, что и где расположено. Найти швартовный ангар. Выяснить, как там с контролем и системой охраны...

Начала я с того, что, со всей старательностью изображая крайнюю степень непонятливости, забредала в самые разные места, прежде чем добраться до столовой, отсека, где работал Ньевор, или нашей каюты. Рисковала, поскольку реакция рарков могла быть самой непредсказуемой, однако очень быстро осознала – круглоухость это скорее плюс, чем минус. По крайней мере, меня не гоняли, на меня не кричали, мне не угрожали.

Причин было две. Первая заключалась в отсутствии тех, кто мог бы это сделать, на большей части станции. Здесь двери открывались автоматически только «нужным раркам», имеющим соответствующий допуск, а датчики на стенах и дверях бесстрастно причисляли меня к

иной категории. Вторая крылась в восприятии живых охранников. Немногочисленных, но тоже имеющих место быть.

Да, увидев нарушительницу, они вскидывали оружие, но, узрев ушки, тут же его опускали и расслаблялись. Наверное, так же вели бы себя постовые на Земле, если, собирая цветочки, к воротам охраняемого объекта подошла миленькая маленькая девочка. Ее бы спокойно попросили здесь не гулять и показали дорогу к родителям: объяснили, проводили или позвали бы взрослых.

То, что я не была ребенком, меняло в этой «схеме» лишь один пункт: провожатые с завидной регулярностью одаривали меня карточками для связи. Лишь однажды безопасники вызвали Ньевора и не покинули пост. Скорее всего, потому, что оба были в возрасте, им секс с легкодоступной девицей был неинтересен. Зато те, кто помоложе и наверняка долгое время был лишен женского общества, щепетильностью не отличались. Делали даже не намеки, а прямые предложения.

– Я сегодня вечером свободен, а завтра у меня дежурство вечернее. Так что на полноценную ночь можешь рассчитывать, покувыркаемся всласть. Тебе понравится.

Ответных слов от меня не требовалось. Никто не просил озвучить согласие и пообещать, что предложение будет принято, или, наоборот, сразу сказать, что я отказываюсь... Мужчины словно знали, что с равной вероятностью может произойти и то и другое. И заранее были готовы к обоим вариантам. То есть никого не злило и не напрягало, что я могу и не позвонить...

Впрочем, нет, я ошиблась. Ньевора это очень даже беспокоило. Пожалуй, он был единственным, кто, узнав о моем очередном «заплутании», мрачнел и смотрел с подозрением, словно ждал подвоха. Успокаивался, лишь когда видел в мусорке карточку, – больше я их не хранила, сразу выбрасывала. Устроенный рарком по этому поводу скандал я хорошо запомнила, и мне не хотелось повторения.

Скорее всего, именно стремление снизить частоту вот таких «соблазнов» заставляло Ньевора, когда я все же приносила обед, просить меня не уходить в каюту, а оставаться с ним, пока он работает. Я не расстраивалась – мне ведь не просто улететь нужно, а с трофеем! Ключик от которого, несомненно, в руках моего спутника. Наблюдая за действиями рарка, я его и пыталась отыскать.

Кстати, в маленьком отсеке-кабинете, который выделили Ньевору, проводить время мне нравилось. Совершенно прозрачные стены: две, граничащие с коридором, две с шикарным видом на космос, планету и часть станции. Узкая столешница, расположенная углом вдоль внешних стен. Поручень на высоте метра от пола, идущий вдоль внутренних стен. Виртуальные голографические экраны, парящие в воздухе...

Единственный стул был занят мужчиной, а потому мне оставалось сидеть на столе и во все глаза смотреть на происходящее. Обращать внимание на проходящих по коридору рарков. Пытаться понять, что именно моделирует Ньевор, сосредоточенно всматриваясь в схему на экране. Наблюдать, как затягивается и освобождается от дымки коричнево-серая поверхность проплывающего под нами Ракиса. Следить за тем, как медленно летит вдоль борта станции корабль...

Крупный, сложной конфигурации, совсем не похожий на маленькие шаттлы для патрулирования. Он наверняка предназначался для дальних перелетов, и именно такой мне был нужен! Вот его нужно угонять! Вопрос – *как*?! Разве что раздобыть оружие, наглым образом захватить какого-нибудь высокопоставленного рарка в заложники и потребовать подчинения?

– Все на сегодня, – блаженно потянувшись, сообщил Ньевор, отвлекая меня от грандиозных, а потому совершенно невыполнимых планов. – Сейчас сохраню данные, и пойдем ужинать.

За процессом я следила внимательно, убеждаясь: рарк не просто сохраняет данные в системе, он еще и делает резервную копию на материальном носителе. То есть возможность стащить информацию возрастает до девяноста процентов. Почему не до ста? Да потому, что флешка-пластина хранится вовсе не в кармане Ньевора, а остается прикрепленной к приборной панели стола. Как я ее вытащу под бдительным оком заинтересованного во мне субъекта и прицелом бесстрастно все фиксирующих камер слежения?

– Дея? Ты что такого заволаживающего увидела? Или прочитала?

Внимание мое от рарка не укрылось. Заметил, заподозрил, забеспокоился.

– Очень красивая картинка... – уже не раздумывая, потому как не первый раз этим приемом пользуюсь, восхитилась я. – Как настоящая! Там все движется. И яркая!

Для наглядности коснулась пальчиком границы изображения и скользнула по белой виртуальной линии окантовки и томно вздохнула, глядя на Ньевора через почти прозрачную голубоватую пленку экрана.

– Дея, ты опять? – возмутился было мужчина. Вспомнил о своем же предупреждении, спохватился и похвалил: – Правильно.

Засмеялись мы оба. Очень уж комичной вышла ситуация – ведь я, глупая, в большей степени проявила ответственность и осторожность, чем он, умный.

– Ладно. Собираюсь, и идем, – успокаиваясь, рарк принялся сворачивать экраны. Проверил, выключено ли энергопитание на столе, задвинул стул под столешницу...

Я, наблюдая за движениями мужчины, ловила себя на мысли, что Ньевор снова неуловимо изменился. Мне даже трудно объяснить, чем именно. Просто он стал как-то ближе, понятнее, человечнее. Может, это смех его красит больше, чем злость?

По коридору, ведущему от научного сектора к жилому, мы шли не слишком торопливо. Спешить некуда, да и незачем. Местная столовая работает круглосуточно, а голодными нас назвать можно было весьма условно – я чуток переборщила с порциями, которые собирала на обед. Наверняка поэтому, когда наш путь проходил мимо прозрачной стены швартовного ангара, где даже издали была заметна суeta, на мое: «Можно мне посмотреть?», Ньевор отреагировал спокойным: «Смотри».

Я тут же прилипла ладонями к стеклу, с жадностью присматриваясь к происходящему.

В обозреваемом чуть с высоты, обширном помещении стояло шесть маленьких кораблей. Маломестных, больше похожих на курсирующие капсулы, потому что главный корабль, тот самый, что я видела из кабинета Ньевора, завис рядом со станцией. Он не причалил, и соединительного рукава, по которому можно было бы перейти с него на станцию, я тоже не видела.

Около одного из шаттлов, самого крупного, активнее всего суетились служащие. Вытаскивали багаж, торопливо грузили его на платформы, увозили...

– Что там случилось? – невольно вырвалось у меня.

– Прилетел кто-то, – последовал равнодушный ответ. – Идем?

Движение мы продолжили, правда, очень скоро нам снова пришлось остановиться. Теперь причиной были те, кто двигался нам навстречу: группа рарков перекрыла собой практически все пространство коридора. Один из них – молодой блондин – явно был здесь главным. Он шел впереди. Высокий, пропорционально сложенный, в идеально пошитом бежевом мундире, кажется кожаном. С длинными пшеничного цвета волосами, собранными в низкий хвост и позволяющими видеть высокий умственный потенциал мужчины. Красивый до неприличия!

Рядом с этим изумительным образцом местного мачо уверенной походкой шла девушка, едва достающая рарку до середины груди. Миниатюрная, фигуристая, в шикарном синем платье до самого пола. С собранными в элегантную высокую прическу русыми волосами, открывающими, может, и не самые узкие, но определенно заостренные уши. С надменно-презрительным выражением лица, черты которого...

Потеряв нить рассуждений, я замерла как вкопанная и задохнулась от изумления, не в силах поверить. Виола?! Моя названная сестра? Не может быть!.. Не бывает таких совпадений! К тому же уши... Уши-то почему такие рарковские острые?!

– Отойди, Дея! – услышала раздраженное шипение Ньевора, но сдвинуться с места так и не смогла. Не в силах оторвать взгляда от девушки, лишь почувствовала, как рука мужчины оттаскивает меня к стене.

Незнакомка, видимо, тоже обратила на меня внимание, потому что, поравнявшись, затормозила. Вцепившись в локоть вознамерившегося идти дальше рарка, вынудила его остановиться и обвинительным тоном припечатала, указав на меня наманикюренным пальчиком:

– Ты говорил, что на станции только женщины, занятые в исследованиях! Тогда эта разряженная красотка что здесь делает?

Я едва не вскрикнула от радости, узнав интонации. Ви! Это точно Виола! Или все-таки не Виола... Она же меня не узнает.

– Дорогая моя, разве это женщина? – прозрачно-изумрудные глаза оценивающе просканировали меня сверху вниз, буквально облив презрением. – Она же круглоухая.

Привлекательность незнакомца тут же упала до нуля. Ну не могу я восхищаться мужчиной, если он гад и расист.

– А я слышала, что с ними тоже кувыркаться можно, – не сдалась его спутница.

– Можно, – презрительно скептически хмыкнул рарк. – Только зачем пользоваться легкодоступным и готовым на все суррогатом, когда есть куда более привлекательный... объект?

Последние слова он почти промурлыкал бархатно-завораживающим тоном, приобняв девушку и склонившись к ее лицу. Присутствие свидетелей разговора их обоих, видимо, нисколько не смущало.

– Даже не мечтай! – с вызовом бросила красавица, упираясь ладонями в грудь мужчины и отталкивая от себя. – Ты еще мои условия не выполнил.

– Одно выполнил – ты на станции. Осталось три. И я надеюсь, ты с ними тянуть не будешь.

– Не буду, – неожиданно мило улыбнулась девушка и снова указала на меня пальцем. – Пока мы гостим здесь, пусть она будет моей компаньонкой!

– Граш-ш-ш... – прошипел рарк. Светлые брови сошлись к переносице, лоб прорезала складка недовольства. – От нее будут сплошные проблемы! Зачем тебе глупая прислуга?

– Ну, во-первых, другой здесь все равно нет. Ты же не захотел брать для меня служанку. А, во-вторых, я убедиться хочу, что тебя легкодоступность не привлекает! Так что пусть со мной живет. Не буду же я бегать по всей станции и следить, кого эта красотка... удовлетворяет.

Синие глаза цвета темнеющего неба впились в стоящего позади меня Ньевора, словно намекая, что он первый в очереди на удовлетворение. Впрочем, почти сразу взгляд строптивицы вернулся к спутнику, который решительно развернулся, сделав короткий шаг к нам, и важно выпрямился во весь рост.

– Лаит Шерьерон, – представился не менее надменно. – Как я понимаю... – не договорил, потому что один из сопровождающих, все это время спешно листающий информацию на планшете, именно ее и сунул под нос рарка. Прочитав, тот кивнул и продолжил: – Твоя любовница, Ньевор Хот, заинтересовала мою девушку. Ее условия ты слышал и понимаешь, что отказа с моей стороны не будет. Я жду твоего согласия.

Не знаю, как Ньевора, а меня наглость и бесцеремонность представителя местной власти возмутила. Хотя на фоне негодования я и иное ощущала – желание пойти с девушкой. Чтобы прояснились, наконец, все вопросы, что меня мучили! Кстати, еще неясно, чем Ньевору аукнется отказ, может ведь и проблем огрести на свою умную голову. А это значит, надо его подтолкнуть в правильном направлении!

Торопливо развернулась. Увидела плотно сжатую линию губ и заискивающе заглянула в глаза, едва видные из-под длинной челки. «Разреши!» – прошептала одними губами, чувствуя, как рука, все это время сжимавшая мое предплечье, медленно расслабляется.

Видимо, моей мольбы оказалось достаточно, чтобы Ньевор вызов принял и отчеканил:

– Гарантии неприкосновенности и свободный доступ ко мне в любое время, когда захочет уйти.

– Первое будет. Второе... – светловолосый рарк вопросительно посмотрел на девушку, а она безразлично пожала плечами и вздернула аккуратный курносый носик. Типа – пусть так, мне без разницы. – Тоже возможно. Идем с нами.

Я не разобралась, касался ли приказ одной меня или нас обоих, но Ньевор отрицательно покачал головой.

– Я приведу ее после ужина.

– Как знаешь, – легко отмахнулся Лаит. Подхватил девушку под руку и буквально потащил дальше – она теперь не столь охотно шла, нежели раньше. А причину я быстро поняла, когда услышала: – Готовь свои губки, строптивая моя! Как же мне не терпится! Теперь от поцелуев не отвертишься, я второе твое желание выполнил...

Его спутницу, оказавшуюся то ли невероятной копией моей подруги, то ли на самом деле замаскировавшейся подругой, мне стало жаль. Принимать и терпеть ухаживания такого кавалера... Жуть.

Оказавшись в нашем распоряжении временем я решила воспользоваться по максимуму. Не только основательно поесть, но и расспросить Ньевора. Должен же он хоть что-то знать!

– Кто это был? – в долгий ящик дела откладывать не стала, бросилась на амбразуру сразу, едва мы разместились за столиком в столовой. – Шерьерон... Знакомая фамилия. Он, случайно, не родственник Хитла Шерьерона? Который в музее стоит.

– Внук, – недовольно буркнул Ньевор, раскрывая контейнеры с готовыми блюдами, стоящими на подносах. – Его отец – кодоминант правящей тетрады, дагоден Лангоста.

Ага... Эти слова я уже знала – слышала в новостях. Дагоден – управляющий целой планетой, которому подчиняются дагоны провинций и который наравне с дагоденами трех других планет принимает решения относительно судеб всех рарков.

– Почему у него волосы такого непривычного цвета? – словно между делом поинтересовалась, принимаясь за ужин.

– Так все жители Лангоста светловолосые. Только на Ракисе встречаются темные волосы. На Вьеропе они светлее, а те, кто населяет Тьер, вообще рыжие.

– Девушка, похоже, с Вьеропа. Так? – вывела я простейшее умозаключение. – Ушки у нее... нормальные.

– Квувоухие фольфо на Вакисе шифут, – с набитым ртом пояснил рарк.

Какое-то время я молчала, расшифровывая закодированную фразу. Подождала, когда рот Ньевора освободится, и снова задала вопрос:

– Эта девушка... Может, она тоже из знатной семьи?

– Вряд ли, – отмахнулся мой собеседник. – Просто приглянулась Лаиту, вот он ее и таскает с собой, добиваясь взаимности.

– А я ему, кажется, не понравилась...

– Я был бы очень удивлен, если бы понравилась. – Ньевор непроизвольно схватился за мочку уха и помял его, скользнув пальцами по всей длине до острой вершинки. – Разве я не говорил тебе, что иметь в любовницах круглоухую не престижно? Для нас главное в жизни – борьба, вызов. А то, что достается легко, мало кого привлекает.

– Вроде бы говорил, – осторожно подтвердила, тщательно пережевывая порезанный на дольки то ли фрукт, то ли овощ, по вкусу напоминающий сухой банан. Жевался он туго, глотался еще сложнее. После пары укусов, поняв, что больше не осилю, отложила еду и вздохнула, намерено коверкая сложное слово: – Я тебя компр... копромен... компрометирую, да?

– Нет, – качнулась в жесте отрицания черноволосая голова. – Вернее, да, но мне давно уже наплевать на чужое мнение. Меня устроит и круглоухая любовница.

Вроде и усмехнулся саркастично, а в голосе – я поклясться могла бы – не было в его голосе презрения! Наоборот, то ли сочувствие, то ли нежность какая-то почудилась.

Я напряглась было, а потом выбросила глупые домыслы из головы. Бред. Ну какое тут может быть сопереживание, если он меня каждый день носом тыкает в то, что я глупая! Последнее время вроде как реже, но так ведь и я стараюсь не давать повода.

– Ты, если почувствуешь себя некомфортно, сразу уходи. Разрешение на это у тебя есть, – пока я размышляла, начался инструктаж. – Не жди, пока ситуация станет хуже, кто ж знает, что на уме у этой девицы. Будь она уроженкой Ракиса, я бы так не дергался, у нас к круглоухим отношение терпимое. Жители других планет могут на этот счет иметь иное мнение.

– Притеснять начнет? Издеваться? – заинтересовалась я перспективами.

– Возможно, – уклончиво, но озабоченно ответил Ньевор.

Удивительно, но подобный тон меня ничуть не беспокоил. К его подозрениям я отнеслась легкомысленно, наверное, потому, что втайне надеялась – девушка вовсе не рарк, она та, которая фактически стала моей сестрой.

Глава 7

Интриги и коварство

Не отрывая взгляда от черных глубин космоса и непроизвольно прокручивая на пальце перстень с крупным прозрачным камнем, Лаит Шерьерон стоял у панорамного иллюминатора выделенных ему апартаментов. Лучших на этой станции, вернее, вторых по качеству, потому что самые шикарные покои пришлось уступить будущей любовнице. Не потому, что самому не хотелось комфорта, а исключительно из соображений воздействия на эго девицы. Очень уж упертая и неприступная оказалась. Хотя это, разумеется, подстегивало интерес и азарт охотника, а они, в свою очередь, подталкивали применять любые способы, могущие привести к цели.

А цель-то хороша!.. Рарк победно усмехнулся и облизнул губы, которые до сих пор помнили мягкость и сладость женских уст, сдавшихся на милость победителя, получившего право на поцелуй. Прикрыл глаза, вспоминая едва ощутимый аромат дорогих духов, которые он сам ей подарил. Напряженное тело, оказавшееся так близко, что трудно было удержаться и не провести с нажимом по манящим изгибам. Ладони, упирающиеся в грудь, яростное мычание в рот и гневное восклицание, когда он отстранился и она получила свободу: «Я себя лапать не позволяла!»

Ничего, скоро девочка и в этом уступит. Очаруется, потеряет бдительность, потребует какую-нибудь ерунду вроде этой дурочки круглоухой в прислугах и станет еще на шаг ближе!

Бесспорно, эта малышка – лучший экземпляр, который попал в руки Лаита. Конечно, сам процесс попадания и практически полное отсутствие информации о прошлом девицы, наводили на некоторые подозрения. Но ведь никто не мешает дожать красавицу и вынудить капитулировать, а тем временем все тщательно проверить. Если обнаружатся порочащие факты – ей же хуже. Когда надоест, можно будет с легким сердцем пустить в расход. Она будет уже неинтересна.

Проследил глазами за скользящими рядом со станцией манраками – небольшими, маломестными кораблями с хорошей маневренностью, годными исключительно для коротких перелетов в открытом космосе,

неспособными даже проходить через плотные слои атмосферы, но удобными как пересадочные челноки или в качестве патрульных. Лаит хмыкнул, вспомнив, с каким восхищением спутница следила за уверенными движениями его рук, – чтобы произвести на нее впечатление, он сам, лично взялся за управление, отстранив штатного пилота. Жаль, что не попросилась за штурвал, это было бы еще одно желание...

Идея взять с собой девушку пришла к Шерьерону спонтанно, когда красавица на свидании с печальным вздохом заявила, что ни разу не была в космосе. Взгляд изумительно-красивых синих глаз был грустным, голос томным, и признание показалось Лаиту прекрасной возможностью услышать от девушки очередное требование. Он именно к этому ее и подтолкнул, «по секрету» сообщив, куда направится в ближайшие дни...

«Я тоже хочу! Только ты же меня не возьмешь...» – предсказуемо встрепелась она и смутилась, когда рарк усмехнулся, сообщил: «Возьму. Так что, считай, я выполнил твое желание» и, решительно пересев ближе к ней, завладел руками. Перебирая и поглаживая изящные пальчики, продумывал, что предпринять в следующий раз, чтобы выполнить все условия брошенного ему вызова и вдоволь насладиться близостью со строптивой красоткой.

Как же удачно она ревность проявила, увидев на станции любовницу этого тощего умника!

Лаит презрительно скривился, вспомнив совершенно идиотское выражение лица круглоухой, которая глупо таращилась сначала на него, а потом и на его спутницу. Как вообще на Ракисе терпят этих ущербных? Да, внешность вполне приличная (особенно если на уши не смотреть), но внутри... Такая в постель прыгнет к кому угодно. Наверняка уже всех «страждущих» на этой станции обслужила. Противно. Впрочем, ребят-то понять можно: молодые, на службе, вдали от привычного окружения... Они и с круглоухой могут напряжение снять. Странно, что умник Хот на такую запал. Хотя... Он же не красавец. Вот вынужденно и пользуется тем, чем нормальные рарки брезгают. Однако это его не оправдывает! Мог бы сам приличной девушке вызов бросить, а раз этого не сделал, значит, слабак. Хорошо бы он еще и в работе некомпетентность проявил. Тогда опыт однозначно сорвется и... прощай, Ракис!

Лаит триумфально усмехнулся. В любом случае все пока складывается удачно. Ревнивица не разобралась в ситуации, поспешила и тем самым ускорила приближение неизбежной победы Шерьерона. Теперь осталось всего два...

– Кхм... – сбило с мысли хриплое покашливание. – Ты меня звал, дагон?

– Я приказал зайти сразу после ужина! Где шлялся столько времени? – рявкнул Лаит, разворачиваясь к визитеру.

Средних лет мужчина в невзрачном бежевом мундире, шагнувший в раскрывшиеся створки дверей, внимательно проследил, чтобы они плотно сомкнулись за его спиной. Сделав шаг навстречу Шерьерону, склонил голову и прижал ладонь к груди. Вызов превосходства он уже давно проиграл, потеряв право оправдываться и отстаивать свою позицию перед дагоном. Потому позволил себе лишь пояснить:

– Мне удалось собрать чуть больше информации, чем мы планировали.

– Любопытно, – сменил гнев на милость Лаит. – Докладывай.

Он отошел от иллюминатора и опустил в объемное кресло, отодвинутое от стола.

– Вейла Кейрас, – начал говорить визитер, оставшийся стоять на том же месте, – не зарегистрирована ни в одной провинции. Я базы всех планет проверил. Нашлось тридцать семь девушек с тем же типажом внешности и подходящих по возрасту. Все жительницы Вьеропа. Но я их обработать и выяснить, кто из них твоя Вейла, не успел.

– Назвалась вымышленным именем, – хмыкнул Лаит. – Вот негодница! Так... Сличай голограммы и доложишь результат. Что еще?

– Мой брат передал сообщение, что оборот назад чужой корабль пытался проникнуть в нашу систему. Его обстреляли и уничтожили. ЧП находится в статусе секретно.

– Чей корабль? – встрепнулся Шерьерон.

– Он не сказал.

– Одиночка?

– Похоже на то. Расследование прекращено распоряжением Департамента военнадзора.

– Похоже... – передразнив, презрительно искривил рот Лаит. – Кто командовал операцией?

– Командор Лейс Гольш.

– Идиот шустрый, – жестко отозвался Шерьерон. – Наверняка где-то налажал и поторопился прикрыть свою задницу... Корабль, говоришь, уничтожили? Это правильно. Испепелили?

– Нет, разрушили. Что-то у них с мощностями и уровнем защиты не срослось. Обломков было много, разлетелись так, что все не отследить. Некоторые даже до Лангоста долетели, хорошо хоть упали не на города.

– Ага! Старичок испугался, вот в чем дело, – обрадовался чужому промаху Лаит и неожиданно замер. Мелькнувшая мысль, вначале показавшаяся сумасбродной, заставила стать серьезным. – Обломки, значит? А когда это произошло?

– Оборот назад.

Успокоенный ответом, Лаит расслабился, но червячок подозрения все равно шевелился в груди. Чужаки. Обломки корабля. Вейла... Девушка без имени и прошлого. Уроженка Вьеропа, а с ним познакомилась именно на Лангосте. И при этом заявляет, что в космос не летала. Неужели есть между всем этим связь?

Она, конечно, появилась на его пути несколько позже, но... Но ни один шпион не проявит себя сразу. Сначала затаится и выждет. Найдет нужный объект и только тогда начнет действовать. А гостя так настойчиво добивалась, чтобы он принял ее вызов. И с подозрительным рвением стремилась на станцию, где именно в это время проводится важный эксперимент.

Лаит прищурился. Да, девчонке он сказал лишь о том, куда отправляется, речь об инспектировании порученного ему проекта у них не зашла. Однако она могла быть осведомлена и из других источников.

Но даже если она своя, внутренних подстав это не исключает. Не так уж мало тех, кто готов сделать все, чтобы его, Лаита Шерьерона, очернить в глазах отца и остальных правящих. По крайней мере, эту версию тоже стоило отработать.

– Все, что касается Вейлы, проверить максимально быстро! – рыкнул зло. Если подозрения хоть частично, но оправдаются, он собственными руками задушит маленькую дрянь после того, как хорошенько с ней позабавится. – Что до чужаков... Сомнительно, что нарушитель был один. Где-то должен быть второй корабль. Я уверен.

Привлеки безопасников Лангоста и службу слежения за пространством, но найди мне его! Слышишь?!

– Заходи! Долго же вы ужинаете, – недовольно пожурил такой знакомый женский голос, что хотелось броситься ему навстречу и стиснуть в объятиях его обладательницу.

Сдержалась. Представляю, как будет выглядеть мой порыв, если это все же не Виола. Потому спокойно шагнула в светлое пространство изумительно оформленных апартаментов.

О, какой разительный контраст с крошечной каютой, выделенной нам с Ньевором! Перламутрово-голубые стены, высокий многоуровневый потолок, напольная подсветка, растекающаяся по лаковому темно-синему покрытию. Объемная мягкая мебель с белоснежной обивкой и не менее громоздкая корпусная, бежево-кремового оттенка цвета сочной древесины. А еще иллюминатор во всю стену, вид из которого поражает воображение – россыпь ярчайших звезд и три галактики, пусть и далекие, но неплохо различимые.

– Побыстрее двигаться можешь? – поторопила меня девушка в легком домашнем цветастом платье, сидящая за зеркальным трюмо и расчесывающая длинные по пояс волосы. – Мне, вообще-то, твоя помощь нужна. Ты прически делать умеешь?

– Умею.

– А косметику наносить? Платье по фигуре подогнать сможешь?

– Думаю, что справлюсь.

Отвечала я осторожно, неспешно подходя ближе. Ситуация становилась все более непонятной. С одной стороны, я на самом деле видела свою подругу, а с другой... С другой, она вела себя так, словно я ей совсем не знакома.

Оказавшись за спиной хозяйки апартаментов, я принялась рассматривать огромный набор разложенных на столешнице расчесок и косметических средств. Девушка тем временем отложила щетку и взялась за пудреницу. Откинув крышку, посмотрелась в маленькое зеркальце и нажала на кисточку. Поднялось второе дно, открыв взгляду крошечный пульт. Нажав кончиком наманикюренного ногтя на несколько кнопок, девушка захлопнула крышку. Бросив прибор в косметичку, посмотрела на меня в отражении и всхлипнула:

– Медея!

Она вскочила, разворачиваясь ко мне, и я подалась навстречу, теперь уже окончательно поверив – это моя Ви! От нашей сдержанности и не осталось и следа. Мы обнимались, сжимая руки и плечи друг друга, словно эта встреча была для нас последней. Виола тяжело дышала и, прижимаясь щекой к моей, бормотала сбивчиво:

– Я думала, ты и твои родители погибли. Все так думали. От дискоида совсем ничего не осталось. Сигнал бедствия был единственным и последним, а потом молчание...

– Ты бы остереглась. Вдруг нас подслушают. Или увидят, – шепотом предупредила я.

– Камер видеозаписи здесь нет, это я первым делом проверила. – Ви отстранилась, вытерла слезы и обвела выразительным взглядом помещение. – А для микрофонов у меня активирован прием ложной записи. Все желающие подслушать услышат, лишь как мы с тобой болтаем о разных женских глупостях. Я текст на озвучку нашими голосами поставила.

– Какая ты стала предусмотрительная, – не удержалась я от усмешки. – Помнится, раньше о возможных последствиях совсем не задумывалась.

– Раньше... – Ви сокрушенно покачала головой и поджала губы. Крепко сжав мою руку, потянула к дивану и лишь там, когда мы утонули в объятиях мягчайшей обивки, соизволила продолжить: – Ты даже не представляешь, сколько всего произошло. Для тебя ведь и времени наверняка прошло меньше. Вы же опять в ямы попадали, да? Сколько лет прошло с нашего расставания?

– Год. На Земле четыре, я знаю, – опередила подругу, которая хотела было меня перебить. – Мы успели получить параметры синхронизации раньше, чем на нас напали.

– Тогда тем более должна понимать, что я не сидела без дела, – кивнула Виола и всплеснула руками: – Ох, Медея, у меня такие новости! Помнишь, твои родители говорили, что у меня из родственников только брат? Так вот, это неправда. Я не хочу сказать, что они лгали, может, сами не знали...

У меня ком подкатил к горлу. Я думала, эмоции улеглись, забылись, стерлись, но нет. Ощущение потери вновь нахлынуло, заставив стиснуть зубы и часто заморгать, чтобы не разреветься.

В синих глазах появилось сочувствие, а рука Виолы вновь крепко сжала мою.

– Прости... Я понимаю, как тебе больно. А ты уверена, что... – не договорила, щадя мои чувства, и спросила с надеждой: – Вдруг живы?

Стерев со щек все же покотившиеся из глаз слезы, я отрицательно мотнула головой. Я бы и сама рада была верить и надеяться, но слишком хорошо помнила огневую мощь, с которой атаковали наш корабль. Даже у меня не осталось бы шансов, если бы не капсула...

Надо отдать Ви должное, продолжать и настаивать она не стала. Обняла, прижав мою голову к своему плечу, и промолчала. И я была ей за это бесконечно благодарна. Кому, как не ей, лишившейся родителей еще в младенчестве, понимать, насколько тяжела такая потеря. Виола ведь даже, как они выглядели, знает лишь по голограммам.

– Так что за родственник? – заставила себя вернуться к разговору. Нельзя же бесконечно предаваться унынию. – Или родственница?

– Первое, – хмыкнула Ви. – Дядя. Брат отца. Это из-за него твой папа наотрез отказался брать меня в очередной полет. Дядюшка, оказывается, с ним поговорил раньше, чем увиделся со мной, и на этом настоял. Пригрозил, что в противном случае твоего отца лишат права на частные полеты и проведение исследований.

– Блефовал? – удивилась я масштабам подставы.

– Если бы! – Виола закатила глаза к потолку. – Дядя у меня – председатель совета Земной Федерации.

– Почему же раньше не признался в своем существовании? Ты спросила?

– Ага... – Подруга поморщилась. – Ответил, что так было нужно. Причем тоном, не допускающим обсуждение. С ним вообще невозможно спорить. Авторитарный, наделенный властью и на сто процентов убежденный в своей правоте.

– Но хоть сказал, что изменилось? Почему вдруг вспылал желанием видеть племянницу?

– Сказал, – вздохнула Ви, вмиг погрузнев. – Мой брат пропал. Улетел с какой-то частной экспедицией и перестал присылать сообщения. Дядя решил, что я смогу помочь в его поисках.

– Каким образом? – удивилась я. – Ты же техник, а не сыщик.

– Теперь почти сыщик, – тонко, с намеком улыбнулась подруга. – Дядя убедил меня поступить в разведшколу. Я все эти четыре года

премудрости шпионской деятельности осваивала, вести расследование училась, шлифовала навыки маскировки.

– У тебя, видимо, за нее был высший балл, – похвалила я. – Ушки получились шикарные.

– Это импланты, – отмахнулась Виола. – Чешутся только, сволочи... – Она осторожно поскребла заостренный кончик, с явным усилием заставила себя опустить руку и вернулась к рассказу: – В общем, когда стало известно о нападении рарков на ваш дискоид, было принято решение заслать разведчика, чтобы прояснить ситуацию. Вот я и потребовала отправить меня.

– Я думала, твое появление это спасательная операция, – не сдержав разочарования, протянула я.

– Увы... Мне строго-настрого запрещено вас разыскивать лично. Лишь собирать информацию, чтобы другие могли провести эвакуацию, если выяснится, что вы выжили. То, что мы с тобой встретились, это невероятная удача! Кстати... – она нахмурилась. – А как ты тут оказалась? И что за тип тебя защищает? Смотрит с такой ревностью, словно ты ему жена. Нет?

В синих глазах теперь плескалось беспокойство, и я поспешила подругу успокоить:

– Нет, конечно, нет. Просто мне повезло, мы подружились. А оказалась...

Мой рассказ был дольше и более эмоциональным. Я заново переживала все произошедшее, Ви ахала, прижимая ладони к щекам, и потрясенно округляла глаза. Иногда задумывалась и уходила в себя, словно что-то просчитывала. В итоге первое, чем поинтересовалась:

– Значит, они тут эксперимент проводить собрались? Как я удачно, оказывается, зацепила Лаита... Я ведь рассчитывала лишь на то, что у него больше информации о нападении на ваш дискоид. Все же, как ни крути, сын правящего.

– Но теперь-то тебе уже информация не нужна, раз мы встретились. Может, нас заберут? Когда? И как? Земным кораблям соваться к раркам – настоящее самоубийство.

– Как меня забросили, так нас и заберут, – подмигнув, таинственно заявила Ви. Определенно не намерена она была раскрывать мне чужие секреты. – А когда... Да я бы прямо сейчас отсюда сбежала, ни минуты не раздумывала.

Виола коснулась пальцами губ и поморщилась, а я только теперь сообразила, насколько они неестественно красные и припухшие. Видимо, Лаит не церемонился, дорвавшись до лакомства.

– Только мы торопиться не будем, – подруга решительно тряхнула головой, спутав волосы, которые причесывала с такой тщательностью.

– Почему?

– Потому что у них информация по перемещениям во времени! А твой кавалер имеет к ней прямое отношение.

– Он мне не кавалер, – рассердилась я, почувствовав раздражение. Возможно, не имеющее реальных причин, но все равно неприятное.

– Не важно, – отмахнулась Ви. – Стащишь у него накопитель, как и планировала, тогда я отправлю сигнал на эвакуацию. Улетим так быстро, что они и ахнуть не успеют.

– А если у меня не получится это сделать до того, как Лаит заявит права на большее? Или я не смогу?

– Ты справишься, я в тебе даже не сомневаюсь, – поощряюще улыбнулась Виола. – Лаит будет ждать, у меня еще два желания неозвученных. А для рарков не выполнить условий сделки – величайший позор.

– Сделки? Я думала, ты бросила ему вызов.

– По мне, так это сделка, – презрительно сморщила нос подруга. – Фактически я променяла пять желаний, которые он исполняет, на право меня касаться и в итоге возможность затащить в постель. Обычный торг, даже не пари. Шерьерон посчитал меня недостойной полноценного вызова, я ведь ему не ровня в социальном смысле.

– Ты хорошо о рарках осведомлена, – я наконец сообразила, что же меня все это время так смущало. – Откуда, если контакты с ними запрещены?

– Запрещены – это не значит, что ничего не известно, – нравоучительно отозвалась Ви. Поднялась с дивана, чтобы дойти до трюмо, забрать с него маленькое карманное зеркальце и вернуться ко мне. Навела его на дверь, посмотрела сквозь ставшую полупрозрачной зеркальную пластину... – Как же меня бесят двери без замков, – призналась, убирая приспособление в карман. – Так и кажется, что за ними кто-то стоит и нас подслушивает. Будто жучков в самой комнате мало!

– Там кто-то есть? – на всякий случай поинтересовалась я, присматриваясь к кажущемуся таким надежным полотну.

– Нет. Я просто проверила. Они тут ненормальные, всего можно ожидать. Лучше перестраховаться, чем потом последствия разгребать.

– Если ты все про них знаешь, – не смогла я сдержать любопытства, – тогда скажи, в чем сакральный смысл отсутствия замков? И межкомнатных дверей?

– А это не смысл, – фыркнула Ви, – это провокация. Поддашься соблазну, зайдешь в чужой дом без приглашения, тут тебя и порешат на месте. Смачно и с удовольствием. Рарки это за доблесть считают – потенциального вора пристрелить. А внутри дома отсутствием преград подчеркивается доверие.

Вот и двойное дно, казалось бы, совершенно простого факта. Охотники... Ловят на живца, видите ли. Не удивительно, что с рарками так мало желающих общаться.

– Видимо, они так же свою систему рассматривают, как дом, раз стреляют по всем, кто к ним прилетает, – сделала, в общем-то, логичный вывод.

– Как сказать... – замялась Виола, посмотрев на меня извиняющимся взглядом. Продолжать не стала, но я все равно поняла – дело нечисто!

– У них с землянами давние счеты? – высказала первое, что пришло на ум. Вернее, вспомнила слова отца. – Они именно нас не любят? Боятся? Ви! Хватит делать вид, что это секретная информация! Мы с тобой в одной лодке, и я хочу хоть в этом разобраться. Обещаю никому ничего не говорить.

– Если проболтаешься, – скисла от моего напора подруга, – меня в тюрьму посадят. За разглашение.

– Буду молчать как рыба, – клятвенно пообещала я. Поправила юбку, села удобнее и приготовилась слушать.

Виола тяжело вздохнула, но все же сдалась. Она говорила, я слушала, а в моей голове складывалась любопытная картина, изумительно точно накладывающаяся на все то, что я узнала о прошлом рарков в музее...

Оказывается, наши цивилизации действительно впервые столкнулись на той самой, расколовшейся на части планете, которая называлась Раминар. Вернее, это корабли землян ее обстреляли и

уничтожили, чтобы убить того самого призрачного врага, что на ней обитал. Правда, в тот момент ни земляне, ни рарки близко не контактировали, не до этого было – и те и другие пытались спастись. Второй раз они встретились, когда повторная экспедиция рарков, полетевшая к Раминару, попала в плен. Те, кто не умер, были спасены именно военными-землянами. То есть были мы с ними вовсе не враги. Скорее, партнеры, которые плечом к плечу встали против амиотов, что пытались всех и все уничтожить. Мало того, земляне еще и оружием рарков снабдили. Вернее, установками, которые блокировали наступление призрачных субстанций. Все четыре планеты рарков были ими оснащены. Эти установки, вместе с теми, что размещались на других планетах, образовали единую сеть, не позволяющую амиотам продвинуться дальше.

Все шло прекрасно, до тех пор пока неожиданно в этой защите не образовалась брешь. Амиоты в нее рванули так быстро, что никто даже не успел задуматься о причинах. Пришлось срочно разбираться с последствиями. Искать новое эффективное оружие. Защищаться. Нападать. Уничтожать... И лишь когда угроза сошла на нет, началось расследование. Результаты ошеломили – звездных систем рарков, в районе которых, как выяснилось, и произошел прорыв, на положенном месте не оказалось. Их просто-напросто не существовало. Они исчезли!

– Все подумали, что амиоты успели их уничтожить, – объяснила произошедшее Виола. – Расстроились даже, как-никак союзники погибли. А через несколько лет от астрономов поступило сенсационное сообщение – звездные системы рарков на месте! И сами планеты, и установки на них, которые даже продолжают работать! На Ракис была отправлена дипмиссия, чтобы ситуацию прояснить, но она вернулась ни с чем. Корабли попали под обстрел. Им не позволили подлететь ближе. Союзники стали врагами. Почему? Никто так и не понял. Может, власть сменилась, может, иная причина сработала – выяснять ни у кого желания не было. На визиты к раркам просто наложили запрет и на этом успокоились.

– Я знаю, почему их система пропала! – осенило меня. – Они во времени скакнули!

– Куда скакнули? – не поняла Ви, недоумевающе похлопав ресничками.

– В будущее! – подпрыгнула я в нетерпении. – Ямы, в которые мы попадали, это побочный эффект, отдача. А эксперименты, которые рарки проводят сейчас, это для того, чтобы исправить последствия.

– Ты про то, что система разделилась и теперь их две?

– Да! Они хотят их объединить обратно.

– Дела... – Виола в потрясении откинулась на спинку дивана. И тут же, подскочив, подалась ко мне, воскликнув: – Я поняла, почему рарки землян обстреливают! Они думают, что мы им мстить будем. Ведь из-за их исчезновения столько других цивилизаций пострадало!

– Это же паранойя, – не поверила я, хоть и чувствовала, что в ее догадке есть изрядная доля истины.

Ви пожала плечами и выразительно развела руками. Мол, это же рарки.

С таким «доводом» спорить было сложно. Да и не хотелось. Не так уж принципиально, кто именно прав. Важнее факты, а они определенно не оправдывают действий ушастых.

– Давай-ка спать, – спохватилась подруга, приняв мое молчание за усталость. – Совсем я тебя заболтала. Да и поздно уже... Ты куда? – удивилась, когда я поднялась и направилась к двери.

– В каюту.

– Нет уж, – решительно заявила Виола. Крепко ухватив меня за руку, потащила к проему, ведущему в другую комнату. – У меня переночуешь! Тут аж три спальных места, куда мне столько? Да и как я могу тебя отпустить? Вдруг ты снова пропадешь!

– Если я буду с тобой, то вряд ли накопитель стащу, – улыбнулась я ее горячности, рассматривая уютную, желто-оранжевую комнату, где не было иллюминатора, зато в обилии присутствовали думочки, мягкие ковры и кресла-подушки. Широкая кровать оказалась одна, но по бокам у стен действительно расположились еще две, более узкие.

– Утром... нет! К обеду соберешься, сделаем тебя красавицей и пойдешь к своему ненаглядному.

– Он не мой! – зашипела я. – И зачем мне быть красавицей? Я его соблазнять не собираюсь! Ньевор на это реагирует совершенно неадекватно. Эффект будет с точностью до наоборот.

– Он импотент? – растерялась Виола, опускаясь на край кровати и неторопливо расстегивая пуговицы платья на груди. – Или неправильной ориентации?

– Нормальный он, просто принципиальный. Всех подряд в постель не тащит.

– Так ты ж не «все подряд», – не согласилась подруга. – Сама же сказала, что он сам тебя подобрал, без вызова с твоей стороны. Значит, ты его чем-то другим привлекла. А чем, как не внешностью, раз вы до этого не встречались ни разу?

– Одиночеством, – буркнула я, вспоминая признание рарка. – И отчаянием. Он просто сочувствие проявил.

Ви выпучила глаза и поперхнулась воздухом. Долго не могла ничего сказать, судорожно хватая ртом воздух.

– Сочувствие? – выдавила, когда отдышалась. – Медея, ты тут, изображая дурочку, реально поглупела? Ты в каком месте у рарков сочувствие видела? Да они и слова-то такого не знают! Все их поступки можно трактовать исключительно с позиции выгоды и желания стать выше и круче других. Альтруизм тут неуместен.

– Знаешь, в отношении Лаита я бы с тобой согласилась. Этот тип точно самовлюбленный нарцисс. Кстати, если я проявлю к нему интерес особого рода, он тоже возмутится и пошлет меня куда подальше, но я же не считаю его из-за этого импотентом. Просто видение отношений с круглоухими у них своеобразное. А Ньюор на самом деле другой. Он, конечно, тоже отнюдь не мягкий и пушистый, однако очень... человечный.

Ви слушала мою отповедь с непонятной настороженностью и подозрением в синих глазах. Даже вытащенную из прикроватной тумбочки ночнушку на колени опустила, хотя до этого ей ничто не мешало переодеваться.

Какие именно мысли крутились в ее голове, понять было невозможно, и меня это напрягало. Моя названная сестричка в наших отношениях всегда лидировала, несмотря на то, что была младше. Я с легкостью это принимала, воспринимала как игру, просто потому, что не хотела ее огорчать. Теперь же, фактически став ровесницей, своим напором она меня пугала.

– Ты в него влюбилась, – подозрение оформилось в слова, причем сказанные отнюдь не с вопросительной интонацией.

– Он мой друг, – твердо припечатала я. – Мне просто хочется объективности! Возможно, тот, кто вводил тебя в курс дела, когда отправлял на Ракис, сам не подозревал, что рарки могут так сильно

отличаться. Вот, например, о существовании круглоухих рарков тебе было известно?

– Нет.

– О поселениях, где до сих пор живут как в древности, натуральным хозяйством?

– Нет.

– О говорящих птиценасекомых?

– Нет.

– Вот видишь! Все мы можем ошибаться. Особенно при недостатке информации.

– Логично, – вынужденно согласилась подруга и, достав еще одну упаковку с бельем, протянула ее мне. – Давай-ка спать, медовая. Завтра день у нас сложный.

Медовая... Это мама любила так меня называть. Говорила, что мой цвет волос ей напоминает гречишный мед. В доказательство даже показывала темную тягучую массу, играющую красивыми глубокими коричнево-янтарными переливами. Папа же с принципиальной настойчивостью заявлял, что к сладкому лакомству имя не имеет никакого отношения. Впрочем, и к хитрым особам он меня никогда не причислял. «Ты просто маленькая богиня, – улыбался и вновь возвращался к излюбленной теме: – А станешь большой и влиятельной, если будешь понимать закономерности строения технических устройств и научишься в них разбираться с одного взгляда».

И я старалась. Вникала, запоминала, штудировала, собирала, разбирала... С закрытыми глазами могла бы починить любой знакомый прибор. Незнакомый вряд ли, но даже с ним требовалось бы всего лишь хорошенько подумать и найти узловые точки механизма – основу, на которой строится все остальное.

– С людьми так же, – убеждала меня Виола, когда утром все же настояла на своем и заставила надеть ярко-красное платье. Необычайно элегантное и эффектное, но... вульгарное до ужаса! – И с рарками. Просто первые для нас с тобой хорошо знакомы, а вторые, как выяснилось, не спешат соответствовать определенным нами для них канонам. Но разобраться и найти подход все равно можно. Мало того – жизненно необходимо. Я не хочу возвращаться домой с пустыми

руками, когда мы совсем рядом с такой потрясающей возможностью завладеть невероятным научным открытием!

– Красивых слов много, а толку? – сердилась я, одергивая юбку с высоким разрезом, которая так и норовила подняться вверх по бедрам, чтобы продемонстрировать надетое на меня нижнее белье. – Чем мне поможет это дурацкое платье?

– Нам нужно, чтобы Ньевор не видел, как ты забираешь накопитель, – смилостивилась наконец Ви, соизволив объяснить логику своей настойчивости. – Вызывающее платье будет его раздражать, значит, есть шанс, что он не выдержит и уйдет. Пусть даже на короткое время. А если среагирует иначе и будет пялиться, то, увлеченный, может не заметить других твоих действий. Ты, главное, потом не мешкай, сразу ко мне иди. Я предупреждающий сигнал вчера отправила, теперь у наших кораблей готовность номер один.

План мне не нравился. Да, еще вчера я сама хотела стащить флешку и угнать корабль, но... Но понимала, что все это я задумала исключительно для того, чтобы был в моей жизни хоть какой-то смысл. Цель. Эфемерная, невыполнимая, она поддерживала и помогала не сойти с ума от безысходности. Однако, пусть в этом я себе и не признавалась, прекрасно знала, что никогда ее не достигну. Оттого и не продумывала все до мелочей, не вдумывалась тщательно в детали, ограничиваясь лишь мечтами.

Сейчас, оглядываясь назад, я была уверена – реальных действий я бы так и не предприняла, потому что... Наверное, потому, что трусиха. Ведь когда Ви потребовала активных действий, в моей душе все этому воспротивилось. Ворочалось, сжимало тисками, скручивалось узлом в животе, заставляло слабеть мышцы и дрожать голос.

Я боялась. Страшилась разоблачения, паниковала из-за возможной неудачи, опасалась реакции Ньевора... А еще помнила, прекрасно помнила момент вершения правосудия в поселении. Практически без расследования, за одно лишь подозрение – расстрел на месте. Жуткая картинка до сих пор перед глазами стоит.

На ватных непослушных ногах я шла в рабочую зону, испытывая лишь одно мучительное желание – сбежать и отказаться от сумасбродной затеи, пока еще не поздно.

– Почему так поздно? – недовольно рыкнул Ньевор, едва открылась прозрачная преграда, отделяющая его отсек-кабинет от

общего коридора. Оторвав взгляд от экрана, с которым работал, рарк пробежал глазами сверху вниз по моему телу и, ничуть не снижая недовольства, поинтересовался: – Что за... тряпку ты на себя напялила?

Вот честно, я хоть и ожидала чего-то подобного в плане реакции, но не до такой степени! И потому негодование в один момент начисто смыло весь страх, а ему на смену принесло страстное желание доказать – я пренебрежительного отношения не заслуживаю! Особенно после того, как выгораживала Ньевора перед подругой. Я его человечным назвала, понимающим, а он?! Он вчера был совсем другим!

– Эту «тряпку» не я напялила, а мне приказали надеть. Пришла я тогда, когда у меня появилась возможность. Если это все, что тебя интересует, больше я не приду.

Теперь еще и злость появилась, заставив голос звучать звонко и решительно. На глазах выступили слезы, и я поспешно отвернувшись, отступая назад в коридор. Да, я могла бы позволить себе проявить слабость, тем самым показав Ньевору, что мои слова вовсе не вызов, но сейчас мне хотелось совсем иного.

– Стоять! – пригвоздил меня к месту не менее яростный мужской голос, а кожей на спине, практически полностью открытой глубоким вырезом, я почувствовала движение.

Не зная, чего ожидать, замерла. Так и не повернувшись, ждала, настороженно прислушиваясь к звукам, ощущениям, готовясь к... обороне, наверное. Очень уж суровым был тон рарка. А вместо этого...

– Я рад, что решение надеть это платье было не твоим. И тому, что ты пришла ко мне. Так что ты не уйдешь, Дея. Потому что не права. Меня интересует намного больше, нежели я спросил.

Безапелляционное заявление. И сказано с напором. Однако раздражения в нем уже не было, лишь твердая убежденность и предвкушение! Ньевор тоже бросал мне вызов.

Я невольно дернулась, разворачиваясь и намереваясь ответить грубо, провокационно. Встретилась глазами с едва различимым сквозь челку прищуром, осознала, в какой тесной близости мы оказались, и... И запал мой схлынул. Во рту пересохло, дыхание сбилось, мысли разбежались.

– Хорошо, – выдавила, отступая и нащупывая край столешницы. Вцепилась в нее как в единственную опору, могущую меня поддержать.

Во взгляде Ньевора теперь сквозило разочарование. Столь же четкое, сколь явным до этого было ожидание. Я не оправдала его надежд. Однако признаваться в этом он не стал. Вернулся на свое рабочее место и хмуро спросил:

– Она тебя надолго опустила?

– Не уточняла, – лихорадочно придумала я не связывающий меня рамками ответ. – Просто сказала, что я пока ей не нужна.

– Ты хотя бы спала? Поела? Она тебя не обидела?

– И спала, и ела. Девушка хорошая, мы нормально общались, – успокоила я его. Вот только рарка это, скорее, еще больше насторожило.

– Тогда понятно, почему она для тебя это платье выбрала. Чтобы напомнить, кто ты есть. И другим наглядно показать. Продемонстрировать всем твои уши ей показалось недостаточным... Эх, Дея, зря ты вчера настояла, чтобы я принял вызов Лаита. Его подружка не так уж проста. Она все сделает, чтобы тебя подставить.

– Каким образом? – растерялась я неожиданному повороту его мыслей. – И зачем?

– Затем, что эта... как ее зовут?

– Вейла, – вспомнила я местное имя, которым представилась Виола.

– Ага... Судя по вчерашнему поведению, Вейла ищет повод отказать Лаиту в близости. Самый простой способ – уличить во лжи. Он сказал, что ты его не привлекаешь, вот она тебя и разodela соответствующе. Чтобы с большей вероятностью возбудился и решил с тобой переспать, – рарк снова поморщился, осмотрев платье.

Я бы ему поверила, не будь Ви моей подругой, по сути близким человеком, с которым я провела все детство и отрочество. Да, она и раньше не всегда учитывала мои интересы и желания, но подставлять меня намеренно... Нет, это точно не в ее адрес обвинение.

Однако не могла же я доказывать Ньевору, насколько сильно он ошибся! Пришлось развивать тему в ином направлении.

– Ты же говорил, что круглоухие девушки не интересуют таких, как Лаит. Разве платье что-то изменит?

Устав стоять, я присела на край стола, ведь других стульев и кресел здесь не было. Скользнула чуть дальше по столешнице и, положив ногу на ногу, развернулась вполоборота, чтобы опираться было удобнее. Рарк, пристально следивший за моими действиями, шумно втянул носом воздух, резко выдохнул и отрезал:

– Из любого правила есть исключения.

Уткнулся носом в экран, то ли показывая, что на этом тема исчерпана, то ли маскируя что-то иное... И почему у меня ощущение, что это «иное» касается его личного отношения ко мне?!

– А тебе это платье совсем не нравится? – попыталась получить ответ.

– Нет, – буркнул рарк, по-прежнему буравя взглядом бегущую перед ним виртуальную строку символов.

– Потому, что оно делает меня привлекательной для других? – намекнула я.

Ньевор сердито рыкнул, бросив на меня возмущенный взгляд из-под челки.

– Потому, что не я тебе его подарил, – ошарашил признанием и с невероятной сосредоточенностью взялся за работу.

Рот я открыла, но вовсе не для нового вопроса. Больше от удивления. Получается, он злится на самого себя? И ни я, ни Виола, ни даже Лаит тут ни при чем? То есть я-то в этом случае как раз «при чем», если предположить наличие симпатии и... чувств.

От этой мысли стало тепло на душе. Приятно. Уютно. Снова захотелось привлечь к себе внимание, бросить вызов, чтобы получить в ответ полноценное подтверждение. Сердце предвкушающе ускорило бег, я подалась корпусом вперед... И отшатнулась, останавливая себя.

Зачем?! Для чего я собираюсь его провоцировать? Исключительно чтобы потешить свое самолюбие? Ведь нет у наших отношений будущего! Я улечу на Землю, а он... Он останется с разбитым сердцем, то есть нереализованным вызовом, и будет проклинять меня всю свою жизнь!

Чувства это не игра. Не способ для манипуляций. И не средство достижения цели. По крайней мере, для меня. Пусть даже другие считают иначе.

– Он точно к тебе равнодушен! Почему же не сработало-то?... – расстроилась Ви, когда я вернулась в апартаменты ни с чем и виновато развела руками.

Утащить накопитель, когда Ньевор с ним работал, было делом нереальным, а меня рарк попросил уйти раньше, чем его рабочий день завершился. И причиной, я уверена, было именно платье. То есть я в нем, молчаливая, но все равно привлекающая внимание и мешающая сосредоточиться.

– Ладно, Медея, не переживай, – успокоила Ви, решив не устраивать мне допрос. – Не получилось сегодня, получится завтра. Или послезавтра. Время у нас есть.

– А как же Лаит? – напомнила я.

– С Лаитом я справлюсь.

Ответ уверенный, да только рука подруги невольно взметнулась к лицу и коснулась губ, а в глазах появилось отнюдь не томное выражение.

– Ви...

Я укоризненно покачала головой, показывая, что все прекрасно понимаю и ей совершенно незачем демонстрировать ложную браваду. Однако это сестру лишь рассердило:

– Сказала же, справлюсь! Даже если он все же дождет меня до близких отношений, это моя проблема, а ты сосредоточься на своей задаче. Она для нас важнее.

Парировать мне оказалось нечем. Ведь у меня точно такие же мысли возникали, когда я приняла решение украсть наработки рарков. Я тоже готова была с Ньевором в постель лечь, лишь бы не потерять эту возможность.

Зато сейчас, в мягких объятиях кровати, мне никак не удавалось заснуть. Я ведь так радовалась, уходя из кабинета Ньевора, что пусть невольно, но кражи не совершила. Теперь же меня мучила совесть. Да, сама я вышла из-под удара, зато сестра может пострадать. И чем дольше я колеблюсь и оттягиваю неизбежное, тем вероятнее Виоле придется жертвовать собой.

Утром муки совести никуда не исчезли, наоборот, стали еще сильнее, когда в комнату заглянул Лаит и сообщил, что манрак, то есть маленький маневровый кораблик, приготовили к полету и Виоле будет позволено взять на себя управление. То есть исполнится ее очередное

желание. Улыбался при этом Шерьерон крайне многозначительно. Оно и понятно – теперь от тела Ви его будет отделять всего одно условие...

В общем, в рабочий сектор, куда меня послали, чтобы не мешалась под ногами, я шла, забыв о собственных страхах и сомнениях, полная решимости на этот раз довести дело до конца. Нам надо улетать срочно! Значит, любым способом я должна забрать накопитель.

– Так и знал, что она будет над тобой издеваться! – едва раскрылись прозрачные створки дверей, встретил меня возмущенный мужской голос.

Я от неожиданности дар речи потеряла. На всякий случай себя осмотрела, может, забыла чего? Или не то платье надела. Но нет. Темно-синий свободного кроя сарафан и белая блузка никуда не делись, а волосы, которые Ньевор настоятельно просил меня на станции убирать в хвост, как и положено, показывали всем кругленькие ушки.

То есть вид у меня был вовсе не провокационный, не вызывающий и вообще самый что ни на есть невзрачный, а Ньевор все равно отреагировал бурно и негативно.

– Почему сразу «издеваться»? – пролепетала в недоумении. – Нормальная же одежда.

– Наивная ты, Дея, – вздохнул Ньевор. – Посмотри на себя со стороны: сочетание внешности не слишком умной круглоухой и одежды, более подходящей остроухой девушке, занятой интеллектуальным трудом в офисе! Для твоего положения моей любовницы на станции этот наряд оскорбителен, а для тех, кто здесь работает, он определенно смешон. Вейла с тобой как со своей куклой играет!

Да уж, логика... Чтобы в таком ракурсе мыслить, надо истинным парком быть, ведь ни мне, ни Виоле подобных выводов и в голову не пришло, когда мы утром обсуждали, что мне лучше надеть.

– Потерплю. Это же ненадолго. Надоест ей, и отпустит, – беспечно отреагировала я, занимая облюбованное еще вчера место на краю стола.

От осознания, что все не так уж страшно, стало спокойнее. Просто Ньевор о моем психологическом комфорте заботится. А это даже приятно.

– Уверена, что нужно ждать? – не сдался рарк. – Я могу бросить Вейле вызов, чтобы от тебя отстала. Ведь неизвестно, что она для тебя в следующий раз придумает. Судя по тому, что я вижу, у нее богатая фантазия и... Я за тебя беспокоюсь, Дея.

Хоть и согрело душу желание Ньевора спасти меня от неведомой напасти, допустить прямой конфронтации я не могла.

– Вызов? Ей? А как к этому отнесется Шерьерон? Не сочтет ли наглостью с твоей стороны?

– Это ты меня сейчас трусом назвала? – рыкнул рарк с негодованием. У меня от страха аж волна холода прошла по спине.

– Это я сейчас за тебя... беспокоюсь, – отзеркалила его же слова, зажмурилась и вжала голову в плечи, ожидая реакции.

Наступившая тишина длилась слишком долго, и я рискнула приоткрыть один глаз. По-прежнему сидящий на своем месте перед раскрытым экраном Ньевор смотрел на меня задумчиво, подперев голову рукой. Вряд ли не знал, что сказать, скорее, ждал от меня продолжения, но не подталкивал, не торопил.

Я же снова растерялась, разрываемая тем самым противоречием, с которым так отчаянно боролась со вчерашнего дня. Позиция, которую занял Ньевор, мне понятна – я должна проявить инициативу, чтобы он мог перейти на новый уровень отношений. Так у рарков принято. И в любой другой ситуации я бы без колебаний это сделала. Но не сейчас.

Спас меня вызывной сигнал с панели. Ньевор отвлекся, сосредоточившись на разговоре с абонентом, а я воспользовалась передышкой и отсутствием внимания, чтобы осмотреться и убедиться – накопитель, как обычно во время работы неактивный, закреплен на поверхности консоли, формирующей голоэкраны. Вытащить его из «гнезда» будет совсем просто, если подобраться поближе.

Маскируя свои намерения, я зевнула и потянулась, незаметно смещаясь по столешнице. Уперлась ладонями в гладкое покрытие, извернулась, якобы заглядывая за край стола, тем самым выигрывая еще несколько сантиметров. Покачала ногами, практически соскользнув на пол, и вернулась обратно, окончательно приблизившись к заветной цели. Перевела взгляд на накопитель, расстояние до которого от моих пальцев, опирающихся на крышку стола, было совсем крошечным. Одно краткое движение! Рарк занят, он его даже не заметит...

Не успела.

– Тебе скучно? – завершив разговор, Ньевор посмотрел на меня с сочувствием. Однако выгонять не стал. Раскрыл еще один экран, развернул ко мне и разрешил: – Читай. Только так, чтобы из коридора казалось, что ты на него как на красивую картинку смотришь.

Ох... Какое-то время я послушно созерцала символы, не вникая в суть. От слов Ньевора, вернее, намерений сделать для меня то, что может поставить под удар его самого, мне стало не по себе. Все же он совершенно невероятный, особенно в контрасте с Лаитом, который все делает исключительно ради самого себя. Вот и как?! Как я смогу у него что-то украсть?

Пыл мой приутих. Снова заняла совесть, намекая, что вовсе не обязательно воровать накопитель в угоду амбициям Ви, решившей выслужиться перед начальством. Ну а земляне... Земляне столько лет жили без технологий путешествий во времени, что вполне могут потерпеть еще десяток-другой. Главное, есть точные сведения, что таковые перемещения возможны. Дальше либо пусть ищут способ законным путем технологию получить, либо пусть сами додумываются. Что же мы, глупее рарков, что ли?!

– Так, так, так... Что я вижу! Дожили. Символами уже развлекаются самые отсталые слои населения! – засмеялся, сбивая с мысли, мужской голос. Приятный, но раздражающий, потому как принадлежал Лаиту.

Зашел рарк бесцеремонно, не спрашивая разрешения, как хозяин. И остановился строго напротив Ньевора, сбоку от меня, нагло заглядывая в экран. Следом за ним в раскрытый проем шагнула Ви. На лице подруги застыло выражение тревожное и напряженное. Она определенно не одобряла поведения своего спутника, но сделать ничего не могла.

– Ну, Хот! – несколько не смущаясь, продолжал говорить Лаит. – Ты интереснее занятия для нее придумать не мог? И на стол посадил. Разве это удобно? Все ведь видят, если ты с ней... – не договорил, но смысл и без того был ясен. – Хочешь совет? – он неожиданно подался ко мне, приглушая голос. – Ты бы лучше под стол забралась, поближе к любовнику. А там уж сообразишь, что дальше делать. А то он у тебя такой нерешительный!

Шерьерон снова засмеялся, вероятно считая свои слова верхом остроумия.

Раздавшийся грохот привел его в чувство, заставил Виолу побледнеть, а меня изрядно напугал. Причина была злая, настроенная решительно и так резко поднявшаяся с места, что стул с лязгом влепился в прозрачную стену.

– Подобные комментарии неуместны! – синхронно с ударом прорвалось и негодование.

– Так я ж не в упрек. – Лаит примирительно поднял ладони. Видимо, решил не доводить дела до вызова. – Как лучше хотел. Подсказать... Чтоб как у нас все оптимально складывалось: обоюдно, приятно и страстно. Так, Вейла? – Изумрудные глаза отыскивали молчаливую девушку. Шерьерон дождался ее быстрого кивка, усмехнулся и, вновь впиваясь взглядом в высокого, но по сравнению с ним щуплого рарка, продолжил: – Однако раз этого не требуется... Тогда будь добр объяснить, почему вместо того, чтобы продуктивно работать, ты развлекаешь здесь свою любовницу?!

Миролюбивая фраза в начале, в конце превратилась в неприкрытую угрозу. Получается, я ошиблась, Лаит все же готовил вызов, только в основе его лежали иные причины и условия.

– Она мне не мешает. И на качестве работы ее присутствие не отражается, – припечатал Ньевор. Упираясь кулаками в столешницу, подался навстречу оппоненту, не обращая внимания на разделяющий их стол.

– Так ли? – скептично цокнул языком Шерьерон, неторопливо повторяя движения визави – А у меня на этот счет иные сведения. Разве проверка документации уже завершена? Проект одобрен? Отправлен техникам на исполнение? – И снова вкрадчивый тон сменился на гневно-обличающий: – Ты пять дней занимаешься граш знает чем!

– В проекте слишком много допущений! Их нужно найти и исправить, чтобы вероятность положительного результата эксперимента была выше.

– Это в твоей голове слишком много знаний! Совершенно ненужных в данном случае.

– Мои знания позволяют мне видеть то, чего не видят другие!

– Ха! Тебе дали готовую к реализации разработку, над которой больше оборота корпел целый отдел! Они, по-твоему, полные дилетанты? Быстро проверил, одобрил – и пусть техники устройство собирают! Что тут искать?!

– Щ-щ-щедар! – не выдержал и выругался Ньевор. – Это бессмысленно!

– Это твое присутствие здесь в качестве консультанта бессмысленно! Пустая трата времени и средств! – рыкнул в ответ Лаит. – Где доказательства, что от тебя есть хоть какая-то польза?

Забыв, как дышать, я с замиранием сердца смотрела на рарков, застывших практически нос к носу и испепеляющих друг друга взглядами. Итога их перепалки я страшилась не меньше, чем возможных последствий моего разоблачения, потому бросила отчаянный взгляд на Виолу, стоящую за спиной Шерьерона, и растерялась – сестра, гримасничая, выразительно указывала на накопитель.

«Бери! Немедленно!» – приказывая, в однозначном трактовании изгибались губы.

«Медея, поторопись!» – умоляюще смотрели синие глаза.

«Не уппусти момент!» – стискивались в бессилии тонкие пальцы. Подруга несомненно похитила бы вожаделенный трофей сама, да только находилась от него слишком далеко.

– Доказательства? Да сколько угодно! – наложил на этот безмолвный монолог громкий мужской голос, и мои нервы не выдержали.

Рука непроизвольно дернулась, в одно мгновение вытаскивая из гнезда накопитель. Ладонь сжалась, пряча его от чужих глаз. Тело подалось назад, стремясь оказаться вне зоны видимости...

Невольный вздох облегчения, сорвавшийся с губ Виолы, услышала не только я. Обернулся и Лаит, видимо только сейчас вспомнив о своей спутнице.

– Почему до сих пор здесь? Неужели непонятно, что ты тут лишняя? – возмутился и рявкнул: – Марш к себе! И эту... – на меня он не посмотрел, просто презрительно мотнул подбородком, – заberi!

Виола поспешно бросилась ко мне. Схватив за запястье, потянула, заставив спрыгнуть на пол и следовать за собой в коридор, в то время как Лаит снова схлестнулся взглядом с Ньевором.

– Если мне не понравятся доказательства, этот разговор будет последним в твоей жизни, – донеслось до нас прежде, чем дверь закрылась.

Я споткнулась. В глазах потемнело от ужаса осознания – за то, что я сейчас сделала, расплачиваться придется Ньевору.

Панический страх, липкий, гадкий, теперь уже не за себя, а за того, кого я предала, моментально захватил сознание, лишив контроля над телом. Устоять на ногах удалось только благодаря сестре, подхватившей меня под локоть и потащившей дальше.

– Нет, Ви, нет! Подожди! Так нельзя! – запаниковала я, упираясь.

Запоздалое сожаление, раскаяние, отчаянное желание вернуть все назад... В моих мыслях не было места иному. Я не думала ни о столь близкой и совсем недавно безумно желанной возможности вернуться на Землю, ни о наказании, которое ждало меня в случае поимки, ни о судьбе названной сестры, которая рисковала вместе со мной. Перед внутренним взором стоял лишь образ лица с заостренным носом, узким подбородком и почти скрытыми за темной челкой глазами, которые смотрели на меня с немим укором.

– Ты с ума сошла! – шипела Виола, намертво вцепившись пальцами в мою руку и судорожно осматривая коридор, в котором, к счастью, кроме нас, никого не было. – Шевели ногами! Скорее! Они же сейчас спохватятся! Нам надо всего лишь добраться до манрака. Он готов к вылету, а пилотировать я умею! Тут близко! Охрану усыпим, у меня есть средство. Это единственный шанс!

– Я не улечу! Нельзя его оставлять!

– Кого? Рарка твоего? – изумилась Ви. – Ничего с ним не случится. Это же ты накопитель своровала, а не он тебе его отдал. На записи это будет видно, там же есть камеры. Выкрутится, оправдается твой Ньевор, я уверена! Идем, идем!

– Ты не понимаешь! – разозлилась я, хватаясь рукой за поручень лестницы и снова останавливая наше движение. – Они могут убить даже за подозрение!

– Зашибись! – ошалело воскликнула Ви, наконец меня отпуская. – Значит, его спасешь, а мы? Мы-то погибнем! И все те, кто ждет моего сигнала, чтобы забрать нас с манрака, тоже погибнут, когда рарки их вычислят! Медея, не глупи!

Верно... Как же я об этом не подумала!

Новая волна отчаяния и... И неожиданно накатившее безразличие к своей судьбе. Я виновата. Я подвела Ньевора. Я не сумела найти в себе силы удержаться от воровства. Я натолкнула Виолу на идею привезти на Землю информацию... Значит, только мне нести ответственность.

– Улетай, – с холодной решимостью торопливо сунула флешку в ладонь сестры. – Я остаюсь.

– С ума сошла? Это же самоубийство! Я и так тебя один раз оплакала! Теперь снова?... И меня в тюрьму посадят за то, что тебя здесь оставила!

– Я Ньевора не брошу.

Виола изумленно задохнулась, сглотнула и затравленно прошептала:

– Ты его на самом деле любишь?

– Нет. Да. Не знаю! – запуталась я, понимая, что в двух словах мое отношение к рарку не объяснить, а времени на обсуждение нет. Оглянулась, с волнением прислушиваясь к подозрительному топоту, пока еще далекому, но несомненно приближающемуся. – Ви, улетай! И никому никогда про меня ничего не говори. Для всех я погибла так же, как мои родители. Ты меня не видела, ничего обо мне не слышала, о перемещениях во времени узнала от Лаита, информацию стащила сама. Ну?!

Синие глаза наполнились слезами.

– Медея...

– Иди! – простонала я, подталкивая ее вниз.

Шаг, второй, новый отчаянный взгляд, и, лишь когда я в негодовании топнула ногой, торопливый бег. Темно-серое полотно юбки взметнулось, исчезая за поворотом пролета, а я без сил опустилась на ступеньки и обхватила себя трясущимися руками.

Что же я наделала?!

Глава 8

Расплата

– Это третий сегмент установки. Вот встроенный в нее реат, – Ньевор указал на ту часть экрана, где внутри аппарата виднелся крупный кристалл. Покосился на руку рарка, лежащую перед ним на столе, на среднем пальце которой красовался точно такой же камень, разве что утопленный в массивную оправу, и продолжил: – Полярность в хронополе отрицательная до тех пор, пока не накопится скалярное напряжение. И это накопление – неучтенный, проблемный момент, который ведет к дисбалансу...

Шерьерон, перед которым развернулась объемная схема, хмыкал, неопределенно мычал и отрицательно качал головой. Иногда согласно кивал. В этих жутких графиках и формулах он ничего не понимал, но вид делал осведомленный. В конце концов, совершенно неважно, что показывает и объясняет Хот, итог будет один – обвинение в злонамеренной задержке и срыве эксперимента. Именно то, что нужно, чтобы отвести от себя возможные подозрения, когда придет время...

Занятый своими мыслями и планами, он даже о спутнице забыл. Вернее, предпочел ненадолго отложить исполнение обещания прокатить ее на корабле вокруг станции. Это может подождать. А вот шанс зацепить Хоту, заставить его принять вызов и, когда проиграет, прогнать под себя – упускать нельзя! Раз уж возможность подвернулась неожиданно и крайне удачно!

Однако его планам реализоваться было не суждено. Оживший на запястье коммуникатор донес до обоих мужчин четкий голос оператора станции.

– Дагон Лаит, у нас ЧП. Охрана стыковочного узла без сознания. Манрак «эр триста восемнадцать» стартовал со станции. На нем Вейла Кейрас. Одна. Пилота выбросила, оставив в ангаре.

– Не понял... – нахмурился Шерьерон, в голове которого, опережая друг друга, ошалело неслись мысли.

Это бунтарство такое? В отместку за сорвавшийся полет? Девчонка решила доказать, что в состоянии летать самостоятельно, без него? А может, хочет спровоцировать на активные действия? Или

сбегает намеренно? Впрочем, последнее маловероятно — далеко на манраке не улететь. Не те мощности. Значит, просто привлекает к себе внимание.

— Манрак из зоны видимости не выпускать. Приготовить еще два на перехват. Один я поведу сам. — Лаит перевел взгляд на напрягшегося Ньевора и с угрожающим напором предупредил: — Наш разговор не закончен. Вернусь, и мы продолжим.

Отсек Шерьерон покинул столь же бесцеремонно, как и вошел, едва не задев плечом неспешно раскрывшиеся створки дверей.

На Вейлу он был зол. Несносная девчонка! Вечно путает ему все планы. На станцию с собой пришлось взять, теперь вот дела отложить... Все, хватит с ней церемониться. Вейла сама себя перехитрила, наверняка не подумав про ограниченные возможности манрака. Теперь нужно всего лишь догнать и пригрозить оставить в космосе. Она испугается и сама будет умолять вернуть ее на станцию. А это очередное условие. Последнее! То есть от страстной ночи уже не отвертится.

В приятном предвкушении Лаит спускался с лестницы, шел по узкому переходу, входил в раскрытые створки ангара, где прибывшая охрана приводила в чувство пострадавших. Изумленно поднял брови, увидев, как закаленные бойцы, держась за голову, с трудом поднимались на ноги, идти могли лишь с поддержкой.

Ну и Вейла!.. Интересно, чем же она их так?...

Мысль оформиться не успела — навстречу шагнул личный референт Шерьерона, останавливая движение начальника.

— Лететь бессмысленно, — сообщил хмуро. — Манрак пропал с радаров.

— Что значит «пропал»? Прошло всего ничего времени! Она не могла улететь далеко. Сбой в локации?

— Не похоже. Сканеры исправны. Но корабля с беглянкой нигде нет.

Только теперь угасшее было подозрение вернулось. Настойчивая и несговорчивая незнакомка... В одиночку справилась с охраной... Пилотирует опять же самостоятельно... Манрак пропал... Уничтожен чужой корабль... Но он мог быть не один.

Значит, все же шпионка.

– Задействовать усилители и расширить диапазон действия сканеров. Приготовить все имеющиеся здесь крейсера к боевому вылету. Круглоухую найти и под арест, в первый изолятор.

Привыкший решать и действовать, Лаит долго не раздумывал. По хорошему, нужно было бы немедленно ликвидировать ненужную свидетельницу. Однако придется это сделать после допроса – ущербная с Вейлой общалась, та могла ей что-нибудь рассказать. Зацепки в данном случае важнее. Да и рычаг давления нужен, не просто же так Хот цепляется за эту дурочку...

Хмыкнув, Шерьерон развернулся, чтобы вернуться в научный сектор.

– Ты снова заблудилась? – привел меня в чувство веселый мужской голос.

Чеканные шаги, к которым я прислушивалась, все крепче зажимуриваясь и ожидая ареста, оборвались.

– Хорошенькая, но такая глупая... Обидно даже, – подхватил тему другой мужчина.

Осторожно открыв глаза, увидела стоящих передо мной, одетых в серебристую форму военных, один из которых действительно не раз меня «выручал», когда я, изучая станцию, забредала в запрещенные места.

– Обидно, что у нее любовник неугомонный. Это ж надо так выматывать самочку, чтобы у нее на других сил не оставалось. Я ведь дважды ее к себе приглашал и все без толку, – нагло, но дружелюбно, без агрессии отозвался его спутник. Присел передо мной на корточки и, приподняв голову за подбородок, поинтересовался: – Или ты от него сбежала, чтобы... развлечься?

– Я заблудилась, – торопливо всхлипнула, пока еще была возможность. Опасаясь даже думать о том, что сейчас происходит в ангаре, куда побежала Виола, оперлась на подставленную руку, встала на ноги и послушно начала подниматься по ступеням.

– Я быстро, – бросил своему напарнику через плечо сопровождающий меня военный. – Ты иди. Догоню.

Если под «быстро» он имел в виду скорость подъема по лестнице, то не соврал. Однако едва оказались в лабиринте коридоров научного сектора, как торопливость мужчины исчезла. Мало того, он еще и путь

выбрал обходной, вовсе не тот, что напрямик вел к отсеку, где работал Ньевор. А мне приходилось делать вид, что никаких странностей не замечаю. Я ведь, в его восприятии, правильного маршрута не знаю.

Причина подобного поведения не заставила себя ждать – в одном из «закоулков» военный остановился. Осмотрелся, убеждаясь, что мы одни, и развернулся, вынуждая меня отступить к стене.

– Рьяш прав, ты очень хорошенькая, – грубовато заявил, скользнув пальцем по виску и щеке. – Дея, да? Видишь, я даже имя твое узнал, так ты мне нравишься! – засмеялся, стараясь произвести впечатление. – Бросай ты своего умника и перебирайся ко мне. Вы же разнообразие любите, я знаю...

Обниматься он полез наверняка именно поэтому. Я же застыла в растерянности. Если оттолкну, вызову подозрение, раз уж круглоухие такие любвеобильные и неразборчивые в связях. Но и терпеть настойчивые ласки рарка тоже не вариант.

– Тебе понравится... Сравнишь... Я же лучше него, – сумбурно шептал «любовник». Целоваться не лез, лишь шумно дышал в ухо, прижимая меня своим телом к стене и в нетерпении сминая ткань длинной юбки, пытаюсь обнажить бедро.

Пока я судорожно изобретала вариант избавления, оно пришло само собой.

– Сотрудникам швартовного узла, красный уровень. Занять места согласно инструкции, – донеслось непонятно откуда.

– Как не вовремя! – рыкнул рарк, но все же меня отпустил. – Мне надо идти. Мы же еще встретимся, Дея, верно?

Что я могла? Натянуто улыбнуться и кивнуть, одновременно и радуясь избавлению от поклонника, и переживая – возможно, Ви попалась? Или этот аврал потому, что ей удалось улететь?

Накатила новая волна страха, куда более сильная, нежели та, что владела мной раньше. Ведь все пути отступления отрезаны. И если Ньевор меня не поймет, не примет...

Я прижалась спиной и затылком к стене, успокаиваясь. Оттолкнулась и торопливо пошла в рабочий отсек. Больше мне идти некуда. И помощи ждать не от кого.

Остановилась за углом, откуда сквозь прозрачную стену могла видеть фигуру рарка. Он по-прежнему сидел за столом. Один. Лаит, видимо, ушел. Ньевор же продолжал работать, хоть и постоянно

поворачивал голову, поглядывая в видимую ему часть коридора. То ли ждал кого-то, то ли просто отвлекался.

Вдох, выдох... Пошла! Я решительно пересекла открытое пространство, словно в воду бросилась.

– Дея! – определенно радостно выдохнул Ньевор, поднимаясь мне навстречу. – Как хорошо, что подружка Шерьерона тебя оставила. Я опасался, что придумает гадость какую-нибудь.

– Что случилось? – осторожно спросила.

– Кажется, Вейла сбежала. Подождешь немного? Мне надо закончить выборку.

Он снова вернулся к работе, привычно быстрыми движениями отбирая информацию сразу с нескольких экранов. И его совсем не смущало отсутствие того самого элемента, который я ukrала! Может... Может, я ошиблась и это был вовсе не накопитель с ценной информацией, а что-то совершенно неважное? И я не так уж виновата?

– Ну вот, все, – удовлетворенно сообщил Ньевор и потянулся, распрямляя спину. – Сейчас только копию сделаю, и пойде...

Длинные пальцы скользнули по символам, и, обрывая рарка на полуслове, отсек наполнил тревожный звуковой сигнал.

– Ошибка системы, – синхронно с ним бесстрастно сообщил неживой голос. – Копирование прервано, отсутствует резервный накопитель... Ошибка системы. Копирование прервано, отсутствует...

– Граш-ш-ш! – зашипел Ньевор, подскакивая и осматривая стол. И пол. И свой стул. И карманы, хотя он в них флешку никогда не клал.

Я вжала голову в плечи и мысленно застонала. Мои надежды в очередной раз рассыпались в прах.

– Да где же он?! – разозлился Ньевор, когда убедился, что поиски бессмысленны. Посмотрел на меня, и я не выдержала.

– Прости!

– Что? – не понял рарк моего признания.

– Это я его взяла.

– Зачем?!

Ответить мне времени не хватило. С грохотом сдвинув прозрачные створки, в помещение ввалилась пара охранников. Я и ахнуть не успела, как мое плечо оказалось в жестком захвате сильной руки. Без объяснений меня бесцеремонно дернули к выходу, с явным намерением увести.

– А ну стоять! – рявкнул Ньевор, успевший выскочить из-за стола и перегордивший путь.

Военные послушно замерли. Однако стимулом были вовсе не слова моего защитника и даже не интонация, хотя она как раз была не самой дружелюбной. Главным в мотивации рарков оказалось... оружие! Оно весьма выразительно смотрело в голову одного из мужчин. Я же растерянно хлопала глазами, не понимая, откуда Ньевор вообще его взял!

– Уйди. Не вмешивайся, – посоветовал конвоир, сильнее стискивая мое плечо. – У нас приказ на арест.

– А у меня ответственность за все, что с ней связано. Кто отдал приказ?

– Я.

За спиной Ньевора появился Шерьерон. Прошелся по кабинету, прислушался к несмолкающему голосу и, видимо, быстро уловил суть.

– Где накопитель? – азартно бросил, оборачиваясь. В зеленых глазах сверкнуло совершенно непонятное мне предвкушение, словно он обрадовался пропаже. И рука его выразительно потянулась к бедру, где из кобуры была наполовину выдвинута рукоять личного оружия. Похоже, здесь все они его при себе держат...

И без того напуганная, я окончательно запаниковала.

– Он у Вейлы! – выкрикнула со всхлипом.

Оба рарка, мгновенно забыв друг о друге, уставились на меня. Даже охранники отпустили, позволив отступить от них и прижаться к столу.

– А ты откуда знаешь? – угрожающе оскалился Шерьерон.

– Я ей... Отдала. Она... приказала... взять для нее красивую штучку, – объяснила я, лихорадочно соображая, как и правду сказать, и нас с Ньевором не сильно подставить, надеясь, что мое несвязное бормотание спишут на волнение.

– Заодно действовали, значит, – удовлетворенно хмыкнул Лаит, вытаскивая оружие и наставляя его на меня. – Тогда у меня больше нет вопросов.

Я закрыла лицо ладонями, ожидая выстрела. Однако вместо этого почувствовала быстрое движение...

– Ошибаешься.

Услышав спокойный четкий ответ, раздвинула пальцы и увидела спину Ньевора, закрывающего меня собой и продолжающего говорить:

– Убьешь ее за послушание? Она сделала то, что ей приказали, – отдала требовательной Вейле «игрушку». Какие к круглоухой претензии?

– А с чего ты решил, что у меня претензии только к ней? – тут же изменил тактику Шерьерон. – Твоя любовница совершила кражу, а ты отвечаешь за ее поступки. И наверняка сам принимал участие в заговоре, оттого сейчас сообщницу защищаешь. Ведь так своевременно накопитель исчез, когда я от тебя отчет потребовал! И шпионка с пропажей сбежала...

– Ну, если действительно имел место заговор... Тогда твое участие в нем столь же очевидно. Это же ты привез сомнительную остроухую девицу на станцию, а она использовала в своих интересах мою любовницу. И ты этому всячески способствовал. Тут даже твои истинные мотивы совершенно не важны: знал ты о намерениях Вейлы или просто желал развлечься, игнорируя возможную провокацию, – твоя вина в произошедшем несомненна. Что скажешь? Твое заявление против моего! – вместо испуга в голосе Ньевора я неожиданно услышала предвкушение и возбуждение. Неужели эта словесная дуэль доставляет ему удовольствие?!

– Г-р-р-раш! – в ярости ударил кулаком по столу Лаит. – Где ж тебя так научили парировать, умник?

От неожиданности я дернулась и вцепилась пальцами в плечи Ньевора. В ответ получила едва заметный поворот головы и напрягшиеся под форменной курткой мышцы.

Вспомнив, как он расценивает мои прикосновения, поспешно убрала руки и услышала:

– Значит, вызов не принимаешь? – не отвечая на вопрос, продолжил гнуть свою линию мой защитник.

– Принимаю! – рявкнул Шерьерон. – Проверим записи с камер. Если найдется хоть что-то противоречащее ее или твоим словам, можешь распрощаться со своей любовницей и в дальнейшем ни шагу не сделаешь самостоятельно без моего ведома.

– Если не найдется, я передам право на доминирование между нами в распоряжение дагодена Ракиса, – озвучил свои условия Ньевор.

Мне они остались непонятны. Ведь мог бы попросить для нас неприкосновенности или еще каких благ, а предпочел отдать «приз» кому-то другому. Однако Шерьерон усмотрел в его словах что-то возмутительное, потому что негодуя несвязно рыкнул.

Пытаясь понять, что именно ему не понравилось, я осторожно выглянула из-за плеча Ньевора. Наверное, зря, потому что привлекла к себе внимание. О моем присутствии вспомнили.

– На время расследования она будет от тебя изолирована! – мстительно заявил Лаит. – Чтобы ты не сбежал со своей любовницей.

Я думала, что Ньевор снова встанет на мою защиту, но на этот раз он предпочел не спорить. Развернулся, оказываясь ко мне лицом, посмотрел внимательно и качнул головой в сторону выхода.

– Иди с ними, Дея. Это ненадолго.

Успокоить хотел, наверное. Или подбодрить.

Получилось не очень, потому что итогов проверки я страшилась безумно. Ведь что покажут камеры? Да то, как мы с Виолой спорим на лестнице, обсуждаем наш побег, а потом я отдаю ей флешку. Это нам с Ньевором смертный приговор...

Понуро опустив голову, шагнула мимо рарка. Его вера в меня достойна уважения, но смотреть ему в глаза мне стыдно. И его заботы я не заслужила.

На этот раз никто меня принуждать не стал. Один из конвоиров шел чуть впереди, второй рядом, позади следовал Шерьерон, торжествующе неприятно понукая:

– Шевели ногами, дефектная. Плетешься как полудохлая... Боишься, что некому будет тебя приласкать? Не переживай, я найду желающих с тобой развлечься. Скучать не будешь. А во вкус войдешь, так и к своему любовничку возвращаться не захочешь.

От его слов я запнулась. В глазах потемнело, когда представила себе описанную рарком картину. Я же... Как же?... Меня даже не спросят, хочу я этого «счастья» или нет! Просто потому, что я круглоухая!

Пришла в себя на полу коридора от несильного похлопывания по щекам. Один из конвоиров, присев рядом и поддерживая под руки и спину, не давал упасть окончательно, другой пытался привести в чувство.

– Нечего с ней возиться. Идти не может? Бери ее и тащи в изолятор... Да? Слушаю!

Не договорив, Лаит отвлекся на вызов из коммуникатора. В ответ по коридору разнеслось:

– Мы нашли манрак, он появился на радарх и бесконтрольно дрейфует. В противоположном от него направлении идет на разгон дискоид. Ты был прав, его видно в широком диапазоне.

– Сбегает? – мгновенно взвился рарк. – Крейсерам – готовность! Старт через десять минут...

Последние слова я едва расслышала – Шерьерон умчался, забыв обо всем. Ни я, ни мои спутники его больше не интересовали.

Конвоиры, проводив Лаита заинтересованными взглядами, снова сосредоточились на мне. Переглянулись, обменявшись непонятными гримасами. Наконец заговорил тот, что хлопал по щекам.

– Если тебе плохо, могу отнести.

Мне показалось, что предложил исключительно потому, что таково было распоряжение начальства. Выражение его лица было не самым довольным – «честь» тащить на себе готовую развлекаться с кем угодно девицу этого мужчину явно не прельщала. Не знаю, как к этому относился второй, но рисковать не стала:

– Я сама дойду.

Осознание того, какой опасности избежала, придало сил. Какое счастье, что большинство рарков полагает позорным переспать с круглоухой, а немногие неразборчивые, готовые это сделать, равнодушны к тому, что планы срываются. Потому как это не достижение. Ну а настойчивость отдельных личностей – скорее исключение, нежели правило.

Что же касается самого Шерьерона... Он ведь не обо мне думал, когда перспективы расписывал, а о Ньеворе. Тем более напугать настоящую круглоухую, коей Лаит меня считает, разнообразием партнеров – это что-то из разряда нереального. А вот досадить моему защитнику, наглядно показав, что та, к которой он так привязан, готова променять его на кого угодно, да еще и не на одного, – это запросто.

Изолятор оказался маленьким отсеком, где была лишь узкая кровать, стол рядом с ней, крошечный туалет за шторкой и небольшой иллюминатор. Потому единственным развлечением на время заточения для меня стало изучение окружающего пространства. Сначала того,

что внутри, потом за прозрачным материалом. Я старалась отвлечься, не думать о происходящем сейчас на станции, о том, что делает Ньевор, о судьбе Виолы и итоге вылета боевых крейсеров, о том, когда же начнется это самое расследование! Ведь время тянулось так медленно!

Как долго сижу в камере, я могла судить лишь по еде, которую охранники приносили три раза в день. И если поначалу каждое открытие двери я воспринимала как возможность отсюда выйти, то к шестому разу надеяться перестала. Видимо, быстро догнать дискоид и вернуться у Лаита не получилось, а без его приказа меня не выпускают.

И все равно расслабляться и падать духом я себе не позволяла. Ведь жива же. А будущее... Увы, но от моих душевных терзаний оно не зависит.

Лишь на пятый день, когда я привычно поднялась, чтобы забрать из рук охранника свою порцию, поняла, что пришел он вовсе не для кормежки. Вместо этого отступил, показывая, что я могу выйти.

Сердечко тут же зашло в бешеном ритме, дыхание сбилось. Я судорожно оглянулась, словно могла что-то здесь забыть, оставить, все еще не веря в освобождение. Наконец проскользнула мимо рарка и... И замерла.

Я ведь думала, что сейчас Ньевора увижу, что он меня встретит, но ошиблась. За дверью стояло еще три конвоира, а сковывающие браслеты оказались на моих руках раньше, чем я пришла в себя.

Разговаривать со мной и объяснять происходящее никто нужным не считал. Меня просто вели по коридорам, лестнице, в ангар... Маленький манрак, стартовавший со станции, доставил нас к посадочному челноку, а тот неторопливо и уверенно прошел через атмосферу и опустился на Ракисе.

Я все происходящее воспринимала как-то отстраненно. Словно не со мной оно происходило. Словно я за всем этим наблюдала со стороны. Не спорила, не спрашивала, не сопротивлялась. Бессмысленность моих трепыханий была очевидной, а возможность навредить самой себе столь же явной. Оставалось ждать. Мучиться неизвестностью и забираться следом за суровыми военными в кузов ожидающего нас агрова. Нервничать, стискивая пальцы, и подниматься по широким ступеням крыльца здания, около которого нас высадили. С

опасением смотреть по сторонам, пытаюсь понять, насколько страшным окажется для меня пребывание в этом месте.

А место оказалось удивительным. Подавляющим духом власти, наполненным ощущением важности, пропитанным грандиозным величием... Внушительные помещения, массивная мебель, глубокие спокойные цвета. Здесь царила размеренность и четкость, не было вычурности и броскости, никто никуда не спешил.

Солидные, уверенные в себе рарки в шикарных деловых костюмах неторопливо беседовали, сидя на креслах или стоя около огромных оконных проемов, а те, кто не был занят разговором, с чувством собственного достоинства проходили через широкие проемы, ведущие в богато оформленные кабинеты. Секретари с не меньшей степенью следовали за ними, бережно держа в руках переносные инфоносители, в готовности немедленно раскрыть экран и найти нужную начальству информацию.

Вот только мне от этого спокойнее не становилось. Похоже, что произошедшее на станции вышло за рамки «внутренних» проблем отдельных личностей, и разбираться будут те, кто находится рангом выше. А они обычно принимают решения жестче, особенно если сами причастны или заинтересованы. В последнем сомнений у меня не было. Ну не станет верхушка власти заниматься пустяковым вопросом!

Кабинет, в который меня привели, впечатлял. Глянцевый бежевый пол, похожий на идеально отшлифованный камень, стилизованные под арочные проемы стены с зеркальным покрытием, медного цвета мебель и бархатная пурпурная обивка сидений на креслах, расположенных полукругом. Вернее, тремя полукругами. Внутренний, состоящий всего лишь из четырех кресел. И два внешних, где в сумме их было около тридцати. Догадаться труда не составило – здесь и заседает та самая тетрада, что управляет планетами, заселенными рарками.

Сейчас в помещении было пусто. Наверное, меня привели заранее, потому что, сняв наручники, конвоир, по-прежнему молча, указал мне на стулья в небольшом боковом углублении одной из стен. Здесь их было около десятка, и я выбрала крайний, полагая, что так в меньшей степени привлеку к себе внимание. Охранник замер за моей спиной, наверняка контролируя.

Ждать пришлось долго. Я даже пожалела, что банально не успела перед выходом заскочить в туалет. Теперь же чувствовала дискомфорт, терпимый пока, но... Если ожидание продлится еще, точно не выдержу. Поерзала на стуле в сомнении, может, попроситься у охранника в соответствующее место. Должно же оно здесь быть! Но не успела. Мне на плечо, удерживая, опустилась тяжелая рука, а суровый голос негромко припечатал «Сиди смирно».

И сразу все изменилось. Включилось дополнительное освещение, откуда-то сверху потянуло потоком свежего воздуха, а через запахнутый настежь дверной проем неторопливо прошли два рарка. Немолодые, одетые без вычурности, но несомненно дорого. Один, чуть выше, в темно-фиолетовом костюме, с короткой стрижкой на русых волосах, тронутых на висках сединой. Второй – в белой рубашке навыпуск. Поверх нее красовался короткий серый жилет, в тон брюкам, а по груди струилась перекинутая через плечо рыжая коса по пояс, в которой тоже проблескивали серебристые прядки.

– Мы что, первые? – не слишком довольнo констатировал рыжий, окинув взглядом помещение. Ни на мне, ни на охраннике даже не задержался, словно нас не существовало.

– Говорил же, некуда спешить, – пожал плечами его спутник. – Надо было по парку пройтись. Там такой чистый воздух... – голос его стал мечтательным, а глаза устремились к потолку.

– А ты на своем Вьеропе такой сделай, – хмыкнул рыжеволосый, устраиваясь в одном из кресел первого ряда. – Сколько тебе советовать, строй очистные, а ты? Дорого, дорого...

– А ты мне гуманитарную помощь на это выдели, – незлобно, как-то буднично фыркнул второй, присаживаясь рядом. – Советчик, граш-ш-ш...

Не сразу, но я их признала. Те самые рарки, голографические скульптуры которых я видела в музее! Да, там они были молоды, куда более стройны, полны энергии, задора в глазах... И все же это были они! Иатл Гьергон, Деверьен Шайхот, Вадрис Пульерос. Интересно, кто есть кто? То есть двое из трех...

– Деверьен! – словно на мои мысли отозвался рыжий, приветствуя именно в этот момент появившегося в проеме дагодена Ракиса – темноволосого пожилого мужчину в коричневом костюме трудно было

бы спутать с кем-то другим. – Я не понял, это мы поторопились или ты опоздал?

– На твое усмотрение, – видимо занятый другими мыслями, отмахнулся Шайхот. Грузно опустился в кресло, устало потер ладонями лицо и признался: – Третий день не сплю толком.

– Немудрено, – вроде как посочувствовал дагоден Тьера. Я вспомнила слова Ньевора, что только они рыжеволосые. Жаль, имя он не назвал. – Зато окончательно все прояснишь, и войдем в привычный ритм, а то я из-за ваших разборок всю текущую работу отложил. Вадрис вообще половину своего военного департамента на голову поставил.

Русоволосый, усмехнувшись, кивнул, а я, теперь уже разобравшись и запомнив личности, ловила каждое слово. Какое счастье, что меня за человека, то есть рарка, они не считают! Впрочем, присутствие охранника их тоже не смущало.

– Кого еще ждем? Кроме Крета, разумеется, – поинтересовался Иатл Гьергон, удобнее устраиваясь в кресле и складывая руки на объемном животике, который, хоть и был стянут жилетом, все равно выглядел округлым.

– Дьер сказал, что не придет, а... – начал было Деверьен, но его прервал сильный, уверенный в себе мужской голос:

– Я передумал. Не каждый день удастся побывать на совете тетрады.

Легким быстрым шагом в зал прошел еще один рарк. В черных брюках с широким ремнем и заправленной под него бледно-желтой водолазкой, пропорционально сложенный, даже несколько худощавый для своего высокого роста, с хищным, но не отталкивающим прищуром темных глаз. Черные волосы, гладко зачесанные и собранные в низкий хвост, характерные для уроженца Ракиса, открывали тонкие брови и изящные, совершенно не грубые черты лица...

Дьер? Дьер Шайхот? Тот самый, которому меня обязали передать флакончик с таинственной жидкостью? Ой...

Оказавшись рядом с дагоденами, мужчина замедлился, словно прицеливаясь на последнее остающееся пустым кресло первого ряда. Даже шагнул к нему, но все же не сел, обогнул и занял место во втором

полукруге. Выражение лица у него при этом было совершенно безмятежное.

– Наглеет твой отпрыск, – проследив за маневром, хмыкнул Вадрис Пульерос, мотнув стриженной головой. – Это хорошо. В прошлый раз вел себя скромнее.

– Растет смена, растет, – довольно подтвердил Деверьен. – Потихоньку опыта набирается... Как дела в Рагнаире? – тоже развернулся к сыну.

– До лидирующих позиций еще далеко, но я над этим работаю, – пожал плечами Дьер, а я вспомнила про то самое соревнование между провинциями, о котором вещала диктор новостей.

– Ага, ага... Ну работай, а то ведь так и вызов проиграть недолго.

– Вот если бы еще *некоторые* мне не мешали, – с отчетливым раздражением бросил отпрыск.

– Тогда было бы неинтересно, – захохотал его отец. Впрочем, веселость его исчезла так же быстро, как и появилась. – Кстати, а ты этих *некоторых* привез?

Его глаза впились в лицо Вадриса, и тот молча кивнул, выпятив нижнюю губу и пощипав ее пальцами, словно в раздумьях.

– Ну и отлично.

Может, он бы еще что-нибудь сказал, но как раз в этот момент появился Шерьерон. На какой-то миг я испугалась – что сын, что отец были фактически на одно лицо. Те же прозрачно-изумрудные глаза, те же светлые, собранные в хвост волосы, то же красивое породистое лицо. У них даже одежда – бежевая кожаная куртка и штаны – были практически идентичны. Лишь разглядев морщины и чуть более грузную фигуру, расслабилась. Это не Лаит. Это...

– А вот и Крет, – утомленно потянулся в кресле явно заскучавший Иатл. – Не прошло и оборота...

Взглядом, которым одарил его дагоден Лангоста, можно было бы сжечь пару-тройку крейсеров. Мрачный и определенно злой, парк занял свое место и бросил:

– Нет его нигде. – И, поскольку остальные промолчали, продолжил: – Вся эскадра в целости, кроме его крейсера. Ушел в искривление следом за дискоидом и пропал.

– Откуда искривление появилось? – любопытствовал Иатл.

– Так граш его знает! – зло впечатал кулак в подлокотник кресла Крет. – В этой области никогда ничего подобного не наблюдалось!

– Искусственное? – высказал предположение Вадрис, скользнув ладонью по короткому ежику волос. – Дискоиды вроде каналы для скоростной переброски создают.

– В том и загвоздка, что не канал это. Другие параметры. И точки выхода нет... За каким грашем он вообще туда поперся! Да еще и эскадру бросил! – Крет снова отвесил сыночку не самых приятных эпитетов.

– Ну... судя по моим данным, – внес свою лепту Деверьен, – граш был симпатичный, фигуристый и строптивый. Да еще и шпионом оказался. За таким грех не погоняться. За такой, – наконец правильно поставил род.

Шерьерон-старший невнятно промычал, сдвинув брови. И непонятно, то ли согласился, то ли опроверг.

– Шпио-о-онка... – словно пробуя слово на вкус, протянул Иатл и тут же подобрался, сев прямо. – Скажите-ка мне, а откуда у нас вообще взялась шпионка? Чье разгильдяйство? И почему мы об этом только сейчас узнаем?

Взгляды всех почему-то тут же устремились на Вадриса, который скривился, словно откусил лимон, но молчать не стал.

– Лейс Гольш.

Речь его состояла всего лишь из двух слов, зато последствия оказались куда более значительными – перед глазами правителей предстал пожилой невысокий рарк. Почти седые, но когда-то определенно темно-русые волосы аккуратно подстрижены и зачесаны набок. Белый мундир, округлое лицо, нос картошкой, кустистые брови. По-военному четкая выправка и взгляд уверенного в своей правоте человека. Мне он даже понравился, настолько располагающим был его внешний облик.

Однако стоило ему заговорить, как вся моя симпатия мигом улетучилась, потому что я осознала – это он командовал теми самыми кораблями рарков, что обстреляли наш дискоид! Все слова, которыми он оправдывал свои действия, я воспринимала лишь как образы. Огненные залпы... Грохот... Приказ отца... Мое судорожное дыхание... Попытки устоять на ногах... Мамина рука, подталкивающая меня внутрь капсулы...

Услышала лишь итог, который подвел Вадрис:

– То есть один дискоид ты нейтрализовал, а второй пропустил.

– А что там за история с обломками? – оглянувшись на сына, поинтересовался Деверьен.

– Непредвиденный момент! – вытянувшись в струнку, что казалось невероятно комичным при его маленьких габаритах, отчеканил Лейс. – Дискоид оказался шустрым. Пошел на таран и сбил с траектории один из крейсеров. Пришлось уничтожать.

– Понятно, – спокойно кивнул дагоден Шайхот. – Целая флотилия не могла один дискоид блокировать, а второй засечь. Ты допустил стратегическую ошибку, неверно рассчитав действия противника, и вместо того, чтобы об этом доложить, оставил другим «почетную миссию» расхлебывать последствия. Я что-то упустил?

Последний вопрос был адресован уже не Лейсу, а правителям, которые выразительно – кто кивком, кто разведя руками, кто мимикой – показали: учел все.

– Ну тогда...

Деверьен вопросительно посмотрел на Крета, и тот не мешкая встал, выхватив из-под куртки оружие.

Я зажмурилась и потому услышала лишь сухой щелчок, а затем удар об пол грузного тела. Приоткрыла глаза, со смешанным чувством тошноты и радости наблюдая, как появившиеся словно ниоткуда служащие в синих костюмах утаскивают мертвого Лейса и замыкают каменное покрытие.

– Тьфу ты ж напасть... Брюки испачкал, – сплюнул с досады палач, пряча оружие. – Если это все, то я пойду...

– Не все, не все, – остановил его Шайхот. – Сядь. Еще одно дело есть.

– Что еще-то? – проворчал Шерьерон. Но в кресло все же опустился.

– Ньевор Хот, – позвал Деверьен.

Я встрепенулась, не сдержавшись, и тут же получила увесистый шлепок тяжелой ладони по плечу. Пришлось снова затихнуть, наблюдая, как из противоположной части комнаты, из точно такой же ниши, как та, в которой сидела я, выходит на всеобщее обозрение мой защитник. Видимо, он все это время тоже здесь был и тоже все видел!

– М-м-м... – невнятно промычал Крет. – Что за тип? Почему я лично должен разбираться невесть с кем?

Замечание неприятное, провоцирующее, однако Ньевор отреагировал спокойно, отчеканив в ответ:

– Научный сотрудник корпорации «Звездные камни».

– Даг Херс Хьедор, руководитель отдела временных деформаций, настоятельно рекомендовал его выслушать, – добавил Шайхот.

Последнее всех заинтересовало. Теперь пять пар глаз, то есть шесть с учетом моих, изучали стоящего в центре свободного пространства молодого рарка. Не знаю, как дагоденам и дагону, а мне его облик казался очень даже приличным. Форменные коричневые брюки, белый укороченный китель, чистая обувь, волосы уложены аккуратно, разве что челку с лица Ньевор так и не убрал. Похоже, привычка у него такая.

– Продолжать работу над установкой по перемещению в прошлое бессмысленно. Перемещение данного типа невозможно осуществить теми средствами, которыми мы располагаем. Если все же провести доработку и модифицировать установку, то ее применение может привести к катастрофическим последствиям. Расчеты и заключение на этот счет я предоставил дагу Хьедору и получил разрешение передать его заказчикам. То есть вам.

– Умник, значит, предлагает закрыть проект, – тоном, в котором даже я услышала неприятие, отвесил сомнительный комплимент Крет. – И ему плевать, сколько нами вложено средств. Я против! Надо использовать любую, даже самую маленькую возможность вернуть Лидвот и Ракис на прежнее место.

– Я согласен, – кивнул Вадрис. – Нет же альтернативы. Сколько еще Ракис продержится под таким излучением? Вряд ли больше ста оборотов. Да и мы не можем постоянно работать на его жизнеобеспечение.

Иатл промолчал, но видно было, что и он придерживается того же мнения. А вот что об этом думал Шайхот-старший, я разобрать не смогла – он рукой закрыл нижнюю часть лица и веки опустил, словно задумался. Младший вообще оказался вне зоны видимости – увы, сидел он ко мне спиной.

Зато снова заговорил Ньевор.

– Риск неоправданно высок. Планета может погибнуть. Ваше решение перенести наши планеты в будущее оказалось неудачным. Стоит сделать выводы из этой ошибки и не допустить новой.

– Каков, а?! – возмутился Крет. – Бросаешь вызов правящей тетраде? Оппозицию из себя изображаешь? Не много ли на себя берешь, малец?

Он даже за оружием потянулся, а я до боли прикусила губу и сжала кулаки, впиваясь ногтями в кожу, чтобы не закричать. Вот только Ньевора выпад в его сторону ничуть не напугал. И он отчетливо, громко, совершенно ровным голосом заявил:

– Я готов нести личную ответственность за иной проект, являющийся модификацией первого. Не резкий поворот во времени, а торможение. Его реализация в случае успеха даст тот же эффект, что и перемещение в прошлое. Не столь быстрый, зато гарантированный и не имеющий катастрофичных побочных эффектов.

Наступившая тишина лучше всяких слов говорила о том, насколько сильно удивлены правители. Да и рука Шерьерона замерла, наполовину вытащив оружие.

– Другое решение? – наконец задумчиво протянул Иатл. – Хм... не знаю даже. Столько оборотов, столько средств выкинуть в никуда и все начать заново? С другой стороны, риск... Не знаю... Я, пожалуй, воздержусь.

– Я бы к юноше прислушался и поостерегся, – хрипло, как-то устало высказался дагоден Ракиса. – Проверил его расчеты, разумеется, и, если сказанное подтвердится, все же выбрал менее рискованный вариант.

– Мне категорически не нравятся новые траты, – поморщился Вадрис. – Разработка-то с нуля, а старая почти готова. И риск, мне кажется, вполне оправдан. Я за продолжение этого проекта.

– Малец решил нас на испуг взять, – фыркнул Шерьерон. – Никаких новых проектов! Пусть этот доводят до ума. Нечего вольнодумства поощрять.

– Я за новую разработку, – неожиданно подал голос Дьер Шайхот.

К его вмешательству отнеслись спокойно, видимо, он имел право голоса. Впрочем, это ведь мало что меняло, потому что в итоге...

– Два против, два за, один воздержавшийся. То есть принятое ранее решение не меняется, а это значит...

Не договорил. Ньевор его перебил, заявив:

– Вы плохо считаете, дагоден. Два против, три за. Вы забыли учесть мое мнение.

– Твое? – Крет аж побагровел и задохнулся, снова хватаясь за оружие. Видимо, в своей жизни подобную наглость он если и встречал, то крайне редко. – Да по какому праву?...

– Лично я этого права, может, и не имею. Но Лаит Шерьерон им бы обладал, если бы находился здесь, верно? Значит, вам придется засчитать его голос, потому что он принял мой вызов, условием которого была уступка права доминирования моему дагодену. А дагоден Шайхот предпочел новую разработку, – ничуть не стусевался Ньевор.

– Принял или проиграл? – рассерженно зашипел Крет.

– Принял. Мы не успели проверить предъявленные обвинения, которые лежали в основе вызова, Лаит улетел.

– Ну, тогда и говорить не о чем, – поставил точку Шерьерон, снова пытаясь подняться. – Передача права не вступила в силу. А Лаита здесь нет, чтобы провести разбирательство.

– В его присутствии нет необходимости, – упрямо не сдался Ньевор. – Вам со станции переслано все, что необходимо для проведения экспертизы по этому вызову.

– Ты переходишь все границы!.. – снова взвился его оппонент, но на этот раз его оборвала поднявшаяся вверх рука Деверьена Шайхота, а он сам засмеялся:

– Нет, нет, это даже интересно! И не забывай, Крет, ты на моей территории, значит, я решаю, рассматривать ли подобные обращения... Ну, давай разбираться, кто кому и что должен.

Стоило ему принять решение, как тут же, словно только этого и ждали, засуетились неведь откуда появившиеся секретари. Они услужливо обеспечили своих начальников планшетами с информацией и, пока те ее изучали, растянули небольшой экран-пленку. Видимо, запись будет не голографическая.

И действительно, когда головы дагоденов, склонившиеся над планшетами, поднялись, пленка замерцала радужными переливами, а на ней появилось изображение. Не цветное, черно-белое, но даже этого было достаточно, чтобы разобрать происходящее.

Словесная дуэль Лаита и Ньевора... Мой испуганный взгляд, брошенный на Виолу, когда я выдержнула накопитель. Ее глаза, сверкнувшие триумфом... Наш спор на лестнице...

Почувствовав, как от страха вспотели ладони, я приопустила веки, и вдруг осознала – звук исчез. До этого было все прекрасно слышно, но теперь...

Поспешно вернулась взглядом к картинке, где остроухая девица с несомненным напором давила на упирающуюся круглоухую, в чем-то убеждая. В итоге получила накопитель, попыталась было сказать что-то определенно успокаивающее, но это мало что изменило. В итоге убежала, унося с собой трофей, а глупая круглоухая... Круглоухая, то есть я, села на ступеньку лестницы и заревела.

– Где звук?! – вдруг спохватился Крет.

– Только видео осталось, – пояснил Ньевор. – Видимо, у шпионки при себе было устройство глушения, и она его активировала, когда опасалась разоблачения.

– А что звук изменит? – неожиданно встал на его сторону Иатл. – И без слов понятно, кто здесь и кого использовал. Хитрая девчонка оказалась, чужими руками действовала, себя обезопасила на случай провала.

– А как мастерски Лаиту пыль в глаза пускала, раз он только после ее побега спохватился, – продолжил его мысль Вадрис, восхищаясь Виолой. Однако между строк явственно читалось: «Ну и лопух же этот Лаит, раз его девка обвела вокруг пальца!»

Само собой, Крет не выдержал:

– Шпионка накопитель стащила, вот что главное! Не то вы начали обсуждать!

– Не кипятись, – осадил его Деверьен. – Ну проиграл Лаит, что с того? А накопитель все равно резервный, пропажа не критичная.

– Пусть не критичная. Но кто-то же должен нести за это ответственность?

Смотрел он при этом на Ньевора, который молча, однако с явным интересом следил за перепалкой.

– Кто воровку на станцию привез, тот и ответственный, – не сдержался и фыркнул Вадрис.

– Охрана на станции куда смотрела? Я удивлен, что девица полстанции не стащила. С минимальной-то защитой, – сделал вид, что

не услышал Шерьерон.

– Если бы защита была минимальной, то твой сыночек не увел бы от станции шесть крейсеров, которые эту самую защиту обеспечивали! – рыкнул Шайхот. – Без разрешения увел, между прочим! Наверняка поэтому и ломанулся за дискоидом в искажение. Знал, чем грозит возвращение с пустыми руками.

– Прилетит ни с чем, лично придушу, – хоть в этом, но согласился правитель Лангоста. – То есть свернешь старый и одобришь новый проект? – неожиданно вернулся к тому, с чего началось обсуждение, видимо признав за Шайхотом-старшим право на окончательное решение.

– Если заключение экспертного совета будет положительным, то да, – неспешно подтвердил тот. Прищурился, изучающе присматриваясь к стоящему перед ним рарку. – Ньевор Хот, значит... Хм... Ньевор... – дважды имя повторил, словно примеряя к чему-то или вспоминая. В итоге мотнул головой, будто отгоняя какую-то мысль. – Передашь свои расчеты комиссии. По факту ответа продолжим разговор. Иди.

Вот только Ньевор даже не шелохнулся, сообщив:

– В пересланном со станции пакете среди доказательств был запрос.

– Да? – удивился было Деверьен, но его секретарь моментально нашел нужный документ и подал планшет начальству. – А, да... Вернуть под надзор Ньевора Хота фигурантку по делу, круглоухую, именуемую Дея Рьяр, – прочел, удивленно поднял брови и развернулся, отыскивая меня глазами. – Это она, что ли?

Обернулся, между прочим, не только он. Теперь взгляды всех мужчин сосредоточились на моей персоне, и от этого стало не по себе. Я торопливо потупилась, принимая вид крайне смущенный, и услышала:

– Ну и зачем тебе эта обуза? Впрочем... Подойди-ка сюда, девочка.

Я бы сама встала, да только охранник ждать не стал. Подхватив под руку, буквально вздернул вверх и в центр вывел, поставив рядом с моим защитником.

Решив, что для глупой селянки будет самым правильным и дальше проявлять стеснительность, я поспешно спряталась за спину

Ньевора.

– Боится, – насмешливо, но незлобно прокомментировал Иатл.

– Так понимает же, что провинилась, – ответил ему Вадрис. – Хоть и дура, а инстинкт самосохранения работает.

– Хорошенькая, безотказная, вот и вся причина, – презрительно поморщился Крет, отвечая на вопрос, который, в общем-то, задан был вовсе не ему. – И на таких находятся... любители.

– Я могу ее забрать? – отчетливо скрипнув зубами, сухо поинтересовался Ньевор.

– Забирай. – Шайхот-старший безразлично махнул рукой.

Теперь уже пальцы Ньевора крепко вцепились в мое предплечье, вынуждая следовать за рарком. Оказавшись в коридоре, он повел меня дальше. Однако не успели мы сделать и десяти шагов, как нас остановил суровый мужской голос:

– Не торопись, Ньевор Хот.

Голос принадлежал не абы кому, а самому Шайхоту-младшему, который неторопливо шел за нами. Причем не один. Рядом с левой ногой рарка столь же степенно вышагивало то самое существо, что было изображено в музее около фигуры легендарного Хитла Шерьерона. Этаким длинношерстный рыжий гибрид собаки, медведя и муравьеда. По крайней мере, мордочка точно была от последнего, а ушки...

Я бы подобрала правильную аналогию, но, как на грех, остановившись, поняла – та самая насущная потребность, что беспокоила меня до начала заседания местных властителей, превратилась в настоящую проблему, оттеснившую все иное на второй план. В стрессе, стоя перед дагоденами, я этого не замечала, зато теперь мне казалось, низ живота лопнет, если немедленно не попаду в укромное местечко.

– Дея? Ты чего? – заметив мои мучения, удивился Ньевор.

– Мне... – я прикусила губу, сжимая ноги. – Мне надо...

– Ну?

Рарк наклонился, и я все же выдохнула ему в ухо: «В туалет!»

– Прямо по коридору и направо. Синяя дверь. Найдешь?

Последнее говорил уже моей спине – я стремглав неслась к заветной цели, забыв про любопытство и не думая о том, зачем мы понадобились дагону.

Глава 9

Время открытий

Пока Ньевор Хот смотрел вслед убегающей Дее, Дьер Шайхот подошел совсем близко. Остановился, устремив взгляд туда, где в следующее мгновение исчезла за поворотом изящная женская фигурка в синем сарафане и белой блузке. То есть когда-то белой, сейчас ее цвет больше напоминал кремовый – это дагон еще во время заседания углядел.

– Красивая селяночка?

В его голосе не было утверждения. Был вопрос, словно парк сомневался в том, что видит.

– Что? – не понял его сомнений Ньевор. А когда развернулся и встретился с ним глазами...

– Я говорю: красивая селяночка настолько впечатлила? Так... братик? – Хоть собеседник на разоблачение и не отреагировал, Дьер все равно негромко засмеялся: – Ну хватит уже, Ньер. Отец, может, и не догадался, но я быстро понял, что это ты. Слишком хорошо тебя знаю. И про вызов тоже знаю, хоть ты и не стал мне ничего рассказывать, просто исчез.

– Отец тебе сообщил? – не слишком приветливо принял неизбежное Ньер.

– Не сразу. Разве ты забыл? Он никогда ничего не делает просто так. Считал нужным – молчал, посчитал выгодным – просветил... Не думал, что ты на такое решишься: оставить все, имя другое взять, лишиться абсолютно всего...

– Кроме ума, – врезалась в его речь существенная поправка.

– Зато без возможности его уровень доказать, – внес коррективы Дьер. – Кстати, а что за история с пропавшим архивом университета? Отец руку приложил, чтобы тебе сложнее было?

– Нет, я сам все уничтожил, чтобы не было соблазна этим воспользоваться. Я выиграю этот вызов, даже не сомневайся!

– Да, в общем-то, и не думал... А ты молодец, до таких высот поднялся фактически с самых низов. Наверное, там эту самочку нашел? Или она сама к тебе прицепилась?

– Дея не... – начал было Ньер и оборвал сам себя. Незачем другим знать о том, что она совсем не обычная «самочка», то есть не такая, как все круглоухие. Даже брату. – Не прицепилась. Просто так вышло.

– Расскажешь? – сверкнули заинтересованностью глаза собеседника.

– Я подумаю, – криво усмехнулся Ньер, снова пряча глаза под челкой.

– Подумает он, – добродушно проворчал Дьер. – Тебе теперь о другом думать надо, раз такой проект на себя взвалил.

– Мое назначение еще не утверждено.

– Утвердят, куда денутся? Отец, если бы хоть малейшие сомнения имел, шансов бы не дал. Кстати, может, даже хорошо, что он тебя не признал. Иначе мог бы и на принцип пойти, несмотря на последствия. Ведь принятое сегодня решение приближает тебя к выигрышу, а его к проигрышу.

– Ты ему скажешь? – напрягся Ньер.

– Не вижу смысла, – отрицательно качнул головой Дьер. – И вообще, мне ваша дуэль неинтересна, у меня своих забот хватает. Быть наместником отсталой во всех смыслах провинции не так уж просто.

– Ты сам этот путь выбрал. Вернее, покорно принял. А ведь, я помню, у тебя были совсем другие мечты!

– Ньер, ну что ты на меня зубы скалишь как шош на амиота? Принял, да. Признал власть отца. Потому что не хочу конфликтовать, не хочу выпускать когти и доказывать право на свои убеждения. Все равно срок назначения не вечный. Вот вытащу провинцию на первое место в рейтинге, и буду свободен.

– Твое решение.

– Мое, – согласился Дьер. – А ты, раз уж проявился из подполья, не пропадай. Обещаю тебя не выдавать и вести себя так, словно мы едва знакомы.

– Если едва знакомы, тогда под каким предлогом я к тебе заявлюсь? Не ты же ко мне собираешься в гости приходить. Не тот статус.

– Придумаю что-нибудь...

Ворчание шоша, бдительно следящего за тем, чтобы никто беседу не подслушал, отвлекло братьев от разговора. Причина, то есть Дея, торопливо шла по коридору, спеша вернуться к Ньевору, и потому

Дьер замолчал. С нескрываемым интересом следил за братом, который, взяв за руку, повел девушку к выходу. Не удержался от улыбки, когда она обернулась, бросив на него взгляд полный недовольства. А в голове его неспешно сменяли друг друга мысли.

Ох уж эти круглоухие... Наверняка девочка жалеет, что приходится так быстро уходить, не успев познакомиться с потенциальным любовником. Одного ей точно мало... А она на самом деле хорошенькая, тут заинтересованность в ней Ньера понять можно... Дея... Дея Рьяр. Фамилия знакомая, еще на заседании слух резанула. Рьяр... Гуз Рьяр, не родственник ли ей? Кажется, сын его был женат на круглоухой. То есть чисто теоретически... внучка? Говорил Гуз о ней или нет? Хм... Не помню. Кстати, давненько от него не было сообщений. Надо бы проверить...

– Идем, Хас, – решив вернуться в зал заседаний совета тетрады, дагон позвал за собой замершего в неподвижности шоша.

В глазах животного, следящего за удаляющейся парой с тем же пристальным вниманием, что и его хозяин, отражалось недоумение, но Шайхот, занятый своими мыслями, этого не заметил...

– Как от нее воняет...

Негромкий, но отчетливый комментарий прилетел в спину, едва я и Ньевор повернулись к дагону спиной. Неприятный, возмутительный, наглый! Я думала, Дьер Шайхот воспитанный парк, а он себе такое позволяет! Может, он и прав, конечно, но... Еще бы от меня не воняло, столько дней без нормальной гигиены!

Все же не удержалась, оглянулась, и негодование мое в разы выросло. Этот тип еще и улыбается! Нахамил, а вид делает, что ничего не говорил. Странно только, что Ньевор на это никак не отреагировал.

Неужели ему безразлично? Или просто своими мыслями занят, вот ничего вокруг и не замечает?

Посмотрела на идущего рядом мужчину, убедилась, что на лице его нет ни раздражения, ни злости, и рискнула.

– Что он от тебя хотел? – начала все же издалека.

– Познакомиться, – спокойно ответил Ньевор. Правда, на этом его разговорчивость иссякла. Он замолчал.

Небольшая лестница, по которой мы поднялись, вывела на террасу. Открытое пространство вроде широкого балкона вокруг

здания было ограничено невысоким парапетом. К краю мы не подходили, но все равно было видно, что за ним, внизу, есть еще какие-то сооружения.

Рарк шел уверенно, видимо, за это время успел здесь сориентироваться. Вот только путь был совсем не тот, которым меня сюда привели, и потому, выждав немного, я решила зайти с другой стороны.

— А куда мы идем?

— В гостевые апартаменты. Мне предоставили жилье на время.

И снова молчание.

Гладкое каменное покрытие сменилось мягким, ковровым. Мы вновь вошли в здание.

Коридоры здесь были уже, потолки ниже, но ощущение лоска и шика все равно оставалось. Насыщенные цвета, изысканный декор, приятное освещение...

Я наконец расслабилась. Окончательно осознала, что ничего страшного мне больше не грозит. Нежданно почувствовала прилив благодарности к тому, ради кого, собственно, и осталась здесь.

Хотела дождаться, когда мы окажемся в выделенных нам комнатах, и не смогла. Не сдержалась.

— Спасибо, что меня вытащил, — со всей искренностью выдохнула.

Рарк аж запнулся. Удержал равновесие, уставился на меня сначала ошалело, а затем...

— Ты снова меня оскорбляешь? — рыкнул яростно.

— Чем? — пискнула я в испуге, отшатываясь. — Я всего лишь поблагодарила...

— Ты во мне сомневалась! Допускала, что я тебя брошу! — припечатал Ньевор. Не только меня словами, но и ладонью стену, рядом с моей головой.

Потеряв дар речи от логического выверта, я лишь беззвучно открывала и закрывала рот. Пять дней в изоляции, и я напрочь забыла о том, что эти типы в любой фразе могут увидеть обвинение. Даже в самой безобидной.

С другой стороны... Может, не так уж он и не прав? Ведь, если бы я на самом деле искренне верила, что он не оставит меня в случае неудачи, я бы иначе сказала...

— Ты говорил, что это ненадолго.

Кадык на тонкой шее нависающего надо мной мужчины дернулся. Перекатился вверх, вниз...

– Если бы Лаит не улетел, ты на следующий день была бы свободна, – голос зазвучал хрипло, но уже не так раздраженно.

На этот раз я предпочла промолчать. Пик напряжения позади, правильное будет выждать. Наверняка меня еще ждет «разбор полетов» за украденную флешку.

Тактика оказалась верной – путь мы продолжили. Правда, идти осталось всего ничего – каких-то десять шагов, и Ньевор толкнул в сторону дверь слева. Полотно цвета малахита беззвучно отъехало в сторону, открывая нам доступ внутрь.

Идеально круглый холл, два проема, ведущие в спальни, еще два – в кухню-столовую и в помещение для гигиены. Не грандиозно, минималистично, но красиво и удобно. Диван, стол, кресла, кровати, полки с инфопластинами, шкафы... пустые...

– Что ищешь? – заинтересовался рарк моими перемещениями.

– Одежду.

Понял он меня мгновенно.

– Иди, мойся, я принесу.

Ну надо же, даже не удивился... А ведь я снова я не подумала, сказала первое, что пришло в голову. Впрочем, если, по мнению Ньевора, я в нем не должна сомневаться, значит, логично, что одежду ищу – не мог же он ее оставить на станции, если был уверен, что меня ему отдадут. Хорошо хоть на этот раз я ошибки не сделала.

Я нежилась в мягких прикосновениях поднимающихся со дна бурунчиков, намыливалась, массируя кожу, уходила с головой в теплую воду, бездумно гоняла по поверхности пузыри... Рарк меня лишь один раз побеспокоил, даже не он сам, а всего лишь его рука, отодвинув шторку, положила у самого входа пакет и исчезла.

Деликатность я оценила. И все же покидать ванную не спешила – очень хотелось избавиться от неприятных воспоминаний о заточении. Но еще больше – забыть о брезгливости не сумевшего сдержаться Шайхота. Наверняка ведь думает, что я не привыкла следить за собой: запах, волосы неухоженные, жирные, одежда не первой свежести... Эх, видел бы он меня сейчас! Наверняка бы изменил свое мнение.

Я вздохнула. Опустила полотенце, которым вытиралась, и присмотрелась к стройной девушке, отражающейся в зеркале. Волосы

совсем темные, потому что мокрые, плотно облепили голову и плечи. Карие глаза, наполненные влагой, смотрят с волнением и обидой. Губы подрагивают, норовя превратить спокойный мягкий изгиб в грустный, плаксивый. Кончик носа покраснел...

Встряхнулась. Полотенцем просушила и взъерошила волосы. Заставила себя улыбнуться.

Чего кисну, спрашивается? Чистая. Красивая. Фигуристая. Умная... Иногда.

Разве можно назвать умным поступком мой отказ лететь с Виолой? Ведь я именно об этом грезил столько времени! А что в итоге? Одним спонтанным решением сожгла дотла возможность спокойно и счастливо жить на Земле.

Да, я Ньевора хотела спасти. У меня от одной мысли, что его ждет смерть, все в душе переворачивалось, и даже сейчас, когда все позади, становится страшно. Страшно его потерять. Он мне... Да что лукавить! Он мне безразличен. Близок и нужен куда больше, чем Ви, с которой я провела все детство.

Но значит ли это, что мои чувства взаимны? То, как рарк со мной себя ведет... В моих словах ищет подвох... Его резкость, несдержанность... Может, желание за мной ухаживать – всего лишь азарт? Он ведь так добивался от меня этого вызова. Ньевор настоящий боец, вон как отстаивал свое мнение перед дагоденами. Ясно же, что гордость не может позволить ему проиграть какой-то девчонке. Тем более круглоухой.

От таких мыслей охватившее меня волнение быстро переросло в нетерпение. Проверить! Узнать! Убедиться! Хоть намек на ответ увидеть в глазах, спрятанных за совершенно дурацкой и ненужной челкой! Ньевор без нее выглядел бы намного лучше. Вот типичный мужик, совершенно не умеет себя правильно подать. Или не хочет. Или не считает нужным...

Перебирая варианты, я торопливо одевалась. Черные брючки, похожие на леггинсы, удлиненная футболка-туника с интересным цветным принтом... Я даже не задумалась о том, откуда рарк так быстро достал новые вещи – среди моих старых таких точно не было. Как и о необычности одеяния не подумала, хотя раньше мне только юбки доставались. Убедилась лишь в том, что все из пакета вытащила,

и, дополнив гардероб пушистыми мягкими тапочками, выскочила в холл.

– Так быстро? – Ньевор, сидящий на диване, поднял на меня рассеянный взгляд. Положил на мягкое покрытие планшет, что держал в руках, устало растер лицо и поднялся. – Тогда пошли ужинать.

Озадаченная – я-то думала, что он, наоборот, пожурит, что я долго возилась, – и потому растерявшая половину своего боевого запала, я послушно пошла за ним. Хоть волнение и притупляло голод, есть действительно хотелось. Особенно четко я это осознала, увидев накрытый для нас стол.

Отсутствием аппетита не страдала только я, мой компаньон едва ковырнул вилкой вкуснейший пудинг, поднес его ко рту, да так и замер, глядя в одну точку.

Зрительно проведя в воздухе прямую, соответствующую направлению его взгляда, убедилась, что на пустой стене интересного точно ничего нет. Для приличия немного подождала, вдруг он сам в себя придет. Не дождалась и потому набралась наглости и скомандовала:

– Ешь!

– А? – Ньевор вздрогнул. Уставился на меня непонимающе. Видимо, услышал только звук и не уловил смысла.

– Ты бы поел, – со вздохом повторила я. Хотела добавить: «И так совсем тощий. Кто ж тебя такого полюбит?» Передумала. Опять ведь на вызов нарвусь.

– Ага, – рассеянно кивнул рарк. Наконец положил в рот хоть что-то, прожевал и снова завис. Кажется, даже проглотить забыл.

Ну вот и как можно что-то выяснить, когда он в таком состоянии? Непривычно молчалив, своими мыслями занят, на меня едва реагирует... Что же его так мучает? Не на пустом же месте такое аномальное поведение!

– Ничего у меня не хочешь спросить? – решила на этот раз не сдаваться и разговор продолжить.

– А ты мне хочешь что-то рассказать? – наконец Ньевор проявил хоть какую-то заинтересованность.

– Хочу. – Отступать было некуда, и потому пришлось самой класть голову на плаху справедливого гнева. – Я виновата. Мне надо было сказать тебе, что Вейла хочет забрать накопитель. А я испугалась.

Гильотина не опустилась. Она зависла в воздухе, удерживаемая равнодушно-нейтральным:

– Всё?

Я занервничала. Может, он намекает на мой разговор с Ви на лестнице? То есть прослушал запись, все понял, а потом избавился от компромата и стер звук, чтобы меня не расстреляли? Стоп! Не мог он ничего понять! Мы же на русском говорили, даже не на вайли, который универсальный для общения разных рас в космосе, то есть теоретически рарки тоже могут быть с ним знакомы.

Так может, именно это его напрягает? Непонятная речь из уст местной круглоухой?

– И убегать я не хотела. Если бы ты слышал... – Мысленно пощупала пальцем острое, надеясь, что если уж рубанет, то сразу насмерть. Без мучений.

– Как я мог услышать, Дея? – поморщился Ньевор. – Ты разве на сбой в записи не обратила внимания? А видео я несколько раз посмотрел, так что ничего нового ты мне не сообщила.

То есть он ничего не стирал... Ладно, возможно, на самом деле у Виолы глушилка была. Не зря же сестра вела себя так уверенно.

– Жаль, что ничего нового. Я надеялась тебе помочь, – поняв, что кара откладывается, я нагло пошла на приступ. То есть решила поразить Ньевора своей логикой. Женской.

Вот только он ее воспринял вовсе не как шокирующую, а вполне себе рациональную.

– Ты мне и так помогла, Дея, – неожиданно тепло улыбнулся. – Если бы не вся эта история с накопителем, неизвестно, когда у меня бы появилась возможность донести до совета тетрады свои соображения. Мало того, обеспечить перевес голосов. Да еще и заявить права на новую должность. Жаль только, что... – он замолчал, словно что-то вспомнил. Улыбка погасла, лицо вновь стало серьезным.

– Что не так? – я снова занервничала. А ведь секунду назад казалось, что все налаживается!

Натужно пройдя ладонями по лицу, рарк зарылся пальцами в волосы, с не меньшей силой массируя кожу под ними. Страдальчески сморщился, обнажив стиснутые зубы, и с шумом втянул сквозь них воздух.

Наконец перестав терзать свою голову, сжал руки в кулаки и опустил на стол перед собой. Из-под взъерошенной челки, похожей на разоренное гнездо, в меня впился колючий взгляд.

– Я тебя понять не могу, Дея, – резко выдохнул Ньевор. – Пытаюсь – и не могу. Мы с тобой уже так долго вместе, что мне кажется, я знаю тебя всю жизнь. Я изучил каждый твой жест, интонации, реакции. Мне известно твое происхождение и твое прошлое, что сделало тебя не похожей на остальных. Я знаю, что именно в тебе не так. Казалось бы, нет ничего сложного в том, чтобы правильно прогнозировать и объяснять твои поступки. Я именно это и делаю, строю планы, разрабатываю стратегию... А в итоге ты все равно ставишь меня в тупик.

Это он о чем? Я же так старалась держать свою репутацию круглоухой на уровне! Или где-то прокололась?

Почти растаявший образ остро заточенного металла над моей головой вновь обрел вещественную осязаемость.

– Например? – выдавила я, чтобы хоть что-то сказать.

– Тебе нужен пример? Хорошо.

Резко оттолкнувшись, рарк поднялся из-за стола. Вышел в холл, оставив меня гадать о причинах. Правда, отсутствовал совсем недолго. И минуты не прошло, как вернулся и положил передо мной тот самый планшет, что оставил на диване.

– Смотри.

Со страхом и одновременно любопытством я взглянула на экран, а там... Там военный в форме охранника космической станции что-то говорил замершей перед ним девушке в синем сарафане. Скользнул ладонью по волосам, провел пальцем по щеке...

– Ты ведь не испытываешь непреодолимой тяги к сексу, Дея. Тебе не безразлично, с кем именно получать физическое удовлетворение. Это факт, потому что ни одна круглоухая не выдержит такого длительного воздержания, а я точно знаю, у тебя все это время любовников не было. Ты не отреагировала ни на одно предложение развлечься, которое тебе делали. Ты приняла мой вызов, доказав, что хочешь нормальных отношений. Мне казалось, этого достаточно, чтобы ты вела себя осмотрительно и не допускала подобного, – с нотками непонимания, сплетенными с болью и отчаянием, доносился до меня голос Ньевора. – Теперь же вижу совсем иное.

Тем временем мужчина на экране напор усилил. Его тело прижало к стене женское. Руки жадно заскользили по бедрам. Ласкал он уверенно, не встречая сопротивления...

Я отвела взгляд, хрипло выдохнув: «Убери». Судорожно сглотнула, смачивая пересохшее горло и дожидаясь, когда Ньевор выключит воспроизведение. Надеюсь, он сядет, и мы поговорим, но рарк отошел к окну и отвернулся. Объясняться пришлось с его спиной.

— Он застал меня врасплох. Отталкивать его я побоялась, это ведь могло вызвать подозрения. Мы с тобой об этом говорили, и ты сам мне советовал не привлекать внимания к своей необычности. И он ушел в итоге, ничего не было. Ты наверняка это видел!

— Видел. — Ньевор резко развернулся. — Он ушел, потому что его вызвали. А если бы этого не произошло? Ты бы так и стояла послушной куклой? Позволила ему пойти до конца? Только из-за страха разоблачения? Ради того, чтобы казаться нормальной круглоухой?

— Теперь ты меня оскорбляешь! — неожиданно для самой себя возмутилась я. — Не доверяешь, проверяешь, подозреваешь... Хочешь знать, как бы я поступила? — Я вскочила и даже к окну шагнула, чтобы удобнее было ткнуть пальцем в грудь мужчины. — Действовала по обстановке, защищая себя, раз больше некому. Ты это хотел услышать? Услышал. Все, я иду спать.

Кипящая праведным гневом, развернулась и... И тут же впечаталась в упругое тело — Ньевор одним рывком за руку вернул меня на прежнее место. Вернее, притиснул к себе, поймав в столь же тесный капкан, что и охранник.

— И как именно ты бы защищалась, позволь уточнить? — яростно прошипел.

Я долго думать не стала. То есть я совсем не думала. Рефлексы сработали быстрее, чем разум, а потому моя ладонь с размаха и весьма звучно прошлась по щеке рарка.

— Этого достаточно? — Я даже отскочить смогла, когда объятия ослабли, а рука мужчины невольно взлетела к лицу.

— Вполне... — несомненно, потрясенно выдохнул Ньевор и окликнул, когда я, осознав, что именно сделала, рванула к в холл: — Дея, подожди!.. Ты выиграла.

Заявление было сногсшибательным. В том смысле, что мозг впал в ступор, мышцы моментально ослабли, и я, успевшая добежать до дивана, буквально на него и рухнула. Ньевор же, присев на корточки, заглянул в глаза.

– Я больше никогда не усомнюсь в тебе, – произнес торжественно, а затем куда более мягко: – Ты, оказывается, совершенно бесподобна, когда сердишься.

Восхищение в его взгляде и в интонации оказалось столь же обезоруживающим, сколь и смысл клятвы. А уж комплимент... Комплимент пролился бальзамом на сердце, заставив его биться чаще, а кровь броситься к щекам.

Приятно... Как же приятно! Даже злость ушла, оставив после себя лишь возбуждение и боевой настрой. А еще желание большего. Новых признаний, обещаний... прикосновений. Воспоминание о руках, крепко меня обнявших, кружило голову ничуть не меньше остального.

Правда, Ньевор спешить не стал. Может, не заметил моей реакции, а может, посчитал ее несвоевременной. Или вообще ненужной, потому что больше ничего не сказал и не сделал. Если не считать, конечно, совершенно нейтрального «вот теперь точно можно идти спать» и галантного сопровождения до проема в спальню.

Не знаю, как он, а я уснуть не могла. Казалось бы, такой насыщенный событиями день, от усталости сон должен был прийти мгновенно. Ан нет. Перед закрытыми глазами мелькала череда картинок, сложная вязь фраз, по телу волнами прокатывалась дрожь – калейдоскоп пережитого не давал расслабиться, а мысли о будущем вносили свою долю в сумбур, творящийся в голове.

Мое будущее... Ведь оно теперь навечно связано с Ракисом – на Землю я не вернусь. Не могу, да и... не хочу. Свой выбор я сделала. Так хочется надеяться, что не разочаруюсь. Что не останусь одна. Что никогда не испытаю отчаяния от осознания невозможности вернуть то, от чего отказалась. Что найду здесь свою судьбу и свое счастье.

В итоге выбралась я тихонько из кровати, в которой смяла все, что только могла, и на цыпочках пошла на кухню. Так уж спроектирован оказался номер, что окно в нем только одно. А мне сейчас, как никогда, хотелось увидеть окружающий мир. Осознать его реальность, посмотреть на него по-новому, почувствовать себя его частью, а не

пришлой инородной частичкой. Возможно, сказалось вынужденное заключение в камере на орбите, где мой мир сузился до бесконечно малого объема, возможно, просто надеялась новыми впечатлениями хоть чуть-чуть загасить обжигающий огонь нетерпения.

Темнота, завладевшая планетой, меня не разочаровала. Она плотным покровом спеленала город, погасила огни на земле и зажгла звезды над головой – предвестие скорого восхода Лидвот. Светящаяся атмосферная дымка – уникальное явление, объяснения которому я так и не нашла, а спросить у Ньевора не решилась, – медленно, словно живая, уползала подальше от границы «дня» и «ночи», прячась от губительного для нее нейтронного излучения, теперь уже неизбежно сопровождающего местному солнышку.

Так жаль планету, которая, даже обреченная на гибель, пытается выжить... Она же не виновата, что ей достались такие неосмотрительные обитатели. Одно опрометчиво принятое решение и такие жуткие последствия! Хочется верить, что Ньевору удастся все исправить.

– Пусть у него получится... – тихо прошептала и, оттолкнувшись от подоконника, на который опиралась, отправилась к себе.

Переступила через порог ведущего в холл проема и обмерла, боясь даже дышать. В непроглядной темноте почудилось что-то еще более темное и плотное, чем окружающий мрак, преграждающее путь.

Окаменев от страха, я так и стояла, с лихорадочно бьющимся сердцем, напряженно всматриваясь и вслушиваясь в звенящую тишину. Постепенно глаза привыкли, начав различать контуры мебели, и стало понятно, что передо мной... пусто. Ничего. Ничего страшного.

Выдохнула я с облегчением. Показалось.

Уже без опаски, но все же стараясь не шуметь, проскользнула к себе и нырнула под одеяло. Все! Спать!

– Спа-а-ать...

– Пора вставать!

Сладкая дрема затягивала в сон, где что-то неясное, но бесконечно приятное манило к себе. Строгий громкий голос вытаскивал обратно, пробуждая и возвращая к реальности. Но я не сдавалась, в надежде, что он отстанет:

– Еще чуточку.

– Нечего было вчера ночью разгуливать, – не сдался «будильник». – Слышал, как ты тут топала и сопела.

– Топала? – возмутилась я, тут же просыпаясь. Даже села, натянув на себя одеяло. – Да я на цыпочках! Только на кухню и сходила, воды попить...

Осеклась, опознав смеющийся взгляд за упавшей на лицо челкой стоящего рядом с моей кроватью мужчины.

Вот точно, отрежу ему ее когда-нибудь!

– А ты за мной следил, что ли? – хихикнула, удивляясь мыслям, принявшими своеобразное направление.

– Не следил. Просто проснулся, хотел было встать, потом передумал, все же заснул.

– М-да? – задумалась я. – Значит, мне показалось.

А ведь действительно, самым разумным было предположить, что ночью в холле передо мной стоял Ньевор. И незаметно, пока я от страха в себя приходила, нырнул к себе в комнату. Но раз он спал...

– Что показалось? – тут же отбросил веселость рарк, став серьезным и сосредоточенным.

Ну вот и зачем я это сказала? Теперь начнется допрос с пристрастием. А ведь все было так мило и по-домашнему. Эх...

– Темно же было, – улыбнулась, пытаюсь вернуть атмосферу непринужденности. – А у меня хорошее воображение. Вот и привиделось то, чего нет.

Попытка успехом не увенчалась. Рарк остался серьезным. Плотнo сжав губы в тонкую линию, поскреб длинным пальцем бровь и выдал:

– В следующий раз, когда привидится, сразу меня зови. Договорились?

– Ладно, – не стала я спорить и поинтересовалась: – А что? Есть подозрения? За нами следят? Кто?

– Понятия не имею, – не выдал секрета Ньевор, а может, на самом деле не знал. – Но я не хочу, чтобы тебе по ночам было страшно. Одевайся, а я пойду завтрак готовить.

Вот и думай теперь, то ли на самом деле есть то, чего надо опасаться, то ли рарк просто пытается защитить меня от всего. Даже от воображаемых кошмаров.

– Меня сегодня весь день не будет, – дождавшись, когда от торопливого поглощения еды я перейду к более размеренному,

продолжил разговор Ньевор. – Буду продвижением проекта заниматься, раз уж его отдадут на одобрение комиссии. Тебя взять не могу, прости. Найдешь чем заняться? Волнор здесь есть, я покажу, он в стене холла спрятан. У меня в спальне на тумбочке лежат пластины для чтения. Правда, они не очень интересные... На улицу только не ходи, а то потеряешься.

– Поняла, не пойду, не беспокойся, – успокоила я его. – И занятие себе найду. А ужин я могу приготовить?

– Ужин? Да, хорошая идея. Продукты... – он оглянулся, мазнув взглядом по совершенно ровной стене, и дотянулся до светящейся полосы на краю разделочного стола.

Пальцы скользнули по ней слева направо, и стену прорезали строгие четкие трещины. Горизонтальные и вертикальные, они разделили ее на части, а в явившихся на обозрение нишах показались баночки, упаковки, тарелки...

– Я не буду снимать активацию, – просветил меня рарк. – И ты эту штуку не трогай. Просто бери, что тебе нужно и все. Поняла?

Конечно, поняла. Что ж тут непонятного? Я все же техник, а не... Стоп! Я в этом мире как раз это самое «не». А потому просто кивнула, хотя себе заметку сделала: «обдумать».

Нет, ну на самом деле, не буду же я всю свою жизнь косить под дурочку! Одно дело, если подобная маскировка – временная необходимость, и совсем иное, когда она грозит стать пожизненной. Я просто не выдержу.

А вариантов, по сути, всего два.

Первый – выбрать момент и признаться. Не уверена, правда, что подобный «обух» по голове Ньевора не прилетит ко мне обратной. Ведь неясно, как рарк на это отреагирует. Может, сам лично и пристрелит за то, что так долго водила его за нос. А если не он, так кто-нибудь другой это сделает. Землян тут не жалуют.

Второй – медленно проявлять все больше сообразительности и постепенно «научиться» всему. Хороший вариант. В общем-то, я его неосознанно и придерживаюсь. Но тоже проблемный, ведь в этом случае показать всех своих знаний я все равно не смогу. Не будет же Ньевор обучать меня квантовой физике и высшей математике. Это точно перебор для круглоухой.

В общем, как ни крути, а по всему выходит, что в перспективе у меня либо жить глупой, либо погибнуть умной.

Вот с такими, отнюдь не радужными мыслями я весь день и провела. В комнатах прибиралась, еду готовила, волнор смотрела. То есть пыталась смотреть, пока не поняла, что сути происходящего на экране не улавливаю – мозг иными проблемами занят. А когда выключила технику и вернулась на кухню, осознала – за окном уже темно совсем.

Ночь... Но где Ньевор? Он же к ужину обещал вернуться!

Почти бесконтрольно я забегала кругами по комнатам. К окну, в холл, в ванную, в спальню, снова в холл, к двери... Я даже ее распахнула, чтобы выглянуть – вдруг он уже идет?

– Куда собралась? – встретил меня недовольный вопрос стоящего перед входом мужчины. В своем намерении открыть дверь я опередила его ровно на секунду.

– Никуда, – выдохнула, чувствуя одновременно и облегчение, и возмущение. – А вот ты куда пропал?

– Почему сразу «пропал»? – удивился Ньевор, перешагивая порог. – Просто заседание было долгим. Они там такие дебаты развели, думал, до утра не разойдутся.

– Одобрили? – поинтересовалась я, отступая в сторону, чтобы не мешать.

– Нет, что ты. Они же во все детали вникнуть хотят, а спецов среди них нет. Вот и приходится каждую мелочь объяснять. Дня на три процесс растянется, не меньше.

Отвечал он, снимая обувь и на ходу расстегивая рубашку, а когда скрылся в ванной, я пошла на кухню, подогревать остывший ужин.

Три дня... Не так уж много. Скучно, конечно, постоянно сидеть одной, фактически взаперти, но это же не тюрьма. Всего и нужно три дня потерпеть, и все изменится...

Какая же я наивная! С принятием положительного решения комиссией мое добровольное заточение не закончилось. Ньевор по-прежнему исчезал ранним утром, иногда даже меня не разбудив, а возвращался поздно вечером, уставший и вымотанный. С трудом, почти засыпая, впихивал в себя еду, извиняюще мне улыбался и скрывался в спальне. Я убирала со стола и тоже шла спать. А на следующий день все повторялось.

Разговоры, конечно, тоже случались, но они оказывались краткими и потому малоинформативными. Все, что я поняла, – Ньевора назначили-таки на должность куратора нового проекта, и он теперь занят переговорами, согласованием планов, организационными вопросами...

Я к рарку не приставала, на скуку не жаловалась, проявляя деликатность. У него сложный период, не хватало еще моего нытья. Развлекалась как могла: с продуктами экспериментировала, читала, новости слушала, зарядку делала, в окно смотрела, хоть вид оттуда был и не самый интересный – всего лишь каменный пустырь, слева от которого виднелась часть стены какой-то постройки. Иногда агравы пролетали. А пару раз я что-то рыжее заметила, стремительно выбежавшее из-за одного валуна и нырнувшее за другой. Местное животное, наверное.

Иногда я днем спала, потому что ночью не высыпалась. А все потому, что было у меня еще одно занятие. Называлось оно «Как поймать невидимку» и начиналось, едва Ньевор затихал в своей спальне. Я тоже забиралась в кровать, укрывалась с головой и притворялась спящей. Однако в оставленную щелочку бдительно следила за происходящим в комнате.

Причина была жуткая – тот сгусток тьмы, что напугал меня в первую ночь, появлялся с завидной регулярностью. Я это поняла не сразу, просто однажды проснулась от жуткого ощущения, что кто-то навис над моей кроватью. Так и лежала с закрытыми глазами, боясь пошевелиться, пока не услышала тихий шорох. И, приоткрыв один глаз, успела заметить, как это самое темное нечто исчезает в проеме, ведущем в холл.

На следующую ночь от страха я уснуть не могла. И потому заметила, как, отодвинув тонкую занавесь, неизвестная сущность заглядывает внутрь. Дернулась от неожиданности, и она пропала. Наверное, я ее испугала.

С тех пор я начала «охоту». Очень уж хотелось понять, что это такое. Однозначно живое, но совершенно неуловимое, а может, даже невещественное, потому что входная дверь, пусть и не запертая, точно не открывалась! Я под нее волосинки подкладывала, чтобы проверить. Утром они оказывались нетронутыми.

Поначалу хотела рассказать Ньевору, как обещала, а потом передумала. Парку сейчас только этой заботы не хватало! К тому же ночной гость вреда не приносит, пугает только, да и то лишь потому, что темный, а на самом деле, может, он сам по себе черный и пушистый.

С каждым днем, то есть ночью, убежденность в этом становилась все сильнее. Сгусток действительно казался мне похожим на какое-то большое животное.

И я решила действовать.

План «А» был прост. Проследить. Нужно выяснить, откуда именно он приходит. И потому, вместо того чтобы лечь самой, я сложила одеяло горкой, а сама спряталась за шторкой в ванной. Ясное дело, того, что происходило в моей комнате, я видеть не могла, зато прекрасно обозревала весь холл.

Гость появился из кухонного проема. На миг в нем стало темнее, чем секунду назад, а затем сгусток скользнул... в комнату Ньевора! Я едва не выдала себя, почти рванувшись следом. Сдержалась. Затаилась. И правильно сделала. Через несколько минут нечто вернулось в холл. Помедлило, прошлось вдоль стены, постояло у входа в мою комнату, словно не решаясь зайти...

Может, почувствовало, что меня там нет? Ответа я так и не получила, зато убедилась – ушел призрак тоже через кухню.

А что такого есть на кухне? Окно!

Оно, конечно, тоже закрыто, но его-то я не проверяла!

Вот тогда и созрел план «Б» – спрятаться под столом.

Накинув на столешницу простыню и опустив ее до самого пола, на следующую ночь я именно там обосновалась. Сидела в засаде на жестком полу, жалея, что не взяла с собой подушку, но неудобства терпела. Азарт и предвкушение открытий были сильнее.

Когда едва слышно стукнула, приоткрываясь, ставня, я затаила дыхание. Максимально осторожно заглянула в дырку, которую заранее сделала в простыне, и обомлела. Внутри действительно протискивалось что-то плотное, большое, и оно точно не было привидением!

Однако, несмотря на свою громоздкость, действовало существо совершенно бесшумно. Даже на пол спрыгнуло так, словно было абсолютно невесомым. И в проем холла утекло легким дуновением. А

я рассердилась. Это что ж получается, какое-то местное чудо-юдо шастает по моему дому, как по своему? Да еще меня же и пугает? Ну нет!

В итоге я тихо вылезла и прокралась к проему, решив существо поймать. Действовала вроде тихо, да только оно меня услышало. Рвануло обратно. В общем, я не успела его схватить. Вернее, мне показалось, что не успела, ведь вся тушка мгновенно пронеслась мимо, а потом поняла, что все же поймала, – руки сомкнулись, вцепившись во что-то тонкое и пушистое.

– Отпусти хвост, дура! – неожиданно взвыло это самое нечто.

– Не ори! Всех перебудишь! – зашипела я, больше всего возмущившись вовсе не оскорблению, а громкости, с которой выдвигались требования.

– Это кто еще тут орет?... – продолжило было качать права наглое существо и осеклось. Хвост, больше похожий на заостренный обрубок, судорожно дернулся в моих руках, а спеси в голосе поубавилось: – Ты меня слышишь, что ли?

– М-м-м... Допустим, – осторожно подтвердила я.

– Не, ну... офигеть. Я ж с тобой ничего не ел, – явно опешил незванный гость.

Почему-то его фраза напомнила мне «Я с тобой на брудершафт не пил», и я захихикала, стараясь делать это как можно тише. Разбудить Ньевора не хотелось, ему выспаться надо.

– И что смешного? – заворчал пушистый визави, разворачиваясь ко мне передом. – Хотя чего я тебя спрашиваю? Известно же – дураку нос покажи, ему уже весело станет.

Держать стало неудобно, и я выпустила из рук честно добытый трофей.

– Я не дура, просто кое-что вспомнила. А ты бы на самом деле говорил потише, все же ночь на дворе.

– Нет, ты точно дура. Кто ж без ягод меня услышит? Это ты одна какая-то ненормальная.

Ягоды... Ягоды я помню. И как вага со мной общалась после совместной дегустации тоже. Только этот зверь утверждает, что ничего не произносит, а она вроде как вслух говорила. Или мне это только казалось?

– Ты про мудриссу, что ли? – спросила, вспомнив название.

– Нет, про мриссу, – с отчетливо слышным подозрением отозвался пушистик. – Хочешь сказать, какая-то новая разновидность появилась? Универсального действия? Ты ее съела? Уй-й-й... – заныл, словно у него резко заболел зуб. – Это ж, если все такими, как ты, станут, тут такое начнется! Вот ведь катастрофа!

Он подскочил, однозначно с намерением сбежать. Даже на подоконник запрыгнул. Только я не позволила. Шагнув к окну, придавила створку рукой, не позволяя открыть.

– Ку-у-уда собрался? – грозно поинтересовалась. – А извиниться?

– За что? – недовольно буркнуло существо, перебрав лапами.

– За то, что меня пугал.

– Делать мне больше нечего, как тебя пугать! – фыркнул зверь, возвращаясь на пол. – Ты себе навоображала невесть чего, а я теперь виноват?

– А зачем ты вообще к нам каждый день наведываешься? Шпионишь?

– Гуляю я. В гости зашел. Понятно?

– Понятно, – кивнула я. – Только я не помню, чтобы тебя приглашала. А заходить без разрешения в чужой дом нельзя. Или на животных это правило не распространяется?

– Это кто еще тут животное?! – возмутилось пушистое недоразумение. Подумало и выдало: – И вообще, я ж в окно влез. А в дом заходят через дверь. Так что это не считается.

Логика железная. И от ответа он уходит мастерски. Только я так просто не сдалась.

– Не знаю, не знаю... – протянула задумчиво. – Может, не считается, а может, наоборот. А давай-ка я спрошу у своего друга. Он в соседней комнате спит, вот и скажет мне, как правильно.

Я даже воздух в легкие глубоко набрала и рот открыла. Мол, вот сейчас и спрошу. Громко. Тогда его скрытности точно крышка.

Само собой, пугала. Да только результат себя оправдал.

– Молчи, дура! – взвыл «гость», неожиданно бросаясь ко мне и толкая лапами в грудь. Не сильно, но воздух выбил. И на пол уронил. К счастью, я туда по стенке сползла, а не упала по-настоящему.

– Хватит толкаться! И обзывать! – шепотом, но рассердилась я.

– Тебя не толкни, так ты глупостей натворишь. И я не обзываюсь. Я обращаюсь. Не знаю же, как тебя звать-то. А так ду... в общем,

круглоухая же. Значит, глупая.

– Дея. А тебя?

– Таш, – замешкался, но все же представился пушистик. И рядом присел на задние лапы ну точно как собака. Только нос у него какой-то уж очень длинный... Ой!

– Ты шош, да? – осенило меня.

– Ну ты ду... – начал было он, осекся и фразу изменил: – Ну ты и тормоз, раз только догадалась.

– Так почему ты к нам постоянно приходишь, Таш? – я решила на этот раз пропустить его слова мимо ушей и уселась удобнее, поправив полы халатика. – Каждую ночь забираешься. Ведь не ради еды. Для этого с кухни в комнаты можно не уходить.

– А ты никому не скажешь?

– Не скажу.

Ответом было сопение. Шош наверняка обдумывал, правду сказать или снова соврать. В итоге улегся на пол, положил под голову передние лапы и вздохнул:

– Я скучаю.

– Тебе нечем заняться, поэтому скучно? – не поняла я.

– Ты ду?... – приподнял морду Таш. Чихнул, бормоча какое-то ругательство, и снова лег. – Ты, Дея, совсем логически мыслить не умеешь. Если бы я просто скучал, то в разные места бегал, развлекаться. А я *скучаю*.

Он такой интонацией это слово выделил, что оно совсем иначе звучало. Надрывно, тоскливо, но при этом совсем не уничительно. Словно то, что вынуждало его на это, было... испытанием?

И новая догадка буквально взорвала мой мозг, заставив ахнуть:

– Ты ходишь сюда из-за Ньевора?! Вы знакомы? Он был твоим хозяином?

– Хозяева бывшими не бывают, – наставительно выдал Таш. – Бывают лишь обстоятельства, которые заставляют нас проводить время вдали друг от друга. Если недолго, то это еще терпимо, а если долго...

В его голосе вновь звучали тоскливые нотки, и я не удержалась. Протянула руку, осторожно погладив шоша по голове.

Удивительно, но шерстка на макушке разительно отличалась от той, что покрывала хвост. Там она грубая. А здесь... такая мягкая,

нежная, как пух! И ушки такие крошечные...

– Вот лежу я и думаю, – в ритм моих поглаживаний признался шош, – потерпеть или цапнуть тебя зубами, чтобы руки не распускала?

– Ой... – я тут же отдернула руку. – Прости. Тебе не нравится?

– Кому ж такое понравится? Сначала хвост чуть не оторвала, теперь решила за уши приняться? А они у меня единственные, другие не отрастут.

– А хвост отрастет?

– Нет, ты точно... глупая. Я ж не простейшее какое, чтоб запросто регенерировать. Так что не вздумай экспериментировать.

– Не буду, – успокоила я его. – И вообще я не собиралась ничего отрывать. Это случайно получилось. От неожиданности. Я не видела, за что тебя хватаю.

– Зачем тогда засаду устраивала, раз плохо видишь? – буркнул шош. – И вообще, спала бы себе спокойно, проблем бы не было, так нет же, понесла тебя нелегкая... Подожди! – вдруг что-то вспомнил, прекратив ворчать. – Скажи-ка лучше, почему это ты в отдельной спальне ночуешь, а?

– А где я, по-твоему, должна спать?

– Под боком. Какой от тебя толк, если ты далеко? Ты же самочка.

– То есть, кроме удовлетворения похоти, от меня ничего не нужно? – прошипела я. Ну надо же, и это существо обо мне как о сексуально озабоченной думает!

– Похоти, – скривился Таш. – Фу, как вульгарно. А приласкать? Согреть? Слово приятное сказать? Это все к тебе не относится? Меня вон и то погладила, а хозяина игнорируешь? Тогда я не понимаю, почему ты тут живешь.

– Он сам не хочет, чтобы я его гладила.

– Н-да? Странно... – задумался пушистик. – А ты ему вызов бросила?

– Наверное, – неуверенно ответила я.

– То есть как это «наверное»? – опешил Таш. Даже голову снова поднял, видимо присматриваясь ко мне. – Вызов, он либо есть, либо его нет. Вот, например, бросил хозяин вызов отцу и всю свою жизнь с хвоста на уши поставил. Потому как *вызов*! Его нельзя не заметить. А ты говоришь «наверное»...

– А что за вызов сделал Ньевор? – заинтересовалась я. – Ты же знаешь условия, раз вы тогда вместе жили? И почему ты ушел? Разве нельзя было вместе остаться? И ему было бы проще. Все же не один.

– Он тебе не сказал? Значит, и я не скажу, – неожиданно проявил строптивость шош. – Прости, Дея, – смягчил интонации, видимо сообразив, что я обиделась, – это не мой вызов, и он еще не завершен. Так что я обязан молчать о его условиях. Вот когда выиграет хозяин, тогда пожалуйста. Впрочем, в этом случае он сам все расскажет.

– Я понимаю. – Как бы ни старалась, разочарованный вздох все равно сорвался с губ.

– Какие же вы, женщины, нетерпеливые, – посетовал Таш. – Все-то вам сразу надо. Вы даже вызовы толком не продумываете, ставите условием что-то простенькое, лишь бы быстрее получить то, что хочется. А мужчины потом неудовлетворенными остаются, когда выигрывают. Это же неинтересно, если что-то достается легко.

– А ты откуда знаешь? – хихикнула я. Очень уж странно было слышать подобные рассуждения от этого существа.

– Так были ж примеры. Насмотрелся. И на сам процесс, и на результат... Или ты думаешь, у хозяина жизнь только с момента твоего появления началась?

Само собой, я так не думала. Только почему-то представлялась мне эта жизнь лишенной женского общества. Ну не тянул Ньевор на заядлого ловеласа, ни по внешности, ни по убеждениям. С другой стороны, он же, когда мы о его прошлом говорили, прервал откровения на «лишил себя семьи, друзей, люб...». Получается, что с любимой вынужденно расстался. Значит, к ней вернется, когда вызов выиграет.

Мысль оказалась неприятной. Острым ножом резанула, оставив саднящий след, и я отогнала ее прочь. Нет. Не может этого быть. Иначе зачем он от меня личного вызова добивался?

Зачем, зачем... Да затем, что до завершения спора с отцом Ньевору наверняка еще далеко. Я же, что называется, почти «в кармане» и могу до поры до времени побыть любовницей разборчивого в отношениях мужчины. А потом он меня просто отправит в отставку и к своей девушке вернется.

– Дея, ты чего это? – Таш приподнялся и сдвинулся ближе ко мне, заглядывая в глаза.

Я его уже лучше видела, наверное, привыкла к темноте, а может, атмосферная дымка начала разгораться. Потому встретилась взглядом с янтарными бусинками, изучающими мое лицо. Да и сам шош уже не казался сгустком мрака и приобрел не только более четкие формы, но и рыже-коричневый оттенок.

– Что я? – поморгала наивно ресничками, предпочтя сделать вид, что не поняла сути вопроса. Впрочем, для себя заметку сделала. Чувствительный он! Или же просто наблюдательный. А еще напрочь лишенный чувства такта, потому что даже не попытался смягчить свои мысли.

– Ревнуешь, что ли?

Потому и я миндальничать не стала.

– А ты и таких примеров насмотрелся? Богатый у тебя жизненный опыт.

– Опыт богатый, а вот насчет примеров... Был один. – Он тряхнул головой и даже движение сделал, словно плечами пожал.

Я тоже пожалала. Ну вот и подтверждение. Увы...

– Я понял, – решительно нарушил возникшее молчание шош. – Тебе от хозяина вызова хочется, а свой ему никак высказать не можешь?

– Да сделала я ему вызов, – призналась-таки. – Только он такой сложный оказался, что неясно, когда и чем закончится.

А теперь, зная о прошлом Ньевора, в котором осталась его таинственная любовь, я вообще не уверена, что хочу, чтобы он закончился в его пользу.

Последнее про себя сказала, не вслух. И так разоткровенничалась. И, главное, с кем? С существом, которое вижу первый раз в жизни!

– Сложный? – удивился Таш. – У него что, два трудных вызова одновременно? О! Так вот почему меня к нему последнее время так тянет! А я-то все причину найти не мог...

– Есть закономерность? – хоть и думала я о своем, любопытно стало.

– Зависимость, – важно заявил пушистик. – Мы, шоши, не только обычной пищей питаемся, но и эмоциями хозяина. Чем они сильнее, тем притягательнее. Даже расстояние не мешает чувствовать.

– Как это «питаются»? Паразитируете? – невольно вырвалось у меня.

Бум!

Шош так резко наклонился, согнув шею, что его лоб встретился с полом.

Бум, бум, бум... – разнеслось по кухне. Тише, но все равно отчетливо, когда движение повторилось с меньшей высоты.

Приподняв пострадавшую голову, Таш поинтересовался с осуждением:

– Да кто ж тебя таким словам научил?

– Прочитала где-то, – быстро нашла я себе оправдание. Вот только, кажется, ошиблась.

– Ты читать умеешь?

– Ньевор со мной занимался.

– Ну и дела... – Таш поднялся на лапы и прошелся по кухне, не выпуская меня из поля зрения. В итоге снова сел и заявил: – Похоже, я много пропустил.

– Много, – согласилась я и, сообразив, что поворот в разговоре очень удачный, тоже проявила любопытство: – Но теперь-то ты вернулся? Раз каждый день... то есть ночь приходишь.

– Я не вернулся, – снова принялся за нравоучения шош. – Я профилактически хозяина навещаю, раз уж есть возможность.

– А раньше, значит, возможности не было?

– Я, по-твоему, телепортироваться могу? Пансион, где я все это время обитал, находится в Рардесе, здесь недалеко, а хозяин жил в Одолисе. Туда быстро на своих четырех не доберешься.

– Пансион для шошей без хозяев? Ясно... – Получив утвердительный кивок, я потянулась и поднялась, разминая занемевшие от сидения на полу ноги. – А почему таишься и Ньевору не показываешься? Он же тебе обрадуется. Или... нет?

– Обрадуется, когда позовет. Позовет, когда с вызовом отцу разберется. А до этого я для него и для всех невидимка.

– Кроме меня, – не удержалась я от улыбки.

– Но-но! – строго пригрозил мне Таш. – Не вздумай болтать, иначе...

Он тоже «улыбнулся», обнажив зубки. Длинные, острые, как иглы!

Ой, мамочки!

Угроза «цапнуть» заиграла новыми красками. Кровавыми.

Руки я убрала за спину и на всякий случай отступила к столу. Какой-никакой, а барьер будет.

Шош фыркнул, не то насмешливо, не то презрительно, но тут же насторожился. Замер, словно прислушивался, и неожиданно стремительно рванул к окну. Я ахнуть не успела, как он уже запрыгнул по подоконник и подцепил лапой створку. Доли секунды... Все, нет моего собеседника. Даже следа не осталось.

— Дея? Почему не спишь?

Я обернулась. Увидев в проеме растирающего заспанное лицо Ньевора, моментально осознала причину побега Таша. И пожалела, что не могу последовать его примеру. Потому что рарк, оставив лицо в покое, с недоумением воззрился на стол, рядом с которым я стояла.

— Ты зачем его простыней застелила? Это же не скатерть...

Само собой, я растерялась. Объяснить свое наличие на кухне легко: воды попить пришла, завтрак приготовить — тут что угодно сойдет. Но простыня...

— Я тут... Пряталась.

— Что? — Ньевор остановился совсем рядом, присматриваясь теперь уже ко мне. Несомненно растрепанной и не выспавшейся.

— Я снова тень видела. И побоялась в комнате оставаться. Вот домик сделала.

— А ко мне почему не пришла? — Ньевор, приподняв простыню, заглянул под стол. — Я же просил. Разве забыла?

— Не хотела будить. Тебе выспаться надо. А в домике мне не так страшно. Я часто так делала, когда дедушка меня одну оставлял.

Ожидала, что рарк рассердится, но, видимо, он сонный был, спокойно объяснение принял. Лишь пожурил:

— И все же в следующий раз приходи ко мне. Можешь не будить, просто ложись рядом и спи.

Пока я, раскрыв рот, пыталась осознать услышанное, отошел к шкафчикам и принялся выбирать, из чего готовить завтрак.

— А что такого страшного было в доме твоего деда? — поинтересовался между делом.

— Не в самом доме. На улице ночью тени появлялись.

Преувеличила, конечно. А может, и вообще придумала, вспомнив свои страхи, когда сидела в засаде под окном и чудились мне наблюдающие за мной монстры.

– Включать свет самой мне дедушка не разрешал, вот я и пряталась, пока его ждала, – добавила для достоверности.

– Кто бы там у вас ни обитал, в дом вряд ли бы полез, – вроде как успокоил меня Ньевор. – Ты вальесу будешь?

– Возможно. Только я-то этого не знала, а привычка вот осталась. – Я пожала плечами, аккуратно складывая ткань, освобождая столешницу и ставя на нее две глубокие тарелки. – Буду.

Вальеса – это необычайно вкусная кашка из злаков, растущих в одной из провинций Ракиса. Я ее только здесь, в гостевых апартаментах правительственного комплекса и пробовала. Она очень дорогой оказалась, Ньевору не по средствам. А все потому, что плантации урожай давали маленький. Излучение их губило, и раркам после захода Лидвот заново поля восстанавливать приходилось. И с каждым новым оборотом делать это все сложнее – я в новостях слышала. Как все-таки страшно, когда вся планета обречена!

– Ничего, Дея, потерпи немного. Скоро все изменится, – неожиданно ободрил меня Ньевор, аккуратно разливая желтую крупянистую массу в тарелки.

– Как скоро? – заволновалась я. Очень уж хотелось еще раз встретиться с Ташем. А может, и не раз. Конечно, в любом случае я его буду видеть, когда Ньевор шоша к себе позовет, но это же совсем иное...

– Я почти все уладил. Остались небольшие вопросы и, думаю, дня через два-три мы с тобой на орбиту полетим. Там основная часть исследований будет идти.

Вот и чудненько.

За это время выпитаю у шоша, как правильно вызовы делать, чтобы больше впросак не попадать, определюсь с тем, чего мне действительно хочется, а потом разберусь и с тем, что же уготовил мне Ньевор в плане отношений с ним.

Как хорошо, когда есть план, когда видишь, в каком направлении движешься, и понимаешь, чего ожидать. Даже назревающие трудности и проблемы предпочтительнее, чем неизвестность.

А жизнь-то, оказывается, налаживается!

Глава 10

Иная перспектива

Световая дымка за окном разгоралась, постепенно заполняя свечением комнату. Точнее, кабинет. Небольшой, лаконичный, можно сказать, строгий. Никаких излишеств. Рабочий стол, кресла, стеллажи с накопителями. Даже на полу лишь гладкий одноцветный коричневый пол, чуть темнее стен, но призванный не отвлекать от главного – работы.

Хозяин кабинета – дагон Дьер Шайхот, – несмотря на раннее утро уже занятый документами, уронил в кучу бумаг донесение и задумчиво побарабанил пальцами по колену.

Убит. Гуз Рьяр убит. Зарезан в собственном доме помощником, которого готовил в преемники. Надо же... Как неудачно. Значит, Гуз молчал так долго вовсе не из-за отсутствия результата...

Удалось ли ему хоть что-то сделать? В последнюю встречу он намекал, что перспективы более чем реальные. Значит, мог эксперимент и завершить.

Как бы выяснить?

Помощника уже не допросить. Покойник, он и есть покойник, за такие проступки в живых не оставляют. А кто его осудил, интересно?

Дагон снова взялся за донесение, отыскав нужный лист.

Ага... Даг Вьес Легор. Начальник группы первичного контроля отдела учета Департамента аналитики и статистики. Инспекцию проводил, расследуя... недоимку?

Так-так... Это уже интересно. С чего бы недовостаче возникнуть? Раньше Гуз изымал сырье осторожно и понемногу, чтобы не заметно было. Разве что увлекся и слишком много мриссы израсходовал, вот резкое снижение объема поставки департамент и насторожило.

Но раз израсходовал, значит, было на что! И потому главный вопрос: что конкретно у него получилось и где оно находится?! Может, уже кем-то обнаружено?

Беспокойство охватило дагона лишь на миг, тут же сменившись привычным спокойствием. Нет. Не стали бы держать это открытие в тайне. Либо похвастались, либо попытались продать, либо

использовали. В общем, необычная вещь себя бы точно проявила. А на деле ведь нигде и ничего...

Ну и как выяснить правду?

Обыск в доме Рьяра? На каком основании? Там наверняка уже живет новый староста. Да и Гуз мог прятать разработку в другом месте.

Допрос Легора? Он, вероятнее всего, будет малоинформативным, зато даст повод дагу задуматься о том, почему дагон провинции вдруг заинтересовался именно этим поселением и происшествием с таким большим сроком давности. А если Легор о своем подозрении проболтается... Граш, как не хочется приставлять к нему слежку, а потом ликвидировать! Проще найти иной способ.

Дея...

Глаза Дьера отыскивали документы, присланные информатором вместе с донесением.

Действительно внучка. Гуз ее на свое попечение взял после смерти сына и его жены. И она, по официальным данным, тоже умерла. А на самом деле выжила, только Гуз об этом никому не сообщил. Любопытно почему? Связано ли это с его экспериментом?

Дагон хищно оскалился и прищурился. Связано! Чутье, интуиция, опыт – все буквально кричало ему об этом. Получается, начинать надо именно с этой девочки. Не может она ничего не знать! И поездка в поселение, кстати, оправдается ее желанием навестить родные края. И то, что дагон прибудет вместе с ней, уже не вызовет подозрений, если... Щ-щ-щедар! Не хватало только круглоухой любовницы для полного счастья!

Оптимизм и эйфория Дьера Шайхота моментально померкли. Впрочем, прагматичный расчет и логика быстро расставили все на свои места. Якобы отношения будут лишь прикрытием. Вовсе не обязательно с глупой самочкой развлекаться, пусть Ньер с ней балуется, раз у него нет желания и времени добиваться нормальных женщин. Остается подобрать аргументы и убедить брата ненадолго отпустить свою любовницу.

Тут вариантов три. Вызов, шантаж и просьба.

Просьба... О, нет! Рассказывать о своей задумке, признаваться в возникших проблемах не стоит. Даже брату.

Шантаж... Забрать девчонку в обмен на молчание? Отец ведь до сих пор не в курсе, кто именно стоял перед ним в зале совета, а Ньеру рано себя обнаруживать, иначе проиграет в шаге от победы. Хороший вариант, беспроектный, но...

Дагон мотнул головой, отгоняя недостойные мысли. Не настолько он еще очерствел, чтобы подставлять собственного брата.

Остается вызов.

Дьер поморщился как от зубной боли. Самый типичный для рарков тип поведения ему был неприятен. А Ньеру – наоборот. Младший брат словно вобрал в себя все то, что не принимал старший. Значит, придется играть. А до этого выяснить, как братишка с Гузом пересекся и его внуку к рукам прибрал. Очень уж подозрительное совпадение...

Ожидая возвращения Ньевора и предвкушая ночную встречу с Ташем, я торопила время. Выспалась. Ужин приготовила. Стол накрыла. Теперь вот сидела на диване в холле, подперев рукой голову, и одним глазом смотрела волнор.

– В провинции Рагнаир готовятся к восходу Лидвот, – оптимистично вещала темноволосая ведущая. – В городах запущена плановая проверка куполов, склады заполняются необходимыми для долговременной изоляции товарами. Напоминаем жителям Ракиса о необходимости учитывать при передвижении изменения в локации опасных зон...

Она еще что-то говорила, но эту информацию я уже пропустила мимо ушей. Рардес, где построен правительственный комплекс, находится в другой провинции. Да и мы скоро планету покинем, а станция на орбите от излучения хорошо защищена.

– Отдыхаешь? – с порога поинтересовался рарк, привычно избежав приветствия.

– Тебя жду. Ужинать, – отчиталась я, сползая с дивана. Не сразу поняла, что снимать обувь и переодеваться Ньевор не собирается. Вместо этого убрал с лица челку, с сожалением посмотрел в сторону кухни и попросил:

– Сможешь собрать в гермики? Поедим в дороге, нас аграв ждет. Ты свои вещи в контейнеры сложила?

– Сложила, – растерянно кивнула я. – Еду соберу. А что за спешка? Мы на орбиту уезжаем?

– Нет. В гости.

– Куда? – опешила я.

– Потом, Дея, потом, – взмолился Ньевор, исчезая в проеме своей комнаты. – В машине поговорим.

Вот так. Строишь планы, строишь, а они в одно мгновение теряют актуальность.

Я успела не только упаковать продукты, но еще и сменить леггинсы с туникой на юбку с блузкой, пока рарк шуршал одеждой, гремел любимыми инфопластинами и таскал контейнеры в холл.

– Молодец, правильно, – похвалил, забирая сумку с провизией и открывая дверь, за которой оказался молоденький парнишка в униформе. Видимо, носильщик, потому что именно он подхватил наши вещи и утащил раньше, чем мы вышли следом.

Аграв оказался комфортным, пожалуй даже удобнее, чем тот, на котором мы ехали к новому месту работы Ньевора. Наши сиденья здесь были рядом, но размер их позволял разместиться, не мешая друг другу, а между ними даже помещался столик. Именно на нем устроились гермики с едой. Впрочем, последняя из них начала исчезать с завидной скоростью.

– Так куда мы едем? – напомнила я о своем вопросе сосредоточенно жуящему рарку. – И почему «в гости»? Разве тебе не нужно на работу?

– Нужно, – со вздохом подтвердил Ньевор, проглотив пережеванное и раскрывая очередной пакет. – Только работу придется отложить, потому что мне прислали приглашение на празднование восхода Лидвот в Рагнаире. Дагоны всех провинций периодически так делают, когда какие-то вопросы и дела хотят обсудить в неформальной обстановке.

– Дагон Рагнаира? – Я судорожно перебрала в памяти все сведения о Ракисе и вспомнила: – Дьер Шайхот? Тот самый, что был на совете тетрады? А что ему от тебя нужно? – окончательно растерялась.

– От меня ему вряд ли что-то нужно, – скривился Ньевор. – Все это затевается ради других дагонов, которые приезжают на празднование, а таких, как я, приглашают для массовки, ну и чтобы

показать свой демократизм. Вроде как презент за заслуги и достижения, а по факту... – Он махнул рукой и посетовал: – Самое обидное, что не откажешься.

– И сколько мы должны там пробыть? – любопытствовала я, прекрасно поняв, что рарк сбежит с праздника при первой же возможности.

– Два световых дня до восхода, потом встреча Лидвот и банкет. Дня три получается... Ты почему не ешь? – спохватился, пододвигая ко мне оставшийся нераскрытым гермик.

Послушно начав жевать, я задумалась. Вернее, удивилась нежданному повороту судьбы. Я же давно смирилась с тем, что не смогу выполнить наказа старосты и сообщить Дьеру Шайхоту о флакончике, а теперь получается, что вероятность этого очень даже высока. Если, конечно, меня пустят на это самое празднование и я с дагоном смогу поговорить. А то ведь могут и оставить сидеть безвылазно в комнатах по причине моей круглоухости. Пригласили-то Ньевора, не меня...

С другой стороны, попытка не пытка, а не получится, значит, так надо. Не время или еще какое «не». В конце концов, мне же не было велено отдать немедленно, так что вся жизнь впереди. С другой стороны, лучше хоть немного, да этот процесс ускорить, сняв с себя груз обязательств. И информация точно не будет лишней.

Я именно об этом и попросила – рассказать о дагодене, его доме и быте. Все равно ведь лететь еще долго, не сидеть же молча? А мне интересно!

Наверное, Ньевору мой энтузиазм не слишком понравился, потому что разговорился он не сразу. Сначала буркнул, что сам мало знает, потому как на таких приемах не присутствовал и вообще у него другие интересы. Потом поворчал, что женщины, они что круглоухие, что остроухие – одинаково любопытные. Наконец все же просветил, в общих чертах обрисовав грядущие перспективы. В итоге через пару часов, когда аграр остановился, вылезала я из него просвещенная и готовая к тому, что увижу.

Во-первых, к тому, что дом дагодена окажется в самом центре столицы Рагнаира, окруженный высоченными зданиями, хотя сам от земли насчитывает максимум четыре этажа. Имеет он форму кольца, и потому в нем нет общих коридоров, а входы в комнаты располагаются

с внутренней стороны и снабжены лесенками. Здесь в комнатах нет кухонь, а все трапезы проходят в столовой – круглом одноэтажном зале, выстроенном во внутреннем «дворике». Между основным зданием и этой постройкой уместился шикарный парк из серолистных деревьев и коричневых кустиков. И этот парк прекрасно виден из окон третьего этажа, где поселили нас с Ньевором. Впрочем, он наверняка так же хорошо просматривается и из всех остальных помещений – все окна этого кольцеобразного дома, как и двери, находятся на стене внутреннего обода.

Во-вторых, к тому, что у всех прибывших, кто ранее не знаком, здесь равные права. Разумеется, до тех пор, пока они друг другу вызовов не набросают и не выстроят свою внутреннюю иерархию. И в этом уже имеющийся ранг роли не играет. То есть даже я могу это делать.

– Дея, я очень надеюсь на твою осмотрительность, – совершенно серьезно предупредил Ньевор. – Старайся поменьше говорить. Ни в коем случае не высказывай сомнений, если они относятся к личности собеседника. И сама от таких разговоров уклоняйся. Делай вид, что не понимаешь, о чем речь. Сама по себе ты в плане выгоды или повышения статуса никому не интересна. Но могут через тебя попытаться меня зацепить. Ясно?

Более чем. Тут у меня даже вопросов не возникло. Буду молчать и глупо хлопать глазами. Разве что дагону про флакончик намекну, и все.

В-третьих, стали более понятны запланированные мероприятия и степень нашего участия в них. Осознав, что свободного времени у нас будет достаточно, я обрадовалась – значит, и дагон тоже не всегда занят и окружен любопытными личностями. Есть шанс отловить его без свидетелей. Вопрос, как я объясню Ньевору свое желание погулять в одиночестве, я решила оставить на потом. В незнакомых условиях, несомненно, действовать придется по обстоятельствам.

В общем, стоя у окна и рассматривая прохаживающихся между деревьями и кустами рарков, я была полна оптимизма и хорошего настроения, пока... Пока не увидела на одной из дорожек неторопливо идущую пару: рыжеволосый мужчина в строгом бежевом костюме и огненношерстный зверь у его левой ноги.

Шош был крупным, непривычного цвета, я таких еще не видела, но... Таш! С запоздалым сожалением я о нем вспомнила, представив,

как он расстроится, когда придет и увидит, что нас уже нет. Может, конечно, он и не придет, раз чувствует на расстоянии эмоции хозяина. Значит, поймет, что тот уехал. Но все равно расстроится. Пушистик так надеялся на скорое воссоединение...

– О чем задумалась, Дея?

– А ты как думаешь? – не нашла ничего лучше, чем ответить вопросом на вопрос. Не могла же я сказать ему правду?

Рарк не стал торопиться с ответом. Стоял у меня за плечом, практически бесшумно дыша. Я видела лишь его кисть, которой он оперся о стену слева от окна. Видела манжету белой в мелкую крапинку рубашки, длинные пальцы... Они на мгновение дрогнули, словно хотели сжаться или оторваться от опоры, но так же быстро расслабились.

Я развернулась. Ньевор стоял близко, чуть сутулясь, но мне все равно пришлось запрокинуть голову, чтобы пробежать взглядом по его лицу. Плотно сжатым губам, острому кончику носа и вредной челке, упорно закрывающей несомненно изучающие меня глаза.

Рука дернулась невольным порывом – убрать. Сейчас мне, как никогда, хотелось в них заглянуть. Увидеть хотя бы отражение его отношения ко мне, раз сам Ньевор упорно ничего не говорит о своих чувствах. Вовремя вспомнила о его реакции на прикосновения и руку опустила. Взгляд тоже отвела, снова отворачиваясь к окну.

Кожей почувствовала движение, легкое, едва ощутимое шевеление волос у щеки – не то потревоженных дыханием, не то касанием пальцев. И вздрогнула, услышав хриплое:

– Я жду, Дея.

Озадаченная, снова развернулась, да только мужчина уже сбежал. Увидела лишь его спину, исчезнувшую в проеме, ведущем в небольшую комнату для гигиены.

Вот и думай теперь, о чем сказал. То ли в серьезных намерениях признался, то ли в том, что не против, чтобы я проявила инициативу и его соблазнила. А может, и вовсе что-то иное имел в виду, мне неизвестное. Эх...

Завести об этом разговор, когда рарк, уже переодевшийся и умытый, появился в комнате, не получилось. Он, словно ничего не произошло, сначала меня туда же отправил, а когда вернулась, уже лежал, плотно закутавшись в одеяло.

То, что спать нам придется на одной кровати, я сообразила, еще когда только вошла в комнату, – другой пригодной для этого мебели здесь не было. Правда, акцентировать внимание не стала, а теперь поняла, что пользоваться ситуацией Ньевор не намерен.

Утром он проснулся раньше меня, потому что, открыв глаза, я никого рядом не обнаружила. Как раз успела одеться к тому моменту, когда рарк вернулся и весело сообщил:

– Завтрак готов. Идем?

Бросив взгляд в зеркало, где отражалась симпатичная девушка в белой блузке и темно-синей длинной юбке, я последовала за ним. Сначала по лестнице, затем по дорожке, устланной плоскими тонкими камушками. Мы были не единственными – с разных сторон в столовую спешили проголодавшиеся за ночь гости.

Молодые и не очень, женщины и мужчины, парами и поодиночке. Тот самый рыжий рарк, которого я вчера видела из окна, даже со своим питомцем шел, а в самой столовой я заметила еще трех шошей, уже приступивших к трапезе.

Удивительно! Они вовсе не на полу это делали. Для них были поставлены невысокие лежанки. И узкие морды шошей деликатно прихватывали игольчатыми зубами пищу с тех же тарелок, что и вилки в руках их хозяев.

– Дея, перестань глазеть так вызывающе! – зашипел на меня Ньевор, подцепив под локоть и потащив за собой.

– Я просто первый раз... необычно очень... – попыталась сбивчиво оправдаться.

– Я же тебе вчера рассказал, как все проходит, – сокрушенно вздохнул Ньевор, отпуская мою руку и подталкивая к незанятому диванчику, перед которым стоял накрытый столик.

– Все, да не все, – не согласилась я, усаживаясь на сиденье. – Про шошей не сказал.

– Разве? – опустившись рядом, без энтузиазма откликнулся мой спутник, словно намекая, что тему считает не самой интересной.

– Точно-точно, – подтвердила я, не желая сдаваться. Это же такой повод разузнать про Таша! Ну и остальных шошей заодно. – А у нас в деревне таких животных не было.

– И не могло быть, – подтвердил Ньевор и неожиданно попросил: – Дея, шоши это... шоши. Ты, пожалуйста, не называй их

животными.

– Обидятся? – ляпнула я, вспомнив реакцию Таша. И лишь потом, сообразив, как дико такой вывод звучит из уст круглоухой, добавила: – Их владельцы.

Ньевор посмотрел на меня задумчиво. Подался ближе, чтобы не говорить громко.

– Само собой. Но не только. Сами шоши тоже. Они ведь разумные, несмотря на то, что речевого аппарата у них нет, а тело негуманоидное.

– Они инопланетяне? – у меня глаза на лоб полезли. Такая мысль раньше мне в голову не пришла.

– Нет, они всегда жили на Ракисе. И вроде как разум обрели раньше, чем появились первые остроухие. Только свою цивилизацию не развивали, предпочитая близость к природе. А потом начали контактировать с первыми остроухими и согласились жить вместе с ними.

– Хорошенькие, – умилилась я и уже с умыслом спросила: – А почему у тебя шоша нет? Ты не хочешь такого спутника?

На этот раз Ньевор ответил не сразу. Поджал губы, сделал вид, что сосредоточился на намазывании розовой рыхлой массы на некое подобие булочки.

– Ешь, – вручил мне и лишь потом признался: – Шошей мало осталось. Они почти все погибли, когда мы сражались с амиотами, а детеныши у них появляются редко. Это во-первых. Во-вторых, содержать шоша – дорогое удовольствие, которое могут себе позволить только рарки с высоким доходом или статусом.

О том, что у него был свой шош, ни слова не сказал. Да только я все равно зависла, осознав суть. То есть Ньевор не всегда был нищим?

Ох, я ду-у-ура! Едва не застонала, когда в памяти лавиной пронеслись все те моменты, которые пусть косвенно, но на это и раньше бы мне указали, если бы я внимательнее была!

Непростительное для бедняка расточительство, когда он заставил меня выкинуть сельскую одежду настоящей Деи.

Столь же плачевная судьба разорванного платья, которое теоретически можно было бы и зашить. Соответственно, сэкономить на покупке нового.

Тяга к красивым вещам, в которые он меня наряжал, невзирая на скромные доходы...

Хорошее образование, раз такую сложную работу может выполнять. А это наверняка не всем доступный уровень обучения. В том числе финансово.

Об устройстве дома дагодена рассказал со знанием дела.

В курсе протокола празднования и кого сюда приглашают.

Помосты с шашами и тарелками его не шокируют.

И вызов... Вызов, который он бросил отцу! Тот самый, что заставил его отказаться от прошлой жизни и всего добиваться самостоятельно...

Подняла глаза на рарка, прическа которого сегодня была безупречной, даже челка лежала примерно, лишь чуть-чуть опускаясь ниже бровей. И потому я с легкостью увидела – смотрел он на меня с совершенно непонятным умилением.

– Что? – удивилась.

– Ты, похоже, за ночь сильно проголодалась, – улыбнулся Ньевор, указав острым подбородком на стоящую передо мной тарелку.

Опустив взгляд туда же, я ойкнула. Она же полная была! А теперь на ней почти ничего нет. Получается, я в эти несколько минут на нервной почве все умяла?

– Просто вкусно, – нашла себе оправдание и вздрогнула от раздавшихся за моим плечом голосов, прозвучавших практически в унисон:

– Вот обжора-то.

– Приятно, когда гости не стесняются выражать получаемое ими удовольствие.

Медленно повернувшись, сначала встретила глазами с такими же янтарно-оранжевыми бусинками на узкой мордочке, что и у Таша. Подняв голову выше, напоролась на не менее пристальный взгляд брюнета. На меня изучающе смотрел дагон... Дагон Дьер Шайхот!

Сердце подпрыгнуло до самого горла, упало обратно и суматошно забилося в грудной клетке. Вот он – шанс! Только... Только как ему про флакончик сказать? Я не хотела это делать при свидетелях, мало ли, вдруг действительно секретная информация. Не зря же староста говорил о своем поручении с такой таинственностью.

– Моя спутница с не меньшим удовольствием провела ночь со мной на кровати в комнате, которую нам выделили, – вмешался Ньевор, прерывая судорожные метания моих мыслей.

Я же, маскируя смущение, схватилась за стакан с фиолетовым напитком и утопила в нем нос.

– Ванну тоже оценила, – с отчетливой издевкой добавил еще один голос. Тот, что называл меня обжорой. – Теперь пахнет приятно.

Поперхнувшись, я едва не захлебнулась. Это шош? То есть шош дагона меня в первую встречу оскорбил, а не он сам?

Пока откашливалась, а Ньевор помогал мне вытираться салфетками, возмутительная в своей наглости пара ушла. Видимо, не пожелав любоваться грязнулей круглоухой. Я же осталась с невыполненным долгом, в полной растерянности и со спутником, одобрительно мне сообщившим:

– Молодец, что промолчала.

– Насчет чего? – напряглась я. Ну а вдруг Ньевор тоже шошей слышит!

– Удовольствия, – вздохнул рарк.

Ясно. «Обжора», как и «воняет», прошли мимо его ушей. Но почему?

Вопрос так и рвался с языка. Меня даже откровенная демонстрация несуществующих отношений не настолько сильно зацепила. Хотя, конечно, тоже подозрительный и непонятный момент. И потому, то есть с позиции логики разговора, начала я с него.

– А почему ты сказал, что мы ночью... развлекались?

Последнее слово едва выдавила, осознав неожиданно накатившее смущение. Даже кровь к лицу бросилась, когда перед глазами возникла картинка того, что могло между нами происходить. К счастью, Ньевор этого не понял, решив, что я просто не хочу, чтобы нас слышали другие. Потому и ответил тихо, склонившись к моему виску.

– Чтобы уравновесить наши достоинства. Он заметил, что тебе нравится еда в его доме, и подчеркнул это, ожидая нашей реакции. Если бы я промолчал или ты словами подтвердила, и то и другое стало бы признанием за дагоном права на безапелляционное доминирование по отношению к нам.

– То есть его... комплимент... на самом деле был вызовом? – ошалела я от очередного выверта.

– Нет, – поморщился Ньевор. – Дея, я же тебе объяснял. Вызов – это условия, на которых в дальнейшем строится иерархия тех, кто в нем участвует. И это очень серьезный шаг. Настолько, что до него стараются... ну... прощупать противника. Узнать его силы и настрой. Может, он вообще не хочет соперничества и готов уступить сразу. Это пусть и не такая приятная, но тоже победа.

– Поня-я-ятно... – чуть растерянно протянула я. – И ты своим ответом показал, что...

– Что я уступать не собираюсь и мы с ним на равных, потому что тебе в одинаковой степени хорошо и с его «подачи», и с моей.

М-да... Чувствую, у меня мозг взорвется, если рарки продолжат свое... гм... общение. А мне определенно надо молчать!

Ага. Помолчишь тут, когда даже животные... тьфу!.. шоши разговаривают. Кстати!

– А шоши? Если у них нет этого... речевого... – вновь пришлось изображать из себя глупышку, лишь бы прояснить и этот нюанс.

– Аппарата, – подсказал Ньевор, и я, благодарно кивнув, продолжила:

– Тогда как об их разумности узнали?

– Я расскажу, только... – Ньевор осмотрел зал, где мы остались практически единственными гостями. – Не здесь. Ты наелась?

Более чем!

Я вскочила с диванчика едва ли не раньше, чем он закончил вопрос. Вот только быстро информацию получить все равно не удалось. Перво-наперво меня отправили переодеваться – салфетки впитали жидкость, а пятна на блузке и юбке все равно остались. Когда же я, сменив наряд, вышла из ванной, Ньевор, ожидающий меня сидя на кровати, недовольно поморщился.

– Что не так? Ты же сам выбирал, – удивилась я, осматривая очень даже симпатичные белые брючки, расклешенные на щиколотках, и разноцветную блузку навывпуск.

– Я рассчитывал, что ты это на станции носить будешь. Для этого места слишком простенько... Ладно, – решительно хлопнул себя по колену и поднялся. – Пойдем по магазинам.

– А шоши? – расстроилась я.

– По дороге расскажу, – пообещал рарк.

И действительно рассказал. К тому времени, когда мой гардероб пополнился внушительным запасом платьев, мой мозг получил ничуть не меньший багаж новых сведений. Некоторые из них подтвердили то, о чем я уже начала догадываться, а некоторые стали настоящим открытием.

В общем, виной всему действительно оказалась... мрисса! Ею исконно лакомились древние шоши, бдительно охраняя территории, где эти растения росли. Возможно, именно благодаря этим ягодкам шоши сначала общались между собой, а потом наладили контакт и с остроухими рарками, позволив им одновременно с собой отведать чудодейственных ягодок.

То есть я была права – мрисса-мудрисса на самом деле является связующим звеном, помогая создать некий временный симбиоз, в который включаются ягодки и те существа, кто их в себя, собственно, проглотил. Ну а эффект этого симбиоза – в возможности слышать мысленную речь.

– Мысли? То, что думаешь? – попыталась уточнить я.

– Нет, только то, что хочешь сказать, но делаешь это, не произнося ничего вслух.

– Как же так получается?

– Я не биолог, Дея, – развел руками Ньевор. – Мне механизм взаимодействия не интересен. Я вообще сомневаюсь, что кто-то досконально его изучил. Исследования мриссы запрещены, а сбор находится под жестким контролем.

– Почему?

– Растение редкое, растет не во всех провинциях, и урожайность низкая. Оно поэтому и стоит дорого. Да и не применяется больше нигде, только хозяева шошей его покупают, чтобы своих питомцев понимать.

– А чужих? – осторожно поинтересовалась я.

– Для этого надо вместе с чужим шошем мриссу съесть. А это проблема. Знаешь какие они... своенравные создания?

О-о-о... Могу себе представить. С одним плодотворно пообщалась, едва сумев убедить, что вовсе не дура, от второго о себе «лестную» характеристику узнала.

Но самое главное – для себя заметку сделала: слышать шошей ненормально. Так что, встречаясь с рарками, придется делать вид, что

я не только немая, но и глухая. Мне проблемы не нужны. Вопрос, как сообщить дагону о поручении старосты, в таких условиях становится еще более актуальным, а задача видится просто невыполнимой.

К тому же Ньевор от меня ни на шаг не отходит. В магазине рядом, в парке со мной и в столовой. Я уж не говорю про ночь. Не то чтобы он за мной следил или подозревал. Наверное, просто не хотел, чтобы мне было одиноко. Ну и защищал от возможных провокаций и излишнего внимания. Иначе объяснить его поведение я не могла, он ведь сказал, что никогда больше не будет во мне сомневаться. А уж что-то, но свои обещания этот парк не нарушает.

Любопытно, а как остальные? Я же, по сути, мало с кем так близко и долго общалась. Ньевора мне не с кем сравнивать, кроме как с Лаитом и тем настойчивым охранником на станции. Впрочем... может, и незачем?

Украдкой смотрю на профиль, острые черты которого сейчас кажутся еще более резкими из-за контраста света и тени: атмосферная дымка почти погасла, в парке сгущается темнота, а лицо парка освещается бликами, идущими от экрана. Вот только если раньше оно казалось мне хищным и опасным, то теперь ощущения совершенно иные. Его лицо завораживает и притягивает своей необычностью. Но еще больше тем, каким характером обладает тот, кто под ним скрывается.

– Скучно? – не знаю как, но мое внимание Ньевор заметил. Даже маленький планшет, с которого читал, на колени опустил. – Может, спать пойдем? Завтра еще один бесполезный и долгий день будет.

– Не хочу спать, – отрицательно помотала головой. – И вообще я насиделась в четырех стенах, да и ты тоже. Хоть пару дней давай проведем на улице.

– Но ночевать-то мы не можем на скамейке, – засмеялся парк. – Иначе дагон решит, что мы ему готовы вызов бросить, раз от предоставленной комнаты отказываемся.

– Ладно, – покладисто согласилась я. – Ночевать пойдем к себе. А до этого... – Потянулась, с интересом заглядывая в экран планшета, где среди формул и символов угадывались очень знакомые. – Расскажи, чем ты сейчас занят?

– Ты же все равно не поймешь, – необычайно ласково хмыкнул Ньевор. Оттого его слова не показались мне обидными.

– И не надо, – улыбнулась я. – Это же ты новый проект обдумываешь? И хочешь, чтобы его детали сложились побыстрее, верно? Значит, тебе нужен этот... как его... – нахмурилась, приложив палец ко лбу. Мол, трудное слово вспоминаю. – А! Вот! Мозговой штурм!

– Дедушка говорил? – губы моего спутника тоже растянулись в улыбке.

– Ага, – уверенно кивнула я. – Еще он говорил, что штурмовать надо вслух. А там, глядишь, и мысль какая умная проскочит, которую в других обстоятельствах мог упустить.

– А что? Возможно! – с энтузиазмом принял предложение Ньевор и – о чудо! – заговорил!

Он сам с собой обсуждал идею, сам себе перечислял проблемы, сам себя убеждал, опровергал, доказывал... И даже не догадывался, с каким наслаждением я его слушала! Каким восторгом наполнялась моя душа, когда ответ, который приходил мне в голову, Ньевор тоже находил! Моих подсказок совсем не требовалось, зато прекрасно срабатывали воодушевление в глазах, если я чувствовала, что он движется в правильном направлении, или задумчивое внимание, если я тоже сомневалась в истинности пути. И тогда он нащупывал новый.

В один прекрасный момент, когда последняя из особо коварных постоянных, не желающих находить себе место, неожиданно элегантно вписалась в формулу, Ньевор не выдержал. От радости забыв обо всем, схватил меня в охапку и, буквально сорвав со скамьи, закружил.

– Дея, Дея! – повторял суматошно. – Ты хоть понимаешь, что это значит?! Это значит, что временное торможение может быть *управляемым*! Мы надеялись лишь на спонтанный эффект, а тут...

Я понимала. И радовалась ничуть не меньше него. Особенно тому, что в моей голове, на основе этой самой формулы, начала рождаться схема аппарата, способного изменить скорость хода времени. И теперь мне было безумно интересно – рарки пойдут по аналогичному пути или в основу их модели ляжет какой-то иной принцип?

Схема, правда, пестрела изрядными дырками и допущениями, но подумать над тем, как сделать ее целостной, мне мешали... руки Ньевора. Очень уж крепко они сжимали мою талию и не давали связно мыслить. И даже то, что ноги уже стояли на земле, ничуть не снижало той бури эмоций от нежданной близости, что захлестывала с головой.

И, похоже, не только меня. Ньевор тоже тяжело дышал, всматриваясь в мое лицо.

– Может, вызов, который был между нами, ты уже выиграл? – прошептала я с робкой надеждой, пытаюсь вспомнить, что там было за условие? Что я тогда сказала?

Кажется: «ты сможешь начать за мной ухаживать...»

– Когда командировка закончится успешно, – неожиданно продолжив мою мысль, тяжело вздохнул Ньевор. Убрал руки и отступил на шаг. – Она еще не закончилась, Дея. И успех пока только на бумаге.

– Но даже это здорово! – оптимистично воскликнула я, ободряя и не позволяя угаснуть той маленькой искорке счастья, что на миг нам удалось ухватить. – Идем спать! Завтра снова поштурмуем!

«Завтра» началось поздно. Мы банально проспали, потому что легли поздней ночью, и на завтрак явились в столовую самыми последними. В том смысле, что там уже и народа практически не было, наш столик оставался единственным накрытым и незанятым среди тех, что были уже пусты, и тех, где гости трапезу уже заканчивали.

Между прочим, не только гости! Хозяин особняка (я постепенно пришла к мысли, что называть домом это глобальное сооружение как-то дико) не являлся исключением. И сейчас он сосредоточенно, с несомненно хорошим аппетитом жевал, глядя сквозь прозрачную стену, рядом с которой стоял его стол.

А вот шош дагона уже не ел. Лениво развалился на лежанке, отвернув морду в сторону, и в глазах его мне чудилось сытое отвращение.

– Наконец-то явились. Мы тут скоро лопнем, вынужденно изображая неутолимый голод, а они спать изволят, – услышала я его сварливое ворчание. Пусть не так отчетливо, как в прошлый раз, скорее приглушенно, но наверняка из-за не самого маленького расстояния.

Вынужденно? Я аж запнулась на ровном месте от неожиданности. Это что значит? Они нас ждут, а вид делают, что не ждут? Но почему? Зачем? Или я, опять же из-за дальности, неправильно слова расслышала?

– Осторожнее!

Почувствовала руку, подхватившую меня под локоть и больше уже не отпускавшую до тех пор, пока я не села на диванчик. Но даже после этого я не сразу смогла сосредоточиться на блюдах, утихомиривая желание обернуться и посмотреть на странно себя ведущую пару.

– Спать хочешь? – по-своему расценил мою заторможенность Ньевор. – Можем после завтрака вернуться в комнату, и ты приляжешь еще немного подремать.

– Давай лучше снова в парке посидим? Там тебе вроде бы хорошо думается. И мне приятнее на воздухе находиться.

Я заставила себя выбросить из головы странности пригласившего нас хозяина и сосредоточиться на своем спутнике. Ну и на еде, разумеется, ведь она что вчера, что сегодня была достойна всяческих похвал.

– Точно... В поселении ты могла свободно выйти из дома и весь день провести на улице, а в городе с этим сложнее. Как я раньше об этом не подумал? Надо было почаще с тобой гулять, – укорил самого себя Ньевор. Расстроился так, что даже очередную ложку каши из вальесы не на свою тарелку положил, а обратно в емкость с внутренним подогревом.

– Ты не мог чаще. Тебе нужно было нас двоих обеспечивать, авторитет на новой работе получать, проблемы решать, – оправдала я его. А то ведь, не ровен час, повесит на себя вину и сочтет ее компенсацию новым вызовом. А мы еще с прежним толком не разобрались!

Наложила кашку себе, заодно добавив пару ложек Ньевору.

– Откармливает, – со знанием дела прокомментировал мои действия...

Шош! Он снова был совсем рядом. Сунул свою узкую морду мне под локоть, словно оценивая – не слишком ли много ценной вальесы мы намерены съесть? И ладно бы просто сунул, так ведь еще и толкнул! А я, не ожидавшая подобной подставы, дернулась. И ложка в моей руке тоже дернулась. Ну и каша, само собой.

Вот только если руку я остановила, ложку удержала, то кашу перехватить оказалось из разряда нереального. И она благополучно приземлилась на пиджак Дьера Шайхота, остановившегося рядом со своим питомцем!

– Ой...

Первый порыв – извиниться, пресекла вовремя. Молчать, молчать и еще раз молчать!

Посмотрела на медленно сжимающиеся кулаки моего спутника и осознала: нет, все же говорить. Иначе это сделает Ньевор, и не факт, что результат будет приемлемым.

– Пушистик! – умилилась наглой морде. – Ты чего толкаешься? Голодный? Тоже кашу хочешь? На, поешь.

– Пушистик? Это я-то пушистик?! – возмущенно зашипел шош, сразу отскочив от меня метра на два. А может, от тарелки, которую я ему протянула.

– Она съедобная! – естественно, я сделала вид, что понимаю только реакцию, а не смысл его повизгиваний. – И очень вкусная! Правда, правда!

– Ему нельзя кашу, он на диете, – Дьер Шайхот спас питомца от моей настойчивости. – Хас, уймись! – приказал никак не желавшему прекращать ругаться, чуть ли не плюющемуся раздражением шошу, который уже и шерсть вздыбил, и зубки показал, и боком ко мне повернулся, выгнув спину, как это делают кошки, когда сердятся. Только что хвост столбом не поднял. Впрочем, последнее как раз понятно – проделать такое с пятнадцатисантиметровым обрубок проблематично.

Шош послушно вернул себе нормальное положение тела, пасть закрыл, на пол уселся. Уровень негодования снизился. Внешне. Однако мысленно он возмущаться не перестал.

– Вот чуть что, сразу Хас виноват... Сам напридумывал махинаций, а я крайний оказываюсь. И перед кем приходится унижаться?! Перед круглоухой обжорой, которая только думает, как бы своего любовника откормить... Еще и мне хозяйскую кашу предлагает. Да тут вся еда мне принадлежит!..

Стараясь не рассмеяться, я вернула тарелку на стол, а дагон... Если он и слышал в этот момент своего шоша, то очень хорошо его нытье игнорировал – на лице ни один мускул не дрогнул. Впрочем, нет, уголки рта все же поползли вверх, видимо показывая доброжелательный настрой, да и обратился к нам рарк более чем дружелюбно:

– Судя по тому, что обсуждалось на совете тетрады, реализация проекта, который ты, Ньевор Хот, курируешь, повлияет на многие сферы жизни. Экономические и производственные в том числе. Мне хотелось бы воспользоваться твоим присутствием здесь и получить некоторые разъяснения, чтобы лучше видеть перспективу для своей провинции.

Пока говорил, снял испачканный пиджак и небрежно бросил его моментально подскочившему служащему, оставшись в тонкой белой рубашке, заправленной за коричневый ремень на светлых бежевых брюках.

– Сегодня днем у меня, к сожалению, не будет на это времени, а вечером... – он на несколько секунд задумался, словно перебирал варианты. Хотя мне кажется, все просчитал и продумал заранее. – Да, вечером я буду свободен. За тобой зайдет сопровождающий. – Снова задумался и исправился: – За вами обоими. Ты наверняка не захочешь оставлять свою спутницу, так что найдем и для нее интересное занятие, пока будем беседовать. Идем, Хас.

Подтверждения дагон ждать не стал, ушел уверенный, что от таких предложений не отказываются. А ведь предложение крайне подозрительное! То есть не само предложение, а то, какую бурную деятельность развили, чтобы его сделать.

– Пойдешь? – осторожно спросила я, когда рыжая толстая попа тоже исчезла за тканевой занавесью входа.

– Да. А что? – Ньевор, взявшийся было за приборы, чтобы наконец съесть остывший завтрак, замер, ожидая ответа.

Я открыла было рот, чтобы высказать свои подозрения, но в итоге лишь впихнула туда ложку каши и отрицательно мотнула головой. Ну а что я ему скажу? У меня ведь никаких доказательств, кроме слов шоша. Да и о них я не могу рассказать, не выдав себя.

«Ешь, ешь» – показала глазами, подавая пример и проглатывая тающую на языке массу. Даже холодная, она была изумительна.

– Ты молодец, что сдержалась, – неожиданно похвалил меня рарк, когда трапеза уже подходила к концу. До этого он что-то тщательно обдумывал, и я тоже молчала, не желая ему мешать. Конечно, ход его мыслей был мне интересен, но не настолько, чтобы лезть с глупыми вопросами.

Зато теперь, когда Ньевор заговорил, для них самое время!

– Значит, тебе тоже показалось, что шош специально меня толкнул?

– Может, специально, а может, и нет, – пожал плечами собеседник. – Но брать вину на себя в любом случае не нужно. Не мы к ним подошли, а они к нам, так что все последствия автоматически становятся их проблемой. К нам не может быть никаких претензий.

– Так вот почему Дьер Шайхот сделал вид, что его не волнует испачканная одежда, – ахнула я в лучших традициях какой-нибудь мыльной оперы. Хотя проявленного безразличия на самом деле не поняла.

– Поверь, Дея, – засмеялся Ньевор, – у дагона достаточно костюмов, чтобы не делать из этого трагедию.

– А ведь я действительно чуть было не начала извиняться, – призналась я.

Расслабилась. И совершенно напрасно, потому что веселость моего спутника тут же превратилась в серьезную озабоченность.

– Я этого и опасался. Твое постоянное стремление поблагодарить, извиниться, уступить... – он покачал головой в раздумьях. – Иногда, само собой, все это допустимо. Как исключение, в особых ситуациях. Но у тебя оно просто рвется наружу по малейшему, самому незначительному поводу. Видимо, ты с детства привыкла так реагировать. Но ведь твой дед, при всех его странностях, вряд ли стал поощрять подобное поведение. Тогда откуда в тебе все это?

У меня в груди похолодело. Он догадался? Мне придется признаваться именно сейчас?

И тут же нахлынула паника. Я не готова! Не уверена! Да, Ньевор столько для меня сделал, он мой друг... Нет! Больше, чем друг, но... Но в этом-то и проблема!

То есть в том, что это я хочу быть к нему ближе. Видеть в нем любимого, а вовсе не лучшего друга! А как он сам ко мне относится, пока совершенно неясно. И как поступит, узнав, кто я на самом деле, если, например, видит во мне лишь временную замену той девушке, которую вынужденно оставил в прошлом, как и остальную свою жизнь? Он ведь запросто спишет меня со счетов, решив, что связь с инопланетной девицей это тоже... ненормально. А если сжалится и оставит при себе, то лишь до момента, когда свой вызов отцу выиграет

и его бывшая любовь бросится к нему с распростертыми объятиями. Что после этого ждет меня? Наверняка ничего хорошего.

По всему выходит, нельзя мне себя раскрывать. Надо снова изобретать удобоваримую ложь, хоть немного похожую на правду.

– Так у меня же и родители... были.

Тактику проявила обычную, не раз хорошо себя зарекомендовавшую, – оставить продолжение на усмотрение собеседника, в надежде, что он сам додумает и подскажет правильное продолжение. И ведь не ошиблась. Ньевор на мгновение замер, а потом хлопнул себя ладонью по лбу.

– Точно! Конфликт интересов! В разной по менталитету семье каждый пытался воспитать тебя в соответствии со своим образом мыслей. Родители учили быть услужливой и покладистой, раз уж ты круглоухая, а дед, когда у него оказалась, наверняка злился и ругался, что ты такая слабохарактерная и глупая выросла. Требовал перестать заискивать – как-никак ты же внучка старосты! Начал прививать тебе поведение остроухих и поучать, чтобы не раздражала неприлично уступчивым характером и дуростью. Так?

Само собой, я кивнула. Еще раз. И еще пару, для верности. Да я китайского болванчика изображать готова, лишь бы Ньевор и дальше продолжал изобретать вот такие логичные объяснения, спасая меня от разоблачения!

– Оттого, когда мы начали общаться, мне и казалось, что ты пытаешься подражать остроухим.

– Тебя это очень раздражало, – напомнила я.

– Потому что бессмысленное поведение, ушами-то не вышла.

– А теперь тебе не нравится типичное для круглоухой поведение, – невесело усмехнулась я, намекая на явную нелогичность его же собственных слов. – Как и моему... деду.

– Он тебя оберегал, – нахмурился мужчина. – А сейчас тебя защищаю я. И хочу, чтобы ты мне доверяла и вела себя... – запнулся, видимо только в этот момент осознав, что сам себе противоречит.

– Как остроухая? – закончила я за него и вздохнула. – Знаешь, кого я сейчас сама себе напоминаю? Иероглиф. Ты вертишь мной, пытаешься отыскать удобный для тебя в данный момент угол чтения. Повернешь так – одно увидишь, посмотришь с другой стороны – иную суть

разглядишь... А я единообразная по смыслу! Уж какая есть... – добавила совсем тихо.

Наверное, в точку попала, потому что Ньевор надолго задумался. Он даже не сразу отреагировал на бурную деятельность, которую вокруг нас развили служащие столовой, сначала просто убирающие посуду и поправляющие скатерти, а затем перешедшие к более глобальным перестановкам столов и стульев... Они определенно пришли в отчаяние оттого, что последние посетители никак не освобождают помещение и не понимают намеков.

Но даже после того, как мы оказались в парке, разговорчивость вернулась к мужчине не сразу. Я за это время успела по дорожке пробежаться, догнать какую-то пеструю летающую тварь, заглянуть под куст, куда животинка забралась, а узрев, как она сама себя рвет на части, обливаясь кровью, взвизгнуть и броситься обратно.

– Он там!.. Оно там... – у меня от шока все слова пропали разом. Пальцы намертво вцепились в плечи рарка, который неторопливо шел следом.

Оторвать меня сейчас от него мог только бульдозер. Наверное, поэтому Ньевор и пытаться не стал. Погладил по голове и «успокоил»:

– Просто пьежка решила, что ты на нее охотишься. Вот и фрагментирует, чтобы ты ее не поймала и не съела. Теперь их станет несколько маленьких, таких хищники не трогают. У пьежек хорошая регенерация.

А у меня, похоже, слабая нервная система. И подобные зрелища мне противопоказаны. Даже если не заканчиваются смертельным исходом.

– Хочешь убедиться? – Ньевор потянул меня к кусту.

– Нет! – взвизгнула я. И лишь когда мы отошли подальше, поинтересовалась: – А ты откуда про пьежек знаешь? Говорил, что биологией не увлекаешься.

– Я да, а мой старший брат наоборот. Знаешь сколько лекций в детстве мне пришлось выслушать? Особенно пока он учился. Зато благодаря ему я понял, что мои интересы лежат совсем в иной плоскости. И предпочел техническую специальность.

А вот это уже интересно! Откровений о семье я не ждала совершенно, и потому признание стало приятной неожиданностью. И вот честно, я бы с удовольствием узнала что-нибудь еще, да только

Ньевор решил, что с меня и этого достаточно. Продолжать не стал. Я настаивать не рискнула, справедливо рассудив, что если он один раз «проговорился», значит, дело пошло.

Время до назначенной дагоном встречи прошло быстро и незаметно. Краткая прогулка по парку, ставшему для меня куда менее привлекательным. Еще один сеанс мозгового штурма, озадачивший Ньевора очередной пока неразрешимой проблемой, а меня обеспечивший новым «пробелом» в схеме аппарата. Потом поход в магазин, где мы забрали заказанные вчера вещи...

– Вот это надень, – когда вернулись к себе, попросил Ньевор, вытащив из пакета бледно-зеленое платье в пол и такого же цвета туфли.

Я, конечно, спорить не стала, хоть и скептически посмотрела на разрез до середины бедра. Впрочем, верх у наряда был совершенно не вызывающим, лаконичным – вырез лодочка, короткие кружевные рукавички. Да и вообще, парку точно виднее, как мне сейчас нужно выглядеть.

Волосы я распустила, зная, что ему так больше нравится. Пусть даже Ньевор ничего на этот счет мне не сказал и даже не улыбнулся, когда я вышла к нему при полном параде. Все равно я чувствовала, что ему приятно. Просто сейчас он не может себе позволить другого поведения, сам же говорил, что оно будет неприличным без победы в вызове.

Потому я и решила не акцентировать внимания на его реакции. То есть на отсутствии одобрения и восхищения. Мне собственного возбуждения хватало в плане эмоциональной составляющей – как-никак к дагону идем! А ведь у меня для него поручение есть. Пусть даже пока неясно, как я его передам, но именно это мое сознание и будоражило, заставляя невольно торопить события.

В нетерпении ходить от окна к кровати, ожидая, пока Ньевор тоже посетит комнату гигиены. Притоптывать на месте, наблюдая, как он поверх белой рубашки надевает синий пиджак, на тон темнее брюк. И первой выскочить на лестницу, едва мужская рука открыла дверь.

Чтобы попасть в ту часть особняка, где жил его хозяин, нам пришлось снова пройти через весь парк. К счастью, появившийся из ниоткуда, едва мы спустились, сопровождающий шел быстро, и потому о судьбе несчастной пьежки я вспомнила лишь мельком. Меня

куда больше занимала проблема ковыляния по гравию на каблуках. Не самых высоких, но определенно неудобных для таких скоростей и поверхностей.

Потому и смотрела я больше под ноги, чем по сторонам. А потому в первую очередь увидела бархатную зеленую дорожку, украшенную по краям золотой вышивкой, и лишь затем, подняв взгляд, окружившую нас красоту. Тихо ахнула, широко раскрыв глаза и, наверное, рот. И было от чего, ведь даже роскошный интерьер правительственного здания, где заседала правящая тетрада, не мог сравниться с... этим!

Мы будто оказались внутри кристалла, поверхности которого мало того, что даже формой напоминали ребристые грани, так еще и казались выточенными из белесо-прозрачного камня. В его глубине плыли редкие радужные переливы, настолько необычные, что заставляли всматриваться, ловить и ждать их появления. И все это дополняла музыка. Негромкая, но ритмичная, она рождалась звонкими вибрациями, затухала, вновь нарастала, сопровождаясь постукиваниями и тягучим свистом. А когда я уловила в этих звуках что-то несомненно земное, у меня мурашки по коже побежали и дыхание перехватило.

– Нравится? – раздался за спиной, словно ледяной водой окатил, сильный мужской голос.

Само собой, я обернулась. Хорошо хоть не подпрыгнула от неожиданности, сдержалась. Как и в том, чтобы промолчать, предоставив возможность отвечать Ньевору.

– Дея любит все яркое и необычное. Голограммы в музее рассматривала с интересом, когда мы были там на экскурсии. В поселении такого не увидишь. И удивительно красивых мелодий не услышишь.

– Я, в общем-то, поэтому вас в музыкальный зал и пригласил, – тут же нашелся дагон. – То есть мы с тобой в соседней комнате поговорим, а Дея здесь останется. Ей не будет скучно. И не страшно. Тебя будет видеть.

Он указал рукой на одну из стен, чуть менее мутную, за которой угадывался иной интерьер. Кабинет, несомненно: диван, несколько кресел, стол. Кстати! А мне все это время стоять придется?

Не придется. Поняла это, не успев даже додумать, – тот самый мужчина, который провожал нас сюда, поставил передо мной стул без спинки, похожий на банкетку.

– Устраивайся, Дея, – любезно предложил Дьер Шайхот. – Постарайся здесь ничего не трогать и нас не отвлекать.

Последнее прозвучало странно. Предупреждающе и одновременно с оттенком обреченности, словно он заранее был готов к тому, что я быстро забуду о его просьбе. Впрочем, объяснение найти было не сложно. Я же глупая, значит, память у меня короткая. А разговор, видимо, будет долгий.

Хоть и хотелось мне при нем присутствовать – как-никак планы-то будут обсуждаться грандиозные! – а пришлось подчиниться. Послушно сесть на мягкое сиденье, чинно сложить ладони на коленях и улыбнуться. Сначала Ньювору, потом дагону. На всякий случай, чтобы «уравновесить». Ну и сделать вид, что увлеклась очередным радужным пятном на стене, появление которого сопровождалось нарастанием новой музыкальной композиции.

А потом и на самом деле увлечься. Очень уж завораживающими были сочетания цветов и звуков. Да и сознание невольно на мелодии концентрировалось в трепетном ожидании повторения тех самых знакомых мотивов, что поразили меня с самого начала...

Глава 11

Противостояние

Нарастающие громкие звуки стали совершенно не слышны, едва Ньевор следом за Дьером зашел в кабинет. Сел в кресло, не акцентируя внимания на том, что старший брат остался стоять, глядя сквозь прозрачную стену на гостью.

– Так, – сосредоточился на теме, которую предполагалось обсуждать. – Значит, по твоей провинции... Самого процесса перемещения мы практически не заметим из-за временного стазиса. Последствия проявятся после возврата к реальному ходу времени. Первыми изменятся астрономические параметры, затем пойдут по нарастающей климатические реверсии. Тектонические подвижки тоже возможны, но пока прогнозы не точны. О чем ты хочешь знать в подробностях в первую очередь?

– О ней.

– О ком? – удивился Ньер и лишь затем, сообразив на кого смотрит родственник, нахмурился. – Не понял.

– Что ж тут непонятного, Ньер? – хмыкнул Дьер, прекращая рассматривать девушку и оборачиваясь к брату. – Сколько времени прошло, а ты по-прежнему возишься с этой круглоухой. Не надоело?

– Честно? Нет.

– Хм... – Дагон опустил в свободное кресло, закинул ногу на ногу и расправил светлые брюки. Время тянул намеренно, обдумывая, как повернуть разговор в нужное русло, чтобы все же обойтись без вызова. Шансов было немного, но и попытка возможна. – Не надоело... – повторил ответ и кинул взгляд на девушку, смирно сидящую на банкетке. Качнул головой, вновь встречаясь глазами с братом. – А знаешь, Ньер, я тебя понимаю. Самочка привлекательная и наверняка в постели хороша, самое то, чтобы без особого труда сбросить напряжение. Но... Тебе послезавтра лететь на орбиту, а там зачем такая обуза? Вернул бы ты ее домой. Кстати, я могу посодействовать, если тебе некогда. Она ведь, кажется, из селения в моей провинции?

– Верно, из твоей. Но я ее туда не отправлю.

Секунду назад надежда теплилась в душе, теперь же дагон испытал разочарование. Ответ однозначный – договора не получится. Значит... Придется надавить.

– Оставишь при себе любовницей? Снова возьмешь на станцию? – Он нахмурился. – Ты точно заразился от нее глупостью. Это сейчас она около тебя держится, потому что ты ей все свое внимание и время уделяешь. А когда в работе погрязнешь по уши? Что будет? Да она же к первому встречному в постель прыгнет, чтобы тебя заменил. Тебе это надо?

– До этого не прыгнула, – лаконично сообщил Ньер. – Предложения ей делали, – опередил брата, предугадав предположение, что просто не было соблазна, вот и вела себя моногамно.

– Ну если ты в ней... то есть в себе уверен... Только все равно в итоге ты сам долго не выдержишь. С ней же ни побеседовать толком, ни что-то интересное обсудить. Шоши и те умнее. Тебе нормальная девушка нужна!

Ньер мысленно усмехнулся. Вовсе не глупа Дея – он с каждым днем все больше в этом убеждался. Однако брату сообщать не стал, прекрасно понимая, насколько этот факт покажется Дьеру нереальным. Потому предпочел скрыть истину за куда более простыми рассуждениями.

– Из всех минусов, о которых ты говоришь, по сути, одни плюсы получаются. Для интима есть безотказная любовница, для бесед у меня будет Таш, когда вернется, а научных споров на работе хватает. Где здесь место для остроухой? К тому же, выбирая между меркантильностью и глупостью, я предпочту второе.

– Ах вот в чем дело! – стукнул себя по лбу дагон. – Риви? Это из-за нее?

– Я уже давно забыл эту девицу.

– А она тебя нет. Недавно совсем интересовалась, нет ли от тебя вестей.

– Поразительная верность пустому месту, – язвительно хмыкнул Ньер.

– Не такому уж и пустому. Ты же сын дагодена.

– Вот и я о том же. Кроме этого, во мне нет ничего привлекательного. Она же не осталась со мной, когда узнала, что я

отказываюсь от имени и всего того, что у меня есть. Отступила, не приняла ответного вызова и не стала моей спутницей.

– Напрасно ты ее осуждаешь. Девушкам сложно переносить лишения. И это нормально для их природы – они о будущих детях заботятся. Я думаю, Риви просто испугалась, а теперь осознала, что поступила неправильно.

– Испугалась – значит, не было в ней веры в меня и убежденности в том, что я выиграю вызов отцу. И насчет лишений ты ошибаешься, – не согласился Ньер. – Дея спокойно принимала скромные условия жизни, ничего не требовала, обходилась лишь тем, что я ей мог дать.

– Как же ты заикнулся на своей любовнице, – посетовал Дьер. – Ньер, перестань уже ее идеализировать. Она всего лишь глупая самочка, которая держится за тебя только потому, что ты рядом. Нетребовательная потому, что ей в принципе, кроме базовых потребностей, ничего не нужно! Оттого такие, как она, и не живут в городах. Это ты ни с кем из круглоухих не общался, вот и тешишь себя иллюзиями, что исключения возможны. А я три семестра изучал их психологию и физиологию. И практику в селении проходил.

Ньер, с трудом сдерживающий эмоции, пока брат говорил, вскочил, сжав кулаки.

– Дея не такая, – прошипел яростно.

– Все круглоухие такие, – не отступил Дьер, также поднимаясь. – Недальновидные, необучаемые, сексуально озабоченные, трусливые, не имеющие ни силы воли, ни терпения, ни ума...

Он, не договорив, оглянулся, отыскивая взглядом девушку. Увидев ее не сидящей на банкетке, а стоящей у проекционной стены, испытал настоящее удовлетворение. Однако эмоции тщательно скрыл, не позволив им отразиться на лице.

– Вот, смотри, – намеренно сочувственно вздохнул. – Я же просил ее спокойно посидеть и ничего не трогать. Любая остроухая именно так бы и поступила. А ты говоришь...

Ньер растерянно проследил взглядом за его рукой. Задержался глазами на изящной фигурке, которая, чуть запрокинув голову, потянулась, распрямляя спину...

– Она просто устала сидеть без опоры, – начал было оправдывать ее поступок и неожиданно понял: – Ты ее спровоцировал! Мог ведь приказать принести кресло.

– Допустим, – хитро усмехнулся дагоден. – Но я этим лишь ускорил то, что она все равно бы сделала, пусть и позже. Зато вот оно, доказательство.

– Недостовверное, – парировал Ньер.

– Можем провести эксперимент, оговорив условия. Получишь факты, в которых у тебя не будет сомнений, – на одном дыхании выпалил дагон. Не удержался, ведь разговор так удачно повернулся! И тут же понял, что поторопился.

– Тебе это все зачем? – заподозрил неладное Ньер. – Звал меня по делу, а все вопросы только о моей любовнице.

– Я не Деей интересуюсь, а твоим будущим, – поморщился Дьер, мысленно отругав себя за поспешность. – Семья для меня важнее провинции.

– Все с моим будущим нормально будет. Может, на этом завершим обсуждение личных проблем?

Младший брат вернулся в кресло. Его воинственный запал привычно быстро уступил место холодному расчету. Вот только старшему совсем не это было нужно.

– Последний вопрос. – Он обогнул свое кресло и наклонился, опираясь локтями на высокую спинку. Впилился взглядом в лицо собеседника, чтобы не пропустить ни одной эмоции. – Только честно ответь мне, Ньер. Для тебя Дея Рьяр всегда будет *только* любовницей?

Даже ударением главное слово выделил, лишь бы не дать возможности брату сделать вид, что понял суть вопроса иначе.

Ньер закаменел. Точные перспективы отношений с девушкой все еще были неясны, однако ответить утвердительно – означало признать, что серьезные намерения не рассматриваются даже в теоретическом смысле. А ведь это не так! Ее личный вызов он принял. Мало того, сам Дею к этому подтолкнул!

– Нет, – хрипло признался. – Не только.

– Граш-ш-ш... – потрясенно выдохнул Дьер, выпрямляясь. Он на другой ответ рассчитывал, а потому теперь судорожно подбирал новые аргументы, которые заставили бы брата хотя бы на время отказаться от общества девушки. – Любовница еще куда ни шло, но жена... Ты, видимо, на самом деле не осознаешь, сколько с круглоухими проблем и как с такими неразборчивыми в связях девушками сложно строить семейные отношения.

– Да я ведь уже с Деей столько времени живу! – вспыхнул Ньер. – Меня все в ней устраивает и в ее постоянстве я уверен!

– Уверен в ее верности тебе? – изумился Дьер, цепляясь за единственный, оставленный словами брата шанс. – Да ни одна круглоухая не откажется от секса, если ей его предлагают!

– Дея откажется.

– Наивный... – вздохнул дагон, подняв глаза к потолку и скрыв рвущееся наружу нетерпение.

– Откажется! – вновь повысил голос оппонент. Он клялся, что никогда не усомнится в осмотрительности Деи, в ее верности сделанному вызову, и теперь неверие брата раздражало.

– Да если бы такая девушка существовала, – неожиданно засмеялся Дьер, – я бы точно ее не упустил! И помог ей адаптироваться к жизни в обществе.

– А тебе не кажется, что я именно это и пытаюсь сделать? – раздражение начало перерастать в злость.

– Допустим, – став серьезнее, пошел на уступку дагон. – Но твои слова – лишь личная заинтересованность в этой самочке. Я поверю, когда получу неопровержимые доказательства.

– Хочешь ее соблазнить? – рыкнул Ньер, до хруста в суставах сжимая подлокотники кресла.

– Ты же в ней уверен, – миролюбиво напомнил Дьер. – Значит, у меня ничего не выйдет, и опасения излишни. Ну а если результат будет иным... Мне ни от нее, ни от тебя ничего не нужно. Достаточно того, что ты осознаешь и признаешь свою ошибку. Даже если ты все же решишь жениться на круглоухой, моя совесть будет спокойна – я сделал все, чтобы ты не совершил опрометчивого поступка.

– Что ж, попробуй. Только Дея тебя оттолкнет, – без тени сомнения прошипел Ньер.

– И что тогда? – хмыкнул дагон.

– Ты найдешь способ сделать так, чтобы с того самого момента ни от кого не было ни одного презрительного взгляда в ее сторону!

– М-м-м...

Дьер задумался. Он совершенно не представлял себе, как можно организовать то, что запросил брат. Впрочем, с легкостью задвинул задачу в дальний угол – самочка не устоит перед ним. Уж что-что, а все нюансы психологии таких, как она, ему хорошо известны. Значит,

Ньер проиграет, и поставленное им требование выполнять не придется.

– Согласен. Условие: тебя не должно быть рядом, – предупредил Дьер. – Улетишь на станцию, оставишь нас на некоторое время наедине.

– Встречное: никакого психологического давления на Дею! И ни малейшего намека на принуждение, – потребовал Ньер.

– Очень надо, – скептически проворчал его соперник. – Я даже не уверен, что захочу ее... – посмотрел на злующее лицо брата и договаривать фразу не стал. – Гм... Надеюсь, того, что она сама на мне виснет, как доказательства будет достаточно?

Понимая, что отступать поздно, Ньер кивнул. Со щемящей душу тоской посмотрел сквозь стекло на вновь присевшую на банкетку Дею, рядом с которой, нахохлившись, стоял чем-то определенно недовольный шош. Парку оставалось лишь надеяться, что он не испытает снова той горечи разочарования, которую однажды в полной мере ощутил.

Ну а дагон ждал молча, с отчетливой ясностью понимая, какие чувства сейчас обуревают брата. И тоже надеялся. На удачу в поиске изобретения Гуза и на то, что восприятие Ньером Деи изменится, когда он убедится в неприглядной реальности, которую упорно не признает.

Вызов состоялся.

Музыка лилась, прерывалась, рождалась снова... Неведомые инструменты слаженно и четко вели свои партии, дополняя друг друга. В том же темпе, поддерживая ритм и настрой, шли световые эффекты.

Красивые сочетания. Тревожные нотки. Вдохновляющие тона...

Я бы, несомненно, получила удовольствие от необычного концерта, если бы не одно «но». Вернее, целых два.

Первое – крайне неудобная мебель. Сиденье «вздутое», ткань обивки шелковая, скользкая, спинки для опоры нет. На такой больше пяти минут не усидишь.

Второе – мужчины, решившие уединиться и разобраться с политико-экономическими делами. Их фигуры были прекрасно различимы через матированное стекло, и, я уверена, меня они видели ничуть не хуже! Ну как тут расслабишься?

Вот и получилось, что сначала не выдержала моя спина, заняв и потребовав разминки. Когда же я, памятуя о просьбе пригласившего нас хозяина посидеть спокойно, вернулась на банкетку, в моей голове уже не музыка доминировала, а совсем другие мысли. Те самые, что не давали покоя с тех пор, как я узнала, в гости к кому мы едем.

Надо! Вот чувствую, надо пузырек отдать! Ведь как дамоклов меч будет висеть это обязательство, если его не выполню. Но не могу же я на самом деле взять и в лоб огорошить этим дагона?! Или могу?

Представила вытянувшуюся от удивления физиономию мужчины и хихикнула.

– Что же тут смешного?!

Раздраженное восклицание удачно совпало с финальным крещендо очередной музыкальной композиции.

«Удачно», потому что хоть реакцией на этот резкий звук можно было оправдать то, что от неожиданности я вздрогнула. Хорошо не обернулась!

– Вот точно дура. Только зря музыка играет, она все равно ничего не оценит. Ума маловато. А ведь какая партитура! Какая чистота звука! Синхронность со светорядом невероятная! Эх, совершенно бессмысленное занятие для круглоухой выбрал хозяин.

Спиной чувствуя стоящего позади меня шоша, я с любопытством прислушивалась к его недовольному ворчанию.

– Подумать только, сколько ей оказывается чести! Обедает вместе со всеми за столом, на сидухе расселась... Моей любимой, между прочим! А могла бы и на полу устроиться, привычная же.

Ого... Неужели круглоухие до такой степени примитивны? Или же это Хас сильно преувеличивает?

– Почему хозяин позволил ей здесь одной остаться и меня не позвал? Другими мыслями занят? Обо всем я сам догадываться должен... Да за такими, как она, глаз да глаз нужен! Не проявишь бдительность, и пострадает наше имущество. А оно дорогое!

Продолжая упорно рассматривать мыски своих туфелек, я выслушала очередную порцию нытья и... И не удержалась. Развернулась, впиваясь взглядом в неподвижно стоящего, нахохлившегося шоша.

– Ой! – всплеснула руками. – Пушистик!

Под негодующее «Это кто еще тут пушистик?! Я – Хас! Тебе же говорили, безмозглое ты существо!» я встала и сделала маленький шаг навстречу, коварно сообщив:

– Да, я помню, что тебя Хас зовут. Но «пушистик» мне нравится больше. И тебе очень подходит. Особенно, когда ты не шипишь...

Еще один шажок. И еще... Приближалась я медленно, говорила неторопливо, с выражением чрезвычайной заботы, не забывая выдерживать паузы. Все делала для того, чтобы опешивший и встопорщивший шерсть шош успевал реагировать, а я слышать его ответы.

– Ты специально сюда зашел? – продолжила провоцировать.

– Специальнее некуда!

– Наверное, по мне соскучился?

– Только этого не хватало!

– Может, тебя хозяин забыл?

– Никто меня не забыл! Я самостоятельный шош и хожу, где хочу.

– Нет? Значит, ты заблудился?

– Как я могу в собственном доме заблудиться?!

– Ну да, что это я глупости говорю. Ты же здесь живешь.

– Граш-ш-ш... – Хас попятился, отстраняясь от руки, которую я к нему протянула. – Дура, ты меня слышишь, что ли? Отвечай!

Сообразив, что напрасно рискую и точка невозврата того и гляди будет пройдена, я вздохнула и отступила.

– Ты меня не любишь. Плохой пушистик не хочет, чтобы Дея его гладила, – обиженно заявила, старалась, чтобы на этот раз мои слова не звучали, как ответ на вопрос. Вернулась обратно на банкетку и села, подперев голову рукой.

– Показалось. Кажется, я становлюсь параноиком, – успокоился Хас, но в тот же миг встрепенулся и уставился на фигуру дагодена за стеклом.

Несколько секунд неподвижности, и рыжая тушка поспешно рванула к своему хозяину.

– Иду! – услышала я прежде, чем шош скрылся за прозрачным углом. А еще через мгновение оттуда ко мне вышел Ньевор.

– Все в порядке? – посмотрел на меня с такой заботой в глазах, словно я не с шошем общалась, а с каким-нибудь диким животным. И выжила не иначе как чудом.

– В полном, – успокоила его, с нетерпением ожидая, что же дальше?!

– Хорошо. Тогда идем.

Ньевор сделал шаг к проему, ведущему на лестницу, а я растерялась.

– Уже уходим? – Невольно оглянулась на оставшегося за стеклом дагодена, рядом с которым теперь был его шош.

Беседуют. И, видимо, собираются это делать долго. Получается, что шанс сказать про флакончик я снова упустила? Обидно...

– Да. – Если рарк и заметил мою заминку, то акцентировать внимание не стал. Дождлся, когда я поднимусь, и продолжил говорить, уже сопровождая меня на выход. – Сейчас пойдем в столовую, потом выпишься, а рано утром поедешь смотреть восход Лидвот.

– А потом полетим на станцию? – Я вспомнила, что приглашение дагодена заставило Ньевора отложить начало работы. И не сразу до моего сознания дошло странное единственное число, в котором он заговорил о будущем. – То есть как это «выпишься и поедешь»? Я одна? А ты?

– Ты не будешь одна, – отчего-то недовольно бросил рарк. Страдальчески поморщился, снова спрятав глаза за челкой, и попросил: – Дея... Мне надо кое-что обдумать. После ужина я тебе все объясню.

Вот и как это понимать? Что же такого, кардинально изменившего планы, мужчины наобсуждали? И почему я буду одна, но при этом не одна? В чем подвох?

Вопросы одолевали, накатывало волнение, даже тревога, в предчувствии чего-то не очень хорошего. И все же я терпеливо ждала. Не мешала, внимания не требовала, вела себя тихо и незаметно. Даже ела молча, лишь, стараясь делать это ненавязчиво, поглядывала на своего спутника. Из растеряннo-задумчивого он за это время превратился в сосредоточенно-обдумывающего и тоже бросал на меня краткие взгляды, когда полагал, что я этого не вижу.

– Дея, а тебе понравился шош?

От неожиданности вопроса, а еще больше темы, которая его заинтересовала, я аж подавилась. Изумленно захлопала глазами, приходя в себя и пытаясь понять причину.

– Красивый. Но сердитый, – перечислила осторожно, так и не решив, что будет правильнее: проявить восхищение или сказать, что не в восторге. С одной стороны, обижать пушистиков не хочется, с другой, неясно, какой будет реакция на похвалу чужого шоша.

Решила: пусть рарк сам выбирает удобный ему вариант. И не ошиблась.

– То есть понравился, – сделал тот вывод, который желал услышать Ньевор. Кивнул удовлетворенно и снова ушел в себя.

Я же продолжила ужинать, полагая, что, когда закончу, мне наконец все объяснят.

Не тут-то было. Покинув столовую, Ньевор разговорчивей не стал. На полпути к дому усадил меня на скамейку, посоветовал подышать воздухом и уткнулся носом в экран планшета, который захватил с собой. Пришлось мне снова запастись терпением.

На пролетающих мимо пьежек я теперь без содрогания смотреть не могла, потому волей-неволей изучала кустики... покрытую галькой дорожку... свои новые туфли... длинные пальцы мужчины, работающие с голоэкраном... От них взгляд невольно скользнул дальше: к узким запястьям... подтянутым до середины предплечий манжетам белой рубашки... к плечам... жилистой шее... коротко постриженному затылку... Задержался на ушах, заостренные кончики которых выглядывали из-под массы темных волос и едва заметно шевелились.

Раньше я этого не замечала. Уши и уши. Ан нет, у них, оказывается, еще и подвижность другая... Нестерпимо захотелось их коснуться. Проверить, может, они и на ощупь иные? А еще зарыться пальцами в волосы и тоже... потрогать! Я же совершенно не представляю, какие они. Мягкие или, наоборот, жесткие и непослушные...

– Так, – заговорив, спас меня от соблазна Ньевор. Убрал в сторону технику и попросил: – Дея, дослушай меня до конца, не перебивая. А потом я отвечу на все твои вопросы, если они останутся.

И без того заинтригованная, я уверенно кивнула. Мысленно закрыла рот на замок, приготовилась слушать и...

– Через час я улетаю на станцию.

Услышав в чем-то даже ожидаемое признание, я расстроилась. Разочарование, обида, тоска – все то, что я упорно гнала, не желая

даже допускать мысли, что он меня бросит, все это нахлынуло единым потоком.

Ну как же так?! Почему он меня не берет с собой?

– Ты останешься, потому что у меня совсем не будет свободного времени, чтобы уделять его тебе. А если ты будешь со мной постоянно на рабочем месте, то станешь отвлекать.

Вот так. Я, оказывается, обуза... А ведь раньше мое присутствие ему не мешало. И даже помогало. Иногда. То есть я так хотела надеяться, что становлюсь ему по-настоящему нужной!

– Ты мне нужна, Дея, – ошарашив еще сильнее, признал Ньевор. – И я хочу как можно быстрее завершить дела и получить право за тобой нормально ухаживать. Если для этого придется с тобой на время расстаться, я это сделаю.

То есть... Он ради меня улетает?

В душе медленно начала просыпаться... нежность. Прогнала отчаяние и ощущение предательства. Только страх не ушел. Я же привыкла быть все время с Ньевором, прислушиваться к его просьбам, заботиться... А как мне жить, пока он на орбите? И где?!

– Дьер Шайхот, в благодарность за мою консультацию по изменениям, которые могут затронуть Ракис и провинцию Рагнаир, согласился, чтобы ты по-прежнему оставалась его гостьей в этом доме.

Хм... Подозрительная какая-то благодарность. Она, конечно, имеет место быть, – я же не знаю, как у рарков с этим дело обстоит, – но интуитивно заподозрила подвох. Может, дагоден на меня глаз положил? А что? Круглоухая, легкодоступная, можно и развлечься, воспользовавшись удобным случаем...

– Теперь самое главное, – снова отвлек Ньевор. – Я про шоша не просто так спрашивал. Видишь ли... – Он замялся, словно не хотел об этом говорить, но выхода иного не нашел. – У меня когда-то тоже был свой питомец. Его зовут Таш.

Я едва сдержала улыбку. «А я знаю!» – так и хотелось воскликнуть в ответ.

– Мы вынуждены были... расстаться. У меня совсем не было средств, а обречь его на голод и лишения я права не имел. В общем, я сейчас связался с организацией, которая берет таких шошей на временное содержание. Его привезут завтра утром и... – Ньевор

заглянул мне в глаза. – Я надеюсь, вы поладите, и тебе не будет так скучно и страшно.

Ух... Он ради меня даже шоша вернул!

Как же я в этот момент была рада. Так вот почему я буду и одна, и не одна одновременно. И, кстати, я совершенно не против такого «неодиночества»!

– Ты Таша слышать не сможешь, мриссы у меня нет, так что ваше общение получится односторонним. Постарайся научиться понимать его по движениям. Это не сложно.

Сказал и с таким сомнением на меня посмотрел, что мысль стала понятна без продолжения: «научиться» и «круглоухая» – это же несочетаемые понятия!

– Читать же я научилась, – напомнила, погасив раздражение.

– Это я тебя учил, а не ты сама, – уточнил рарк. – Впрочем... Я в тебя верю.

Он мои слова повторил! Я даже рот открыла от неожиданности. Это намек? И самое время спровоцировать мужчину на ответный вызов, как это когда-то сделал он сам? Или же это всего лишь напоминание?

Пока я решала в уме нерешаемую задачку, в основе которой был так и не понятый до конца менталитет рарков, Ньевор вновь взялся за планшет. За это время ему пришло несколько сообщений, и теперь они его отвлекли, заставив сначала сосредоточенно прочитать, а потом заторопиться и вернуться в выделенную нам комнату.

Мне осталось лишь послушно забраться в постель и оттуда следить за его поспешными сборами. Сквозь силу улыбнуться, услышав краткое «Не скучай». А когда закрылась дверь, тяжело вздохнуть и укутаться в одеяло с головой, подавляя желание броситься к окну и посмотреть ему вслед.

Ведь точно неправильно поймет. Не он, так кто-нибудь из случайных свидетелей. Рарки же...

– Она не только глупая, но еще и соня. Вот и как я в таких условиях должен свои обязанности выполнять?

– Таш! – радостно подорвалась я. – Я не соня! Просто легла поздно.

Откинув одеяло, спрыгнула с кровати и бросилась к рыжей тушке, остановившейся на полпути между входом и кроватью. Спросонья даже не вспомнила про зубки.

– Эй, эй, притормози... Дея, – ошалел и отступил от меня шош. Оглянувшись на закрытую дверь, пробежался глазами по комнате, приподнялся, осматривая столик, заглянул под кровать... – Ягоды где? – требовательно спросил, видимо не обнаружив искомого.

– Нет никаких ягод.

– Все за раз съела? – возмутился Таш. – Как же мы без них общаться будем?

– Ничего я не ела. То есть ела, но очень давно. Мы же вроде бы еще в прошлый раз это выяснили. А мриссу Ньевор не оставил, сказал, что у него ее нет, – я развела руками. Впрочем, вспомнив обстоятельства нашего знакомства, но больше то, чем оно завершилось, быстро спрятала их за спину и села обратно на кровать.

– Не оставил? – не поверил шош. – Плохо. Ладно, хоть ты меня по-прежнему слышишь. Хотя это и удивительно, я думал, ты уже глухая будешь. М-да...

В комнате повисла тишина. Я растерялась и молчала, не зная, что говорить. Мой мохнатый собеседник, видимо, о чем-то задумался. Однако первым все же пришел в себя именно он. Деловито меня осмотрел и спохватился:

– Так! А чего это ты босыми ногами стоишь на полу? А ну-ка марш одеваться. Не хватало еще, чтобы переохладилась и заболела. Что я тогда хозяину скажу?

И столько в его «голосе» было праведного негодования, что я невольно захихикала и под новую порцию ворчания побежала в ванную. Таш несомненно принял на себя не только функции компаньона, но и роль главного, ответственного лица.

Понимание этой самой ответственности у него было своеобразным. С одной стороны, гипертрофированным – он придирчиво осмотрел платье до колен с ярким цветочным рисунком и заставил прихватить к нему легкую накидку-пелеринку, за каждым моим шагом следил, когда шла по дорожке в столовую, и ворчал, что на каблуках меня больше из дома не выпустит, бдительно провожал глазами каждый кусочек, что я отправляла в рот, негодуя, что я выбираю самые маленькие. А вот с другой... С другой, шош без

малейшего писка и возмущения спрыгнул с приставленного к столу сиденья и ушел к другому столику, едва услышал:

– Таш, мне нужно поговорить с Деей.

Я растерялась. Даже не сразу поняла, что, скорее всего, причина в должности, которую занимает тот, кто это сказал. Все же дагон, а не какой-нибудь официант. Несомненно, субординация тут на высоте, а иерархии подчиняются не только рарки, но и шоши.

– Так уж вышло, что некоторое время ты будешь под моим присмотром. Не скажу, что меня это радует, но, раз уж ты вошла в круг моей ответственности, свои обязательства я выполняю.

Посмотрев на присевшего напротив мужчину, я предпочла промолчать. Это Ньевору не с чем мое поведение сравнивать, поскольку с круглоухими он не общался, а дагон наверняка знает их вдоль и поперек, раз они жители его провинции. Изображать при нем дурочку будет в разы сложнее.

– После завтрака ты никуда не уходишь, идешь вместе со мной. Мы едем смотреть восход Лидвот. Поняла?

На этот раз пришлось кивнуть, поскольку реакции он от меня ждал, пусть даже минимальной.

– Когда вернемся, переселишься в мою личную часть дома. Мне проще видеть тебя рядом, нежели тратить время и выяснять, как ты развлекаешься и где. Таш будет следить, чтобы ты себе не навредила и ничего в моих комнатах не испортила.

Тон у мужчины был не самый доброжелательный. Не резкий, не презрительный, скорее, удрученно-обреченный. И мне это не понравилось. Шайхот, как сказал Ньевор, сам предложил оставить меня гостьей в качестве благодарности. Теперь же строит «козью морду», как выразилась бы моя мама. Одолжение делает, видите ли!

Само собой, высказывать все это я не стала. Но для себя решила – вот теперь с информацией о пузырьке и с выполнением наказа старосты я точно спешить не стану. Сначала пусть этот... Дьер Шайхот докажет, что достоин его получить! Наверняка ведь секретной разработкой занимался мой «дедушка». Такую абы кому отдавать нельзя.

Сказав все, что хотел, рарк поднялся и ушел к своему столику. До этого, когда мы завтракать пришли, за ним никто не сидел, теперь же своего хозяина, положив передние лапы на банкетку, терпеливо ждал

Хас, сверкая ярко-оранжевыми глазами. А рядом с ним на полу разместился... Таш?!

Вот когда я пожалела, что на большом расстоянии мыслеречь шошей не слышна! Ведь эти двое определенно болтали! Причем с такой увлеченностью, что даже приближения дагона не сразу заметили. Лишь когда Шайхот остановился перед ними, Таш вскочил. Выслушал от рарка краткий приказ и тут же направился ко мне.

– Ты ешь, ешь, – пробурчал, забираясь на сиденье. – И вон ту тарелку с белым пюре поближе поставь.

Выполняя его просьбу, я не удержалась от любопытства:

– Что дагон тебе сказал?

– Дея, он *мне* это сказал, а не тебе, – нравоучительно осадил меня шош. – Все, что тебе нужно знать, я скажу сам. Об остальном можешь не думать и жизнь себе не усложнять.

– Я не могу не думать. – Опека даже в том, какие мысли нужны моей голове, рассердила. – И вообще, хватит считать меня глупой! Я, между прочим, и читать умею, и считать, и даже тебя слышу без ягод, в отличие от остальных!

– Ладно, – смешно утерев лапой морду, испачканную белой массой, пошел на уступки шош. – Спрашивай. Только не про дагона.

Ну вот... Самое интересное и нельзя. Что же тогда выяснить?

– Откуда ты Хаса знаешь? – сообщила наконец.

– Так братья мы, – оскалился Таш, не то улыбаясь, не то демонстрируя негативное отношение. – Он старший.

– Ого, – невольно вырвалось у меня. – Ну и связи...

– Это не связи, а статистическая вероятность, – в голосе мохнатого собеседника снова появились преподавательские интонации. – Шошечки ведь всего один раз в жизни могут забеременеть, зато в приплоде от шести до десяти деток. Раз ты считать умеешь, значит, должна понимать, что у меня много братьев. Если быть точным, то семеро. Сестричек всего две, девочек всегда мало рождается.

– Ясно... Но почему только один раз в жизни? – распереживалась я, пораженная судьбой несчастных шошечек. – И как же вы пары образуете, если такой перевес мальчиков?

– А почему вы рождаете несколько раз? – изумился первому вопросу Таш. – Дея, это генетика. Природа придумала, оттого так и

происходит. Какие еще нужны объяснения? Что касается пар...

Он в некоторой задумчивости поскреб передней лапой под подбородком – ничуть не менее смешно, чем раньше вытер морду. Но я все же сдержалась. Проблема-то наверняка серьезная!

Вот только когда Таш снова заговорил, смутилась. Она, скорее, деликатная. И очень интимная!

– У нас, Дея, полиандрия. Шошечки быстро влюбляются и охотно идут на близкий контакт, но потом постепенно и необратимо теряют интерес к выбранному шошу. Так что успевают сменить нескольких партнеров, прежде чем начнется развитие образовавшихся за это время зародышей. И обычно сколько любовников было, столько потом и деток рождается. От каждого по одному... Ты чего покраснела? Жарко? Температура поднялась? Все же простыла! Дай лоб лизну, проверю!

– Не надо! – пискнула было я и умолкла, потеряв способность дышать. Зажмурилась, потому что он меня слушать не стал. Приподнялся и дотянулся мордой до моего лица. А вид тонкого, похожего на змеиный языка, просунутого через частокол игловидных зубов, да еще в такой близости... Не самое приятное зрелище.

– Что происходит? – суровый мужской голос раздался рядом как раз в тот момент, когда прохладный влажный «индикатор» коснулся лба.

Я выдохнула и осторожно открыла глаза, не зная, радоваться своевременному вмешательству дагона или лучше бы он прошел мимо.

– Что, что... Диагностика происходит! – заворчал Таш, возвращаясь на место. Но Шайхот, похоже, его не услышал, потому что продолжил нравоучения, исходя из своего видения происходящего.

– Тебе приказано ее не пугать.

– Он не пугал, – встрял еще один голос, и мои глаза невольно нашли Хаса, стоящего на шаг позади дагона. – Это был контроль физиологического состояния.

– Контроль? – вроде как удивился Шайхот, посмотрев на своего питомца. Подумал и вернулся взглядом к «провинившемуся»: – Хорошо. Но в будущем подобные действия только с моего разрешения. Понятно?

– Понял я, понял, – неприветливо откликнулся Таш.

– Ему понятно. Больше такое не повторится, – «перевел» для хозяина Хас.

Так-так... Значит, Таша дагон действительно не слышит, только своего шоша. Я вспомнила объяснение Ньевора и сообразила: наверняка Дьер с Хасом на пару мриссу ели за завтраком. А у меня и Таша ягод нет. И я очень сомневаюсь, что нам их выдадут.

– Идем, Дея.

Задумалась и не сразу сообразила, что нотация на этом закончилась, а дагон направился к выходу в сопровождении своего питомца.

– Подъем, – скомандовал Таш. – Некогда расслаживаться.

– Ты бы поменьше ко мне обращался, – тихо шепнула ему, пользуясь тем, что мы отстали. – Для всех, кроме тебя, мои способности слышать мысленную речь – секрет.

– Вот и не отвечай мне. И не реагируй, – тут же нашелся непробиваемый тип. – А я могу с тобой говорить, исключительно по привычке, даже не рассчитывая на понимание. И вообще мы, шоши, не любим молчать.

«И очень любите ворчать» – хихикнула я. Про себя, потому что не хотелось Ташу настроение портить. Да и лишний раз рисковать тоже не следовало – наши спутники остановились, ожидая, когда мы подойдем.

Я думала, нам придется пройти через парк и выйти из дома, чтобы сесть на аграв. Ведь именно так поступали остальные гости, торопливо покидающие столовую. Ошиблась. Машина стояла совсем рядом, на небольшой площадке слева от входа. И она была... очень большой и красивой!

Белоснежная, с открытым верхом, тремя широкими сиденьями, на одном из которых разместился водитель и еще один парк. Видимо, сопровождающий.

Повинуясь жесту дагона, Хас и Таш запрыгнули на заднее сиденье. Мне ничего не оставалось, кроме как занять единственное оставшееся свободным место рядом с Шайхотом. И радоваться, что на мою персону личных планов у мужчины, по всей видимости, нет совершенно. Иначе бы он вел себя иначе. Не поглядывал на меня недовольно. Не молчал, сурово сдвинув брови. Не сидел бы «закрывшись»: закинув ногу на ногу и скрестив руки на груди.

Решив лишний раз ему о своем присутствии не напоминать, я вела себя максимально тихо. Придвинулась к дверце и отвернулась, рассматривая летящие параллельным курсом агравы. Они присоединились, едва мы поднялись в воздух и оказались за границами особняка. Несомненно, в них сидели приглашенные гости – машины были столь же эффектны. Две, как и наша, летели с убранными крышами, и я прекрасно видела пассажиров.

В одной разместились компания молодых парков – два парня и две девушки. Водителя у них не было, так что управлял один из парней. Вели они себя шумно, весело, несомненно заигрывая друг с другом.

В другой задумчиво смотрела в небо миловидная молодая женщина. Ее темные длинные волосы разлетались от встречного ветра, и совсем пожилой мужчина, сидящий рядом, посматривал на свою соседку с улыбкой. Похоже, это дочка и отец, я их в столовой тоже видела.

Мои кудряшки, кстати, тоже разлетались, хоть и были убраны в хвост. Прохладный ветер безжалостно выдирал их из-под заколки, и я периодически возвращала «беглецов» на место.

– Хас, скажи хозяину, чтобы сказал Дее, пусть накидку наденет, – донесся до меня голос шоша.

– Дьер, скажи Дее, чтобы накидку надела. Таш беспокоится, – передал просьбу его брат.

– Дея, оденься. Здесь холодно, – приказал мне Шайхот.

М-да... Чем-то напоминает игру в телефон. Не испорченный, потому как информация до меня дошла без искажений, но... Но ведь о том, что это не его желание, а забота моего компаньона, рарк не упомянул! Подозрительно... Или просто он не посчитал это важным, а у меня развивается паранойя?

Зато не могло не радовать другое: Таш все же прислушался к моим словам и не стал афишировать невероятные по меркам этого мира способности! Значит, можно не сомневаться в том, что он – мой союзник.

Закутавшись в мягкую тонкую ткань, оказавшуюся на удивление теплой, я почувствовала себя совсем уютно и даже расслабилась. А когда аграв остановился, то есть завис в воздухе, с любопытством заозиралась.

Мы вылетели за границу города – здания остались за спиной. Впереди, насколько хватало взгляда, было открытое пространство – каменистая пустыня. Атмосферная дымка практически растаяла, а открывшееся небо – темно-синее над головой – к горизонту голубело, превращаясь в слепяще-белую полосу.

Затаив дыхание, я смотрела, как она превращается в дугу, поднимаясь выше. Не отрывая глаз, следила, как следом за первой рождается вторая полоса... Третья... Шестая оказалась белым диском, неторопливо выглядывшим из-под горизонта.

Лидвот... В городе, сквозь тонкую пленку защитного купола, местное солнышко не казалось таким эффектным – было блеклым и лишенным световых колец. На станции его вообще было не видно – обращенная к звезде сторона закрывалась наглухо какими-то щитами. Здесь же я впервые видела светило во всем его великолепии. И страшно было подумать, что совсем рядом с ним притаился невидимый для глаз, страшный враг.

– Уровень нейтронов приближается к границе безопасности, – подал голос мужчина, сидящий рядом с водителем. В его руках я только сейчас заметила прибор, по всей видимости, для измерения параметров излучения.

– Возвращаемся, – распорядился дагон.

Машина развернулась быстро. Столь же стремительно, набирая скорость, полетела обратно к городу, увлекая за собой остальных зрителей. Никто не замешкался, определенно не желая рисковать своим здоровьем.

Не знаю, как другие, – наверное, все они не раз восход видели, – а я осталась под впечатлением. И больше всего в тот момент, когда машина влетела в закрывающую город тонкую пленку, мне хотелось, что бы у Ньевора все получилось! Пусть он вернет Ракису и его обитателям нормальную спокойную жизнь. Пусть его стремление заниматься любимым делом принесет пользу всем. Пусть им гордятся так же, как теми, кто спас раков от амиотов. Он этого достоин!

– Дея? Ты решила здесь поселиться? – вклинился в мысли недовольный голос.

Пришла я в себя не сразу. Непонимающе похлопала глазами, огляделась...

Дагон смотрел на меня выжидающе. Он уже не сидел рядом, а стоял в двух шагах от раскрытой с моей стороны дверцы машины. Рядом, у его ног, с унылым выражением морды ждал Хас. На шаг позади него с немим укором в глазах замер Таш. Водителя и второго рарка не было. В аграве осталась только я, намертво вцепившись пальцами в обивку.

Уй... Вот дура! Увлелась, обо всем забыла... Стоп! Так я же и есть дура! Значит, имею право.

– Н-н-нелзя, да? Жаль, – вздохнула и начала сползать с сиденья. Поставила ногу на подножку и поняла, что удобнее было бы опереться на другую. Но менять не стала, поторопилась – меня же ждут! Неловко развернулась, поднимаясь и...

И сама не поняла, как ухнула вниз, не найдя опоры. То есть опора-то нашлась, но не под ногами, а почему-то под подмышками, ладонями и лбом. Упругая, твердая, пахнувшая чем-то необычным...

Ой... Это же... дагон! Он меня поймал, подхватив, когда начала падать, а я так «удачно» легла на его грудь. И теперь стояла, судорожно вцепившись в его плечи ничуть не менее сильно, нежели минуту назад в обивку.

Вспомнив, как рарки реагируют на прикосновения, поспешно отпрыгнула.

– Каблук... зацепился, – в панике пискнула, оправдываясь. – Правда! – едва не всхлипнула от обиды, когда на лице мужчины отразилось явное презрение и неверие.

Ситуации это не улучшило. Таш пробормотал: «Позорище», Хас ему ответил: «Круглоухая же. Следовало ожидать», Шайхот скривился...

Я зажмурилась, прогоняя слезы и сглатывая ком в горле. Дагон мне никто. Как и его питомец. Какое мне дело до того, что они обо мне думают? А с Ташем я поговорю и объясню. Хотя он-то должен меня понять!

К счастью, на этом инцидент себя исчерпал. Дагон, сбросив гримасу брезгливости, снова посмотрел на меня с изрядной долей равнодушия. По ступеням крыльца, около которого остановился аграм, поднялся первым, даже не оглядываясь. В холле развернулся и, указав на ожидающего молодого парнишку в серой униформе, оповестил:

– Тебя проводят в комнату. Отдыхай до вечера, сегодня из дома больше не выходи. Вместо ужина в честь Восхода будет праздничный банкет, поэтому платье должно быть красивым. – Отыскал глазами Таша и приказал теперь уже ему: – Проследи.

Возможности сбежать я обрадовалась. Хотелось побыть самой собой и сгладить у шоша впечатления от произошедшего недоразумения. Возможно, узнать у него еще что-то интересное о жизни Ньевора или рарков. В общем, поведение Шайхота было мне только на руку. И меньше всего я думала в этот момент о словах дагона.

А вот Таш сосредоточился именно на них. Слуга, который остановился у прикрытого легкой занавесью проема, едва успел сказать: «Располагайтесь. Вещи перенесли», а меховой рыжий субъект уже рванул внутрь.

Я было замешкалась, сомневаясь, нужно ли провожатого благодарить, и, видимо, напрасно.

– Нравлюсь, да? – с оттенком гордости но не очень громко поинтересовался рарк, самодовольно приглаживая и без того прилизанные темные волосы. – Захочешь развлечься, я запросто. Мне бы опыта набраться, а то стыдно к девушкам подкатывать. Ты же научишь?

Пока я хлопала глазами, ошалев от наглости, которую этот тип себе позволил в доме, где работает, занавесь колыхнулась – сквозь нее просунул голову недовольный моей задержкой Таш.

– Дея?! – рыкнул грозно.

Ясно, что парнишка его не услышал. Но морду с оскаленными зубами увидел несомненно. И сбежал моментально. Я даже взглядом не успела вернуться к тому месту, где наглец стоял, а его уже не было.

– Ты чего творишь, а? – пользуясь тем, что его, кроме меня, никто не слышит, шош устроил настоящий разнос. Даже дожидаться не стал, когда я в комнату зайду. – Хозяин только за порог, как ты тут же на сторону бежать готова? На дагона повеситься попыталась, теперь слуге глазки строишь. Смотреть противно. Тьфу...

И я неожиданно разозлилась. Если до этого мне было больно и обидно, то теперь в душе клокотали гнев и возмущение.

– Хватит! – рывкнула так, что шош мгновенно поперхнулся и замолчал. – Мне казалось, что я одна тут дура, но, похоже, кое-кто еще.

Поэтому объясняю популярно и требую запомнить раз и навсегда: меня развратные развлечения не интересуют! Споткнуться и оступиться может каждый! И схватиться за любой, оказавшийся рядом предмет, – это нормальная рефлекторная реакция, которая всегда опережает разум! А то, что некоторые личности, когда видят круглоухих, не способны думать ни о чем, кроме секса, – это их личные проблемы, а не мои «заслуги»!

Оглушенный звуковой атакой, Таш аж на задние лапы опустился. Глаза, и без того круглые, выпучились, став буквально огненно-оранжевыми, а пасть так и осталась приоткрытой.

– Ну ни щерда себе... – оторопело выдал, видимо не найдя более приличных слов.

По крайней мере, я именно так эту фразу поняла. Однако облегчать ему жизнь не стала, пусть сам свою ошибку осознает, так надежнее. Да и воинственный запал уже схлынул, оставив лишь удовлетворение сбросом эмоций и реакцией на них шоша.

Молчал Таш недолго. Проследил, как я присела на край застеленной розовым покрывалом широкой кровати, не спуская с меня глаз, зашел слева, развернулся, обошел справа, в итоге сел напротив и сообщил:

– Ты ненормальная, Дея. Ты в курсе?

– Ньевор говорил, – криво усмехнулась я. – Вернее, мы с ним давно уже это выяснили. И я у него маленький вызов выиграла, как раз насчет моего отношения к... удовольствиям. Так что он бы во мне точно не стал сомневаться.

– Я теперь тоже не буду, – совершенно серьезно пообещал шош. – Только я ведь не твой... э-э-э... личные пристрастия имел в виду.

– Наверное, то, что круглоухой дурочке не положено изъясняться умными словами? – предположила я.

– Нет, – мотнул головой пушистый собеседник. – Хотя это тоже ненормально.

– Тогда что?

– А то, что я твои эмоции поглотил. Помнишь, я рассказывал, что мы ими питаемся?

– Помню. И что тут необычного? Я нервничала, значит, твоей пищи было хоть отбавляй. И вообще, мне не жалко. Забирай, если нужно.

– Ничего ты не понимаешь! – раздраженно зашипел Таш. – Шоши питаются от одного-единственного рарка не потому, что *не хотят* брать от других, а потому что *не могут* этого делать! После первого насыщения мы обретаем постоянного хозяина – с этого момента организм отторгает чужие эмоции и не пускает в себя. Мы можем только осознавать, что они есть, и определять какие именно. Но не поглощать! И я даже помыслить не мог, что получу хоть что-то, идущее от тебя. Оно само в меня вошло. Окаатило и впиталось. Я не хотел!

– Хочешь сказать, я тебя насильно накормила? – мое недоумение сравнивалось с недоумением шоша.

– Нет, не насильно, – со вздохом пояснил тот. – Когда я питаюсь эмоциями хозяина, ощущения те же самые. Поглощение само собой происходит. Бесконтрольно.

– Хм... Может, твой организм признал меня хозяйкой? И у тебя теперь будет два... м-м-м... источника пищи?

– Не знаю! – занервничал Таш. Вскочил и забегал по комнате, словно не мог найти себе места. В конце концов шлепнулся на пузо, уронил морду на пол и закрыл лапами нос. Говорить, правда, не перестал: – За всю историю общения рарков и шошей не было ни одного подобного случая! Это нонсенс! И я... Я боюсь, как бы мой организм не решил сменить источник пищи, а не взять дополнительный. И когда хозяин вернется... Он подумает, что я его предал!

– Но ты же в этом не виноват, – попыталась я его успокоить. Сползла с кровати на пол, устроилась на напольном коврике и осторожно погладила безутешного шоша по голове.

– Виноват! – взвыл Таш. – Если бы я тебя не обвинил, то ты бы не взорвалась. И не произошло бы такого мощного выброса. Моему организму нечего было бы поглощать и все осталось, как было!

– Тебе не понравились мои эмоции? – мягко подтолкнула я его в другом направлении. Не видя возмущения своими действиями, зарылась пальцами в тонкую, как пух, шерстку и помассировала кожу. – Они не такие питательные, как у Ньевора?

– Очень питательные, – шош, чуть повернув голову, покосился на меня одним глазом, по-прежнему сохраняющим огненный цвет.

– Значит, без еды ты не останешься в любом случае. И без прежнего хозяина тоже. Ведь я не расстанусь с Ньевором, потому что... не хочу, – замолчала, так и не назвав истинную причину. Хотя при воспоминании о нескладном, но ставшем таким близким рарке в груди вновь разрослось щемяще-влекущее чувство.

– Так ты... ты о нем думала? – осторожно спросил Таш, словно боясь спугнуть какую-то призрачную надежду. И уточнил: – В аграве, когда мы возвращались. От тебя шло что-то такое же, как сейчас. Нежное.

– Да, – улыбнулась я. Накрутила шерстку на палец и отпустила, наблюдая, как она распрямляется.

– Я не знал. Прости. Решил, что это связано с дагоном. Он же рядом сидел.

– Понятно.

Вот и объяснение: шоши чувствуют эмоции, но не могут с точностью определить, что их вызвало. И выводы делают, исходя из своего видения ситуации. Получается, тоже могут ошибаться.

– Ты гладь, гладь. Чего остановилась? – неожиданно недовольно заворчал шош и повел головой, провоцируя мою руку вернуться к ласке.

– Раньше тебе не нравилось, – коварно напомнила я, с наслаждением погружая ладонь в необычайно приятную шерстку.

– Раньше ты и хозяйкой мне не была, – резонно заметил Таш. – Какой был смысл позволять себя трогать, если от получаемого тобой удовольствия лично я ничего не имел? А теперь вон сколько... вкусняшки.

– Ты и сейчас питаешься, что ли? – хихикнула я, представив, что с моих рук на шоша стекают невидимые эмоции, а он как губка их в себя впитывает.

– Не мешай! – приказал Таш. – То есть не отвлекайся!

Вошел во вкус, видимо. Глаза закрыл, расслабился, только что не заурчал. Не умеет, наверное.

Интересно, а Ньевор тоже его гладил, чтобы было чем покормить? Как часто такая «еда» требуется? Можно ли ее «переесть»? Принципиальна ли разница, какие именно эмоции шош получает – положительные или отрицательные? И что в итоге хозяин от этого имеет? Польза ведь обоюдной должна быть.

Вопросов было много, но выяснение я отложила. Совершенно незачем торопиться. Теперь мы с ним так тесно связаны, что волей-неволей сам мне все расскажет. Потому и я расслабилась. Веки сами собой опустились, мысли потеряли связность, а монотонные движения начали усыплять...

– Подъем, Дея, – бодрый командный голос прорвался сквозь приятную дрему. – На банкет скоро, а тебе еще себя в порядок привести нужно.

Оторвав голову от чего-то мягкого, я посмотрела на Таша с недоумением. И лишь после этого сообразила, что хоть и нахожусь по-прежнему на полу, но укрыта покрывалом, которое теперь закрывает лишь половину кровати. И вообще, использовала шоша в качестве подушки! Я что, на самом деле уснула? Вроде ведь не устала.

– Первый контакт всегда так заканчивается, – объяснил Таш. – Нье... Ньевор вообще сутки спал.

Маленькая заминка перед именем сказала мне очень много. Шош все еще переживает, не желая терять прежнюю связь. И будет нервничать до тех пор, пока не появится возможность проверить и понять, как на самом деле обстоят дела.

Понимая, что не стоит ему лишний раз напоминать о хозяине, пошла по другому пути.

– Спасибо, что укрыл.

– Это что еще за «спасибо»? Ты меня решила оскорбить недоверием? Я, по-твоему, мог оставить тебе мерзнуть? – возмущенно зашипел Таш в точности как Ньевор, когда я его ухитрилась поблагодарить за спасение из заточения.

Я от неожиданности потеряла дар речи. Хотела-то как лучше! Но, похоже, менталитет рарков распространяется и на их питомцев. А с этим однозначно нужно что-то делать!

– Иди-ка сюда, оскорбленный мой, – ласково поманила. Когда насторожившийся шош осторожно шагнул и оказался в зоне поражения, схватила за уши и притянула его морду еще ближе.

– Как думаешь, я это сделала, чтобы их оторвать? – коварно спросила, а когда услышала жалобное «наверное», чмокнула в нос. – Нет. Вот для этого.

Отпустила и едва не засмеялась. Очень уж комично выглядел смущенный, растерявшийся Таш. Впрочем, длилось это состояние недолго, и совсем скоро от меня настойчиво потребовали объяснений:

– Что это было?

– Это была наглядная демонстрация. Получается, ты тоже мне не доверяешь, раз опасаешься за свои уши. Однако я не обижаюсь, хоть и не давала тебе повода думать, что намерения у меня нехорошие. А знаешь почему? Потому что друзья безоговорочно верят друг другу. Не ищут подвоха в словах и поступках. Говорят, что думают, – от чистого сердца. Благодарят – чтобы лишний раз сделать приятное, а не намекнуть на какие-то сомнения. Им совершенно незачем ссориться по мелочам.

– Ага... Ясно. То есть... Нет. Да. Понятно, – сбивчиво, вступая в противоречия с самим собой, забормотал шош.

Облегчать ему задачу осознания я не стала. Ничего, привыкнет. Сам же сказал, что я ненормальная. Значит, могу говорить, делать и даже чувствовать совсем не то, что кажется ему очевидным. Пусть примирится с этим и не забывает.

Подняв с пола покрывало, бросила его на кровать и осмотрелась. Я ведь так увлеклась общением с Ташем, что и комнату толком не разглядела. А она... Она очень даже эффектная! И мебель в ней расположена удобно.

Слева от кровати, которая оказалась наполовину утопленной в нишу, всю стену занимал шкаф-стеллаж – полупрозрачные дверцы-створки позволяли рассмотреть и полки, и вещи на них.

Справа формировали красивую «горку» небольшие кубики. Некоторые были пустые, в некоторых стояли статуэтки-украшения и вазочки, а некоторые оказались с ящичками.

В стене, украшенной золотой вязью, напротив кровати имелось окно. Размером оно было побольше, чем в гостевых «номерах», а обрамляли его шторы из той же ткани, что и обивка беленьких пуфиков и низкого диванчика.

Потолок оказался самым интересным. Словно кто-то надул гелием сотню крошечных розовых, белых и золотых воздушных шариков и отпустил. Они, словно живые, плавали, толкались и пытались найти себе место у меня над головой.

В общем, царила здесь атмосфера нежной романтики.

Само собой, первым делом я сунула свой нос везде и всюду. Убедилась, что на стеллаже одежда и обувь, которую мне купил Ньевор, в ящиках – его же подарки, а в ванной – мелочи, нужные женщине, чтобы быть красивой. Прихватила чистое белье, халатик, тапочки, и, оставив шоша обдумывать нюансы общения с новой хозяйкой, убежала мыться. А когда вышла – сияющая и благоухающая – оказалась вовлеченной в активный процесс, именуемый «примерка».

То ли забыв о своих претензиях, то ли приняв мою правоту, а может, и то и другое, Таш деловито отодвинул лапой створку шкафа и приказал:

– Доставай!

– Все? – весело удивилась я.

– Самое красивое! – мотнул головой шош. – Я за тебя краснеть не намерен.

Пытаясь себе представить, как это выглядит на заросшей рыжей шерсткой мордочке, я послушно вытаскивала и прикладывала к себе наряды. К некоторым приходилось возвращаться дважды, потому что придиричивому стилисту хотелось их сравнить. В итоге выбор он все же сделал, хоть и поворчал, что до идеала сиреневому длинному платью из струящейся шелковой ткани все равно далеко.

Пользоваться косметикой Таш запретил категорически, заявив, что я хороша и в своем естественном виде. Распущенные волосы одобрил, буркнув, что, мол, незачем привлекать к себе лишний интерес. А на подходящие к наряду туфли, вернее, высокие каблочки лишь покосился, но комментировать не стал. Однозначно сработал принцип «красота требует жертв». Жертвой в данном случае было его спокойствие относительно моей устойчивости. Конечно, я и сама предпочла бы тапочки, но увы...

Зато я действительно не чувствовала себя лишней на этом «празднике жизни», то есть Восхода. Кстати, больше всего он мне напомнил встречу Нового года на Земле. Так же украшенная шариками и какими-то блестящими штучками столовая, буквально преобразившаяся в шикарный зал. Такой же изобильный стол, с блюдами несомненно необычными и красиво оформленными. Столь же непринужденная обстановка: светомузыка, улыбки, поздравления. Разве что боя курантов не было да привычной атрибутики: елочки, Снегурочки и Деда Мороза.

Ох, нет, кажется, я ошиблась! Последний как раз имелся. То бишь появился, как раз когда гости расселись за столиками в привычном для них порядке и принялись за дегустацию. Именно в этот момент шторы, прикрывающие вход, распахнулись, явив новое действующее лицо.

Оно, то есть он, конечно, был не идентичным земному Деду Морозу – не имелось у него бороды, шапки, шубы и валенок. Вместо этого на мужчине красовались жутковатая белая маска, строгий серый костюм и черные лакированные ботинки. Зато в наличии оказался мешок, перекинутый через плечо.

Понять, что ответственную, но пока еще неясную для меня роль взял на себя именно дагон, труда не составило. Комплекция подходящая, он единственный отсутствовал, даже его столика не было в наличии. Да и Хас, зайдя следом, присел у боковой стены.

Музыка мгновенно оборвалась, зал погрузился в мягкий полумрак. Утих и гомон голосов, а в наступившей тишине раздалось негромкое:

– Лидвот над Ракисом зажгла рассвет. Прогнала дымку и открыла неба свод. Так пусть начнется новый оборот!

Стихи... Не привычное четверостишье, но несомненно рифмованное приветствие-пожелание. Но вот вопрос, что дальше?

Шайхот молчал, в зале тоже было тихо. Ни криков «ура», ни движений, ни улыбок. Все замерли в напряженном ожидании. Оно было настолько физически ощутимым, что, когда над мужчиной вспыхнул свет, а в зале оглушающе гроыхнуло, я вздрогнула, а дагон, упав на одно колено, поднял лицо, то есть маску к свету.

– Я принимаю твой вызов! И отдаю всего себя служению провинции Рагнаир на весь оборот.

Сейчас его голос звучал громко и уверенно, но при этом спокойно, с достоинством. Снова заиграла музыка – торжественная, яркая, ритмичная. На лицах гостей появились улыбки, они расслабились, начав переглядываться. Те, кто сидел за одним столиком, позволили себя даже обменяться неслышными для меня фразами. Определенно теперь все были в предвкушении.

И снова вопрос: чего они ждут? То ли я невнимательно смотрела волнор, то ли не заостряла внимания, но все происходящее сейчас было для меня совершенно новым и неведомым. Мой первый на

Ракисе Восход, который я встречала с Ньевором, прошел совсем не празднично – все вкусы мы съели на несколько дней раньше, по моей же глупости. Вернее, незнанию. Наверное, поэтому и все остальное, что могло сопутствовать празднику, раки показывать мне не стал.

И теперь я завороченно ждала. Широко раскрыв глаза, следила за тем, как дагон опускает мешок перед собой, раскрывает... Однако вместо того, чтобы в него заглянуть, неожиданно обводит взглядом гостей.

– Чей вклад окажется столь же высок, как и мой?

– Я принимаю вызов! – не успел смолкнуть голос Шайхота, как ему ответил другой.

Рыжеволосый мужчина, рядом с которым сидел светло-рыжий шош, поднялся и вышел из-за столика. Положил у ног дагона тонкую пластину-накопитель, которую прихватил с собой, и заявил:

– Договор на поставки свежего окириса, сроком на весь оборот.

Дагон немедленно раскрыл мешок и, вытащив еще один, намного меньше, молча отдал смельчаку. Видимо, согласился с тем, что условие раки выполнил.

– Кто еще? – повторил вопрос.

– Я принимаю вызов, – тут же откликнулся новый желающий получить неведомый презент. На этот раз Шайхоту досталось обещание построить в провинции новый торговый центр, а довольный гость с мешочком в руках ушел за свой столик.

Ага... Похоже на ритуал. Своеобразный обмен подарками, с учетом того, что принять их друг от друга безо всяких условий раки несомненно считают позором. Вот и изобрели приличный во всех отношениях способ. Правда, пока не ясно, что же внутри мешочков?

Когда мужчина за соседним с моим столиком, пятый, кто принял вызов и пообещал выделить провинции сотню новеньких агравов, раскрыл свое приобретение, я уже почти подпрыгивала от нетерпения и приподнималась с сиденья, чтобы получше все рассмотреть. А потом чуть ли не в голос застонала от разочарования, когда мужчина вытряхнул на стол еще несколько мешочков!

– Дея, ве́ди себя прилично, а то кто-нибудь решит, что ты готова к вызову, – заворчал Таш, и я тут же села на место. Даже пригнулась, чтобы стать незаметнее.

– Ты знаешь, что они получают? – не утерпела и тихо спросила шоша. Тот посмотрел на меня удивленно, но ответил:

– Дары от щедрости дагона зависят.

В общем, секрет снова не раскрылся. Зато Шайхот, собрав все полученное в свой мешок, снял маску и провозгласил:

– Желающие продолжить игру, закрывайте лица. Теперь право вызова за вами.

Из тех мужчин, что получили мешки, руку подняли четверо. Пятый отрицательно качнул головой и спрятал свою добычу под стол. К остальным подскочили слуги, подав такие же белые маски, как та, от которой избавился дагон.

Так-так... Это, оказывается, игра? То есть дальше на кону будут маленькие мешочки, а ведущих теперь четверо?

Так и вышло. А вскоре выяснился еще один интересный нюанс: первый же выигравший предпочел не оставлять приз себе, а высыпал на стол из маленького мешочка совсем крошечные пакетики и, надев маску, тоже стал ведущим. В отличие от своих более статусных партнеров, ставивших серьезные условия, он предлагал вызовы совсем несложные: отдать взамен личную вещь, найти спрятанный предмет, отгадать то, что соперник показывает жестами... Я очень быстро догадалась – задания зависят от размера мешочка и, пожалуй, фантазии рарков.

Праздник постепенно набирал обороты, игра шла параллельно с весельем. Звучала музыка, рарки перемещались по залу, сидели за столами, ели, на время прерывая общение, чтобы поучаствовать в заинтересовавшем их вызове. Ведущих становилось все больше, а призы дробились, пока счастливчик, последний в этой цепочке, не получал пару ягод, упакованных в прозрачную обертку.

Мрисса! Так вот что являлось вознаграждением за смелость! Ну что ж, логично, раз именно в этой провинции она растет. И стоит недешево.

Я бы и дальше с удовольствием следила за «поединками», да только наше с Ташем уединение прервали. Дагон все в том же строгом сером костюме появился передо мной, закрыв собой обзор.

– Не скучно?

Вопрос прозвучал равнодушно. Наверняка он поинтересовался, исключительно выполняя свой долг. И исчезнет, оставив в покое,

получив от меня столь же нейтральное:

– Здесь много нового. Я на таком празднике не бывала.

Вроде как я и особого восторга не показала, чтобы позволить Дьеру почувствовать превосходство, но и равнодушием не задела. В общем, учла наставления Ньевора. По крайней мере, я на это надеялась.

Однако Шайхот качнулся на носках и не ушел. Вместо этого он сел в кресло, которое слуги принесли вместе с еще одной лежанкой. Само собой, Хас тут же на нее запрыгнул.

Я занервничала. Ведь все было так хорошо, пока они не появились! А теперь оба как надсмотрщики сидят рядом. Ни с Ташем не поговорить, ни расслабиться, ни даже поесть толком...

– Она всегда такая молчунья? – первым заговорил Хас, обращаясь к брату. Мне стоило огромного труда не перевести взгляд на него и продолжить смотреть в зал.

– А с кем ей болтать? – хмыкнул Таш. – Нас с тобой она не слышит, а твой хозяин и сам не горит желанием с круглоухой общаться. Пусть лучше молчит.

Последняя фраза прозвучала как предупреждение. Это шош мне совет дал! И я решила ему следовать. Все равно дагон считает меня глупой, так что наверняка ничего не теряю.

– Таш хочет с Деей поговорить? – неожиданно поинтересовался рарк. Я растерялась было, пока до меня формулировка не дошла: он к своему питомцу обращается.

– Мне и так неплохо! – фыркнул мой шош.

– Думаю, даже если не хочет, им полезно было бы немного пообщаться, – раздался следом «вольный» перевод в трактовке Хаса.

На возмущенное «Ну, братик!» никто не отреагировал. «Переводчик» и ухом не повел, а Дьер Шайхот только своего шоша услышал. Вот только я думала, он сейчас спросит, хочу ли я с Ташем поговорить, а потом предложит у себя ягоды выиграть. И ошиблась.

– Ничего не получится, – пожал плечами дагон. – Круглоухие шошей не слышат, даже с мриссой.

Хорошо, что я в этот момент не пила и не ела, а то бы точно подавилась.

– Почему об этом нет сведений? – изумился Хас, переглянувшись с братом.

– А зачем это афишировать? – Шайхот бросил на меня краткий взгляд, хоть я по-прежнему молчала, но продолжать не стал. За него мысль закончил сам Хас:

– Точно, незачем. У них шошей нет.

Возможно, сказал бы что-нибудь еще, но в этот момент около нашего стола оказалось еще одно действующее лицо. Рарк в маске остановился напротив меня и, показав прозрачную упаковку с мриссой, громко и жизнерадостно заявил:

– Уверен, эта девушка с легкостью правильно назовет цвет шара, который выберет и принесет мой питомец!

Теперь на меня смотрели все в зале, а я неожиданно для самой себя кивнула, принимая вызов, как это делали другие. Слишком уж внезапным и не оставляющим времени на раздумья оказалось появление и предложение ведущего. И лишь потом сообразила – как раз мне-то задание труда не составит! Ворчание стоявшего у его ног шоша было прекрасно слышно:

– Опять мне за шаром идти? И какой на этот раз принести? Ладно, возьму белый...

Он потопал к дальнему столу.

– И какой же цвет мы сейчас увидим? – поторопил с ответом рарк, когда его питомец направился к нам.

– Белый? – «предположила» я.

Пасть подошедшего шоша открылась и из нее медленно выплыл, а затем поднялся к потолку небольшой матово-снежный шар.

– Достойная победа. Она последняя в моей игре! – объявил ведущий, вручая мне приз. Снял маску, широко улыбнулся, поклонился дагону и ушел.

– Зачем ты согласилась играть, Дея? – Шайхот нахмурился, проводив смельчака взглядом. – Разве не поняла, что я сказал? Мрисса для тебя бесполезна.

– Я не для себя. Для Ньюора. Он вернется и с Ташем сможет говорить.

Улыбнулась, глупо похлопав ресничками и прижав драгоценный выигрыш к груди. Даже сельская дурочка наверняка может проявить заботу о своем... любовнике!

Глава 12

Неправильная

– Тебе не кажется, что с ней что-то не так?

Дьер отвернулся от окна, где на скамейке сидела круглоухая подопечная и на первый взгляд бездумно и безмятежно смотрела в небо. Даже глупо улыбалась неведомо чему. Только вот – дагон был готов поспорить на что угодно – это была лишь видимость. Она действительно о чем-то сосредоточенно размышляла!

– Само собой, не так, – подтвердил Хас, развалившийся на банкетке. Он хоть и не видел объект интереса своего хозяина, но прекрасно понимал, о ком речь. – Таш от нее ни на шаг не отходит. Словно она его хозяйка.

– Ньер мог приказать, – отмахнулся Шайхот. – Есть более подозрительные моменты.

– Какие? – заинтересовался шош.

– Вызов на празднике приняла. А ведь круглоухие трусливы и предпочитают сбежать, – начал перечисление дагон, присаживаясь в кресло гостиной и загибая пальцы. – Это первое. Второе. Играла не для себя и отдаст выигрыш Ньеру. Это при их-то патологической жадности! Одежду носит аккуратно, ест тоже, молчит постоянно. И это при том, что все круглоухие страшные неряхи и болтуны не по делу. Это уже третье. Четвертое. После праздника я ее до комнаты проводил, а она на меня даже не посмотрела. Хотя был утром телесный контакт, когда Дея оступилась, а я ее поймал. Значит, и потребность затащить меня в постель тоже должна была возникнуть. Если не меня, то любого другого, готового с ней развлечься. Однако Дея всю ночь провела одна, к ней никто не приходил и она не выходила – датчики движения в коридоре никого не засекли. А вчера, ты обратил внимание, чем она занималась в детской комнате? Я ведь, когда ее туда отправлял, чтобы мне не мешала, думал, ее игрушки привлекут. Они же яркие, красивые. Ан нет.

– Я видел. Она каракули рисовала. Весь запас пластин извела на это безобразие! А они дорогие, – недовольно заворчал шош.

– Да забудь ты уже о деньгах, Хас! Меня другое напрягает. Круглоухие не рисуют. У них абстрактное мышление практически не развито!

– Может, это из-за того, что она с твоим братом слишком долго жила? Вот и насмотрелась на то, что он делает, и теперь имитирует. Ньер наверняка при ней часто на планшете с записями работал.

– Ты про запечатление? – задумался Шайхот. – Хм... Примитивный разум запоминает образец действия и подражает примеру, который вызывает у него сильную эмоциональную реакцию, – воспроизвел определение, которое заучил еще со времен студенчества.

– Ну да. Мог же Ньер требовать от нее определенного типа поведения? Выдрессировать, чтобы поменьше круглоухую напоминала? Наверняка поощрял сексуальным удовлетворением, если все делала правильно. Или наказывал воздержанием. Вот Дея и привыкла действовать как ему хочется, чтобы получать желаемое. Оттого твой брат и уверен был, что она не захочет другого любовника.

– Логично, – мысленно стукнул себя по лбу дагон.

Он же биолог, должен был первым догадаться. Все же зря согласился на условие отца. Нужно было бросить ответный вызов, как это сделал брат, и заниматься тем, что нравится. Тогда бы точно не забыл такие простые вещи.

– Сколько времени держится запечатление? То есть как быстро Дея вернется к прежнему типу поведения в отсутствие Ньера? – решив поддержать хозяина, продолжил обсуждение Хас.

– По-разному бывает. – Дьер в сомнении почесал переносицу, пытаясь вспомнить данные, о которых когда-то точно читал. – Может быстро, а может и на весь оборот растянуться. Тут все от внешних факторов зависит. Чем больше новых впечатлений, тем интенсивнее идет процесс угасания прежних привычек.

– А отвези-ка ты ее в поселение, – предложил Хас. – Она там моментально вспомнит, как ведут себя круглоухие! И ты с легкостью выиграешь вызов Ньера.

«Заодно и про исследование Гуза все выясню», – продолжил его мысль Шайхот. Вслух же засомневался:

– Как брату поездку объяснить?

– Как, как... – заворчал шош. – Ты же не постоянно сидишь в резиденции. Каждый оборот куда-то выезжаешь. То на фабрики, то по городам. В этот раз решил проехать по поселениям. Что с того?

– Он может счесть это нарушением условий. Я обещал Дею не провоцировать.

– Да какая же это провокация? – от изумления у Хаса аж шерсть на загривке поднялась.

– Косвенная, – не сдался его хозяин.

Шош на время замолк. Повел носом, подергал задней лапой – ему всегда казалось, что так лучше думается. Наконец высказался:

– Надо, чтобы Дея сама попросила отвезти ее в поселение.

– Гениально, – похвалил его дагон. Подобная идея ему и самому пришла в голову, осталось лишь продумать стратегию.

Сидя на скамейке в парке и щурясь от лучей Лидвот, слепящей даже сквозь купол, я мысленно доводила до ума схему аппарата. Пусть Ньевор делает свой вариант, основываясь на технических достижениях своей цивилизации, у меня же свое видение, потому как использую я земные технологии. Будет даже интересно сравнить. Жаль только, мое устройство останется исключительно проектом, а его будет построено по-настоящему. А еще жаль, что возможности мои для работы ограничиваются памятью – приходится запоминать детали чертежа.

Вот вчера мне повезло – в моем распоряжении оказались чистые тонкие листы для записей, похожие на бумагу. У Ньевора я таких не видела – пластина, которую я использовала, чтобы тренироваться писать местные иероглифы, была многоразовой. Написал, стер, снова пишешь. Удобно для обучения, но крайне невыгодно, если хочешь записи надолго сохранить. Здесь же явно одноразовый вариант. Как раз то, что надо!

В общем, я с энтузиазмом этим воспользовалась. И дело пошло в разы быстрее. Правда, в конце дня пришлось на всех листах дорисовать каракулей, чтобы рисунки не выглядели осмысленными. Утащить сумела только один, на котором запечатлела самый удачный вариант схемы, – так хотелось хоть что-то иметь вещественное! Постаралась припрятать понадежнее, чтобы даже Таш не нашел и не увидел. В корсаж. А потом перепрятала, благо нижнее белье у рарков имелось.

Сегодня везение закончилось. Хотя, возможно, это я перестаралась, когда извела всю «бумагу». И потому, посчитав меня излишне расточительной, дагон после завтрака оставил нас с Ташем гулять в парке, не пригласив в игровую комнату повторно. Вот странно, детей у него нет, и жены нет, и даже любовницы, а комната с игрушками, шариками, качалками, столиком для рисования и прочими детскими радостями – есть. Может, это была когда-то его комната?

Почувствовав чей-то взгляд, невольно оглянулась. Успела заметить, как мужской силуэт отступил от окна на первом этаже. Наблюдает. Сказал, что у него дела, а сам за мной следит. Интересно бы знать почему. Вроде я себя осторожно вела: молчала, одеваться старалась не слишком вызывающе, каблуки больше не носила, чтобы устойчивость сохранять. Я даже с Ташем разговаривала только в комнате – он сказал, что это безопасно и прослушки нет. Убежденность в его голосе была запредельная, а на мой вопрос: «Как он может быть в этом уверен?» мохнатый ворчун, неведомым образом совместив высказывания рарков и землян, выдал: «Много будешь знать, остроухой станешь». Я похихикала и лишь руками развела на возмущенное: «Что такого смешного я сказал?!» Объяснить шошу причину веселости, увы, было нереально.

К счастью, Таш не обиделся. Замер и зажмурился, сыто облизываясь. Наверняка в этот момент шло от меня что-то питательно-вкусное. И я была этому рада. Пусть хоть энергию эмоций получает, раз я не могу благодарить его словами за заботу! Ведь при всей ворчливости друг он замечательный! И, я уверена, для своего хозяина он был таким же. Пусть мне не довелось увидеть, как они общаются.

Ньевор... Как же мне его не хватает. Резкого, непредсказуемого, упертого, на первый взгляд совсем не привлекательного, зато умного! Ставшего таким близким и нужным. Я бы все отдала, чтобы быть сейчас с ним, а не здесь... А ведь прошло-то всего ничего, три дня, как он улетел. И надеяться на скорое возвращение бессмысленно. Кому, как не мне, знать, как долго реализуются некоторые проекты. Тем более тот, что взял на себя Ньевор, сложнее некуда.

– Опять грустишь? – вздохнул Таш, вылезая из кустов, растущих слева от скамейки. Вышел на дорожку, отряхнулся от налипших листиков и заглянул мне в глаза. – Может, хочешь в музыкальную

комнату? Я могу попросить Хаса, чтобы поговорил с Дьером и тебя туда пустили.

– Не надо, – на всякий случай шепотом ответила я, прикрыв рот и сделав вид, что зеваю. – Я не страстный любитель музыки. Говорила же.

– Разве? Не помню такого. – Таш прогулялся по дорожке, вернулся обратно и снова пристал с вопросами: – А в магазин тебе не нужно? Может, одежду какую новую купить?

– Да нет, вроде все у меня есть.

– Ага... – Шош плюхнулся на попу и задрал голову к небу.

Прочитать что-нибудь по морде, заросшей шерстью, сложно, но я готова была дать голову на отсечение – он был недоволен! И надолго его терпения не хватило, снова заговорил:

– И в город сходить не хочешь? Тут экскурсии бывают.

– Таш, а ну-ка признавайся, в чем проблема? Тебе скучно? – осенило меня.

– Не скучно мне, – отрезал пушистик. – Просто не привык ничего не делать.

– Вот как? – заинтересовалась я. – И что же ты делал, когда вы с Ньевором были вместе?

Шош насупился, повел носом и буркнул: «У тебя совесть есть?»

– Есть... Сглупила, – повинилась, понимая, что ему так же сложно вспоминать о рарке, как и мне. Оглянулась на дом, чтобы быть уверенной, что на нас сейчас никто не смотрит, и попросила: – Расскажи тогда, как ты в пансионе жил? Чем там вообще шоши занимаются?

– Чем, чем... Учатся. Тренируются. Опыт приобретают. Молодым его передают. Свои навыки оттачивают.

– Тогда это не пансион, а школа.

– Можно дослушать, а потом уже выводы делать? – зашипел Таш.

– Молчу! – тут же поклялась я и прижала ко рту пальцы.

– Отдыхают, – продолжил шош. – За шошечками ухаживают. У девочек хозяев не бывает. Так что с ними только в пансионе можно встретиться. И для шоша большая удача, если у хозяина появляется необходимость побыть одному. Я как раз этим воспользовался. У меня теперь малыш родится, когда у Жель период оплодотворения

закончится. Правда, это еще не скоро будет. Она молоденькая совсем, я всего лишь второй ее партнер.

Я ахнула – столько вопросов сразу возникло! Однако, памятуя про обещание, ничего не сказала. Лишь искренне порадовалась за Таша. Он станет папой! Это же так здорово!

– Спрашивай. Все равно ведь потом пристанешь, – вздохнул Таш, посмотрев на мое загоревшееся энтузиазмом лицо.

Ох, это он зря сделал. Потому что я тут же выдала все, что меня интересовало.

Если у шошечек нет хозяев, то как детеныши попадают к раркам и в каком возрасте? Могут ли шоши жить сами по себе? Есть ли малыш у Хаса? Ревнует ли Таш свою Жель? И что будет дальше, когда она родит? Будут ли папы ухаживать за потомством? Каждый за своим детенышем или за всеми? Как они узнают, кто чей? Может ли у Таша появиться новая возлюбленная и другие детки? И кто вообще содержит пансион? Один ли он такой на Ракисе?...

Шош опешил от моей любознательности. Пробормотал: «Да я ж тебе это все до вечера рассказывать буду». Потом, видимо сообразив, что делать нам все равно нечего, запрыгнул на скамейку, устроился удобнее и положил голову мне на колени.

Я возражать не стала. Ему виднее, как себя вести. Запустила пальцы в шерстку, чтобы Ташу приятное сделать – он, как я уже выяснила, очень любит такую ласку. И слушала, узнавая так много нового!

Оказалось, раньше, до столкновения с амиотами, когда шошей было намного больше, уклад их жизни был иной. Пушистики обитали в природе, и шошечки всегда находились под защитой и охраной независимых шошей. Вот только как партнеров они их никогда не выбирали, потому что считали достойными только тех, у кого энергетический уровень был высоким. А ведь эту силу – ту, что давали эмоции – можно было только у других забирать. Вот те, кто хотел добиться благосклонности дамы сердца, и признавали рарков хозяевами. Сопровождали, помогали, сражались вместе с ними, защищали. Брали столько энергии, сколько мог впитать их организм. И, как только появлялась возможность, возвращались в стаю, чтобы продолжить свой род.

Война изменила всё. Шоши гибли вместе с рарками. Умирали от энергетического истощения, защищая своих хозяев. Но, даже если первым погибал рарк, питомец тоже не выживал. Разве что его организм принимал нового хозяина, но такие случаи были единичными.

Шошей становилось все меньше, а амиоты не отступали. Вскоре даже те, кто охранял шошечек, были вынуждены идти воевать. Они ведь так же, как и рарки, защищали свой мир.

Заботу о шошечках приняла на себя правящая тетрада. Четыре пансиона – по одному на каждой из планет, – построенных рядом со столицами. Самые лучшие условия жизни, максимально приближенные к естественным. Все, что нужно для выращивания и воспитания молодняка. И, несомненно, свободный доступ любому шошу, имеющему возможность на время оставить хозяина, чтобы устроить свою личную жизнь, навестить любимую или пообщаться с потомством.

Такова уж природа этих рыжих пушистиков: шоши-мальчики, в отличие от девочек, моногамны. Всю свою жизнь любят только одну шошечку. Ревновать ее к другим партнерам считают идиотизмом. Наоборот, как только чувствуют, что пыл партнерши угасает, сами помогают ей выбрать нового кавалера. Ведь чем больше их будет, тем больше потом появится малышей. Иногда деток рождается больше, чем у шошечки было партнеров. И это огромное счастье, потому что тогда и численность шошей увеличивается!

Само собой, в такой ситуации никто детей не персонализирует – они общие. Мама одна, отцов много. К тому же папы-шоши ведь не разом всем скопом в пансион наведываются – они со своими хозяевами живут. Ухаживать за малышами многодетным мамам помогают шоши-подростки из других семей. Играют с ними, учат. И сами учатся у всех взрослых шошей, которые в этот момент находятся в пансионе. А когда наступает время, выбирают себе хозяина и уходят из стаи, чтобы когда-нибудь снова в нее вернуться. Ну а те шошечки, детки которых уже выросли, наставляют и опекают молоденьких девочек. Своим партнерам они всегда рады и с удовольствием проводят время вместе. Правда, уже без возможности забеременеть.

Пока Таш рассказывал, я быстро просчитала, что такими темпами они свою численность удержат хорошо если на том же уровне, что

сейчас. О значительном приросте можно только мечтать. Значит, шоши еще не скоро станут спутниками каждого рарка, а присутствие рядом питомца так и останется великой честью и большой ответственностью. Наверняка этого удостаиваются лишь те, кто имеет средства или высокую должность. Хотя...

— А как вы хозяев выбираете? — не удержалась и все же задала еще один вопрос. — Это какой-то особый ритуал?

— Ничего сложного, Дея. — В интонациях пушистого собеседника я четко уловила смешинку. — Любой рарк, который уверен, что готов к сотрудничеству с нами, может прийти к пансиону. Есть у нас там для этого специальное место. Он просто сидит, а свободные шоши к нему по очереди подходят. У кого организм отреагирует и начнет поглощать эмоции, с тем и будет связь. Бывает, что пришедший рарк так ни с чем и уходит. Значит, не родился еще его шош.

Любой? Ну-ну... Как-то я очень сомневаюсь, что «любого» допустят на территорию пансиона. Тут уже не шоши, а сами рарки запретов и препон напридумывают. С одной стороны, вроде как несправедливо получается. А с другой, содержать шоша затратно, не каждый потянет — Ньевор же сам сказал, что именно поэтому попросил Таша на время вернуться в стаю.

В общем, пищи для размышлений разговор дал мне более чем достаточно. И мы до самого ужина болтали, благо нарушать наше уединение ни Дьер, ни Хас не стали. Видимо, действительно делами занялись. Мы даже по парку прогуляться успели и в столовую первыми пришли.

Теперь она выглядела иначе. Стол для нас был накрыт всего один, и стоял он в самом центре зала, остальные были убраны, потому что сегодня утром уехали последние гости, только хозяин особняка со своим питомцем и я с Ташем остались. Практически пустое помещение казалось гигантским и неудобным. Как дагон здесь ест каждый день, я с трудом себе представляла.

— А нам обязательно сюда приходить? Может, можно попросить в комнату еду приносить? — шепотом спросила шоша и поежилась, настолько некомфортно себя почувствовала.

— Ты не в поселении, Дея, — привычно наставительно «просветил» Таш. — Здесь другие правила. И не болтай, ешь, Хас с Дьером идут.

Как он это узнал, я так и не поняла. Видеть точно не мог – вход был плотно занавешен, а вошли они только через минуту. Наверное, природное чутье у шошей на высоте, хоть они и не животные.

– Нас не дождались. Прискорбно, – констатировал дагон, придирчиво осмотрев стол и особенно пристально тарелку, стоящую рядом со мной. Из которой я действительно успела утащить и сжевать пару кусков окириса.

Я смутилась и хотела было руки на колени убрать, но не успела – мой защитник возмутился, впиваясь взглядом в своего пушистого брата.

– Так не было же вызова подчинения! Пусть Дьер оставит свои претензии при себе.

– Какой еще вызов? – зашипел Хас. – Дьер – дагон провинции, а она всего лишь...

– Сельская дурочка, – припечатал мой шош. – Вот и пусть твой хозяин либо отодвигает свою гордость и снисходит до вызова круглоухой, либо принимает все как есть.

– Таш говорит, что ты для Деи не авторитет, – ворчливо «перевел» дагону Хас.

Дьер хмыкнул, но промолчал, усаживаясь на свободный стул. Я же снова принялась за трапезу, сделав вид, что замешкалась исключительно по причине появления соседей по столу, а не из-за сказанного.

Какое-то время мы ели. Спокойно, сосредоточенно, не мешая друг другу. Я думала, что всех все устраивает, хотя меня саму нервировало присутствие чужих, малознакомых мне личностей. Ошиблась. В один «прекрасный» момент, отложив приборы, дагон неожиданно подался ко мне через стол.

– Дея, ты разговаривать умеешь?

Голос звучал недовольно. Определенно ему мое молчание не нравилось.

– Умею, – ответ выбрала лаконично нейтральный, чтобы не к чему было прицепиться. Того и гляди на вызов нарвешься. А я ходить по этому «лезвию» так и не научилась.

– Очень хорошо, – похвалил Шайхот и взялся за вилку. Впрочем, по-прежнему не выпуская меня из прицела темных глаз. – Тогда расскажи, чем занималась в парке.

– Ничем. Просто сидела, – осторожно ответила, прикидывая: может, он видел, как мы с Ташем общались? И ему это показалось подозрительным? Потому тему развивать не стала. Пусть сам претензии выскажет, если они у него имеются.

Наступившая тишина продержалась ровно пять секунд. Видимо не дождавшись от меня продолжения, дагон с раздражением бросил:

– Просто сидела и все? Ветки не ломала? Камни с дорожки в кусты не кидала? Почву не ковыряла? Скамейку не исцарапала? Пьежек не ловила? За прислугой не бегала?

Взглянув на Таша, который вопросами был озадачен ничуть не меньше, я осознала – дагон пытается меня разговорить. Считается ли это вызовом? Вряд ли. Может, ему просто скучно ужинать в тишине?

И любопытство начало побеждать – я рискнула пойти на контакт. Впрочем, оставаясь в своей роли и в готовности в любой момент диалог прекратить.

– Нет. А надо было? Я тогда завтра все это сделаю.

Дагон поперхнулся, посмотрел на меня ошалело и... расхохотался.

Смеялся он вовсе не злобно. Это был веселый смех, словно собеседник посчитал мои слова необычайно забавными. А когда успокоился...

– Не надо, – качнул головой, продолжая улыбаться. – Пусть парк останется целым и невредимым. А мы тебе другое развлечение подберем. Чем хочешь заняться?

Я насторожилась. Вопрос точно с подвохом! А я ума не приложу, что может пожелать круглоухая. Разве что какую-нибудь невыполнимую глупость?

– На орбиту можно? К Ньювору.

– На орбиту нельзя. – Шайхот в один миг стал серьезным. Подумал, все так же изучая меня взглядом, и поинтересовался: – Соскучилась?

Неопределенно передернув плечами, я опустила взгляд в тарелку и сосредоточилась на еде. Позиция «пусть понимает как хочет» будет самой правильной в моем положении.

– Таш! Хоть ты не молчи. – Хас решил внести свой вклад в выяснение моих потребностей. – Она при тебе на что-нибудь

жаловалась? Пожелания высказывала? Чего ей хочется? Что Дее нужно?

– Смотря что *вам* нужно, – неопределенно хмыкнул мой шош, недвусмысленно обозначив ударением, каков истинный смысл вопросов.

– Ничего нам от нее не нужно! – возмутился Хас. Вот только мне послышалась легкая наигранность. Он словно испугался разоблачения.

– Ну так и отстаньте от девочки, – отрезал его брат.

– Таш не знает... – начал было жаловаться доносчик, но дагон его оборвал:

– Я понял.

– Что понял? – встряла я, старательно делая вид, что не слышу перепалки и уверена, что он со мной беседует.

– Что ты привыкла выполнять указания Ньевора. – Дьер предпочел не афишировать общение шошей. – Впрочем, это даже неплохо. Раз самостоятельность ты не проявляешь, значит, вреда от тебя будет меньше. Вот только все равно ума не приложу, чем тебя занять.

Я лишь руками развела. Типа если такой умный остроухий перед проблемой пасует, то что уж говорить обо мне, круглоухой глупышке.

– Что же придумать?... – Шайхот побарабанил пальцами по столу и вдруг спохватился, видимо вспомнив что-то важное. – Хас! А мы сегодня мриссу съели? Забыли? То-то я и чувствую, что тебя плохо слышу...

Мужчина вытащил из кармана рубашки прозрачную упаковку, разорвал и, посмотрев на моего шоша, неожиданно предложил:

– Таш? Может, ты тоже съешь? Нам будет легче.

– Обойдусь, – невежливо отозвался пушистик. И морду в сторону отвернул, чтобы Шайхот сам все понял.

– Ладно, – вроде бы даже не обиделся Дьер. Положил в рот один сморщенный крохотный шарик и на раскрытой ладони протянул Хасу второй. – Вот так, Дея, – улыбнулся, когда длинный тонкий язык ловко слизнул ягоду. – Другого способа общаться со своим шошем не существует. Так что это хорошо, что ты выиграла мриссу на празднике. Когда вернется Ньевор, сможет слышать Таша. Правда, недолго. У тебя же только один комплект. Это у вас в поселении мриссы много, а здесь, увы, она редкая и дорогая. Ты ведь сбором ягод занималась?

Вспомнив об обстоятельствах, которые сопровождали этот самый «сбор», я помрачнела. Понятно, что Шайхот имел в виду совсем иное – то, что круглоухие собирают и сушат мриссу, а потом сдают остроухим наверняка за какое-то вознаграждение. Но мне от этого было ничуть не легче.

Собеседник, по-своему расценив мою реакцию, сочувственно вздохнул:

– Жалеешь, что не знала об этом, когда уезжала в город с Ньювором? Могла с собой взять...

Он замолчал, на этот раз определенно выжидающе, однако я, не понимая, к чему он клонит, молчала. Никаких умных, то есть глупых мыслей в голову не приходило. Кроме одной – меня зачем-то подводят к осознанию, что я должна, нет, просто обязана желать много-много мриссы. Понятно, что не для себя, а ради Ньювора. Но к чему такая настойчивость? И именно сейчас?

Пауза затягивалась. Есть мы уже закончили, однако Дьер упорно сидел за столом, буравя меня взглядом.

– Кхм... – откашлялась я, так ничего и не надумав, а потому решив сначала обсудить все с Ташем в спокойной обстановке – Я спать пойду.

– А как же развлечение на завтра? – нахмурился и без того недовольный дагон.

– Так оно же не сегодня, – беспечно заявила я, поднимаясь. – Вот завтра о нем и подумаем.

Таш тут же спрыгнул с лежанки и первым отправился на выход. Поэтому, в отличие от меня, не услышал слова Хаса:

– Спокойно, Дьер, расслабься, дыши ровно. Прибить ее всегда успеешь...

Я бы посмеялась, если бы услышала эту фразу из уст человека. Потому что люди говорят такое исключительно в переносном смысле. А вот рарки... У них контекст прямой, оружие всегда под рукой, и применяют они его не особо раздумывая.

Потому из столовой я вышла, чувствуя, как потеют ладони, слабеют от страха ноги и шевелятся волосы на затылке. В моем воображении именно туда вот-вот должен был ударить смертоносный луч.

К счастью, Шайхот остался в столовой, видимо решив сегодня меня не провожать. И я, пока шла к себе, успокоилась. Однако вопросы остались. Чего же добивался от меня дагон, а я не сказала, если он так остро отреагировал?

Увы. Мои надежды, что у Таша есть объяснение непонятной настойчивости, не оправдались. Шош первый высказал недоумение, когда мы в комнате оказались.

— Не пойму, почему он так озабочен запасом ягод и тем, что это должно как-то тебя волновать. Хозяин теперь сам в состоянии купить мриссу. Раз меня из пансиона вызвал, значит, его финансовое состояние позволяет содержать нас всех. И Дьер это прекрасно знает.

— Может, он в воровстве меня хотел уличить? Чтобы потом этим шантажировать? — предположила я. Сбросив туфельки, присела на кровать и начала стягивать чулочки.

— Нет, точно нет. Вызов — дело благородное, но шантаж... Это же позор. Особенно для дагона. — не согласился Таш. — Мне кажется, это был какой-то намек. Только мы его не поняли.

— Намек? — Я покрутила в голове варианты, снова не нашла ответа и рассердилась: — Что за намеки глупой круглоухой? Почему нормально не сказать, мол, так и так, будешь вот этим заниматься. Неужели сложно?

— Так ведь ты не его любовница, — добродушно проворчал Таш. — Дагон может приказать тебе сделать только то, на что есть разрешение Ньевора. В остальном он обязан лишь идти навстречу твоим желаниям, если они допустимы и осуществимы. Вот Дьер и пытается тебя к ним подвести.

— Ему что-то нужно, а я должна этого пожелать? — соскочив с кровати, я нервно забегала по комнате. — И чего именно? Мриссы? Зачем? У него своей ваги не клюют, вон сколько на празднике раздарил!

— Мрисса тут ни при чем, — успокаивая, шош мягко прижался к моим голым ногам, вынуждая остановиться. — Смысл какой-то другой.

— Другой... Знаешь, Таш, — всхлипнула, не удержалась и поделилась своими страхами: — Мне кажется, Шайхот все это затеял, чтобы у него было весомое основание меня убить.

Судорожно вздохнула, услышав недоверчивое: «Не преувеличивай». Хоть и не планировала признаваться, а пришлось

пересказать слова Хаса. Желание жить оказалось сильнее.

– Ты его тоже слышишь? Не только меня? – опешил шош. – М-да...

Думал он долго. Я успела взять себя в руки, переодеться, умыться и плотно занавесить шторы, потому что свет Лидвот непрерывным потоком лился в окно. Теперь ночи будут наступать только в следующем обороте, когда звезда уйдет за горизонт и ей на смену придет атмосферная дымка. Забралась на кровать, а глаза закрыть не успела – Таш запрыгнул ко мне и устроился под боком, хотя раньше никогда этого не делал, предпочитая спать на диванчике. Я возражать не стала, места тут и на троих хватит.

– Послушай меня, Дея... – серьезным тоном начал шош. – Что бы ни было на уме у Дьера, это не шутки. Провоцировать его опасно, особенно если ты права в своих подозрениях. Само собой, я тебя собой закрою, когда понадобится, но лучше и правильнее будет проблем избежать. Поэтому тебе придется дать ему право действовать на свое усмотрение и выйти за рамки, поставленные Ньевором. Это риск, само собой, но так, по крайней мере, мы выясним, какова его цель.

Понимая, что шош куда лучше меня разбирается в психологии рарков, я с ним согласилась. И спала на удивление спокойно, чувствуя рядом своего защитника. Последние ночи с Ньевором мне было так же хорошо. Хоть мужчина и не прижимался ко мне, как Таш, и не посапывал умиротворяюще.

Утром, озаренным светом прочно занявшей место на небосклоне Лидвот, вчерашние страхи казались пустыми. Ну на самом деле, зачем дагону убивать круглоухую, которую он сам предложил временно опекать? Однако по мере приближения к столовой сомнения и тревога вновь привязали к ногам пудовые гири, а легкая занавеска на входе вообще показалась тяжелой гардиной.

Собрав все свое мужество, я первая шагнула в приятный голубоватый полумрак – Таш на этот раз шел на полшага позади, сказал, что ему так будет удобнее действовать, если что. Дьер и Хас уже завтракали за единственным столом, по-прежнему стоящим в центре зала.

– Сегодня мы вас не дождались, – на удивление спокойно «поприветствовал» нас дагон и положил в рот наколотый на вилку кусочек какого-то фрукта.

– Специально небось задержались, чтобы проверить, как мыотреагируем, – заворчал Хас, не отрывая морды от тарелки с вальесой.

– Специально небось пришли пораньше, чтобы можно было хоть этим преимуществом похвастаться, – не остался в долгу Таш, запрыгивая на вторую лежанку.

– Я долго платье выбирала, – внесла я свою лепту, прервав обмен «любезностями». Крутанулась, демонстрируя наряд из плотного цветного кружева: длинную юбку и блузку с короткими рукавами. Села на стул и пожаловалась: – Их много. Все красивые. А я не знаю, какое подойдет на сегодня. И сказать, какое правильное, некому... Надо было вчера определиться.

Все сделала в точности, как наказывал шош. И он не ошибся! Шайхот заинтересованно на меня посмотрел, поощряя на продолжение. Я его разочаровывать не стала, приступив к фазе «два».

– Надела первое попавшееся, – тяжело вздохнула, надеясь, что это не выглядит наигранно. Подтянула к себе тарелку с салатом, взялась за вилку, но есть не стала, делая вид, что все еще озабочена вставшей передо мной неразрешимой проблемой. Придав взгляду максимум наивности, подняла глаза на дагона и поинтересовалась: – Для чего оно подойдет?

Расчет был простой: Дьер, раз уж он остроуго-умный, любой наряд, какой бы на мне ни был, сможет «подогнать» под нужное ему занятие. То есть озвучит, наконец, желаемую перспективу и на этом успокоится, потому что мне придется изобразить радостное согласие с его авторитетным мнением. Если, разумеется, это не что-то... неприличное.

Лицо рарка в этот момент надо было видеть: он впервые выглядел таким довольным! Однако свою «роль» отыграл по полной, торопиться не стал. Сосредоточился, типа обдумал, оценил наряд со всех позиций – даже под стол заглянул, наверное, туфли не успел рассмотреть, – и глубокомысленно изрек:

– Удобное платье. Для поездки куда-нибудь то, что надо.

Гм... Сомнительно, конечно. И неожиданно. Что за поездка? Куда он собрался меня везти? Вот только разве глупая круглоухая может проявить недоверие к словам самого дагона?

– Поездка... – замороженно прошептала я. – Мне нравится кататься на аграве.

– Вот и хорошо, – удовлетворенно кивнул Шайхот. – Значит, после завтрака полетаем за пределами города. У меня как раз сегодня нет важных дел. Буду отдыхать вместе с тобой.

Отсутствие точного маршрута меня совсем не обрадовало. Этак можно куда угодно уехать. И очень надеюсь, все это устроено не для того, чтобы остаться со мной наедине.

– А шоши поедут с нами? – заволновалась, посмотрев на молчаливо ожидающих итога нашего общения питомцев.

– Конечно, – спокойно подтвердил дагон. – И не только они. Водитель, мой помощник, безопасники... Сейчас за пределами купола без страховки нельзя.

Ага. Значит, планов воспользоваться моей... гм... круглоухой неразборчивостью и легкодоступностью Дьер не имеет. Ну и отлично!

Окончательно успокоилась и принялась за завтрак, с любопытством поглядывая на мужчину, который, по всей видимости, решил совместить прием пищи и подготовку к путешествию. Взмахнул рукой, подзывая кого-то. Коротко, но тихо отдал приказ появившемуся рарку. Потом проинструктировал еще одного, примчавшегося спустя пару минут.

Я бы наверняка разобрала хоть часть его слов, да только между шошами в этот момент тоже завязалась беседа.

– Что твой хозяин задумал? – голос Таша отнюдь не был праздно интересующимся, скорее, настороженно-подозревающим. В отличие от меня в бескорыстный порыв дагона он не поверил. И я снова напряглась, старательно контролируя мимику. Я же ничего не слышу!

– Не дергайся, – негромко проворчал Хас и покосился на занятого разговором с помощником Дьера. – Условий вызова эта поездка не нарушит.

– Вызова? – зашипел Таш. – Какого еще вызова? Не было такого!

– Как не было? – удивился его пушистый братишка.

– Дея никаких условий не озвучивала и не принимала!

– При чем тут Дея? – растерялся было рыжий оппонент, но быстро сообразил, в чем дело, и ахнул: – Он тебе не сказал! А я думал, ты в курсе. Нье...

– Хас! – рывкнул обернувшийся к нему дагон, заставив шоша прижать уши к голове. Зыркнул сердито и пристрожил: – Много болтаешь.

Само собой, больше Хас ни слова не сказал. Однако мне услышанного хватило. Вызов... То есть Ньевор меня оставил не из-за работы, а потому, что поспорил с дагоном?

Сам по себе факт поразительный, но я не удивилась. Знаю же характер Ньевора – он вечно на грани вызова, словно без этого жить не может. Интересно только, что на этот раз стало причиной, каковы те самые условия, которые Шайхот не должен нарушать, и как они связаны со мной, мриссой и поездкой в неведомые дали.

Любопытство грызло так сильно, что я уже начала продумывать план, как это узнать. Вот только, когда завтрак завершился и мы все направились на выход, Таш, улучив момент, предупредил:

– Не вздумай ничего предпринимать. Я сам все выясню.

У меня даже мысли не возникло ему возразить – в своем, вернее, нашем с Ньевором питомце я была уверена. И потому спокойно шла следом за дагоном и даже вполне естественно удивилась, увидев транспорт, на котором нам предстояло лететь.

Огромный, размером с автобус или, скорее, небольшой самолет без крыльев. Он был похож на тот, что стоял на площади в поселении, когда я встретила дага Легора и Ньевора.

– Почему он... он... другой? – пролепетала, стараясь не выйти из образа. – Не тот, белый, открытый.

– На аграве защиты от излучения нет, да и он маленький, мы все не поместимся. А на гравилете удобств больше. Вот увидишь. Залезай.

С той позиции, сколько народа набралось, чтобы нас сопровождать, Шайхот оказался прав. Не меньше шести вояк из службы охраны в плюс к нам всем. В открытом аграве они сидели бы у нас на головах. Здесь же запросто разместились позади, в специальном отсеке, я теперь их даже не видела. Как, впрочем, и водителя с помощником, потому что пассажирский салон был приподнят и находящиеся впереди рарки обзора не закрывали. Нам с дагоном достались шикарные мягкие кресла, больше похожие на уютные диваны, а шоши устроились по бокам, прижавшись к прозрачным бортам.

Едва створки дверей плотно сомкнулись, как машина вздрогнула, поднимаясь над землей на гравитационной подушке. Воздух внутри салона пришел в движение – сработала отдача от двигателя.

Летел гравилет низко, определенно из-за большой массы набрать высоту, не потратив много энергии, проблематично. Он просто скользил метрах в пяти над поверхностью, петляя между домами, пока не нырнул в туннель, подхвативший машину и разогнавший до колоссальной скорости. Двигатель стих, и я тут же припомнила аналогичный момент, когда впервые попала в город. Только тогда рядом со мной сидел совсем другой рарк.

Ньевор... Я в мыслях все время к нему возвращалась, не в силах забыть. Он прочно занял место в моей голове и в моей душе. Станный, нескладный, но такой... любимый.

Почувствовала прохладное прикосновение – лежащий рядом Таш ткнулся носом в мою ладонь. Янтарные глазки смотрели сочувственно, понимающе. Шош несомненно ощутил мое состояние и теперь старался поддержать.

Хас тоже завозился. Приподнялся, с любопытством заглядывая в мое лицо. Перевел взгляд на дагона, задумался и лег обратно, так ничего и не сказав. Может, решил, что у меня нежные чувства к его хозяину? Правда, теперь меня это уже не волновало. Главное, Таш во мне уверен и больше не станет обвинять.

Туннель быстро закончился. Вернее, «выплюнул» нас за пределы города, в последний раз придав ускорение. Двигатель снова завелся, взяв на себя трудоемкую задачу удержания и движения машины в воздухе.

Я замороженно прислушивалась к равномерному гудению, в котором нет-нет да проскакивали нотки, не попадающие в ритм и вносящие легкий диссонанс. Это сбой в работе? Или же побочный эффект, нормальный и не влияющий на результат?

Увы, ответа я не знала. Технологии у рарков иные, а потому мне, чтобы разобраться в специфике работы двигателя, нужно хотя бы разок на него взглянуть. А еще лучше разобрать и собрать. Вот тогда я точно скажу, что происходит. Только кто же мне это позволит?

Приложила немало усилий, чтобы выкинуть любимую тему из головы и сосредоточиться на маршруте. Вернее, на окружающем пространстве, которое отнюдь не отличалось разнообразием. Коричневая каменистая пустыня, лишь изредка украшенная оазисами серолистной растительности. Эффектным такой пейзаж не назовешь.

Поначалу я вглядывалась в него с любопытством, постепенно теряя интерес. В итоге, устав от однообразия, наклонилась вперед и, сложив руки перед собой, опустила на них подбородок, продолжая глазами следить за «дорогой».

– Ожидала большего? – хмыкнул Дьер, на которого я почти не обращала внимания, настолько неприметно он себя вел. До этого момента. Теперь же решил о себе напомнить. – Забыла, как выглядит природа Рагнаира? Разве в твоём поселении пейзажи не были такими же?

Сразу три вопроса... То ли дагон забыл, что разговаривает с круглоухой, то ли намеренно «перегружает», чтобы сбить с толку. Вот и как тут реагировать?

Выпрямившись и придав взгляду максимальную растерянность, я неуверенно пискнула:

– Нет.

– Что нет? – не понял моей краткости рарк. – Нет, не ожидала? Или не забыла? Или ты о поселении?

– Все вместе.

Шайхот медленно втянул носом воздух и под привычное ворчание Хаса «спокойно, спокойно...» выдохнул сквозь зубы.

– В чем проблема-то? – вяло поинтересовался Таш и лениво потянулся, меняя положение тела... В общем, все сделал, чтобы показать – ему не интересно, но ситуация обязывает.

– Да все та же проблема. Дея крайне неразговорчива. Как с такой общаться?

Говорил Хас, тщательно подбирая слова, словно в любой момент ожидал окрика. Однако Дьер никак не отреагировал, и, ободренный этим, шош продолжил:

– Хозяин так старается наладить с Деей контакт, во всем идет ей навстречу, а она? Даже отвечать нормально не желает.

– А зачем ему этот... контакт? – ненавязчиво уточнил мой питомец.

– Зачем контакт? – растерянно повторил Хас и сник под очередным хмурым взглядом дагона.

Тайна снова осталась в секрете, Таш улегся обдумывать новую стратегию по добыче информации, а Шайхот нажал пальцем на свой наручный коммуникатор и проговорил, видимо обращаясь к водителю:

– Возьми севернее, на плато к горам. – Обернулся ко мне, поясняя: – Там места красивее, есть на что посмотреть.

Горы? Горы я помню. Особенно сколько дней к ним шла, а потом, не рискнув подниматься, пыталась обогнуть и добраться хоть куда-нибудь. Впечатления так себе. Но говорить об этом дагону будет неправильным, придется потерпеть. Покатает и домой вернет. Разочарованный в отсутствии ахов-охов, вряд ли захочет развлекать в будущем и оставит в покое. А там, глядишь, и Ньювор прилетит!

Приняв решение не вестись на провокации и убедить Дьера в отсутствии у меня не только разговорчивости, но и элементарного чувства благодарности, со скучающим видом смотрела вдаль. Те самые поднятия, что устремлялись ввысь, сразу не узнала – то ли мы с другой стороны подлетели, то ли в ярком свете Лидвот выглядели они иначе, чем в сиянии атмосферной дымки. Встрепенулась лишь раз, заметив впереди черный, непонятной формы объект. Остатки корабля? Однако, когда подлетели ближе, убедилась – всего лишь груды валунов другого цвета. Показалось.

Волнение в душе улеглось, но, как оказалось, ненадолго. Правда, теперь причиной стала вовсе не окружающая среда, а наш транспорт. Двигатель как-то подозрительно «чихнул», смолк и...

Я не сдержалась – взвизгнула и схватилась за подлокотники, когда машина ухнула вниз с немалой высоты. Клацнула зубами, когда почти у самой земли гравилет резко дернулся вверх, а затем почему-то в сторону.

Отборная ругань Шайхота, не менее эмоциональные комментарии за переборкой сзади, пушистая «подушка безопасности», оказавшаяся перед моим лицом и закрывшая собой обзор... Все это я воспринимала, но в голове билась только одна мысль – авария! То есть поломка. Получается, я небезосновательно беспокоилась!

– Хас, слезь с меня! – рявкнул мужской голос, когда экстремальная траектория полета вновь приобрела прямолинейность.

Повернув голову, я дунула на рыжую шерсть, мешающую видеть, и Таш, точно так же, как это сделал его брат, тут же сполз на свою лежанку.

– Что?! – рявкнул дагон, активировав связь с водителем.

– Треснула оболочка двигателя, – донеслось из динамика. – К счастью, не развалилась полностью, держится.

– До города дотянем?

– Сомнительно. Тяга на пределе. Хватит ненадолго.

– Нужно место, где мы можем дожидаться ремонтников, – быстро решил Шайхот. – Что здесь есть?

– Два поселения, – ответил ему другой голос, по-моему, это был помощник. – Одно побольше, но оно за массивом, долго огибать. Второе ближе, но оно совсем мелкое.

– Нам не размер важен, а укрытие, – буркнул Дьер, выключая связь. Помолчал, посмотрел на меня и сочувственно спросил: – Испугалась?

– Нет, – невольно вырвалось, и я спохватилась, исправляясь: – Да. – И лишь сообразив, как мои ответы выглядят со стороны, прошептала: – Наверное.

На лице рарка отразилось удивление, сменилось недоумением и окончательно вытеснилось холодным неприятием. Он натужно выдохнул, качнул головой и едва слышно процедил:

– Вот точно... неправильная.

Глава 13

В плену обстоятельств

Дом старосты поселения... В нем все было лаконично, просто, без излишеств. Светлые бледно-зеленые стены со штрихами более темных тонов. Гладкий, потому как залитый слюдянистой стяжкой земляной пол. Полки с домашней утварью и инструментами. Лестница, узкая, но с глубокими ступенями, ведущая на второй этаж.

Имелся в комнате стол – массивный, грубый, застеленный простой желтой тканью, к которому были приставлены три стула. Находились здесь и два рарка – те самые, что занимали места в переднем отсеке гравилета. Сейчас они стояли у стены рядом с плотно прикрытой входной дверью, перебрасывались настороженными взглядами и молчали.

Напротив, у окна, разместился Дьер Шайхот. Пиджак с длинными полами он снял сразу по приходе, бросив на спинку ближайшего стула. И потому руке рарка ничто не мешало то и дело находить рукоятку оружия, прикрепленного к бедру, оглаживать и оставлять в покое, наглядно показывая провинившимся перспективу.

– Что вы устроили? Что за идиотские спецэффекты? Я приказал всего лишь симитировать незначительную поломку! – его голос буквально вымораживал окружающее пространство.

Водитель сильнее втянул голову в плечи. Помощник зябко поежился, но в бой, то есть на защиту рванул уверенно:

– Хотели как лучше. Достовернее. Чтобы сомнений не возникло.

– Перестарались! – раздраженно припечатал дагон.

Он так рассчитывал, что Дея, напуганная возникшими проблемами с гравилетом, кинется к нему в поисках защиты! По факту же им на колени бросились шоши, чтобы зафиксировать и закрыть собой в случае падения, настолько экстремальной была траектория. План «А» не сработал, пришлось задействовать план «Б» и все же лететь в поселение. Хотя этот вариант дагону нравился меньше. Слишком уж подозрительным получалось совпадение, Ньер мог его и под сомнение поставить, посчитав косвенной провокацией. Однако выбора не осталось. А ведь как все было бы просто, если бы Дея еще

вчера, когда он намекал ей на возможность путешествия, по-простому вздохнула и сказала: «Вот бы сейчас вернуться и набрать мриссы для Ньевора». Именно так поступила бы нормальная круглоухая!

Взгляд дагона невольно нашел стену дома напротив и пытливо всмотрелся в единственное окно. Он словно надеялся увидеть в нем девушку, хоть и знал, что яркий свет Лидвот не позволит ему этого. Зато прекрасно различил на темном тонированном стекле отражения фигур подчиненных.

– Надеюсь, с «ремонтom» сюрпризов не будет? – строго поинтересовался, вспомнив, что они так и стоят в ожидании его решения.

– Все починится в срок!

– Охрану у гравилета выставили?

– Двое, – подтвердил помощник. – Сменяться будут каждые три часа.

– Всех расквартировали?

– Да, по одному на двор, как приказано.

– Хорошо... – Дьер задумался. Отошел от окна и, присев на стул, побарабанил пальцами по столешнице. – Идите. И позовите старосту.

Мужчина средних лет, пожалуй даже моложе дагона, появился быстро. Шайхот, хоть уже и видел его, когда тот прибежал поприветствовать прибывших гостей, снова осмотрел внимательным взглядом. Простые тканевые брюки серого цвета, рубашку, перетянутую широким ремнем, чуть согнутую в почтении спину, темные короткие волосы, из-под которых выглядывали остренькие кончики ушей. Припомнил доклад помощника, которому заранее дал задание все разузнать...

– Алм Вьешт, – повторил негромко имя и указал на стул напротив. – Садись. Я обдумал ситуацию, – начал, едва собеседник выполнил указание, – и решил, что на пару дней задержусь в твоём поселении. Вызвать новый гравилет не проблема, но я предпочту подождать, пока починят старый. Есть и другая причина. Как ты уже понял, моя спутница из этих мест, так что, я уверен, ей будет приятно побыть среди своих. Надеюсь, мы не доставим лишних хлопот.

– Никаких проблем, – заверил староста. – Наоборот, мы очень горды, ведь принимать у себя дагона и его сопровождающих – большая

честь. Я лично прослежу, чтобы все мужчины остались довольны, а моя жена позаботится, чтобы девушке было удобно и весело.

– Жена у тебя круглоухая? – на всякий случай уточнил Дьер.

– Да. Я ради нее и согласился на эту должность.

– Ситуация знакомая, – кивнул Шайхот. – Кажется, у твоего предшественника тоже чувства повлияли на карьеру. Кстати, Дея его внучка.

Сказал и буквально впился глазами в лицо рарка, чтобы не упустить ни одной эмоции. Ведь от того, как именно староста отреагирует на известие, будет зависеть и продолжение разговора.

– Не знал, – искренне удивился собеседник и невольно осмотрелся. – Значит, это был ее дом?

– Ее деда, – поправил Шайхот. – Она с родителями жила отдельно, лишь потом сюда переехала.

– Умерли, видимо? Да, смертность круглоухих высокая... – понятливо протянул староста и спохватился: – Может, в таком случае девушку тоже поселить здесь?

– Не стоит, – мягко отверг предложение дагон. – Дее сейчас нужно женское общество, она слишком долго была его лишена. Я для нее плохая компания.

– Тогда выбор сделан верный. В доме моей тещи женщин более чем достаточно, – засмеялся Алм. – Она сама, ее сестра с мужем и двумя дочерьми примерно того же возраста, что и Дея. Да и моя жена временно поживет там.

– Очень хорошо, – одобрил Дьер, особенно обрадованный наличием молодых девиц. Они на личном примере помогут Дее вспомнить прошлое. – Не ограничивайте их, пусть развлекаются как им привычно.

– Понял, – с облегчением выдохнул староста, с которого подобное распоряжение снимало настоящий груз забот. Ведь контролировать и держать в рамках женщин поселения, у которых под боком столько соблазна в виде молодых, полных сил мужчин-военных, было бы крайне проблематично.

– К тому же Дея в этом доме наверняка не будет чувствовать себя комфортно, – продолжил рассуждать дагон. – Чужие вещи, обстановка, ничего, что ей привычно и знакомо.

– Абсолютно согласен. Даже стены другие, я ремонт здесь сделал... – он вдруг замешкался, словно что-то вспомнил и теперь лихорадочно решал – говорить об этом или нет.

– Что-то кардинально изменил? – подтолкнул его к признанию Дьер, чувствуя, что в этом есть тесная связь с Рьяром.

– Нет... Но кое-что нашел.

– Что именно? – Шайхот постарался придать лицу безмятежное выражение, а голосу минимум интонаций. Но вся его суть кричала – вот оно! То, что, скорее всего, изобрел и потому спрятал Гуз!

– Я принесу.

Дагон, заинтригованный и возбужденный, с нетерпением ждал возвращения старосты, который поднялся на второй этаж. С любопытством впился глазами в комок из ткани, оказавшийся перед ним на столе, когда новый хозяин дома вернулся.

Когда Алм аккуратно развернул сверток, стало понятно, что это одежда. Эластичная футболка, тонкая курточка, брюки. Вероятно, женские, потому что размер был небольшой. Плюс заколка для волос из черного металла. В принципе ничего необычного. Хотя...

Дьер напрягся, когда из глубин свертка появилась обувь. Короткие серебристые ботиночки на гибкой подошве, изрядно сбитой и потертой о камни.

Словно удивления дагона было недостаточно, последними выпали браслет и крошечный, размером с половину мизинца, непрозрачный пузырек из темного стекла.

– Вот, – закончив, староста отступил от стола.

В растерянности дагон поднял браслет. Покрутил в пальцах, постепенно осознавая – это не украшение. Это какая-то техника, похожая на те коммуникаторы, которыми пользовались и сами рарки. Но определенно иная по дизайну.

А бутылочка? Ее тоже нельзя было отнести к разряду стандартных...

В одно мгновение Дьер Шайхот вспомнил: остатки кораблей, падающих именно на этой территории, прокол командора Гольша, громкий скандал с погоней Лаита Шерьерона за шпионкой...

– Где именно это было спрятано? – бросил испытующий взгляд на старосту.

– На втором этаже между балками потолка.

– Почему ты не доложил о находке в Департамент глобальной безопасности?

– Не успел, – поник Алм. Настороженно посмотрел на собеседника, увидел скептически поднявшуюся бровь и признался: – Слишком странные вещи. Приедут разбираться, устроят допросы... Уничтожат поселение. Всех уничтожат.

– Почему тогда отдал мне?

– Это твоя провинция, дагон, – неожиданно резко отреагировал староста. – Ты в ней заинтересован. Не допустишь произвола.

– Верно, – не менее серьезно подтвердил Шайхот. – Ты правильно поступил. Я запомню. Больше ничего необычного не нашел? В документах или вещах твоего предшественника? – продолжил допрос, имея в виду все, что хоть как-то могло пролить свет на работу Гуза с мриссой. Но собеседник лишь отрицательно покачал головой. – Можешь идти.

Алм, которого слова начальства ободрили и успокоили, поднялся со стула.

– Если понадобится, я в доме своего помощника. Это строение слева.

Шайхот кивнул и, едва за рарком закрылась дверь, впился испытующим взглядом находку, словно вещи могли испугаться и признаться в том, кому именно принадлежали.

Что же все это значит? Что скрывал Гуз Рьяр?

– Платье у тебя такое яркое!

Карие глаза девушки, сидящей слева от меня на толстом шерстяном ковре, застилающем центр большой комнаты, с восторгом рассматривали цветную юбку. Она с сожалением перевела взгляд на свою: одноцветную, желтую, по краю которой шла аляповатая, совершенно безвкусная аппликация из разноцветных листиков, и вздохнула.

– Хорошо иметь щедрого любовника! – зашебетала ее копия, присевшая справа. Пригладила каштанового цвета волосы, собранные в высокий хвост и открывающие совершенно нормальные по форме уши. Округлые, вовсе не заостренные. – У нас таких не сыщешь. Зато я в следующий оборот столько мриссы соберу, что мне староста пять таких подарит!

– А мне целых шесть! – заявила первая, в уверенности, что это намного больше.

– Не подарит! – возмутилась вторая. – Ты не в его вкусе! Заплатит как всем.

– А ты тогда с какого граша ему сдалась?

– А вот с такого! Я в прошлый сбор его целовала между прочим!

– Мам, ты слышала? – захныкала близняшка, оглядываясь на полноватую, но ладную женщину, в простом сером платье, хлопотавшую у плиты. – Пьяза старосту соблазняла!

– Хватит ябедничать, Вьянка, – стукнула ее по руке сестра, перегнувшись через мои колени. – Тебе жалко, что ли? Вон сколько мужиков приехало! Выбирай любого. Да хоть всех приглашай, если уверена, что с ними справишься, – едко захихикала, за что получила затрещину от сидящего рядом с ней на стуле мужчины.

– Не лезь к сестре, – пристрожил глава семейства и вернулся к своему занятию. На коленях круглоухого парка лежало плетение из металлических нитей, которым он увлеченно занимался.

– Правильно, пап! – вякнула было Пьяза, за что тоже получила порцию родительской «ласки».

Девушки надулись и замолчали. Ровно на три секунды. Одновременно набрав воздух в легкие и посмотрев на меня, выдохнули совершенно синхронно:

– Авария была страшная?

Засмеялись и, забыв о распрях, снова принялись щебетать.

– Такая большая машина!

– Водитель так себе.

– Мне тоже не понравился.

– Военные классные очень! Жаль, что к нам никого из них не поселили.

– После ужина поиграем в «Прыгалку», может, удастся познакомиться.

– Лишь бы на помощника дагона не нарваться.

– Ага-ага. Он меня таким презрением окатил, когда из машины вылез... Бр-р-р...

Девушки трещали без умолку. У меня от их голосов голова начала ныть, требуя покоя и тишины. Однако, похоже, болтливость была неотъемлемой чертой круглоухих. Ведь все в этом семействе, без

исключения, говорили охотно, с легкостью перебивая друг друга, а зачастую вообще одновременно. И при этом прекрасно слышали друг друга! Только теперь я поняла недоумение Шайхота, который наверняка знал об этой особенности и потому ждал от меня аналогичной болтливости.

И все равно я была рада, что он не оставил меня при себе, а отправил с местной женщиной, которую звали Агья, оказавшейся женой нового старосты. Так риска меньше. Да и я наконец узнаю, как же на самом деле должна была себя вести. Пусть у меня и есть небольшое оправдание имеющимся отклонениям, но надо же знать, каким именно!

Вполуха прислушиваясь к голосам сестер, еще раз осмотрела помещение, убеждаясь – здесь все очень просто и без изысков. Однотонно окрашенные стены, грубоватая в своей прочности мебель из тяжелого материала, похожего на пластик. Никаких технических устройств, если не считать той самой плиты, около которой неспешно нарезала кусочками какие-то продукты мать близняшек и сестра Агьи – Лагья. Впрочем, даже эта техника казалась мне безумно примитивной. На Земле такие, наверное, веке в девятнадцатом использовали.

– Дея! Почему не сказала, что ты внучка Рьяра? Меня муж позвал рассказать, он с дагоном говорил, и я так растерялась! – с порога набросилась на меня вернувшаяся в дом Агья – изящная невысокая женщина, в легком светло-зеленом сарафане. Улыбнулась, подмигнув мужу сестры, посмотревшему на нее с любопытством. И сама же ответила, не дав мне и рта раскрыть: – Хотя я бы на твоём месте тоже не стала вспоминать. Вроде как на твоих глазах его убили? Да? – И снова не стала ждать ответа, видимо слушая только себя: – Я же, получается, тебя видела. И тогда на площади, когда все это произошло. И маленькую когда-то нянчила. Это когда сама еще подростком была. Потом ты болела, нас к тебе твой дед не пускал... Шикарный мужчина. И такой несговорчивый...

– Я его помню, – встряла ее племянница. – Он был старым.

– А тебя старики не привлекают, – хихикнула ее сестра. – Вот его сын тебе бы глянулся.

– О да, Мьер был хорош! – Лагья мечтательно закатила глаза к потолку, не прерывая готовки, к которой присоединилась и Агья. –

Хоть и упрямый, как его отец.

– Мама, забудь! Он умер уже, – хором выдали близняшки.

– Сплетни сплетнями, а еда где? – стукнув по столу кулаком, рывкнул отец семейства, оторвав взгляд от своей работы.

– А ты не ревнуй, не ревнуй. Вот-то я не видела, как ты Фарью во всех углах обжимал, – заворковала Лагья, поспешно расставляя тарелки.

– Что ты там видеть могла, дура?

– Видела, видела. Красавица она была, вот точно как Дея сейчас. Разве такую нормальный мужчина пропустит? – не сдалась и ничуть не обиделась его жена. С легкостью переключилась на другую тему: – Дея, поднимайся. Садись за стол. Дочки, а ну бегом помогать! У нас гостья. Мама! Ужинать! – позвала громко.

– Не ори, я не глухая, – рывкнула ничуть не менее тихо пожилая женщина с седыми волосами, заплетенными в тугую косу. Спускаясь со второго этажа, она придерживала сухопарой костлявой рукой длинную юбку ярко-красного платья. Шею украшала целая связка бус и пестрых ленточек. И именно в это «богатство» тут же впились завидующие глаза девчонок.

– Какая же это гостья, если она наша? – заворчала старуха, окинув меня придиричивым взглядом блеклых глаз. Сев за стол, макнула палец в жидкое фиолетовое пюре, облизала, причмокнула и скривилась: – Недосолено!.. – Однако же, не дожидаясь, пока дефект исправят, подняла тарелку и хлебнула через край, ухитряясь между глотками бурчать: – Могла бы... и у себя приютиться, а не у нас... место занимать.

– Так нет у нее теперь дома...

– Староста дагона у себя разместил...

– А ему ужин его помощник готовит, представляешь?...

Молчать даже во время приема пищи они не умели. Вскоре я уже перестала вникать в то, кто и что сказал. Разговор стал единым шумом, из которого мозг ухитрялся отлавливать лишь самое важное. То, что меня беспокоило больше всего – опасность разоблачения.

Однако она, похоже, мне совсем не грозила. Ну да, внучка старосты заболела лиспой и умерла, он сам об этом сказал. Но раз я жива, значит, Гуз правду скрыл, а меня ото всех прятал. Зачем? Да кто ж его знает? Остроухий, у него свои «тараканы» в голове. А времени с

тех пор прошло достаточно, чтобы облик прежней Деи стерся из памяти поселян, потеряв четкость.

Меня признали, хоть к концу трапезы и стали посматривать сочувственно. Объяснение, что именно послужило причиной, не заставило себя ждать.

– Дея, дагон плохо с тобой обращался? – напрямую спросила Лагья.

– Что? – не поняла я. – Почему?

– Ты такая... забитая. Словно постоянно чего-то боишься. – Женщина посмотрела на мужа, и тот, соглашаясь с ней, кивнул. Близняшки, хоть их и не спрашивали, тоже активно закивали. – Он тебя наказывал?

– Нет-нет, я просто... перенервничала. И устала, – поспешила я оправдать мужчину, который хоть и нервировал меня своим непонятным поведением, но ведь на самом деле ничего плохого мне не сделал.

– Наверное, он как любовник пустышка, – предположила Агья. – И эгоист. Остроухие такими бывают, мне сестра мужа говорила. Подобные ему не терпят конкурентов, хотя от них самих никакого толку.

– Ты бы язык-то придержала! – рассердился рарк. – Вот муж тебя не слышит! Ты в своем уме – такое о дагоне говорить? Он как узнает, так со всех шкуру спустит...

– Будешь молчать, так и не узнает, – фыркнула Агья, но тон смягчила. – Может, он и ничего, но девочка-то все равно напряжена! Ей надо расслабиться.

– У нее для этого теперь есть все возможности, – хрипло засмеялась старуха.

– А вдруг дагон будет против? – забеспокоилась Лагья. – Не вышло бы проблем.

Ее дочери тревожно ахнули, прижав ладони к щекам.

– Он мужу сказал, что ограничений нет, – успокоила всех Агья, вернув счастливые предвкушающие улыбки на лица девушек. – Можете поиграть.

Игра... Ох как она меня тревожила! Я же ни правил не знала, ни сути, которая, несомненно, имела интимный подтекст. И вообще не хотелось мне лишний раз себя выставлять напоказ. Я бы с огромным

удовольствием просто легла отдохнуть где-нибудь в тишине и покое. И желательно с теплым Ташем под боком.

Увы. Шошей круглоухое население восприняло в штыки. То есть, едва рыжие пушистики вылезли из гравилета, перепугались все, кроме разве что нового старосты и его остроухого помощника. О том, чтобы Таш жил со мной в доме, не могло быть и речи. В итоге оба шоша, потому как Хас решил брата одного не оставлять, нашли себе укрытие поблизости – на том самом сеновале над загоном с местной живностью, где когда-то мне самой пришлось ночевать. Успокаивало меня только то, что и я могла в любой момент к нему прибежать и самому Ташу были прекрасно видны окрестности дома.

В игру меня буквально втянули. Едва ужин закончился, девушки бросились на второй этаж, а спустились переодетые – одна в ярко-синее, другая в солнечно-желтое платье. Определенно для кавалеров принарядились. Подхватив меня под руки, увлекли к выходу, где нас ждала Агья. Похихикали в адрес родителей, которые несомненно воспользуются их отсутствием – Лагья уже сидела на коленях мужа, недвусмысленно забираясь ладонями ему под рубашку.

И если до этого я еще имела намерение остаться в доме, то теперь передумала. Однако сомнительного удовольствия все же попыталась избежать.

– Вы идите, играйте, а я к шошам схожу. Проведать. Потом к вам присоединюсь.

– К кому? – хором удивились сестрички, замерев в проеме.

– К рыжим зверюгам, которые в сарае поселились, – со знанием дела ответила за меня Агья. – Ох, девочки, я же к ним заглядывала. Морды длинные, зубастые. Глазищами сверкают. Вот-вот набросятся. Еле ноги унесла.

– Б-р-р... – передернулись близняшки.

Жена старосты посмотрела на меня сочувственно и вздохнула:

– Как же дагон тебя запугал-то. Мама твоя пришла бы в ужас, если б узнала... – В глазах сверкнуло негодование, и она решительно вцепилась в мое запястье. – Нет уж. Даже не думай. Полное селение мужиков, а она к лохматым страшилищам собралась! Не позволю! Все, девочки, дверь закрыли, и бегом.

«Бегом» вовсе не потому, что не хотели опоздать. Причина была яростная, жгучая, опаляющая кожу, если вовремя не найти укрытие.

От излучения Лидвот над поселением не было защитного экрана, и потому все жители сидели по домам, а любые перемещения по открытой местности совершались именно так: бегом!

Влекомая Агьей, я решила не сопротивляться. Ничего же страшного нет в том, что я посмотрю, как они играют. Зато суть узнаю – тоже ведь польза. А когда отвлекутся, улучу момент и сбегу.

План вроде как несложный, да только осуществить его оказалось непросто. В первую очередь из-за упертости «компаньонки», которая решила меня опекать до победного. Она не отпустила мою руку, даже когда мы оказались под небольшим навесом, рядом с площадью, в центре поселения. Раньше я на него не обращала внимания, настолько он был мал. Укрытие служило временным островком безопасности, который круглоухие использовали для своей игры. Кстати, мы там оказались не единственные – две девушки громко смеялись, завязывая глаза третьей.

Пока мы переводили дыхание, «слепую» раскрутили, и она, когда остановилась, наугад показала рукой на...

– Дом старосты! – завопили все. – Ты идешь к дагону!

– Не повезло, – рассердилась девушка, стаскивая повязку. – Ладно, рискну.

Она глубоко вдохнула, выдохнула и рванула из-под навеса. Фигурка в розовом платье исчезла за поворотом. Присутствующие затаили дыхание. Несколько минут было тихо.

– Принял, похоже... – удивилась было Агья, как тут же, с истошным визгом и одновременно хохотом, девушка пулей вылетела на площадь.

– Он там... там... – добежав, она буквально рухнула на песок, задыхаясь от смеха. – Он там голый! Переодевался ко сну. Я прямо на него наскочила, чуть не облапала, а он как зыркнет страшно, как на меня рявкнет: «Вон!»

Веселье продолжилось, а к нам присоединились еще две девушки. Одна из них – намного моложе близняшек – вызвалась быть следующей. Бежать ей выпало в дом, соседний с площадью. И обратно она не вернулась.

Ее везение стало поводом для завистливых вздохов-ахов, но лишь подстегнуло азарт. И даже то, что очередная претендентка снова «попала» в тот же дом, никого не смутило. Кроме меня.

– Не волнуйся, – легко отмахнулась Агья, словно почувствовав мое недоумение. – Там трое мужиков, двое из них не женаты. Плюс военный. Кто-нибудь да заинтересуется. Ну а не захотят – откажут, всегда можно попробовать снова. В том и суть.

Да уж... Мне стало не по себе от перспективы вломиться в дом и оказаться в ловушке. А если, например, сама девушка не захочет отношений с доставшимся ей кавалером? Или такого не бывает, чтобы круглоухой никто не понравился?

Ответ пришел неожиданно. Девушка вернулась. Лицо ее было недовольным, а голос возмущенным:

– Ярка себе красавчика-военного подцепила! Сидит с ним, заигрывает. А братья Шьяз не в моем вкусе. Я с ними обоими в прошлый оборот была. Неумехи.

– А ты бы еще раз попробовала, – хихикнула Вьянка. – Вдруг они опыта за это время набрались.

– Вот сама и пробуй! – негодуя, девушка вытащила близняшку в центр и надела ей повязку. – Посмотрим, на ком тебе прыгать выпадет.

Итог «лотереи» оказался приятным. Вьянка просияла, когда поняла, на какой дом показала, а ее оппонентка сникла, отойдя в сторону.

– Там самый красивый парень живет, – пусть с сестринской, но завистью пояснила для меня Пьяза, пока ей завязывали глаза. Послушно раскрутилась и...

Видимо, ей не повезло. Она так боялась попасть в дом, где поселили помощника дагона, что именно на него и указала. И все равно побежала, закусив губу, едва не плача.

– Это она нервничает просто. Там же помощник моего мужа живет, а он ей нравится. И она ему, кажется, тоже. – Агья улыбнулась, провожая племянницу добродушным взглядом. – Может, найдут общий язык, и она у него останется на ночь. А там, глядишь, и отношения завяжутся.

У меня волосы встали дыбом. Все у них шиворот-навыворот. Все неправильно, ненормально...

– А теперь ты, Дея! – выкрикнул чей-то голос, заставив меня задохнуться и осознать: избежать игры не удалось.

– Давай не бойся, – подтолкнула Агья. И сама же взялась за повязку, а затем раскрутила.

Чувствуя, как подгибаются от страха ноги, я едва удержала равновесие, когда остановилась. Пока поднималась рука, беззвучно молилась. Только не дом старосты! Встречи с дагоном я не переживу, потому как он уже трех девушек выгнал. Наверняка теперь злющий как черт. С другой стороны, дом-то за поворотом! Из-под навеса входа не видно. Значит, можно будет сделать вид, что я зашла, а на самом деле незаметно добраться до шостей!

Наверное, слишком поздно я сообразила, что это был бы прекрасный выход из ситуации, – судьба услышала только первую часть моей мольбы.

– Вот и за что такое везение этим Шьязам! – сопровождал мой выбор гневный возглас, и, стянув ткань с лица, я растерянно посмотрела на дом, вход в который был на всеобщем обозрении. И неожиданно успокоилась. Выбор-то обоюдный, насиловать и принуждать меня никто не собирается. Зайду, скажу, что парни меня не впечатлили, и уйду. К шошам.

Дверь открылась легко, словно приглашая. А вот внутри оказалось сумрачно, из-за плотно занавешенных штор. После яркого света улицы я словно ослепла. И от неожиданности подпрыгнула, когда услышала за спиной:

– Так-так... Кто к нам пожаловал на этот раз?

Братья, видимо, тоже играли. Потому стояли по бокам от двери и ждали. А теперь медленно наступали, оттесняя меня в глубину комнаты.

– Ого... – присвистнул от удивления один из них. Видимо рассмотрел и узнал: – Да это же Дея.

– Дея? Ты вроде с дагоном? Что ж играть-то пошла? Разнообразия захотела? – не то восхитился, не то посетовал другой.

– Эт мы запросто. Обеспечим, – уверенно пообещал первый. Обернулся, прислушиваясь к донесшемуся из глубин дома тихому постаныванию, и громким шепотом сообщил:

– Я же говорил, что Ярка его дожмет.

– А строил из себя... «Не захочу, на фиг надо», – передразнил военного второй.

Братья загоготали, впрочем, быстро про меня вспомнили.

– А ты, Дея, нас «дожмешь»? Мы не против.

– Нет. Я не хочу.

– Как нет? – опешил первый.

– Почему нет? – вытянулось лицо у второго.

– Ты не можешь вот так взять и отказаться.

– Это нечестно!

– А та девушка, которая приходила до этого... Разве она вам не отказала? – растерялась я, не понимая их реакции.

– Отказала? – засмеялись парни. – Это мы отказали, потому что дважды с ней развлекались и поняли, что нам с ней неинтересно. Только она же в этом не признается.

– А с тобой мы еще не играли. И ты нас не оценила, – выразительно напряг мышцы под рубашкой тот, что стоял рядом. Теперь, когда глаза привыкли, я уже неплохо его видела. – Зачем же шанс упускать?

– Не попробуешь – не узнаешь. Верно? – поддакнул его брат.

– Нет, – тряхнула я головой, судорожно соображая, что делать, если они продолжают настаивать. Может, закричать?

– Не хочешь с нами обоими, выбери одного, – окончательно добили меня парни. – Кого предпочтешь?

– Никого, – выдавила я, непроизвольно сжимая ткань юбки. Неужели я ошиблась насчет добровольности?

– Что ж за день такой сегодня? Второй раз облом, – посетовал один из братьев. Тот, что был ростом пониже.

– Да ладно тебе, может, еще запрыгнет к нам какая красавица. Там их сегодня много собралось, – незлобно отреагировал другой. – А ты, Дея, не психуй, не обидим. Расслабься. Я – Режд. А этот, озабоченный, Юрт.

– Сам ты озабоченный, – оскорбился парень. Отошел к двери и, закрыв глаза, сложил руки на груди, подпирая стену. Ждать.

– Ну что? – проследив за ним, покачал головой, Режд и вернулся взглядом ко мне. – Пойдешь снова прыгать или у нас пересидишь?

Рисковать повторно я не собиралась. Видела же, что девушки, которые возвращались, снова играли, до тех пор пока окончательно не определялись с выбором любовника на ночь. Так что идея притвориться, что я «выбыла», мне понравилась. Парни оказались вменяемыми и вовсе не такими страшными, как показалось поначалу.

– Не надоело в городе-то? – Режд, указав на толстый ковер в углу, дождался, пока я выберу себе место, и лишь затем сел сам. – Там же

так сложно все. Я бы давно свихнулся.

– Терпимо, – уклончиво ответила я. – Привыкнуть можно.

– Тебе, как женщине, проще, – со знанием дела продолжил парень. – А мужикам полный граш. Привычной работы нет. Дома ненормально высокие. Устройства какие-то жуткие. Народу тьма. Женщины недоступные. Еда – одно название. Нет уж, меня в эти самые города на аркане не затянешь.

– Ты хоть в одном был?

– Не-а. Мне рассказов старосты хватает. И этих... которые за ягодами приезжают. А их техника! Я вообще не понимаю, как они ее терпят. Это ж взбеситься можно!

– Почему?

– Да потому, что с ней не сладить. Когда не работает как хочется, на нее не наорешь – без толку, а кулаком стукнешь, так еще и поломаешь.

– Остроухие с ней управляются.

– Остроухим делать больше нечего, вот и забивают себе голову всякой дрянью. Сначала напридумывают граш знает что, потом мучаются. А на фига? Дея, вот сама посуди, что в жизни надо? Еда посытнее. Кров, крепкий такой, чтоб и самому спокойно было, и потомкам. Ну одежда еще. Опять же, добротная, а не эта...

Он скептически посмотрел на мой наряд, который так впечатлил близняшек.

– Глупые вы, женщины. Любите все, что поярче. А какой в этом прок? Ни теплее, ни сытнее.

– Красиво, – улыбнулась я его примитивной логике.

– Красиво, это когда и у женщины, и у мужика все на месте: руки, ноги и... остальное. А тряпка... Не-е-е... Я этого не понимаю.

Помолчал и неожиданно тему сменил:

– Ты, может, останешься? Раз уж вернулась.

– Не могу. У меня любимый есть.

– Любимый? – Режд почесал в затылке. – Дагон, что ли?

– Нет. Другой. Он на орбите работает.

– Где? – напрягся парень.

– В космосе. Там, – я указала на потолок.

– Там небо. Оно держит Лидвот, а не «орбиту». Любой парк оттуда упадет, – глубокомысленно выдал Юрт. Видимо, все же

прислушивался к нашему разговору.

– Задурили тебе голову совсем, Дея, – сочувственно вздохнул Режд. – Наивная ты. Твой остроухий бред какой-то придумал, оправдаться, что тебя одну оставил, а ты и рада.

Я спорить не стала. Понятно же, что необразованность убежденностью не переломишь. Тут другой подход нужен.

– Режд, а ты хотел бы учиться? – мне никак не верилось, что круглоухие настолько примитивны. Да, Ньевор говорил, что их пытались приобщить к цивилизации, да ничего не вышло. Но мне все равно хотелось, чтобы он ошибся.

– Ты прям как твой дед, Дея, – недовольно сверкнул глазами мужчина. – Тот тоже об учении твердил. И когда мы еще подростками были, и когда выросли. Дрянью какой-то пичкал. Сначала грызть, потом пить, потом мазаться... Думали, сдохнем. Не откажешь же. Обошлось. Ты уж не злился, но мы даже обрадовались, когда его... того. Новый-то староста без этих придурей.

О как... Вот откуда у «деда» настойка! Он ее точно из мриссы сделал и на местных экспериментировал. Видимо, без особого эффекта, раз все в поселении так и остались глупыми и не проявляющими ни намека на желание познавать мир.

Настойка... А ведь она так и лежит, спрятанная между балок в доме. И наказ умирающего я не выполнила. Может, рассказать о ней дагону? Пусть сам и забирает.

Ой, нет. Нельзя, чтобы он туда лез. Там и мои вещи тоже. Не подумала я, когда все в одну кучу сложила. Так что сначала самой достать надо, втихую, а потом уже признаваться. Проблема, конечно, что Шайхот в дом заселился, но я же могу сказать, что хочу немного побыть в старом доме одна, дедушку вспомнить... А там и его наказ «вспомнится». А что? Я глупая, могла запросто забыть. Теперь я точно это знаю.

– Все. Агья последнюю девку пристроила, – неожиданно разочарованно цокнул языком Юрт, нарушив наступившую тишину. Устав стоять у двери, он переместился к окну и теперь смотрел на улицу.

– Ушла? – Режд поскреб покрытый щетиной подбородок.

– Ага... – его брат потянулся и зевнул. – Я спать.

– Пожалуй, я тоже пойду, – завозилась я, пытаюсь встать. Ноги затекли от непривычной позы.

– погоди, провожу.

Режд вскочил, не дожидаясь ответа. И вздернул меня вверх так легко, словно я и не весила ничего. Сначала буркнул: «Тебя кормят вообще?», затем поинтересовался: «Ноги как? Бежать сможешь?» и, лишь убедившись, что все в порядке, открыл дверь.

Я думала, «провожаю» – это до выхода. Однако, судя по пыхтению и топоту, парень решил взять на себя задачу-максимум и довести меня до дома.

– Дея, ты дорогу забыла? – окликнул, когда я, вместо того чтобы продолжить бежать прямо, повернула налево.

– Я в гости, – задыхаясь, откликнулась, не оборачиваясь.

– Куда? – удивился Режд, снова меня нагоняя.

Отвечать мне уже не требовалось – постройка загона была совсем рядом. Не сбавляя скорости, я нырнула в спасительную тень и лишь там согнулась, уперев руки в колени. Меня начало пошатывать от усталости, пока я пыталась отдышаться.

– Дыхалка у тебя тоже никакая, – посочувствовал рарк, приобняв меня за талию, чтобы помочь устоять. – Город это зло...

Договорить не успел, его словно снесло порывом ветра, проволочило по утоптанной земле, присыпанной сеном, и впечатало в сложенную из серых бревен и металлических опор стену.

– Бр-р-р... – замотал головой осевший на пол парень, приходя в себя. Перевернулся, встал на колени, попытался подняться... И снова его отшвырнула неведомая сила.

Я растерянно смотрела на происходящее, оглянулась и наконец заметила рыжее пятно в глубине загона. Шош топнул задней лапой, сверкнув разгоревшимися огнем глазами, и воздух разорвал осязаемый гравитационный пресс, окончательно усмиряя в очередной раз завозившегося Режда.

Ничего себе! Шоши, оказывается, не только зубки имеют страшные!

– Таш, хватит! Он не враг. Просто хотел помочь, – наконец я обрела дар речи. Бросилась к лежащему без движения мужчине и присела на корточки, присматриваясь – жив ли? Увидев, как поднимается и опускается грудь, успокоилась. Жив.

Возмущенно сопящий шош пробормотал что-то нечленораздельное: то ли выругался, то ли посетовал. Подошел к рарку, приняхался, поморщился и посмотрел на меня сердито.

– Сказал бы я тебе... да только ты меня не услышишь.

Как это? Хотела было ответить, что прекрасно его слышу. А заодно спросить, что за способности такие он сейчас демонстрировал. Спыхватилась вовремя. Хас! Он ведь тоже здесь! И Таш просто мне об этом напомнил, предупредил.

– Что теперь с ним делать? – снова вернулась взглядом к начавшему храпеть рарку.

– Ничего не делать. Оклемается и уйдет, – буркнул Таш, показывая глазами куда-то вверх.

– Оставлю здесь. Мне его не дотащить, – послушно приняла я правила игры, сообразив, что Хас сидит на втором этаже. Улыбнулась шошу и одними губами прошептала: – Ты ж мой защитник...

Холодный нос ткнулся мне в ладонь, и пушистик вздохнул. Решив, что проявление ласки не возбраняется, я обняла его за шею и снова зашептала:

– Я соскучилась. Не пойду обратно в дом. С тобой ночевать буду. На сеновале. Можно?

Наверное, Таш все еще сердился, потому как отстранился молча. Подождал, пока я встану, оглядываясь, подошел к лестнице, ведущей наверх. Он всем своим видом показывал, что приглашает меня туда, и я, подобрав юбку, полезла.

Второй этаж за время моего отсутствия изменился. Сеновал остался, но травы в нем стало меньше. За перегородкой, отделяющей его от остального, когда-то пустого помещения, теперь стояли плотными рядами этажерки с поддонами из той самой мелкой сетки, что мастерил отец близняшек. На ней в один слой была насыпана мрисса. То ли уже сухая, то ли все еще сохнущая.

Я не удержалась, взяла одну, помяла в пальцах...

– Ну съешь, съешь, убедишься, что бессмысленно, – заворчал Хас, пробираясь между опорами на открытое пространство.

– Может, и не бессмысленно. Где гарантии, что нам не врут? – сказал поднявшийся следом за мной Таш.

– Дьер точно обманывать не станет, – опешил его брат.

– А если он сам обманывается? – не сдался Таш и задумчиво на меня посмотрел. Видимо, вспомнил про «мудриссу», о которой я ему говорила.

– Спать пора, – спохватилась я, сообразив, что снова чуть себя не выдала, столь явно прислушиваясь к диалогу. – Вы будете рядом?

Жалея, что нет возможности раздеться, и одновременно радуясь теплой атмосфере, я просто расстегнула пояс юбки и свалилась на сено. Хас соседством со мной пренебрег. Ушел куда-то вглубь загона. А вот Ташик привычно прильнул к боку, позволив зарыться пальцами и носом в пушистую шерстку. Какой же он... лапочка...

Разбудили меня мягкие хлопки, словно кто-то бьет подушкой о подушку. Или хлопает крыльями. Или топает лапами?

– Это я-то воровка? Да это моя мудрисса! Имею право! – донесся возмущенный вопль, а воздух разорвал такой знакомый звук: гр-р-як!

– Не наглей, жалкий комок пуха! – рыкнул кто-то в ответ. – Как есть воровка. Никто тебе права жрать ягоды не давал.

Сонливость слетела мгновенно. Вскочив и на ходу застегивая юбку, я рванула за перегородку.

Картинка мне открылась предсказуемая. Оба шоша стояли хвостами ко мне, потому что медленно наступали на прыгающую по полкам этажерок Вагу. А та, распушив волоски-перья, махала передними лапками и негодовала:

– Тупые создания! Это мои плантации! Я за ними просматриваю. Удобраю! Без моего помета ни одна ягодка бы не выросла!

– Вот и удобряй, а собранную мриссу не трожь.

– Да я... Да я все ягоды в Рагнаире съем, чтобы никому больше не достались! – проорала птиценасекомая, хлопая крыльями, но лишь для того, чтобы перескочить на очередную ступеньку.

– Не льсти себе. Лопнешь.

– Кого ты слушаешь, Таш? Разве не видишь, она и так уже обожралась. Кое-как летает. Низко.

– Да уж получше некоторых! – вякнула было Вага, как раз в этот момент вспорхнувшая на самый верх этажерки. Да только Хас топнул лапой, и она рухнула вниз, как сбитый беспилотник.

– Ну и где твой хваленый полет?

– Ах ты рыжий прихвостень ушастого ворья! – «птица» подобралась, взъерошилась и рванула в бой.

– Стойте! – не выдержала я, бросаясь к ним. Какое там! Меня даже не заметили.

Вага билась о воздух, словно о прозрачную стену. Шоши поочередно наступали и отступали, выматывая противницу и не подпуская к себе близко.

– Наглые зубастые морды! – верещала Вага, теряя волосы.

– Желаешь проверить мои зубы на себе? – клацал челюстью Хас.

– Серое недоразумение! – рявкал Таш.

– Прекратите! – не выдержала я, выскакивая на поле брани и закрывая собой Вагу.

Наверное, зря это сделала, потому что словила предназначенную ей гравитационную оплеуху и осела на пол. Ну а «птичка», воспользовавшись брешью в обороне и тем, что Таш стремительно метнулся ко мне, кинулась на Хаса.

Триумф ее длился недолго. Пара секунд, сверкнувшие огнем глаза, и Вагу отбросило к стене. Распласталась она на ней так, словно шош всей массой в нее врезался и теперь держал. Хотя на самом деле продолжал стоять метрах в двух от нее.

– Помогите-спасите! Что делается-то?! Убивают! – вопила «пришпиленная», все же ухитрившаяся вырвать клочок рыжей шерсти и теперь триумфально сжимающая его в передних лапках.

– Дея, ты как? – перекрывая ее визг, беспокойно суетился рядом со мной Таш. – Сильно ударилась? Меня видишь? Сколько лап я показываю? – поднял переднюю, помахав ею перед моим лицом.

Поморгав, я села ровнее.

– Одну. Я в порядке, – слукавила, голова все еще кружилась. – Хас, отпусти ее, – попросила и, осознав, что он меня не слушает, взмолилась: – Таш, сделай что-нибудь! Ты же умный шош.

– Кто тут умный? – нарываясь на продолжение конфликта, возмутилась Вага.

– Хас, не надо... – начал было Таш, но его брат вошел в раж и повелся на провокацию:

– Можно подумать, ты – верх гениальности!

– Здесь я самая понятливая! А вам даже моя мудрисса ума не прибавила!

– Вага! – снова взмолилась я. – Хватит оскорблений! Шоши этого не заслуживают. Они хорошие!

Пресс, удерживающий птиценасекомую, исчез, и она рухнула вниз. Встрепенулась, нахохлилась и укорила:

– Эх, память твоя недолга! Что помогай, что не помогай таким, как ты, все без толку! Я старалась, выручала дуру беспамятную, советы давала, а ты? Бросила меня, несчастную, и к этим рыжим зубоскалам переметнулась. Предательница!

– Я не предательница. И тебе благодарна. Очень.

– Вижу я твою благодарность, – обиженно высказалась «птица». – Пару ягодок для ваги пожалела, а сама вон ее сколько захапала и этих убийцев сторожить приставила.

– Это не мои ягоды, – озвучила я неочевидный для нее факт. – Я здесь просто переночевала.

Сказала и осеклась. Слишком поздно осознала – на адреналине, с плохо соображающей от удара головой, но все равно желая погасить набирающий обороты конфликт, я напрочь забыла о необходимости скрывать свою способность слышать тех, кого не должна.

Посмотрела на шошей, потрясенно молчавших и даже не среагировавших на оскорбительный эпитет. На вагу, которая вытянула шею и с любопытством заглядывала то в мое лицо, то в глаза своих рыжих противников. В итоге мысленно махнула рукой: все, поздно сожалеть.

– Ну хоть орать перестали, и на том спасибо, – улыбнулась невесело.

– А в чем проблема? – деловито поинтересовалась птиценасекомая и нагло проковыляла перед самым носом Хаса. – Разжиревшие от хозяйских харчей тушки не ожидали, что мы знакомы?

– Заткнись! – хором рявкнули шоши.

– Ой, больно надо с вами болтать. Прекрасно жила одна и дальше жить буду. А ты, пришлая, еще придешь ко мне на поклон, да только я...

Не договорив, она встрепенулась, прислушиваясь. Выпучила и без того огромные глаза и не прощаясь, громко хлопнув крыльями, вылетела в просвет между балками стены.

Шоши, мгновенно про нее забыв, развернулись в сторону лестницы. С нехорошим предчувствием в душе я тоже обернулась, а через мгновение над уровнем пола появились сначала темные волосы, а затем лицо... дагона.

– Ага. Все тут. Понятно, – он словно сам себе сказал, пробежав глазами по нашей компании. И приказал, снова исчезая: – Спускайтесь.

Как долго он там стоял? Или только пришел? Слышал или не слышал? И что он вообще мог разобрать? Мои слова и слова Хаса, а Таша лишь рычание, как и крики Ваги. Ягод же с ними он не ел. Можно ли из этого что-то понять?

– Дея, очнись. Надо идти, – буркнул шош, подпихивая меня носом под руку.

– Таш... – я умоляюще посмотрела на питомца, и он, вздохнув, шагнул навстречу брату, перегораживая путь. Тот, хмуро на меня зыркнув, остановился.

– Хас, прошу. Хотя бы до возвращения Ньевора не говори Дьеру. Ну слышит все Дея, да. Но что с того? Угрозы в этом нет. И на благополучие твоего хозяина не влияет.

Ответа не последовало. Хас еще раз на меня посмотрел, перевел взгляд на Таша и, молча обойдя брата, пошел к лестнице. Нам ничего не оставалось, кроме как последовать за ним.

Я боялась, до дрожи боялась услышать обличающие меня слова, едва ступлю на пол загона. Однако Хас, по-прежнему молча, отошел, чтобы не мешать нам спускаться, и спокойно сел у ног Дьера. А говорить начал сам дагон.

– Сначала мне доложили, что ты не ночевала в доме, в котором тебя поселили. Потом сказали, что ты осталась после игры у братьев Шьязов. По факту оказалось, что тебя у них в доме нет. Обыскали все поселение. Хорошо, что я догадался сюда заглянуть. Дея, ты хоть иногда думаешь, что делаешь? Неужели так сложно было поставить меня в известность о своих планах?

Голос, бесстрастный поначалу, постепенно набирал возмущенных интонаций, в конце став совсем злым. Даже Хас с удивлением посмотрел на своего хозяина.

– Я ведь с шошами была, – ошарашенно пролепетала в ответ.

– А я думал, с круглоухим любовником кувыркалась, – презрительно процедил Дьер. – Как его? Режд?

– Э-э-э... – Начавшаяся рядом с одним из загончиков возня завершилась более внятным: – Да. Я Режд. Да.

Парень поднялся, морщась и растирая лицо ладонями. Разглядев того, кто назвал его по имени, опешил, а от вида сразу двух шошей начал заикаться:

– Я тут... Того. Ка-кажется... упал. И это... сп-п-пал, – пробормотал, медленно пятясь к выходу.

– Это Таш его приложил, – сухо сообщил Хас, проводив глазами убегающего круглоухого.

– Было за что? – прищурился Шайхот.

– Не вижу здесь хладного трупа, – проворчал Таш.

– Если бы было, живым бы не ушел, – «перевел» Хас.

Взгляд дагона метнулся ко мне. Оценил помятую юбку, выбившуюся из-под пояса блузку, растрепанные волосы с запутавшейся в них травой. Посмотрел на потолок, словно примеряя – могло ли «спальное место» довести мой внешний вид до такого безобразного состояния. И, видимо, вспомнил о шуме, который сопровождал его появление:

– Почему кричала крим-вага?

– Ягоды жрала. Мы согнали. Вот и разоралась, – лаконично доложил Хас.

– Щ-щ-щедар! – болезненно поморщился Дьер. – Забыл предупредить, чтобы вы ее не трогали. Не подумал, что она здесь может прятаться от излучения.

– Мы больше не будем, – проявил покладистость его питомец.

– Больше не придется. После завтрака возвращаемся в город. Гравилет починили.

Слова прозвучали резко. Шагнув к выходу, мужчина бросил на меня еще один неприятный взгляд. Он до сих пор злился, и – я готова была спорить на что угодно – в его паршивом настроении именно моя ночевка в неположенном месте была виновна. Эх, зря я пошла на поводу у Агьи и не отказала категорично. С другой стороны, Шайхот же сам игру разрешил!

Мелькнула мысль, что причиной мог стать подслушанный разговор с шошами и вагой, но я решила себя раньше времени не

накручивать. Пока для этого нет оснований.

Повинуясь резкому движению руки рарка, указавшего на дорогу, спрыгнула с невысокой приступки и побежала, сопровождаемая мягким топотом Таша.

– К-у-уда! – ударил в спину возмущенный вопль, от которого мы оба затормозили и обернулись.

– Завтракать, – поспешно крикнула я, начиная нервничать – получить ожог мне не хотелось. – К Агье. Она сказала...

– Дура! – сжимая кулаки, зарычал Шайхот, тоже выскочивший на солнцепек. – Ко мне в дом. Живо!

К нему? То есть в тот самый дом, где... Где убили старейшину. Где на меня лег долг до сих пор не выполненного обязательства. Где спрятаны мои вещи!

Мысли судорожно метались в моей голове, пока я в спринтерском темпе мчалась к цели. И лишь когда дверь передо мной распахнулась под гравитационным ударом шоша, пришла еще одна мысль: зачем дагон загнал меня сюда?

– За стол! Еда остыла давным-давно! – прошипел за спиной Шайхот.

Я послушно метнулась к стулу, не сообразив, что у меня не только одежда и волосы в беспорядке, но и руки грязные.

– Можно мне себя в порядок привести? – спохватилась, снова поднимаясь.

Дьер, успевший присесть, непонимающе на меня посмотрел, видимо, причину просьбы не сразу понял. А когда в глазах появилось осознание, интонации приятнее не стали.

– Туалет за плитой, – сообщил и поморщился, как от зубной боли: – Ты же тут жила... Без меня это знаешь.

Вот как раз про туалет не в курсе, не довелось мне в него заглянуть в суматохе. Впрочем, в доме Лагьи он тоже на «кухне», так что без «наводки» дагона оставалось бы надеяться, что фантазия у круглоухих скупа на разнообразие.

Постаралась справиться максимально быстро – боялась, что Хас, пользуясь моим отсутствием, расскажет о секрете. Да, сразу он меня не выдал, но все равно опасения оставались. Однако вернулась в гробовую тишину. Дагон сосредоточенно накалывал вилкой небольшие

кусочки овощного рагу, шоши аккуратно прихватывали зубами со своих тарелок что-то мясное.

Решив вести себя тихо и незаметно, чтобы не нарваться на новую порцию неудовольствия, я скользнула к стулу. Без возражений принялась за стоявшую передо мной пиалу с тем же самым рагу, хотя не очень его любила. Вальеса, несомненно, вкуснее...

— Опять молчишь? — неожиданно разорвал тишину голос рарка, когда на его тарелке ничего не осталось, а я наивно начала полагать, что все обошлось.

— М-м-м... — сделала вид, что рот занят, и я поэтому отвечаю не сразу, а не из-за растерянности. — О чем говорить?

— Да о чем угодно, — рявкнул Дьер, заставив меня вжать голову в плечи. — О погоде, жрачке, крим-ваге, шошах, любовниках, тряпках! Разве не так ведут себя твои сородичи?

— Так, — я опустила глаза. Понимала, к чему он клонит, но заставить себя трещать без умолку не могла. От одного взгляда карих глаз на меня находил словесный ступор, а мысли напрочь вылетали из головы. Я Ньевора-то боялась, а этот рарк пугал меня в разы сильнее.

Дагон тяжело вздохнул. Отложил вилку, поднялся и приказал:

— Иди за мной.

Мой защитник тоже было спрыгнул со своего места, но рарк отрицательно качнул головой и припечатал:

— Без тебя, Таш. Надеюсь, ты во мне не сомневаешься?

Последнее процедил, с явным усилием удерживая себя в руках, и шош предпочел не разводить конфликт на пустом месте.

Вместе с Дьером я поднялась по лестнице на второй этаж. Чувствуя себя неуверенно, остановилась, глядя, как рарк деловито подходит к столу, опуская на него сжатые в кулаки руки.

— Ты же бывала в кабинете твоего деда? Прибиралась, наверное. Так?

— Так, — прошептала я, маскируя неприятными воспоминаниями нехорошие предчувствия. Что за вопросы? Для чего?

— Тогда ты должна была видеть, куда он... — Шайхот не договорил, прислушиваясь к голосам, доносящимся с первого этажа. Вернулся к лестнице и на ходу пояснил: — Это мой помощник. Подожди, я с ним поговорю и вернусь, продолжим.

Я проводила его взглядом, чтобы убедиться – он ушел, на самом деле оставил меня одну. Пусть это ненадолго, но другого шанса у меня не будет! Да и не сложно ведь быстро все вытащить. Я успею!

На цыпочках метнулась к столу и в один миг забралась на столешницу. Дотянулась до поддерживающего потолок толстого бруса, и сердце ухнуло в пятки.

Пусто. Под пальцами ощущалось лишь шероховатое дерево и пыль.

Может, я балкой ошиблась? И вещи за другой, соседней? Мог же новый староста стол передвинуть.

Осмотрелась, припоминая свои действия и расположение мебели. Исчез сундук, из которого я доставала платья. Появился диванчик – его раньше не было. Но стол точно стоит на своем месте!

В панике засунула руку глубже, приподнимаясь на носочки, и пошарила по сторонам. Нет. Ничего.

– Не это ищешь? – поинтересовался дагон голосом, от которого потемнело в глазах и ослабли ноги.

Я едва не рухнула со стола, когда к моим босым ступням упали брошенные им вещи. И все же взяла себя в руки, вовремя вспомнив, что лучшая защита – нападение.

– Это, – постаралась говорить как можно увереннее. – А зачем было спрашивать, если все уже нашлось?

– Я, вообще-то, о личных бумагах Гуза хотел узнать, – прищурился Дьер, складывая руки на груди. – Но раз ты в курсе... Тогда объясни, что это.

С места в карьер я не помчалась. Неторопливо слезла со стола, оправила юбку, надела сброшенные туфли-лодочки. И лишь после этого, тщательно пряча волнение, развернула вещи. Флакончика в них не было. Не было и моего коммуникатора с заколкой. Передо мной лежала только одежда. Холодок страха пополз по спине. Куда они делись?

– А где бутылочка? – расстроено спросила, решив начать с того, что не имело ко мне прямого отношения. Однако собеседник промолчал, видимо не желая давать мне подсказок, и потому я все тем же плаксивым тоном «повинилась»: – Дедушка, когда показал тайник, сказал отдать ее дагону Дьеру Шайхоту.

– Почему же ты сразу не отдала? Почему, как только появилась возможность, не рассказала, что должна это сделать? – голос мужчины по-прежнему сочился подозрительностью.

– Мне же было велено отдать, а не рассказать, – удивилась я. – А отдать не могла, у меня ее не было. Вот если бы сейчас достала, тогда... – выразительно развела руками, показывая, что стараюсь с максимальной точностью выполнить указание деда. И не виновата, что кто-то хочет от меня большей... сообразительности.

Тактику выбрала верную. Взгляд дагона стал мягче. Он даже позволил уголкам губ изобразить намек на улыбку. И спросил спокойно:

– А что именно было в бутылочке, тебе известно?

Я отрицательно качнула головой, чувствуя облегчение. Неужели легко отделалась?! Увы, слишком рано обрадовалась, потому что, едва глаза рарка опустились на стол, где лежала одежда, как сомнения вновь к нему вернулись.

– Хорошо. Тогда откуда такая одежда? Женщины в поселении не носят брюк.

– Это мне подарили. А дедушка забрал и носить запретил. Спрятал, – скрестила пальцы за спиной, чтобы хоть эта ложь была последней. Мне бы только продержаться до возвращения Ньевора, и я расскажу ему правду. Надоело.

– Кто подарил? – с напором продолжил допрос дагон.

– Девушка. Когда я мриссу собирала, она подошла, предложила обменяться одеждой. Я согласилась. Красиво же... – на всякий случай с придыханием похвалила, в общем-то, совершенно невзрачные серые брючки и курточку.

– А девушку, случаем, не Медея звали?

Услышав свое настоящее имя, я лишилась дара речи. Как он узнал? Откуда? Мой мозг лихорадочно искал ответ и не находил.

– В одежду были завернуты украшения для волос и браслет, – тем временем продолжал говорить рарк, не сводя с меня глаз и ловя малейшие изменения на лице. – Знаешь, что это за браслет? Это прибор для связи. И на нем выгравировано имя владелицы.

Да, только... Только имя-то там написано на вайли! Неужели Дьер знает этот язык?!

– Я не спрашивала ее имя. А читать не умею, – выдавила единственное, что могла в такой ситуации.

– Значит, это не твои вещи... Медея? – обманчиво ласково поинтересовался Шайхот, протягивая руку, чтобы заправить мне за ухо прядку волос.

Каких сил мне стоило не отшатнуться! И ответить:

– Я Дея... Ай!

Схватила за голову, когда рука мужчины, дернулась, вырвав пару волосков. В тот же миг раздался мягкий топот, и меня, словно порывом ветра, неведомая сила мягко, но уверенно отодвинула подальше от обидчика.

– Я просил нас не мешать! – рявкнул Дьер, даже не посмотрев на взъерошенного, с горящими огнем глазами Таша, замершего на верхней ступени лестницы. – Хас!

– Таш, прекрати, иначе мне придется на тебя напасть, – серьезно предупредил тот снизу.

Мой защитник не шелохнулся, продолжая смотреть только на меня.

– Все хорошо, – шепнула я ему. Теперь зная, на что способны шоши, я за него переживала больше, чем за себя. Не хочу даже представлять, что будет, если Хас выполнит свою угрозу.

– Если Дьер еще раз позволит себе дотронуться до Деи, я его убью, – отступая, предупредил брата. Тот озвучивать угрозу хозяину не стал, лишь тяжело вздохнул. Ему тоже не хотелось выбирать между долгом и родственными узами.

Убедившись, что мы снова одни, Дьер осмотрел свои пальцы и, достав из кармана маленький пакет, демонстративно медленно упаковал вырванные волосинки. И лишь спрятав трофей, продолжил:

– Хватит мне врать! – гневно сверкнул глазами. – На заколке остались волосы. И мне ничего не стоит отправить их на анализ, чтобы сравнить с твоими.

– Я украшение примеряла, вот они за него и зацепились, – продолжила я стоять на своем.

– Думаешь, нашла оправдание? Наивная. Гены землян и рарков в достаточной степени различаются, чтобы стать доказательством. Ты же знаешь, что такое «гены»? – Шайхот оскалился и протянул: –

Прекрасно знаешь. – И неожиданно стукнул кулаком по столу: – Правду!

Уже с трудом, но все же сдерживая слезы, я помотала головой, закусив губу.

– По-хорошему не хочешь. Надеешься, что анализ займет время, а ты найдешь способ сбежать? Напрасно. Теперь тебя днем и ночью будут стеречь. И Ньюор тебе не поможет, потому что я скажу ему о своих подозрениях.

Паника разрослась до предела, однако я нашла в себе силы ответить:

– Он не поверит.

– Поверит, когда получит твой коммуникатор. Он запаролен, и я не могу войти, чтобы посмотреть информацию, но для Ньюора это не составит проблем. Уверен, он найдет там много интересного о тебе... Медея, – имя прошипел, в ярости наверняка оттого, что я упрямо стою на своем.

Стиснув зубы и сжав кулаки, готовая разрыдаться, я лихорадочно искала выход и не находила. Не знаю, как с результатами генетического теста, – я не биолог, – но информация в коммуникаторе это стопроцентное разоблачение. Там же мой дневник, записи, сделанные моим голосом, мои фотографии!

Шайхот, если и видел мое состояние, не подумал снизить напора. Продолжил добивать:

– Ты, конечно, можешь продолжать все отрицать, оттягивая неизбежное. Можешь говорить, что одежда чужая, техника не твоя, лепетать про чудо-настойку «дедушки», которой тот тебя вылечил. Можешь утверждать, что по той же причине начала понимать шошей и вагу... Да, да, слышал я ваш «диалог», – скривился, признаваясь, что подслушивал. – Но вот это...

Дьер жестом фокусника выхватил из кармана сложенный лист писчего пластика. Взяв за кончик, встряхнул, и мир перед моими глазами поплыл. Я пошатнулась и непроизвольно схватилась за грудь. Спрятанной в чашечке лифчика схемы не почувствовала. Видимо, выпал листочек.

– Это прямое доказательство, от которого отпираться бессмысленно! Мой помощник нашел его на сеновале, когда мы ушли. На этом листе оттиск, который ставят только на моих бумагах! И

именно на таких листах ты «рисовала» в детской. Тебе не кажется, что здесь вовсе не бессмысленные каракули круглоухой? Даже если она поумнела, то стать специалистом в области временных деформаций точно не могла!

Он издевался. В его голосе было столько насмешки и презрения, что я не выдержала. Осела на пол, потому что ноги держать отказывались. Закрыла лицо руками, чтобы рарк не видел моих терзаний. Какой в этом смысл? Он меня не пожалеет.

– Впрочем, для шпионки это тоже сомнительный навык. Зато становится понятна твоя ненормальная для круглоухой привязанность к Ньевору, – голос дагона, добившегося своей цели, стал спокойнее. И звучал он совсем близко. – Его работа еще в процессе. В схеме, которую ты скопировала, явные пробелы. Ты ждала завершения, чтобы получить итоговый вариант. Ты шпионка, Медея. А что делают со шпионами?

Характерный звук нарастающего заряда заставил меня вздрогнуть. Хотя я и не хотела, а все равно непроизвольно посмотрела на оружие, которое отправит меня в небытие. И только тогда поняла, почему все слышу так отчетливо – Шайхот тоже сидит на полу, рядом со мной.

– Назови мне хоть одну причину, по которой я не должен сейчас нажать на курок.

– Я не шпионка, – прошептала, цепляясь за призрачный шанс, который мне дали. – Мы исследовали временные деформации, и нас выбросило в вашей системе. Дискоид подбили. Мои родители погибли, а я чудом выжила. И это мой чертеж, а не срисовка. Я, как и Ньевор, инженер. Хотела ему помочь.

– Хорошая попытка, – «похвалил» Дьер. – Только факты говорят другое. На станции ты стащила накопитель и отдала своей сообщнице. Я же видел запись. Ту, что была без звука.

– Это совпадение, – все же попыталась оправдаться, понимая, как жалко звучат мои слова.

– Однако... – Дьер задумался, словно какая-то мысль только сейчас пришла ему в голову. И когда рарк посмотрел на меня, в его карих глазах плескалось что-то пугающее. – А знаешь, Медея, я не стану тебя убивать. Передам спецслужбам со всеми доказательствами. Пусть сами разбираются. Заодно перед Ньевором оправдываться не

придется – я же был за тебя в ответе. А раз тебя забрали, значит, ко мне никаких претензий. Верно?

На этот раз я промолчала, осознавая, насколько это бессмысленно.

– После разбирательства, конечно, тебя в живых не оставят, но... умрешь ты точно не сразу.

Наверное, я стала блее мела, потому что почувствовала, как кровь отхлынула от лица. пытки... Он ведь именно на них намекает.

– Боишься боли? – вроде как сочувственно поинтересовался Шайхот. – Правильно делаешь. Есть у нас умельцы получать информацию.

– Зачем? – непослушными губами прошептала.

– Что «зачем»?

– Зачем мне все это слушать? Если принято решение, его просто исполняют.

– Молодец, догадливая, – похвалил парк. – Причина действительно есть. Вернее, целых две. Первая – мой вызов Ньевору. Я хочу его выиграть. А если тебя заберут, то условия аннулируются. Мне это невыгодно.

– А вторая?

– Вторая... – На губах Дьера появилась ухмылка. – Вторая личная. Я давно разочаровался в женщинах. Меркантильные охотницы за деньгами и статусом меня уже достали, а от круглоухих дурочек тошнит. Ты же идеальный вариант. Не то и не другое. Красивая, непритязательная, в меру умная и зависимая. Можешь стать для меня...

– Любовницей? – хмуро продолжила, потому что он многозначительно замолчал.

– Именно так. Я обещаю, что уничтожу все, что свидетельствует против тебя. О том, кто ты на самом деле, будем знать только мы двое. Ты останешься жива и ни в чем не будешь нуждаться, я обеспечу все твои потребности.

– Ньевор... – сорвалось с губ.

– А что Ньевор? – Шайхот пожал плечами. – Ты же для него обычная круглоухая. То, что предпочла другого, его не удивит. Да я и не думаю, что он планировал что-то серьезное на твой счет. Ему надо на карьере сосредоточиться, раз пошел на повышение. Даже пока он на начальном этапе, недалеко видно портить свою репутацию связью с

круглоухой дурой, а уж потом и подавно. Ты для него однозначно временный вариант отношений.

Как же больно это слышать... Дагон сейчас озвучивал то, что я упорно гнала от себя, не желая признавать реальность. Только она, увы, никуда не делась. Все это время я тешила себя иллюзиями, а мои чувства росли, питаясь ложными надеждами. И теперь за это придется расплачиваться.

– Согласна?

Подняла взгляд на Дьера, в глазах которого по-прежнему играл азартный огонек. Покосилась на оружие, которое он сначала опустил, а потом и вовсе положил на пол, рядом. В душе словно что-то опустело, оборвалось, заledenело, и я с обреченной отрешенностью заговорила:

– Принять такое предложение – значит перестать уважать саму себя и признать, что я – шпионка. А это не так. И с Ньевором я вовсе не из-за его изобретения. Просто... люблю его. И даже если я ему не нужна, свои чувства не предаю.

Одним быстрым движением схватив беспечно оставленное оружие, прижала дуло к виску и нажала на пусковую кнопку. Однако вместо ожидаемой вспышки боли и спасительной темноты небытия на меня обрушились иные ощущения.

Измученное восклицание. Тиски, сдавившие запястье и оттянувшие мою руку в сторону. Широкая ладонь, закрывшая мне рот и сильно вжавшая в упругий корпус оказавшегося за спиной парка.

– Тихо, тихо, девочка, – раздался его голос над головой. – Иначе Таш снова примчится тебя спасать, и начнется сумбур. А мы еще не закончили разговор.

«Нечего продолжать!» – хотелось крикнуть мне, но получилось только невнятное мычание. Я дернулась, пытаюсь снова активировать механизм.

– Но-но! Хватит! Отдай оружие, – осудил Дьер мои трепыхания. – Пальчики расслабь. Вот так, молодец... Какая же ты шустрая. Хорошо, я сообразил кнопку заблокировать, а то бы точно уже трупом была... Я тебя сейчас отпущу. Обещай, что не будешь орать. Хорошо?

Я кивнула, и рука отодвинулась от моего рта буквально на сантиметр. Замерла, в готовности вернуться. Наконец, исчезла окончательно. Я тут же лихорадочно развернулась, отодвигаясь, чтобы окончательно разорвать контакт.

Прижалась спиной к стене и обхватила себя руками, сдерживая сотрясающую тело дрожь. Однако унять ее было выше моих сил. Адреналин в крови наверняка зашкаливал, а от осознания того ужаса, что ждет меня в будущем, накатывала паника и волосы вставали дыбом.

– Посмотри на меня, Медея! – строго приказал Шайхот.

Не понимая, что ему еще от меня надо, я все же оторвала взгляд от пола.

В глазах мужчины неожиданно увидела сочувствие, а в голосе услышала заботу.

– Дыши глубже. Ровнее. Все не так страшно. Ты молодец, не сдалась.

– Зачем оттягивать неизбежное? – с трудом ответила, едва не прикусив язык, потому что зубы выбивали ничуть не менее яростную дробь.

– Затем, что оно вовсе не неизбежно, – покачал головой Дьер. – Нет, конечно, если бы все, что я тут тебе наговорил, было правдой, тогда да, неизбежно.

– То есть... – у меня в голове никак не укладывалось, что же он пытается мне сказать. – Ты бы меня не выдал спецслужбам?

– Выдал. Если бы убедился в том, в чем подозревал. Только шпионка из тебя как из меня шош. Будь ты ею, за малейший шанс уцепилась бы, лишь бы выиграть время и остаться в живых. Точно бы не выбрала собственную смерть, тем более что я тебе предложил более спокойный альтернативный вариант. Ну или предпочла бы радикальный – устранить раскрывшего тебя свидетеля, раз уж появилась возможность и оружие оказалось под рукой. И уж тем более перед смертью шпионы не будут признаваться в любви.

– Это была проверка? – все еще не веря, прошептала я.

– Да. И ты ее прошла.

– Зачем? – логику, с которой меня столь жестко вывели на признание, я понять не могла.

– Зачем... – повторил дагон. – Действительно «зачем»? Хороший вопрос. Я попробую объяснить, только давай ты на диван пересядешь?

Он поднялся на ноги и протянул мне руку, показывая, что готов помочь. Но я так и не смогла заставить себя на нее опереться. Справилась сама. Опасения, что тем самым его разозлю, у меня были,

но, к счастью, Шайхот причину отказа понял. И даже на место рядом претендовать не стал, подтащил стул и сел на него, как в седло, развернув ко мне спинкой и положив на нее предплечья.

– Давай начнем с того, что заставляет тебя видеть во мне врага. Как я подозреваю, корни лежат в отношениях между нашими цивилизациями. Они ведь не просто натянутые, Ракис и Земля находятся в непримиримой конфронтации. Но это лишь официальная сторона, она не затрагивает всех раков поголовно. Лично у меня ненависти к землянам нет. А знаешь почему? – Вопрос был риторическим, Дьер сам на него и ответил: – Потому что я копался в правительственном архиве, когда готовил диссертацию, и нашел немало занимательного о вашей цивилизации. И очень жалел, что из-за дичайшего, на мой взгляд, нежелания наших правителей найти общий язык я не могу провести исследование и написать научный труд о землянах. Так что ты, Медея, мне интересна в первую очередь как живой образец для изучения.

Образец? Это в каком смысле? Он же дагон. Управляющий. Политик. Что такой человек, то есть рак может изучать?

Скепсис в моих глазах наверняка был замечен. И Шайхот хлопнул себя по лбу.

– Щедар! Я же не сказал! Возглавить провинцию меня вынудил мой отец. Вернее, он сделал предложение, которое я предпочел принять. А увлечением, смыслом моей жизни всегда была биология. И если дагон я временный, то от своих исследований не намерен отказываться. И вернусь к ним при первой же возможности.

– Будете меня... препарировать? – воображение тут же нарисовало все, что со мной можно будет сделать. Все же мама у меня была биологом, и я насмотрелась на такое, что... В общем, насмотрелась.

– Пф-ф... Не буду, – надул щеки Шайхот. – Во-первых, до меня это уже делали. Когда началась война с амиотами, мы какое-то время были союзниками, а жертв среди землян хватало. Так что я точно знаю, что внутри вы от нас мало чем отличаетесь. В общем, нет там ничего интересного. Во-вторых, если я это сделаю, то меня «препарирует» кое-кто другой. А я, в отличие от тебя, умирать не готов. И планирую прожить еще оборотов двести-триста.

– Ньевор? – сорвалось с губ. Душа снова заныла, а память услужливо напомнила о всех моих сомнениях. – Ты же сказал... Я ему

не пара. И он...

– Круглоухой дурой точно не пара. Да и землянкой тоже. В первом случае ты испортишь ему репутацию и карьеру, во втором вас обоих ликвидируют, как только выяснится твое происхождение.

– Тогда... – собралась с мыслями, наконец осознав окончательно: смерть и пытки мне не грозят, надо разбираться в том, что есть, если не хочу в итоге оказаться марионеткой. – Почему ты считаешь, что он должен за меня мстить, если я «временный» вариант? Не понимаю.

– Ну... За временный, может, и не мстил бы, а вот за постоянный голову оторвет запросто.

– Но я же не...

– А хочешь? – перебив, Дьер буквально впился глазами в мое лицо. – Ты сказала, что любишь.

– Это не значит, что я буду навязываться и добиваться своего, игнорируя желания и потребности того, кого люблю.

– Значит! – отпарировал мужчина, сердито хмурясь. – Разве ты не это делала, когда скрывала свою личность? Когда позволила себе бросить ему личный вызов. Когда осталась на Ракисе вместо того, чтобы улететь на Землю. Нет?

– Да, – вынужденно подтвердила я. – Но мне казалось, что он тоже... этого хочет. И я не думала, что у Ньевора из-за связи с круглоухой могут возникнуть серьезные проблемы.

– А признаваться ему в том, что ты землянка, не собиралась? – удивленно поднял брови Шайхот.

– Собиралась. Только теперь не уверена, что он простит меня за обман. И не убьет.

– Так, может, не будешь искушать судьбу? Мое предложение все еще в силе... Понял. – Дьер вздохнул, когда я, не раздумывая, отрицательно помотала головой. – Предпочтешь умереть от его руки, чем жить со мной. Уважаю. Достойное решение. Но, Медея, даже если он тебя простит и решится на серьезные отношения, что вас ждет в дальнейшем? Мы вернулись к тому, с чего начали. Твое присутствие рядом с Нье... Ньевором в любой из двух ипостасей для него губительно.

Заминка в имени. Он словно не сразу смог его выговорить, видимо сосредоточенный на сути фразы. Вернее, на продолжении:

– Ты ведь в курсе, что между ним и мной тоже был вызов. Я до последнего был уверен в выигрыше, но... Теперь точно знаю, что проиграл. А ты уже достаточно долго жила среди нас, чтобы четко осознавать – условия вызова это не пустой звук. От них не отказываются без риска лишиться жизни и чести. Поэтому с этого момента у меня есть обязательства, которые, так уж вышло, связаны именно с тобой. И как бы ты сейчас ни относилась ко мне из-за этой проверки, как бы тебе ни хотелось послать меня... куда подальше, потерпи. Следуй моим рекомендациям. Не делай глупостей. Просто поверь, что без моей помощи у вас не будет нормального будущего.

– Ты будешь помогать и... И никаких дополнительных условий?

Дагон почти минуту молча на меня смотрел. И ответил медленно, взвешивая каждое слово:

– Все условия уже озвучены, Медея. Твой вызов я не приму.

Глава 14

Водоворот событий

Флакон, флакон...

Дагон пытался работать. Старался сосредоточиться на отчетах, сводках, приказах. Упорно заставлял себя думать о важных для провинции решениях. Но мысли и глаза вновь и вновь возвращались к стоящей на столе его кабинета и надежно защищенной прозрачным колпаком бутылочке из темного стекла.

Сколько раз с того времени, как она оказалась в его руках, он вертел ее в пальцах? Ощупывал. Рассматривал на просвет. Отвинчивал и завинчивал толстую крышку. Принюхивался к содержимому. Целую каплю пожертвовал на лабораторный анализ... И каков итог?

Химический состав, вязкость, плотность, спектральный анализ, размер гранул семян, специфический запах, вкусовой тон – все это лишь доказывало, что в основу жидкости были взяты ягоды мриссы. Но этого мало! Ведь нужен консервант, стабилизатор, транспортное вещество. Нужны пропорции и технология приготовления, которые создавшему настойку экспериментатору пришлось подбирать крайне долго. Это подтверждали и слова круглоухого «подопытного», и то, как давно Гуз Рьяр не подавал о себе никаких вестей.

Как же причудливо переплелись события! Пусть под давлением обстоятельств, но Гуз доверился незнакомой девице и не унес тайну с собой в могилу.

Рассказ землянки, поведавшей об обстоятельствах гибели старосты и о его приказе замаскироваться под свою умершую внучку, теперь не казался Шайхоту наглой попыткой Медеи выгородить себя. Он сам на месте Гуза поступил бы так же! Любой ценой сберег флакончик, чтобы его труд не пропал впустую. Да и не могла девчонка самостоятельно догадаться о том, как правильно пользоваться настойкой. Даже если она и не глупа, как круглоухие.

А ведь всего лишь одной капли хватило, чтобы землянка вмиг овладела незнакомым ей языком и обрела способность без совместной дегустации мриссы слышать шопей и даже крим-ваг... Этот факт подстегивал интерес Шайхота. Всего лишь одна капля, впитавшаяся в

кожу дагона, позволила ему самому отказаться от ягод без ущерба общения с Хасом и услышать ворчание Таша. Осознание этого воспламеняло азарт открытия! Которое грозило кануть в небытие, лишь поманив удачей.

Дьер с усилием растер виски, не позволяя эмоциям взять верх.

Гуз... Учитель... Как же так? Ты же сам твердил, что настоящий ученый фиксирует каждый шаг своего эксперимента, каждую на первый взгляд бессмысленную мелочь, которая может неожиданно стать решающим фактором. А в итоге оставил только результат и больше ничего? Ни рецепта, ни описания, ни инструкции? Ни даже намек на то, что они где-то есть?

Не может быть.

Дьер не выдержал. Отодвинув пластины в сторону и убрав колпак, аккуратно переставил хрупкий предмет ближе.

Что-то должно быть, прямо здесь, иначе Гуз не ограничился бы наказом взять только пузырек – время и силы у него в тот момент еще были. Но где на флаконе можно сделать запись? Спрятать в самой жидкости внутри?

Сомнительно. Хотя стенки и темные, но видно же, что там пусто. А вот крышка... Зачем она таких размеров? Не полая, не прозрачная. Возможно, она и есть накопитель?

Догадка резанула по сознанию, одновременно и вдохновляя, и разочаровывая. Он ведь ее уже осматривал. На поверхности нет контактов, нет стыков, которые бы можно было сдвинуть или снять. На вид она цельная. Литая.

Бессмысленно.

Рарк с неудовольствием, но аккуратно отодвинул не желающий раскрывать секретов трофей. Взялся было за колпак, да накрыть не успел – вызывной сигнал опередил, требуя ответить настойчивому абоненту.

Дьер, не глядя, отработанным движением прижал подушечку указательного пальца к активатору «связника» и, увидев появившееся на голоэкрane лицо брата, удивился:

– Ньер? Что-то случилось?

– Ничего не случилось. Просто... – помедлил тот, определенно осуждая себя за излишнее нетерпение. И все же признался: – Хотел узнать, чем Дея занята.

– Чем? – Дьер невольно бросил взгляд в окно, где его подопечные играли на площадке.

Медея, одетая в спортивный костюм, бросала мячи шотландцам. Те с упоением носились за добычей, забывая о собственной разумности.

В некотором смысле сейчас дагон чувствовал досаду – никогда раньше Хас так себя не вел. Даже когда была возможность и Дьер выкраивал время для занятий спортом, максимум, что позволял себе питомец, – с достоинством трусить рядом.

– Дьер? – вернул его к разговору голос брата.

– Гуляет с шотландцами.

– С обоими? – изумленно и одновременно удовлетворенно кивнул Ньер. – Значит, нашли общий язык. Это замечательно.

Он, конечно, говорил в переносном смысле, но оказался так близок к истине! Однако Дьер не спешил выдавать секрета.

– Более чем, – обтекаемо ушел от обсуждения и сменил тему: – У тебя как успехи? То, что ты задумал, граничит с безумием. И такая ответственность...

– Не преувеличивай. Проект сложный, но не невозможный. А прототип мы уже собрали, завтра запустим тестирование. Если отработает нормально, начнем монтаж основной конструкции.

– Значит, снова на первом месте работа? Еще не скоро вернешься?

– Скоро, – тонко, одними уголками губ улыбнулся Ньер. – Сделаю маленький перерыв, пока будут подбирать и переправлять на орбиту материалы для сборки. Все равно надо на Ракис спускаться, чтобы сметы в отделе финансирования подписать и отчет сдать. А то знаю я этих бюрократов, если почтой отправить: отложат, задвинут, забудут, потом ни в какие сроки не уложишься. Заодно заскочу к тебе, заберу Дею и Таша.

– Зачем? – неожиданно для самого себя Дьер ощутил разочарование. – Потратишь время. Начнешь отвлекаться. А они мне не мешают. Я даже... привык. В некотором роде.

– Привык? – Ньер нахмурился. – Ты не очень-то... привыкай. Дея моя. Не отдам. Ты лучше к своему окружению приглядишься. Что ж там у тебя – совсем женщин нет?

– Ну почему же? Есть, – презрительно дернулись уголки губ старшего брата, доказывая, что место жены дагона привлекательно для амбициозных остроухих дам. – Только, боюсь, что... Не выйдет из

этого ничего. Таких, как твоя... Дея, точно нет. Тебе повезло, братик. Признаю: ты оказался прав.

– Завершаешь вызов? Хорошо. Мое условие?

– Я над ним думаю. Сам понимаешь, задачку ты мне поставил не из простых.

– Понимаю, – спокойно принял новость Ньер.

У него даже мысли не возникло насмехаться или лишний раз указать сопернику на его промах, выставив напоказ свое преимущество. С достоинством рарки не только проигрывают, но и выигрывают.

– Кстати, я смотрел трансляцию праздника Восхода и видел твой вызов верности провинции на новый оборот. Сдвигов в рейтинге нет?

– Нет, но... – Дьер, несмотря на неудачи в поиске рецепта, все равно почувствовал воодушевление. – Но скоро все изменится. Я, кажется, нащупал то, что поможет Рагнаиру стать лидером.

– Ты настроен решительно. Я рад.

– Вот как?

– Мы же одна семья.

– Ты предпочел об этом забыть, когда бросил вызов отцу. Мне ведь ни слова не сказал, – напомнил Дьер, но его собеседник лишь осуждающе покачал головой:

– Ошибаешься, я помнил об этом всегда. А сказать не мог, это расценили бы как слабость. Словно я ищу в тебе опору и сомневаюсь в своих силах. Ладно. Будут нужны прогнозы или другая помощь, обращайся. До скорого...

– Подожди, – окликнул дагон, лихорадочно хватаясь за ускользающую мысль. Возможно, глупость, ложный путь. Но раз уж брат сам предложил... – Скажи, можно ли считать информацию из накопителя, если он изолирован?

– М-м-м... – задумался Ньер. – Удаленный коннект попробуй. Уровень чувствительности выведи на максимум, тогда частоту для соединения с накопителем программа сама подберет. Разумеется, если тот находится близко и не высажен в ноль. Но последнее – редкость.

Нетерпение, с которым Шайхот взялся выполнять рекомендацию, понять было не сложно. Готовый к разочарованию, к очередной бесплодной попытке, он не сразу поверил своим глазам, увидев, как интерфейс программы уверенно вывел на экран:

*«Определение стазисных свойств семян мриссы.
Контрольный опыт. Протокол первый...»*

Волна теплого воздуха ударила в спину. Обогнув меня, закрутилась маленьким смерчем на посыпанной мелким песком площадке, развернулась и бросилась в лицо. Невольно зажмурившись, я не глядя кинула мяч, за которым с триумфальным воплем: «Мой!» помчался Таш.

Новый порыв ветра оказался не таким коварным. Всего лишь дернул за волосы и принес с собой мелодичный звук разбивающегося стекла – условный сигнал для тех, кто находится в парке: время ужина наступило.

Хас, в этот момент тянувшийся ко мне мордой, мгновенно оглянулся и, приоткрыв рот, выронил мяч. Коротко бросив: «Я к Дьеру», рванул по дорожке к дому. Таш вернулся куда более степенно и аккуратно положил пойманную добычу в стоящую около скамейки корзину.

Закрыв на ней крышку, я шагнула к столовой, до которой от спортивной площадки было всего ничего – шагов пятьдесят, но неожиданно натолкнулась на упругое воздушное препятствие, не пустившее дальше.

– Что, прямо так и пойдешь? Потная, пыльная и растрепанная? – обвиняющим тоном пояснил свое самоуправство бдительный питомец.

– Таш, я устала. У меня сил нет. Если пойдём мыться и переодеваться, то останемся голодными. Я обратно до столовой просто не доплетусь.

– Ничего, я тебя подтолкну, – не сдался шош, нахально оттесняя меня гравитационным прессом в сторону дома.

– Таш... – взмолилась я. – Гостей же нет. Дьеру не важно, как я выгляжу. А после ужина все равно надо в душ и спать...

Сознаюсь. Преувеличила. Не так уж я и утомилась. Шоши наверняка куда больше, потому что именно они несколько часов подряд носились по площадке. Просто я хотела побыстрее поужинать и сбежать к себе, чтобы как можно меньше времени провести в обществе Дьера. В идеале успеть поесть до его прихода и вообще не пересекаться.

Да, надо отдать Шайхоту должное, с того момента, как мы пришли к взаимопониманию, вел он себя безукоризненно. Ни презрения, ни агрессии, ни угроз. Неизменно вежливый, покровительственный тон. Но я все равно ничего с собой не могла поделать. От одного его присутствия меня бросало в дрожь и накатывала паника. Совершенно иррациональное чувство, разумом я понимала, что с его стороны опасаться мне больше нечего. И все равно старалась держаться подальше. А сегодня вот... заигралась. Не уследила за временем.

– Нет уж! Это у вас, землян, за стол положено грязными садиться, а мы существа чистоплотные! Топай давай, – категорично припечатал питомец.

Впрочем, в его голосе была слышна лишь добродушная насмешка, и потому я даже не подумала обижаться. Ведь и он на меня не обиделся, когда я призналась в том, кем являюсь на самом деле. Хотя, конечно, отреагировал своеобразно. Сначала посмотрел недоумевающе. Потом уточнил: «Кто еще знает?» Скривился, услышав ответ, и пробормотал: «Ох уж эти женщины...» Пока я с тревогой ждала вердикта, шош пару раз обошел меня кругом, словно изучая заново. В итоге сам себе фыркнул: «Да какая, собственно, разница?», сел передо мной и приказал: «Рассказывай». А я-то переживала...

– С чего ты взял? – не сумела удержаться от улыбки, послушно меняя траекторию, поскольку выбора он мне не оставил. – Про грязь.

– Так это по одному только именованию сразу понятно. Земля же! «Грязь» то есть. Там, похоже, вообще приличных мест не существует, раз всю планету так называли. А то, что распространено повсеместно, обычно возводится в культ – такова уж психология разумных существ. Только ты, Медея, свои земные привычки, брось. Здесь тебе не там.

– Ты преувеличиваешь, – хихикнула я, представив, какую картинку он себе вообразил. И демонстративно мечтательно, чтобы чуть подразнить, пояснила: – На Земле есть очень много красивых мест. Леса. Горы. Моря. Снежные долины...

– Хочешь вернуться? – фыркнул Таш.

– Нельзя мне возвращаться. Я же тебе говорила...

Вся веселость улетучилась мгновенно, в горле встал ком. Последнюю фразу я даже договорить не смогла. Слишком уж болезненной с некоторых пор стала для меня эта тема.

Уловив перемену настроения, шош ускорился, обогнал меня и остановился, перегородив путь. Привычно ткнулся носом в ладонь, заставляя погладить загривок.

– Медея, не накручивай себя, – попросил миролюбиво, с невероятной легкостью правильно определив истинную причину моего состояния. – Я в хозяине уверен. Он от тебя не отвернется. Не бросит. Не предаст. Не убьет. И угрожать не будет, чтобы убедиться, что ты не шпионка... Граш! – выругался, не сдержавшись. – Не надо было мне тебя одну с Дьером оставлять! Подозревал же, что хорошо это не закончится, особенно когда Хас, по его приказу, звуконепроницаемое поле поставил.

– Приказу? Я не помню, чтобы Дьер что-то говорил.

– Приказы, Медея, отдаются не только словами, но и смысловыми жестами. В случае реальной опасности на речь может банально не хватить времени.

– А жесты, они, как язык, универсальны?

– Нет. У каждой пары свой. Так легче скрыть намерения и в бою больше непредсказуемости, а это всегда дает преимущество.

– Но ведь сейчас мирное время. Амиотов больше нет, между собой рарки не враждуют, с другими расами не пересекаются. Почти. А ты говоришь «бой».

– Бои бывают разные, – наставительно просветил Таш. – Иногда мирная жизнь страшнее реальной схватки.

В этом я с ним была солидарна, учитывая, что оружие рарки носят с собой постоянно и в ход пускают не особо раздумывая. И с радостью согласилась, когда шош предложил придумать несколько условных знаков для нас с ним. Личных!

В общем, из дома обратно к столовой я шествовала не только экипированная в чистое платье, но и вооруженная арсеналом из четырех, как их назвал Таш, «базовых» жестов. И, судя по настрою питомца, в ближайшем будущем он точно расширится! Осознание этого воодушевляло.

Правда, хватило его ненадолго. Едва я увидела сидящего за столом дагона, хорошее настроение тут же схлынуло, уступив место привычной настороженности и легкому унынию. Ужинать нам придется вместе.

Дискомфорт, видимо, ощущала не я одна. Мужчина коротко на меня взглянул, молча кивнул, приветствуя, и продолжил есть, думая о чем-то своем. А вот шоши активно вели диалог, не обращая внимания на установившееся между нами напряжение.

– Медея, передай тарелку с вальесой!

– Хас, нельзя ли повежливей? Мог бы своего хозяина попросить.

– Ей удобнее, она ближе сидит.

– Не ври, расстояние одинаковое.

– Разное! У меня отличный глазомер! А раз не веришь, пусть Медея сама измерит и скажет...

– Отстань от девочки! Дай ей спокойно поесть! И так на прогулке загонял.

– Подумаешь, пару раз попросил мячик бросить!

– Ты забыл сказать «десятков».

– А я на цифрах не зацикливаюсь, когда провожу время в приятном обществе.

– Раньше ты не считал Медею достойной.

– Не Медею, а Дею. Не надо путать вальесу с сеном.

– Ну да, одно дело общаться с умной землянкой, и совсем другое – с круглоухой дурочкой. Это ж надо до ее уровня опуститься!

– Язви, язви. Посмотрим еще, что твой хозяин скажет, когда вернется и все узнает...

– Это невозможно! – не выдержал Дьер, бросая вилку на стол и отодвигая тарелку. – Теперь я понимаю, какое счастье слышать только одного шоша... Медея, как ты столько времени это терпела? Еще и вид сохраняла невозмутимый.

– Иногда было сложно, – признала я, вынужденно отвечая на вопрос. В том, что Дьер не удержится и испробует на себе действие настойки, я ни на мгновение не усомнилась, еще когда о своем общении со старостой рассказывала. Очень уж горящий был взгляд у дагона.

Продолжила ужинать, надеясь, что рарк уйдет, но он продолжал сидеть, наблюдая, как я ем. То есть пытаюсь есть. То есть давлюсь и...

– Я пойду, наверное, – тоже отодвинула тарелку, поднимаясь.

– Не торопись. У меня к тебе разговор, – усадил меня обратно серьезный голос. Краткий взгляд на замерших в ожидании шошей, и вздох: – Сидите, чего уж теперь скрывать... Только молча!

Вот честно не знаю, чего в этот момент было больше в моей душе – опасений или любопытства. Видимо, у Таша тоже, потому что питомец поерзал и замер, ловя каждое слово начавшего говорить рарка. Хотя, конечно, обращался тот исключительно ко мне.

– Помнишь, я говорил про условия вызова, которые мне поставил Ньевор? Я тогда сказал, что они связаны с тобой, но не уточнил, как именно. Потому что мне нужно было время подумать, как их выполнить. Теперь же я готов это сделать.

Дьер откинулся на спинку кресла и сложил руки перед собой в замок. Покусал нижнюю губу, на несколько секунд опустив взгляд, то ли сосредотачиваясь, то ли решаясь на признание.

– Обеспечить тебе психологически-комфортное существование среди рарков – вот каковы мои обязательства. И я должен их выполнить вне зависимости от того, кто ты такая, как я к тебе отношусь и какой в дальнейшем будет твоя судьба. Но, сама понимаешь, Медея, что, как выразился Таш, в отношении круглоухой дурочки и умной землянки это две совершенно разные задачи. Да еще и с учетом того, что знает правду о тебе очень ограниченный круг... лиц.

«Лица» благоразумно промолчали, и Шайхот продолжил:

– Говорил я тебе и то, что нет у меня уверенности в том, как воспримет новость Ньевор. Характер у него взрывной, к землянам он настроен негативно, ведь из-за них у Ракиса сейчас проблемы, с которыми так сложно справиться. И его реакция тоже становится моей проблемой, потому что вписывается в условия вызова. Я уже не говорю о том, как на «появление» землянки среагируют соответствующие службы. Поэтому поступим мы следующим образом. Тайна твоего происхождения останется между нами четверьмя. Изменения интеллекта, которые, кстати, Ньевор заметил еще до нашей с тобой встречи, легко списать на эксперимент твоего «деда» с мриссой. Гуз Рьяр ведь на самом деле проводил исследование на круглоухих селянах. Для того и бросил преподавательскую практику, уехал в провинцию и занял не самую престижную должность. Я когда-то был его студентом, поэтому в курсе его поступка. Не знал только, какой именно разработкой увлекся профессор, – в голосе мужчины послышалось искреннее сожаление. Впрочем, оно быстро сменилось на привычно-рациональный тон: – В общем, скажем, что, обнаружив

сделанную им настойку, я продолжил опыт своего учителя. Конечно, «умнеть» тебе придется постепенно, но в итоге проявишь себя полностью. Даже учиться в университете сможешь, если захочешь. Я объявлю эксперимент удачным, но, увы, неповторимым, потому что настойка будет «истрачена», а ее рецепт безвозвратно утерян. Гуз Рьяр мертв, записей не осталось. Следовательно, никто не сможет проверить и доказать, что сделать круглоухих умными невозможно.

– Ты предлагаешь мне продолжать лгать? – возмущение, медленно нараставшее по мере этой пафосной речи, затопило меня полностью.

– Это не предложение. Это план, которого ты будешь придерживаться. Для твоего же блага, Медея.

– Нет, – припечатала я, поднимаясь.

– Сядь! – зашипел Дьер. – Мы не закончили.

– Закончили, – стараясь не повышать голоса, отрезала я, негромко щелкнув пальцами и подав сигнал Ташу. Шайхот неприятно дернул головой, вероятно сделав знак Хасу.

В тот же миг между мной и рарком возникла искрящая стена, когда загоревшиеся огнем взгляды шошей схлестнулись. Отступив к дверям, услышала негодующее:

– Медея, прекрати пререкаться! Я не могу выполнять свои обязательства без твоего содействия!

– Насильно никого счастливым не сделаешь. Это всегда заканчивается плохо, – напомнила я, продолжая пятиться к выходу. – Так что спасибо за заботу, но мой ответ – нет.

Отдернув и придержав штору, дождалась, когда по-прежнему удерживающий оборону Таш задом дойдет до меня. Вышли одновременно: он – бормоча какие-то ругательства, я – с внутренней дрожью от собственной наглости и одновременно в полной растерянности. Что теперь делать?

– Может, сбежать? – предложила, озираясь, чувствуя охватывающее меня отчаяние. – В городе спрячемся где-нибудь...

– Зачем нам сбежать? – Таш удивился. – Домой пойдем, и все.

– Но... – я оглянулась на здание столовой, где остались наши противники. – Мы же теперь в противостоянии. Дагон все сделает, чтобы заставить меня подчиниться!

– Ничего Дьер тебе не сделает. Медея, ты разве не поняла? Он же открытым текстом признал, что не имеет права причинять тебе вред.

Даже если очень-очень захочет.

– Тогда что сейчас было? – изумилась я, невольно останавливаясь. – Та... которую ты создал... – повела руками, не находя слов, – искрящая такая.

– Понравилось? – с искренним восторгом спросил шош. Даже подпрыгнул, заглядывая мне в глаза. – Красивая защита, правда? Знаешь, сколько на нее энергии уходит?! Зато смотрится отпадно. У нас с Хасом это любимый блок!

– Таш! – воскликнула я. – Вы что, играли?!

– Играли, не играли, – ворчливо засопел питомец. – Уже и умениями похвастаться нельзя.

Вот ведь... Позеры!

Таш оказался прав. Шайхот на самом деле ничего мне не сделал. По дороге в дом нас никто не задержал, ночью в комнату никто не вломился. Утром мы сами пришли в столовую, где наши «противники» уже завтракали. Дьер рассеянно кивнул, продолжая трапезу. Спокойно выслушал обмен «любезностями» в исполнении шошей. Присмотрелся к тому, что я ем, и, подозревав слугу, попросил принести добавки. Сообщил, что если мы планируем развлекаться на площадке, то без Хаса, потому что тот ему сегодня нужен. Спросил, нужно ли мне что-нибудь, а в ответ на мое: «Можно пару пластин для записей?», кивнул: «Хорошо, принесут».

Он вел себя так, словно не было нашего вечернего разговора!

Я понять этого не могла. Хотела было спросить, а потом передумала. Вот оно мне надо, нарываться на неприятности? Правильно. Не надо.

Возможно, я напрасно расслабилась, но плыть по течению в ожидании Ньевора – это все, что мне оставалось в нынешней ситуации. Он – единственный, от решения которого я была зависима. Вернее, хотела быть зависимой. Я же ради него осталась на Ракисе. Если Ньевор меня не примет, тогда... Надеюсь, что тогда он просто меня пристрелит. Потому что жить на чужой планете, потеряв веру в любовь, среди тех, кто одновременно причастен к моим несчастьям и столь же несчастен сам, можно только став бездушным и безжалостным существом. А мне рвать сердце на части и возвращаться к мысли о мести не хотелось.

– Ты опять о плохом думаешь, – пожурил Таш, запрыгивая на скамейку, где мы решили устроиться отдохнуть, потому что до этого два часа бродили по парку. – Мне, конечно, без разницы, какие эмоции поглощать, но понимать, что ты сама себя мучаешь, неприятно. Аппетит пропадает.

– Аппетит? – улыбнулась я, потому что шошей совершенно невозможно серьезно воспринимать. – Ты же говорил, что поглощение от тебя не зависит.

– Не зависит, – подтвердил Таш. – А теперь представь: ты не чувствуешь голода, и еда не кажется тебе привлекательной, а она в тебя сама лезет. Как? Приятно?

Пришлось с ним согласиться, заставить себя мыслить позитивно и сосредоточиться на том, что у меня получалось лучше всего – проектировании. Благо теперь я могла это делать открыто и без опаски. Да и ждать ведь осталось не так уж долго – за очередным завтраком Дьер коротко сообщил, что, возможно, появится Ньевор скоро. Однако точного срока не назвал. Может, сам не знал, а может, обстановку нагнетал, мелочно отыгрываясь за мое упрямство.

С другой стороны, возможно, это я излишне к нему предвзята? Мало ли какие нюансы рарковской психологии не учитываю, которые заставили Шайхота действовать именно таким образом. И вовсе он не из вредности скрывает информацию? Ведь в остальном у меня к нему нет претензий. Дьер ни в чем не ущемляет ни меня, ни моего питомца. Не ограничивает ни в свободе передвижения, ни в запросах. Надо спортивный костюм? Пожалуйста. В магазине уже все оплачено. Что-нибудь почитать? Нет проблем. Целая библиотека на втором этаже. Он даже отдал чертеж, который стал последней «каплей» в моем разоблачении, и выдал в пользование тонкий планшет-накопитель. Понятно, что из соображений экономии – чтобы дефицитные пластины сберечь. Зато теперь я могла спокойно сохранять все, что делаю.

– И что ты делаешь?

Любопытный тонкий нос Таша сунулся под руку, отодвигая ее и заглядывая в экран.

– Конденсатор в схему пытаюсь встроить.

– М-да... – Изучив картинку, шош посмотрел на меня не то с уважением, не то с состраданием. – Кажется, на моей шее будет сидеть два умника, вместо одного.

– Ты против? – мягко поинтересовалась я.

– Скорее наоборот, – на удивление оптимистично отозвался пушистик. – Раньше мне приходилось заумные рассуждения выслушивать, теперь ты это будешь делать. А то ведь какой из меня инженер? И тем более советчик! Я ж дилетант, только общие принципы и понимаю... Кстати, а зачем тут конденсатор?

– Чтобы КПД увеличить. Сейчас мало энергии на выходе получается.

– Мало это плохо, – со всей серьезностью согласился шош и поощрил: – Работай, работай.

Погладив его по голове, вернулась к расчетам. То есть попыталась вернуться, да только взгляд зацепился за темную точку, появившуюся на фоне защитного купола. Казалось бы – обычный аграв, однако траектория его определенно вела к дому дагона. А сюда давно не залетали гости...

Положив планшет рядом, я непроизвольно вцепилась пальцами в сиденье скамейки и подалась вперед. Нетерпение, предвкушение и одновременно страх затопили сознание, сбивая с ритма дыхание и учащая сердцебиение.

Вспомнив, насколько неприятны Ташу подобные сочетания эмоций, я бросила на него виноватый взгляд. Но, кажется, ему сейчас было не до «вкусовых» ощущений. Как и мое, внимание шоша сконцентрировалось на опускающейся на площадку синей машине. Мы оба неотрывно следили за тем, как дно коснулось покрытия, как плавно отошли в стороны дверцы, как длинноногий нескладный пассажир, неловко изогнувшись, покинул внутреннее пространство салона. И вскочили одновременно.

– Приехал!

Вопль Таша меня оглушил. Шош, оттолкнувшись от скамьи, с такой скоростью помчался к любимому хозяину, что я невольно засмеялась и осталась стоять на месте. Ньевору сейчас и без меня с избытком хватит «нежностей» от соскучившегося питомца.

Так и стояла, глупо улыбаясь, не в силах отвести взгляд от согнувшейся к прижавшемуся к ногам рыжику долговязой фигуры в темных брюках и серой рубашке навыпуск. От длинного носа, узкого подбородка и тонких губ, сейчасдвигающихся и что-то говорящих. От привычно закрывающей глаза черной челки, которую одна тонкая рука

то и дело убирала за островерхое ухо, в то время как другая трепала пушистую шерстку на загривке шоша. От цепкого взгляда темных глаз, которые, едва найдя меня, больше уже ни на что не смотрели.

Столько раз представляла себе этот момент, а в итоге совершенно растерялась. Обмирая не то от радости, не то от страха грядущего, ждала, когда рарк приблизится. Быстро, уверенно, широкими шагами пересекая разделяющее нас пространство. Когда остановится напротив и скажет...

Ой!

Он ничего не сказал. Мне показалось, даже не остановился. На полном ходу сгреб меня в охапку и, приподняв, крепко стиснул, прижав к себе. Наши лица оказались совсем рядом, а губы так близко, что усомниться в дальнейшем было бы верхом наивности. Я успела потрясенно ахнуть, в попытке мужчину остановить...

И вспомнила о том, что собиралась это сделать, лишь перестав чувствовать тепло губ, захвативших мои.

– Как же я соскучился, – прошептал Ньевор, дав мне возможность снова вдохнуть. И постараться все исправить, пока еще не поздно. Я же совсем иначе нашу встречу представляла! Думала, у меня хоть время будет сначала во всем ему признаться.

– Так нельзя...

– Теперь можно, – по-своему понял мой испуг рарк, все так же крепко обнимая. – Я выполнил условия твоего личного вызова. Моя командировка закончилась успешно, мы получили нужный результат. Ты сама дала мне право в этом случае за тобой ухаживать.

– Ты не понимаешь... – пробормотала я. Никак не могла собраться с мыслями, ошалев от скорости, с которой на меня обрушились эти самые «ухаживания». Приятные, желанные, томительно-нежные и страстные... Но принимать которые я морального права не имела!

– Что не так?

Настрой изменился мгновенно. Нотки радости исчезли из голоса, уступив место раздражению. Руки разжались. Правда, ровно настолько, чтобы мое тело скользнуло вниз, а ноги обрели опору. Отступить не позволили. В глазах, вновь спрятавшихся за упавшей на лицо челкой, я успела заметить сверкнувшее подозрение и... Ревность? Он решил, что я из-за Дьера его останавливаю? Это худший вариант из всех возможных!

– Мне надо тебе сказать, – заторопилась, потому что знала, как быстро Ньевор может потерять терпение. Не хотела так сразу, в лоб, без подготовки, но, видимо, придется. – Я не Дея.

Захват чуть ослаб, рот удивленно приоткрылся. Ньевор непонимающе тряхнул головой, забрасывая волосы набок. Теперь в его взгляде, изучающем мое лицо, плескались обеспокоенность и недоумение. И меня это устраивало куда больше. По крайней мере, выслушает спокойно... когда я говорить смогу. Потому что рарк меня опередил:

– Перегрелась? Заболела? Съела что-то не то? Волнор слишком долго смотрела? Таш! Что с ней?

– И как я отвечать должен? – буркнул с тревогой наблюдающий за нашим общением шош.

– Ай, точно! Забыл...

Наверняка услышав лишь ворчание, Ньевор меня отпустил, полез в карман рубашки и достал упаковку мриссы. Точно такую, как та, что я машинально нащупала в кармашке юбки. Хотела вручить и не успела – он свою быстрее разорвал и протянул ягоду шошу. Вторую сам проглотил.

– Ну? – поторопил с ответом.

– Все с ней нормально, – вздохнул Таш, помня, о чем мы с ним договаривались. – Пусть сама рассказывает.

– Ладно, – совсем растерялся Ньевор, вновь переключаясь на меня. Осторожно взяв за плечо, потянул к скамейке. – Давай-ка сядем.

По-моему, его беспокойство только усилилось. В голосе вновь появилась мягкость, в движениях – забота. Однако кто, как не я, знала, как быстро все это исчезнет, когда рарк услышит...

И снова я не успела ничего сказать. Лишь ойкнула и непроизвольно протянула руку, чтобы спасти планшет, на который чуть не опустился Ньевор, после того как усадил меня.

– Граш-ш-ш... – зашипел рарк, сообразив, в чем причина моей реакции. Поднял технику и тут же заулыбался, видимо радуясь моему стремлению к образованности: – Читаешь? – Мазнул взглядом по экрану, который я не успела отключить, и лицо его удивленно вытянулось. – Э-э-э... Это что?

Я мысленно застонала. Ну почему?! Почему все идет наперекосяк? Почему все заготовленные фразы, вся логика разговора,

все объяснения, которыми я хотела подвести его к постепенному узнаванию правды, – все летит в тартарары?! Остается экспромт.

– Это схемы, – озвучила то, что, в общем-то, и так было ясно.

– Не понимаю, – пролистав изображения, Ньевор нахмурился. – Почему здесь схемы? Зачем тебе?... Говори уже. Иначе у меня или мозг взорвется, или я себе такого напридумываю...

Ждать продолжения я не стала и, зажмурившись, скороговоркой выдохнула:

– Меня зовут Медея. Я землянка.

Взрыва не последовало. Наступила тишина. Обычная тишина парка, в которой слышался шелест листьев, мягкое порхание пьежек и далекие голоса служащих, занятых своими делами.

Я рискнула приоткрыть глаза. Ньевор, словно только этого ждал, перевел взгляд на Таша.

– Я в курсе, – сообщил шош. – Дьер и Хас тоже. Больше никто.

Ньевор нахмурился еще сильнее, вновь поворачиваясь ко мне.

– Дальше, – мрачно процедил.

Реакция понятная. И закономерная. Другой и быть не могло – я это понимала. А в душе все равно все перевернулось, сковав холодом грудь. Ньевор отдалился, закрылся, не поощрил даже намеком на сопереживание. Значит... Не любит? Я действительно была для него всего лишь желанной... добычей? Которую приятно добиваться и, несомненно, столь же приятно использовать по назначению, но испытывать к ней глубокие чувства вовсе не обязательно.

Осознание этого было страшней того отчаяния, что я испытала в поселении, когда меня разоблачил дагон.

И желание говорить пропало. Какой смысл объясняться, унижаться, оправдываться? Да, есть вероятность, что Ньевор, поверив, посочувствует и предложит остаться с ним. Но нужно ли мне *это*? Хочу ли я быть просто любовницей? Нет. Пусть уж лучше возненавидит и убьет.

Я больше ни на что не надеялась. Сидела каменным изваянием, ничего не видя и не чувствуя. Даже слез не было. Мечты разбились, окатив хрустальным звоном, так похожим на сигнал к ужину, и неожиданно ласковым шепотом:

– Дея... Медея... Девочка моя... Любимая...

До сознания не сразу дошло, чей это голос. Так же медленно коснулось тела тепло груди, к которой меня прижали. Трогательная нежность губ, целующих лоб. И сила рук, обнявших и баюкающих как ребенка.

— Ну что ты? Расстроилась... — вздохнул Ньевор, когда от облегчения у меня потоком хлынули слезы. — Такая смелая и такая чувствительная... Посмотри на меня. Неужели землянки такие же глупенькие, как наши селянки?

— Мы идеалистки, — всхлипнула я, сообразив, что он сейчас вовсе не интеллект имеет в виду. Лишь на мгновение позволила себе заглянуть любимому в глаза и тут же снова спрятала лицо у него на груди.

— Все или ничего? — хмыкнул рарк. — Хорошая позиция. Мне нравится... Ты поэтому замолчала? Решила, что мне не нужна?

— Ты разозлился...

— На самого себя. Я же столько времени провел с тобой рядом. Столько раз сам говорил тебе о твоей... ненормальности. И не был внимательным настолько, чтобы самому разобраться или дать тебе возможность мне во всем признаться. В итоге узнал последним.

В этот момент мы оба невольно посмотрели на Таша, так неудачно выдавшего информацию. Морда шоша выражала крайнюю степень умиления, а тело чуть покачивалось, как в трансе.

— Что? — среагировав на наше внимание, пушистик мотнул головой и встрепенулся. Сверкнув даже не огненными, а искряще-белыми глазами, наябедничал: — Я тоже не первым был. Ну да, это Дьер все испытал. Медея по своей воле ему ничего бы не рассказа-ала.

Он вел себя и говорил так, будто был... пьян?

— Таш, ты бы сбросил излишки энергии, — серьезно посоветовал Ньевор. — И когда успел так набраться? Я же только приехал.

— От вас тут наберешься. — Таш на непослушных, заплетающихся ногах отошел в сторону, продолжая бурчать: — От одной бьет фонтаном, второй тоже себя не сдерживает...

— Таш? — заволновался Ньевор, но я легко коснулась его руки, останавливая и объясняя:

— Он почему-то мои эмоции тоже впитывает. Когда это выяснилось, очень переживал, что потерял способность поглощать

твои. А теперь убедился, что это не так. Вот на радостях и переборщил, наверное.

– Земляне слышат шошей? И могут вступать с ними в симбиоз? Не знал. Или тебе тоже мрисса нужна? – рассеянно начал расспрашивать Ньвор, следя глазами за питомцем, который, отойдя на безопасное расстояние, вздыбил шерсть и встряхнулся, как собака, которая выбралась из воды. Вот только вместо брызг в стороны полетели искры.

– Без ягод и земляне шошей не понимают, – наблюдая за красивым фейерверком, ответила я. – Мне они не нужны из-за настойки, которую сделал староста. Я не знаю, как она действует... Ой! – поджала ноги, потому что, наверное, в состоянии легкого неадеквата Таш все же не совсем верно рассчитал дальность «разлета». Большая часть огненных росчерков с шипением погасла на каменной гальке, но были и те, что отлетели к нашим ногам и в кусты. Ничего не подожгли, однако довели до паники сидевших в зарослях пьежек, которые заметались, не в силах решить: рвать себя на части прямо тут, на дорожке, или попытаться удрать.

К счастью для моего психического состояния, выбрали они второе. Шумно махая крыльями, унеслись в сторону столовой. Правда, и там их ждал неприятный «сюрприз» – на пути замерли, наблюдая за нами, две фигуры: рарк и его шош.

Долго оставаться наблюдателями они, видимо, не планировали, потому что направились к нам. Я невольно прижалась к Ньевору и, понимая, что хоть что-то должна успеть рассказать, до того как Шайхот вмешается, выдохнула:

– Он не хотел, чтобы я тебе говорила правду.

– Дьер тебя обидел? – любимый мгновенно отреагировал на мое беспокойство. – Таш сказал «выпытал».

– Не обидел. Просто пытался проверить свои подозрения. Убедиться, что я не шпионка. Не несу угрозу для Ракиса. И не испорчу твою карьеру. Наверное, как лучше хотел.

Не знаю, понял ли что-то из этого сумбура Ньвор – мои слова он никак не прокомментировал, – но сковавшее его напряжение я почувствовала. И оно ничуть не уменьшилось, когда Шайхот и Хас оказались совсем близко.

– Ужинать не собираетесь? Мог бы предупредить, что приедешь сегодня, – как всегда опустив приветствие, непринужденно поинтересовался дагон.

Вот только глаза его самым внимательным образом нас изучили, наверняка подметив каждую деталь: мое лицо со следами волнений, растрепавшиеся волосы, обнимающие меня руки, мокрое пятно на серой рубашке.

Неожиданно в глазах мужчины мелькнула... Грусть?

Я вспомнила, как горд был Ньевор и с каким уважением смотрели на него посетители ресторана, когда он шел с таким же доказательством проявленного доверия. И подчинения.

Теперь Шайхот видел то же самое и... сожалел? Возможно, о том, что я не заплакала, когда он сам на меня давил? Угрожал. Причем не единожды. А тут...

Как бы там ни было, когда Ньевор поднялся со скамьи и встал напротив, дагон с трудом оторвался от созерцания наглядного подтверждения моей реакции.

– Не успел. Планировал завтра, но справился с делами быстрее. Решил не ждать.

– Понятно, – кивнул Шайхот. Бросил на меня краткий взгляд и не менее коротко спросил: – Сказала?

– Сказала, – опередил меня Ньевор.

– А ты?

– Еще нет.

– Но решения не изменил?

– Не вижу оснований.

– И последствий? – ошутимо напрягся Дьер.

– А это твоя забота, – хмыкнул Ньевор.

– Помню. Обсудим?

– Не сейчас.

Диалог, в общем-то понятный вначале, быстро перешел в категорию «загадка». Рарки перебрасывались фразами, сути которых я не понимала, хоть и чувствовала связь со мной. Наверное, даже Хас понимал куда больше, потому что стоял рядом молча, с полнейшей невозмутимостью на морде. Впрочем, это выражение быстро сменилось на изумление, когда сбросивший напряжение Таш вернулся в нашу компанию. Походка его уже была уверенной, а вот глаза по-

прежнему оставались необычайно яркими и неизбежно привлекли к себе внимание.

– Ты не взорвешься, братик? – ошарашенно пробурчал Хас.

– Завидуй молча, – отрезал Таш.

– Ладно, – неожиданно отступил дагон, словно препирательств шашей не слышал. – Ждем вас в столовой. Я пока распоряжусь насчет сервировки. Сядем все вместе? Или вам накрыть отдельный столик?

– Отдельный. Нам с Ташем и Деей... – решил Ньевор. Запнулся, нашел взглядом меня, улыбнулся и продолжил: – с Медеей надо о многом поговорить. – А вот в лицо дагона он посмотрел без тени улыбки, сообщив: – Завтра мы все обсудим в твоём кабинете.

Надо признать – я растерялась. И Ньевор это заметил. Едва Шайхот отошел, присел рядом. Приподнял за подбородок, заглядывая в глаза.

– Что тебя смутило?

– Он же дагон. То есть стоит выше тебя на ступеньке социальной лестницы. Так? А ты разговариваешь с ним как с равным... Нет, – потрянула головой, сама с собой не соглашаясь, – даже так, словно ты главнее! Или я чего-то не понимаю?

– Все верно, – спокойно подтвердил мужчина. – Я, кажется, тебе объяснял, что иерархия у остроухих строится на основе социальных вызовов, а не профессиональных ролей. Дьер, желая закрепить право доминировать, бросил мне вызов и проиграл.

– Вы поспорили из-за... меня? – предположила единственное, что пришло в голову. Очень уж много было совпадений.

– Из-за моей уверенности в тебе, – поправил рарк. – И верности личному вызову, который ты сделала.

– Ньевор, а ты... – я замялась, понимая, что вопрос сейчас задам совершенно бестактный. Но не спросить не могла. – Тебе на самом деле безразлично, кто я? То есть я вижу, что ты не считаешь это важным, но не понимаю почему. Ты не особенно удивился известию, это объяснимо – у тебя были подозрения. Но я же... вроде как... враг. Нет?

– Враг? – Тонкие брови нахмурились, глаза снова спрятались под упавшей на лицо челкой. Впрочем, в голосе, зазвучавшем серьезно, я услышала и смешливые нотки. – Знаешь, Медея, побольше бы таких

«врагов». Тогда не только у меня, но и у... гм... остальных мозги бы правильно и продуктивно работать начали. Или это не ты вдохновила меня искать работу по специальности? Не ты морально поддерживала, когда дела шли неважно? Я же только с тобой перестал чувствовать себя одиноким, обрел уверенность, которую практически потерял, решился бросить вызов доминирования Лаиту, привлек внимание тетрады к моему проекту... Разве после этого я могу считать тебя врагом?

– Я накопитель украла, – напомнила, сжимая кулаки и до боли впиваясь ногтями в кожу, но все же решив быть честной и идти до конца. – Это простительно круглоухой дурочке, но я-то прекрасно осознавала, что делаю. А отдав его Виоле, подставила тебя.

– И ради меня же осталась, а не улетела на Землю. Вы ведь об этом спорили на той записи, где не было звука? Я прав?

Его руки уверенно захватили мои, заставив разжать кулачки. Подняли, прижав ладони к щекам мужчины.

– Помнишь, я поклялся, что больше никогда не буду в тебе сомневаться? – напомнил он. – Так что, как бы ты ни старалась разочаровать меня в себе, ничего у тебя не выйдет. Ясно?

– Ясно, – кивнула я, чувствуя, что на глазах снова появляются слезы.

– И еще... – Ньевор, отпустив мои руки, стер пальцами мокрые дорожки. – Я очень хочу, чтобы ты мне рассказала о себе все. Но прежде, чем ты начнешь, я хочу кое-что... спросить.

– Спрашивай, – не удержалась я от улыбки. Думала, ему хочется, чтобы я призналась в своих чувствах. И растерялась, когда услышала:

– Ты готова прожить рядом со мной всю жизнь? – Ньевор на несколько секунд замолчал, дав мне время осмыслить вопрос, и продолжил: – Помнишь, по условиям твоего личного, уже завершенного вызова, вызов, который я тебе сейчас делаю, ты должна принять, ничего не потребовав взамен.

– Это значит?... – попыталась я внести ясность.

– Значит, замуж ты за него выйдешь, – не удержался и все же встрял до этого ничем не напоминающий о своем присутствии шоп.

– Таш! – возмутился Ньевор. – Ты мне весь ритуал испортил!

– Что сразу Таш? – заворчал рыжик, предусмотрительно отскочив подальше, чтобы не хватануть новой порции эмоций. – Кому нужен

этот «ритуал»? Невооруженным же глазом видно: влюбленный мужик – одна штука, влюбленная девчонка – одна штука. Что будет, если все это сложить? Пара будет! Вот и вся арифметика. Так нет же, серьезные такие, выясняют чего-то, ходят вокруг до около! А сами голодные! Ну и я бы поел.

Уронив голову на плечо Ньевора, я беззвучно хохотала. Парк, обняв меня, тоже смеялся и едва сумел успокоиться, чтобы повторить:

– Ну так как? Принимаешь мой вызов?

– Принимаю, – счастливо улыбнулась ему я.

И лишь тогда он снова меня поцеловал. Сначала нежно, потом куда более страстно, уже не сдерживая того желания, которое меня ничуть не пугало, не отталкивало, скорее наоборот, казалось таким естественным, правильным и... нужным.

Мы бы о еде снова забыли, да только сокрушенные вздохи Таша не позволили этого сделать. И еще один мелодичный сигнал, разнесшийся по парку, напомнил – в столовой уже накрыли стол для неторопливых гостей. Там нас ждет ужин, во время которого начнется разговор. Долгий, потому что нам обоим надо рассказать друг другу так много!

Мне... О моей панике, первых впечатлениях, сковывающем страхе от реалий неведомого мира и поступках его обитателей, намерении отомстить за гибель родителей, попытках хоть как-то приспособиться, стремлении выбраться, беспокойстве за судьбу одного конкретного парка и неосознанном желании защитить даже тогда, когда я еще не понимала, что люблю.

Ему... Об отчаянии от преследующих нескончаемой чередой неудач, непонятном душевном порыве проявить сострадание к несчастной глупой самочке, не дающем покоя внутреннем конфликте – прогнать или оставить, совершенно неэтичных знаках внимания, парадоксе неожиданного осознания чувств к ставшей вдруг такой необходимой круглоухой, толкающем на безумства страхе ее потерять, опасениях не выдержать и сорваться, проявив неуважение, когда принял решение о серьезных отношениях.

А еще нас ждет прогулка по парку. Веселые пререкания с Ташем, не желающим нас оставлять и уходить на ночь в соседнюю комнату. Долгожданное уединение. Нетерпение и волнение в томительном предвкушении. Легкий флер смущения. Нежность ласк вперемешку со

страстным напором... Все то, чего влюбленным всегда оказывается мало.

Тепло, спокойно, уютно... Давно я не просыпалась с таким умиротворением в душе и приятной расслабленностью в утомленном теле.

Не открывая глаз, повернулась и уткнулась носом во что-то упругое, шумно выдохнувшее:

– Выспалась?

– Угу...

– Твое «угу» больше похоже на «неа», – добродушно хмыкнул Ньевор. – Как себя чувствуешь?

– Счастливой. – Я открыла глаза, сонно прищуриваясь от света, проникающего в щель между задернутых гардин. Встретилась взглядом с темными глазами и улыбнулась, потому что удовлетворения и удовольствия в них было не меньше, чем испытывала я сама.

– Кстати, ты вчера хотела показать мне схемы, которые сделала. Но мы немного отвлеклись. – Ньевор чмокнул меня в нос и приподнялся на локте, пытаясь отыскать планшет.

Хихикнув, я поползла к краю кровати. Свесилась, нащупывая рукой лежащее на полу устройство. Обратно вернулась с трофеем, влекомая за лодыжку отнюдь не накачанной, но на удивление сильной рукой.

Удобно устроившись на груди мужчины, обнявшего меня за плечи, включила экран и развернула так, чтобы нам обоим было видно изображение.

– Вот. Узнаешь?

– Хм... – Ньевор присмотрелся к картинке. перевел на меня восхищенный взгляд, словно никак не мог поверить, что я мало того, что не глупа, так еще и на удивление идеально совпадаю с ним в увлеченности техникой. – Ты взяла за основу мою разработку и сделала аналог из использующихся на Земле составляющих? Понятно... – Он провел пальцем по линиям, определяя направление потока энергии и точки раскрытия полевых матриц. – А дополнительный конденсатор здесь зачем?

– Так иначе энергии не хватит погасить скалярное напряжение. Смотри, вот здесь... – перелистнула пару картинок, отыскивая

нужную, – расчет в сравнении.

Пару минут Ньевор изучал столбики цифровых иероглифов, беззвучно шевеля губами и что-то просчитывая. Потом неожиданно нахмурился, и я почувствовала, как напряглись мышцы под моим затылком.

– Что-то не так?

– Подожди...

Аккуратно высвободив руку, рарк слез с кровати и бросился к сумке, которую так и не распаковал. Об одежде он не задумался, и потому я невольно смутилась. Все же вчера не так много было возможностей его рассматривать, я как-то больше на ощущениях концентрировалась. Теперь же видела вовсе не такую уж тощую, как мне всегда казалось, фигуру. Просто сухопарую, жилистую, внешне ничуть не отталкивающую. И все равно взяла на заметку – кормить, кормить и еще раз кормить. И в спортзал загнать. Посмотрела на обрастающие жирком собственные бедра и план дополнила: себя туда же. Цели разные, путь достижения, к нашему же удобству, одинаков. А когда Ньевор вернулся на кровать со вторым планшетом и раздраженным жестом откинул упавшие на глаза волосы, мой план пополнился еще одним пунктом: подстричь. Давно мечтала.

Впрочем, я обо всем быстро забыла, едва заглянула в экран. Длинные тонкие пальцы Ньевора быстро нашли в большой схеме тот самый элемент, что соответствовал моему кусочку. Столь же торопливо вывели расчетные параметры.

Схватив мое устройство, рарк спешно принялся за сличение... И прошипел:

– Гр-р-раш-ш-ш...

– Ничего себе... – сорвалось с моих губ, потому что я тоже увидела нестыковку.

Некоторое время мы молчали, растерянно глядя друг другу в глаза.

– Как такое может быть? – наконец рискнула и осторожно спросила я. – Ведь оба расчета верные. А результат разный.

– Парадокс какой-то, – столь же недоуменно высказался рарк. – При том, что собранный прототип нормально работал.

– Значит, у меня где-то ошибка.

– Нет, – затряс головой Ньевор. – У тебя другой принцип, другой способ решения, но математически все правильно.

– Тогда что не так?! – я с раздражением впила глазами в схему, в попытке отыскать ответ, хоть и понимала – тут надо элементы пошагово сверять и искать расхождение.

– Найдём. – Планшет неожиданно ускользнул из моих рук и вместе со вторым переместился на прикроватный столик. А меня, невольно потянувшуюся следом, сжали в объятиях и не отпустили. – Теперь мы вдвоем. Справимся. Разберемся. Я уверен. И время еще есть, я пошлю распоряжение приостановить процесс сборки. Главное, что сейчас обнаружилась проблема, а не позже, когда уже ничего нельзя было бы изменить.

– Ну хорошо, – успокоилась я.

Как же замечательно, когда рядом такой человек! То есть не совсем человек, но для меня это ничего не меняет. Он самый лучший! На него всегда можно будет положиться, точно зная, что он не предаст. Честный, умный, порядочный, заботливый, любящий... И любимый!

Мы снова отвлеклись. Увлёклись. Обо всем забыли. Спыхватились, лишь когда из-под плотной занавеси, закрывающей вход, в комнату сунулся любопытный нос.

Я быстро натянула на себя одеяло, Ньевор тоже прикрылся, но от праведного гнева нас это не спасло.

– Не понял... – Таш полыхнул глазами, наверняка хватанув тут же окативших его эмоций. – Я жду-жду, а вы даже не оделись! У меня уже живот подводит от голода, а вы тут это... – он на мгновение задумался, как бы тактично высказаться, – развлекаетесь.

– Иди без нас, Таш, – миролюбиво отозвался Ньевор. – Мы позже присоединимся.

– Нет уж! Я приличный шош и завтракаю только вместе с хозяевами!

– Пойдем, – остановила я пререкания. – Действительно, поздно уже.

Как бы мы ни торопились, в столовой появились, когда Шайхот и Хас уже ушли, а около их столика суетилась прислуга, убирая тарелки. Честно говоря, я этому была даже рада – вчера вечером взгляды, которые бросал на нас дагон, меня изрядно нервировали.

Потому и разговор сегодня шел бойче и не был так серьезен, как признания, которыми мы делились вчера. Я описала торжественный праздник Восхода и необычную для меня игру с раздачей мриссы. Ньевор смеялся, припомнив, как объяснял мне устройство временных ям на примере тарелки с продуктами. Даже Таш в красках пересказывал эпическое сражение с крим-вагой...

Моя веселость исчезла, едва я вспомнила остальные события того же дня.

– Медея? – тонкие пальцы коснулись руки, ласково поглаживая. – Что случилось?

– Ньевор, а почему мы здесь? – понимая, как трудно ответить на его вопрос, я задала свой. – Ты и дагон... Да, между вами был вызов, но он ведь завершился. Мы могли бы ночевать в другом месте. И завтракать тоже. Вовсе не обязательно оставаться его гостями.

– Все же он тебя обидел, – сжав зубы, выдохнул любимый. Посмотрел на притихшего Таша, и тот буркнул:

– Дьер сказал: «Надеюсь, ты во мне не сомневаешься?». Я же не мог ему не доверять.

– А почему Таш должен был ему доверять? – не поняла я.

Ньевор болезненно поморщился.

– Он мой брат.

– Как брат? Почему брат? Э-м-м... – я спохватилась, что говорю глупости. – Брат... – повторила и...

И все встало на свои места! Я же давно догадалась, что Ньевор не из бедной семьи. И он упоминал, что его брат занимается биологией. Дьер о том же увлечении сказал. Должна же я была обратить внимание на совпадение! Даже шоши у них тоже... братья.

– Вы разные совсем, – растерянно пролепетала, потому что Ньевор молчал, ожидая моей реакции.

– Я больше от мамы взял, Дьер на отца похож. По внешности. По характеру, кажется, наоборот. По крайней мере, упертость у меня точно отцовская.

– Подожди... – у меня в голове снова все смешалось. – Если твой отец Деверьен Шайхот, дагоден Ракиса, который был на совете тетрады, почему он тебя не узнал? И вообще никто не узнал?

– Так я ж маскируюсь, Медея. Информацию новую внес в базу, одеваться стараюсь проще, походку изменил, волосы чуть

подкрашиваю, чтобы темнее казались, лицо закрываю, – он рассеянным жестом пропустил между пальцами челку. – Пока пытался на первых порах выжить, голодать пришлось, похудел сильно. А отец... Он же давно меня не видел. Да и сосредоточен был на обсуждении. Я опасался, что имя его натолкнет на подозрения, даже пожалел, что взял настолько близкий к реальному вариант. Но обошлось.

– Ньевор Хот... – прошептала я.

– Ньер Шайхот, – признал рарк. – Вот так, Медея. Не у тебя одной была тайна.

– Но ведь это и сейчас остается секретом, верно? – спохватилась я, вспомнив, что и Дьер, и Таш не сразу называли имя. Вроде как одергивали себя, чтобы лишнего не сказать. – Из-за вызова? Он настолько сложный?

Я, конечно, догадалась, что суть спора с отцом, вероятнее всего, укладывалась в рамки «сделать карьеру с нуля, не прикрываясь именем семьи», но было безумно интересно, что же заставило Ньевора пойти на такой серьезный шаг.

Любимый скрывать от меня ничего не стал. И к концу завтрака я уже знала так много!

Началось все с того, чем грешат и многие родители на Земле – с их собственных амбиций. Деверьен Шайхот, будучи у власти над целой планетой, само собой, хотел видеть своих сыновей дагонами провинций. И то, что их личные увлечения были далеки от политики, его волновало мало. Только вот не учел «заботливый» отец, что сыновья-то у него разные. Дьеру не хватило силы воли отказаться, и должность он принял, хоть и с условием, что оставит пост и сможет заниматься любимым делом, когда выведет свою провинцию на первое место в рейтинге. А Ньевор, то есть Ньер, отказался наотрез. Заявил, что сам найдет свое место в жизни и будет заниматься тем, что ему интересно и важно.

Как раз вот на этом «интересно и важно» он и схлестнулся со своим отцом. Я в начале рассказа подумала, что Ньер хочет всего лишь отстоять право на самоопределение и независимость. Ан нет. Корни проблемы ушли куда глубже. Вернее, выше. К той самой Лидвот, которая стала символом смерти от излучения.

А все потому, что молодой и горячий в суждениях Ньер Шайхот имел наглость высказать отцу свое мнение по поводу действий правящей тетрады, принявшей решение о прыжке в будущее. Именно «наглость», ибо мнение это было отнюдь не похвалой, а настоящей серьезной критикой.

Деверьен Шайхот обиделся. Сын не гордится отцом! Ставит под сомнение правильность поступка четырех дагоденов, которые вывели планеты рарков из-под удара амиотов! Да, неудачно прошел прыжок, возник побочный эффект. Но ведь в итоге пострадала только одна планета. Не прими тетрада своевременных мер, все могло закончиться намного хуже.

Ньевор же реально не видел повода для гордости. Ракис попал под смертоносное излучение! Какая в этом заслуга? Скорее позор. Да и сам перенос казался ему излишне поспешным, необдуманным. А это значит, в дальнейшем подобного допускать нельзя! Тетрада не должна принимать опрометчивых решений. Ей нужен постоянный эксперт-консультант с решающим правом голоса. Своеобразный дагоден, в ведении которого будет не конкретная планета, а наука в самом широком смысле. И именно он, с учетом всех «подводных камней» в значимых экспериментах, будет иметь право зарубать на корню опасные и непродуманные решения.

Само собой, Деверьен разозлился. Мальчишка, который едва закончил обучение и сам в жизни еще ничего не достиг, указывает ему как действовать? Мало того, явно вознамерился стать этим самым «консультантом»! Он желает доминировать над всей тетрадой? Да чтобы такое право получить, надо сначала свою состоятельность доказать! Занять высокую должность, получив признание и уважение, не пользуясь ни имеющимся статусом, ни связями, ни поддержкой семьи. Выдержать и не сдаться! Но даже этого будет недостаточно. Нужны такие заслуги, которые были бы сравнимы с тем, что когда-то сделали сами дагодены. Он должен встать с ним на один пьедестал.

Вот так и появился вызов, который Ньер, настроенный решительно, не мог не принять.

— Дьер тебя не выдаст? — забеспокоилась я, когда осознала масштаб происходящего. — Общаясь с ним, ты вроде как пользуешься поддержкой семьи.

– Когда он меня узнал на совете тетрады, у меня были опасения. Потом я понял, что брат на моей стороне и будет молчать, потому что в гости он меня пригласил инкогнито, в знак уважения, как рарка, полезного для провинции Рагнаир. А на научные изыскания и продвижение проекта мое общение с Дьером не влияет. Однако то, как он повел себя с тобой... Не знаю. Мне надо с ним поговорить. Побудешь в парке?

Понимая, что моя персона при разговоре точно лишняя, спорить я не стала. Осталась ждать на скамейке, провожая глазами уходящего в дом Ньевора. Вот только беспокойство, перемешанное с любопытством, не давало расслабиться. Сидеть спокойно было невозможно. Я уже и камушки на дорожке попинала, и ветку на кустике обломала, и юбку из тонкой желтой ткани измяла... Наконец пушистик, который всегда болезненно реагировал на такие вот эмоциональные коктейли, не выдержал.

– Все нормально будет. Успокойся.

– А если не будет? – стиснула я руки в волнении. – Вдруг они там... поссорятся?

– Ладно. – Таш решительно спрыгнул со скамьи и сел передо мной. – У тебя, кажется, мрисса была? Доставай. Без нее не получится, я пробовал.

– Что пробовал? – насторожилась я.

– Соединение, – непонятно объяснил шош.

– Какое соединение? Мысленное? Чтобы общаться на расстоянии? – не удержалась я от вопросов, разрывая прозрачную упаковку.

– Хватит болтать! – взвыл Таш. – Не успеем же! Все самое интересное пропустим! Глотай давай. Обе сразу, передозировка нужна. И в глаза мне смотри. Только в глаза, поняла?

В глаза. Да. Это не сложно.

Янтарный перелив полыхнул огненным всплеском. Затопил собой пространство, увлек, развернул, перехватывая дыхание и лишая ощущения собственного тела. На мгновение я увидела саму себя, расслабленно обмякшую на скамье, и снова картинка поплыла, смазалась, как если бы на одном экране наложились друг на друга сразу два фильма. Тот же эффект был, когда я попала в сознание птиценасекомой. Только в тот момент я видела камни, на которых

лежала, и одновременно с этим – холмистую местность с высоты полета крим-ваги. А сейчас...

Сейчас был парк и интерьер дома, на фоне которого замерла размытая фигура, медленно проявляющаяся все более четко. Тихий шелест веток и гулкий звук, постепенно обретающий внятность. Еще секунда, и все сложилось в образ Дьера Шайхота, заявившего:

– Иного способа я не видел.

– Не видел? Или не хотел видеть? – рассерженно прошипел другой голос, такой любимый, отозвавшийся в потерявшемся сознании нежными отзвуками, несмотря на всю ярость, с которой говорил.

– Я всего лишь ее проверял. Хотел убедиться, что она тебя не предаст. Да, возможно, действовал жестко, не слишком этично, но...

Смазанное движение, и рука, схватившая дагона за шею, сильно толкнула, вынуждая отступить и припечатывая к стене.

– Ты не выполнил условие, которое сам же принял! Я ведь четко сказал – никакого давления.

– Ньер! – захрипел Шайхот, пытаясь отодрать от себя пальцы брата. – Да пойми ты уже! Тебе и так непросто! Разве я мог допустить, чтобы ты в итоге оказался обманутым и озлобился, если девчонка на самом деле шпионка? Вдруг она потом решила бы сбежать и тебя бросить? Тут любые средства хороши, чтобы знать точно.

– Вынудить ее врать всю жизнь, а мне заблуждаться на ее счет, это, по-твоему, «хорошее средство»? – и не подумал снизить напора Ньевор, по-прежнему удерживая захват. – Что ты задумал, Дьер? Меня через нее контролировать?

– Ты здесь ни при чем, – уже и не пытаясь вырваться, обреченно поднял глаза к потолку дагон. – Просто никак не мог поверить в ее порядочность. Она же... Она идеальная, Ньер! Сильная и слабая одновременно. Умная, но не расчетливая. Рассудительная и при этом очень эмоциональная. Верная, отзывчивая, готовая пожертвовать собой ради... ради тебя. Даже Таш опекает ее как хозяйку, а не присматривает просто, как за любовницей хозяина. Не бывает таких женщин. Понимаешь?

– Понимаю, – неожиданно согласился Ньевор. Его рука исчезла, наконец освобождая шею брата, а взгляд метнулся к окну, где вдали, среди серой листвы просматривались пятна – рыжее и желтое. – Зря ты ищешь в ней недостатки. Не найдешь.

– Да понял я уже, – вздохнул Шайхот.

Когда взгляд Ньевора снова к нему вернулся, он уже сидел за столом, подперев голову рукой, и спокойно смотрел на брата.

– Что дальше делать собираешься? Оставишь ее со мной или...

– Или! – оборвав предложение, Ньевор тоже опустился на стул. Побарабанил пальцами по столешнице и признался: – Я предложил Медее семейный вызов, и она его приняла. Я больше ее никогда не оставлю.

– Значит, вместе полетите на орбиту? Когда?

– Как только ты выполнишь свое обязательство. Я не хочу, чтобы Медея чувствовала себя ущербной и вынужденной притворяться глупой круглоухой. Но и афишировать то, что она землянка, тоже нельзя. Ты что-нибудь придумал?

– Ну, есть пара идей... То есть была пара, теперь на одну меньше. – Шайхот отыскал взглядом флакончик, задумался и неожиданно поднял закрывающий его колпак. Бережно сжав бутылочку в пальцах, отвинтил крышку и попросил: – Руку дай.

Густая маслянистая капля упала на внутреннюю сторону запястья и медленно покатилась по коже, уменьшаясь в размерах и оставляя жирный след. Впрочем, и он быстро исчез, не оставив даже намека на присутствие жидкости.

– Это та самая настойка? Мне Медея сказала, но я не очень понял, – голос Ньевора звучал растерянно.

– Да. Это мриссовый концентрат. Невероятная вещь. Закрепляет эффект съеденных ягод. Пока, правда, неясно, на какой срок, но точно длительно. И связь дает обширную, а не узконаправленную. Так что не удивляйся, когда услышишь нотацию от Хаса. – Дьер неожиданно засмеялся: – Видел бы ты свое лицо сейчас, братик. Не пугайся, это всего лишь моя благодарность за совет. Без тебя я бы рецепт вряд ли так быстро нашел, а может, и вообще бы не догадался.

– Ты хочешь наладить массовое производство этого... концентрата?

– Как ты себе это представляешь? – изумленно взлетели вверх темные брови дагона. – Эксперименты с мриссой запрещены. Не просто же так Гуз Рьяр... Помнишь моего учителя?

– У которого ты дипломную работу писал? Про круглоухих?

– Именно. Я же там высказал предположение, что мрисса, если ее с детства применять, может повлиять на умственное развитие, а он этим воодушевился и решил на практике проверить. Я ему поселение подобрал, благо как раз дагоном стал. И Гуз все втайне делал, чтобы не подставить ни себя, ни меня. Препарат, конечно, получился совсем иного действия, но афишировать его все равно не стоит. Мне проблемы не нужны.

– От темы не уходи, – недовольно проворчал Ньевор. – Что за идеи по поводу Медеи? Почему на одну меньше?

– Потому что я поначалу думал списать на воздействие концентрата поумнение твоей... Деи. Но, похоже, не получится. Слишком много внимания привлеку. А я все же хотел изыскания продолжить.

– Втайне?

Дьер загадочно улыбнулся и отвечать не стал. Вернулся к главной проблеме:

– Умная круглоухая это нонсенс. Значит, она должна превратиться в остроухую. Все просто.

– Пластику предлагаешь? – в голосе Ньевора появились нотки сомнений.

– Да. – Шайхот взъерошил волосы и провел пальцами по контуру своих ушей.

– И кто за такое возьмется?

– Так я и возьмусь. У меня в университете был год медицинского факультатива, уж такую простую операцию сделаю. И все между нами останется. Вот была бы Медея на самом деле круглоухой, тогда смысла бы не было – по поведению все равно ясно, кто она. Разве что заставить молчать все время. Но землянка-то не глупая. Так что никто ничего не заподозрит. И вот еще...

Дьер вытащил из кармана жилета браслет и положил на стол.

– Забери. Это ее вещь. Земная. А то ведь решите, что я собираюсь этим вас шантажировать. Спрячьте как следует. Но лучше вообще уничтожьте, не рискуйте. Что касается документов, думаю, ты сам справишься. Уж раз Ньевора Хота в базе создал, значит, и с Медеей Рьяр проблем не возникнет. Если потребуется, я подтверждаю, что у Гуза вторая внучка была, родителей-то все равно уже нет. С образованием сами как-нибудь разберетесь.

– Все так, но... Медея... – Ньевор, забрав коммуникатор, задумался, непроизвольно поглаживая серебристую металлическую поверхность. – Медея решит, что я ее ушек стесняюсь. А мне все равно, как она выглядит. Землянка, круглоухая... Я люблю ее саму, такую, какая есть.

– Ну и люби на здоровье! – потерял терпение Дьер. – Только ты напрасно думаешь, что Медея обидится. Она не хуже нас понимает, что рарк, который вместо нормального семейного вызова предпочел взять женой на все согласную, неразборчивую в связях круглоухую, в почете никогда не будет. С карьерой тебе придется распрощаться. И вызов отцу ты проиграешь. Это раз. А вот если Медея станет остроухой, тогда ты сможешь устроить ее в лабораторию своей помощницей. И работать будете вместе, и научные идеи обсуждать без опасений, что кто-то проявит нездоровое любопытство к ее умственным способностям. Это два. Круглоухую, даже с семейным вызовом, все равно неизбежно будут преследовать любители... необременительных отношений. Это три. Селянку-невестку наш отец точно не примет, будь она хоть трижды умнее его самого. Да и не поверит он в такой феномен. А еще хуже, если подозревать начнет. Это...

– Хватит! – рявкнул Ньевор и, вскочив со стула, развернулся к окну. Жадно впился глазами в по-прежнему неподвижные фигуры, хорошо заметные на фоне растительности. Видимо, улеглись эмоции, потому что продолжил он спокойно: – Я с Медеей поговорю. Если она согласится...

– Она согласится. Потому что любит.

Это уже я прошептала под вздох облегчения Таша, разрывающего связь сплетенных между собой сознаний.

Эпилог

– Не хочу спать! Ма-а-ам... – тоскливо заныл тонкий детский голосок.

– И я не хочу, – решительно поддержал его второй.

– А кто утром обещал, что вечером не будет капризничать? – мягко пожурив я обоих, собирая брошенную на пол одежду.

– Он! – хором откликнулись близнецы, тут же выныривая из-под одеял и пальцами указывая друг на друга.

Мальчишки. И возраст самый противоречивый. Еще не научились ничему толком, но уже с характером. Проверять на прочность нервы родителей для них сейчас самое главное занятие.

А ведь мы даже не думали, что обретем такое беспокойное счастье в двойном размере. Честно говоря, вообще не надеялись на потомство. Очень уж долго у меня не получалось забеременеть, а потом еще и Дьер, который хоть и не избавился от дагонства, но все равно находил время для своего увлечения, провел тесты и пришел к выводу, что естественное зачатие невозможно. Разной оказалась генетика у рарков и землян.

Но Дьер, во-первых, помнил, что обязан компенсировать то самое «давление», которое на меня оказал, когда выяснял мою личность, и тем самым нарушил условие брата. А во-вторых, он был истинным ученым. Практически фанатиком. И даже опытами с мриссой действительно втайне занимался. Правда, неудачно. Просто выяснил, что его идея о телепатическом общении с помощью концентрата из ягод – утопия. Но отрицательный результат – тоже результат и никогда не заставит настоящего исследователя опустить руки. Особенно если тот сталкивается с новой проблемой.

«Искусственное оплодотворение! Вот что вам нужно, – уверенно убеждал Дьер, уговаривая на эксперимент. – В конце концов, на то и наука, чтобы соединять несоединимое».

Согласились мы не сразу. Сомневались, ждали... Но желаемого результата так и не было. А время шло. Пусть и насыщенное событиями, работой, заботами друг о друге... Но так хотелось видеть рядом частичку себя!

Мы рискнули. Я не биолог и потому так и не поняла, что послужило стимулятором, чтобы хромосомы правильно соединились, но главное – зародыш сформировался. Начал развиваться. А потом еще и на два разделился...

И теперь итоги «эксперимента» сидели на кроватях и строили друг другу гримасы: то ли дразнясь, то ли подначивая.

Второе вероятнее, потому что не успела я закончить с уборкой, как услышала:

– Светло еще! Зачем так рано ложиться?

– Вовсе не рано. Уже закат. Разве не видишь? – я подошла к окну, где, окруженное радужным ореолом, коснулось горизонта белое светило. Над ним совсем маленьким спутником горело другое, розовое, но и оно скоро скроется, погрузив Ракис в ночной сумрак.

Лидвот и Дэйци... С тех пор, как выполнившую свое предназначение хроноустановку выключили, они снова образовали звездную пару, а источник опасного излучения, на который не распространялось временное поле торможения, «убежал» далеко вперед по своей космической траектории. Теперь все четыре планеты рарков обрели устойчивые орбиты, начав обращаться вокруг своих родных звезд. Все стало так, как было когда-то, до прыжка в будущее. И так отраднo было осознавать, что именно наша с Ньером совместная работа и вовремя внесенные изменения в проект помогли избежать еще одной ошибки, которая могла бы привести к катастрофе...

Я задернула шторы.

– Теперь точно не вижу! – подпрыгивая на пружинящем матрасе, тут же радостно засмеялся Лидьер.

Он у нас неумный. И в фантазиях, и в поведении. Возможно, имя наложило свой отпечаток? Ведь мы его назвали в честь моей мамы, а она в детстве была крайне активным ребенком. Впрочем, это была не моя идея. Ньер сам заявил, что мои родители, пожертвовавшие, собой спасая меня, заслуживают долгой памяти. Да, имена пришлось видоизменить, зато Эдьер хоть и подражает иногда поведению брата, но, как мне кажется, многое взял от моего отца – более спокойный, рассудительный, даже в чем-то уже сейчас прагматично-рациональный.

И потому меня ничуть не удивило, когда именно он первым пошел на компромисс:

– А что взамен? Если мы обещаем, что заснем.

Вот... почти взрослый вызов на детский манер.

– Я расскажу кое-что интересное.

– Страшную сказку! – округлив глаза, восторженно выдохнул Лидьер.

– Но чтобы все закончилось хорошо! – важным тоном внес свое условие Эдьер.

– Договорились, – пообещала я.

Настрой изменился мгновенно. Секунда, и оба сына уже лежат, натянув на себя одеяла и закрыв глаза. Демонстративно, конечно. Ясно, что от первого до последнего слова будут слушать, наострив свои островежные ушки. Но, по крайней мере, успокоились.

Поправив смятую простыню под Лидьером и пригладив темные кудряшки Эдьера, я присела в кресло. Выключив основное освещение и оставив только подсветку на полу, перешла к выполнению обещания.

– Давным-давно, когда все цивилизации в нашей галактике жили мирно, в глубоком космосе была планета Раминар. Обитали на ней призрачные существа, не имеющие тел. Жили они в кристаллах и питались энергией своей планеты. А однажды на Раминар прилетели инопланетяне. Это были не рарки, какая-то другая раса. Их интересовали кристаллы, которые хранили в себе огромные запасы энергии...

Ох, да... Энергия реатов – именно так называли эти кристаллы. Она действительно огромна. Одного такого камушка размером с ноготь большого пальца, встроенного в систему хрономодуля, хватило, чтобы на два земных года затормозить ход времени вокруг Ракиса и Лидвот! Рарки ведь, как и земляне, побывали на Раминаре и успели прихватить с собой немалый запас. И корпорация «Звездные камни», деятельность которой теперь курировал мой муж, именно реаты бережно хранила, изучала и имела право использовать.

Спохватившись, что увлеклась своими мыслями, я продолжила:

– Инопланетяне не видели местных жителей и думали, что планета безжизненна. А обитателям Раминара не нравились воры, и они злились, но ничего сделать не могли, потому что жили внутри кристаллов. Но случилось так, что некоторые кристаллы разбились, и призрачные существа, оставшиеся без дома, напали на незваных гостей. Инопланетяне испугались. Они обстреляли Раминар, думая,

что убьют своих противников. Но лишь разрушили еще больше кристаллов. И врагов тоже стало больше. Не разобравшись, инопланетяне взорвали Раминар.

– Они думали, что сущности погибнут, – громким шепотом сделал вывод Эдьер.

– Верно, – улыбнулась я. – А они не погибли. Зато стали еще злее. Кому же понравится, если в его дом сначала пришли без спроса, а потом еще и уничтожили? Даже у нас за такое положена смерть. Вот и сущности стали мстить всем без разбора. Бестелесным, им было все равно. Они не видели разницы между теми, у кого были тела, и не понимали, что убивают и виновных, и невиновных. Не зная жалости, как огонь по сухой траве прошлись по всей Галактике, поглощая звезды, разрушая планеты и забирая жизни их обитателей. Пришли они и к нам, раркам.

– Надо было их остановить! Сделать самое страшное оружие и уничтожить! – не сдержался и присел на кровати Лидьер. Воинственно взмахнул рукой, увидел мой укоряющий взгляд и лег обратно.

– Так рарки и поступили. То есть пытались. Амиоты – так называли призрачного врага – оказались сильнее и неуязвимее. Лишь шоши могли им противостоять. И убивать... Правда, после этого они сами умирали. Но, несмотря на потери, рарки не сдавались. И вот так уж вышло, что четверо таких отважных молодых рарков попали в плен. Амиоты сохранили им жизнь и поместили в особые оболочки как живые консервы, на тот случай, когда энергии-пищи не останется.

– Б-р-р... – поежился Эдьер. – Это страшно – стать едой.

– Да, – согласилась я. – Но трое из них смогли разрушить оболочки и выбраться, а четвертый отдал свою жизнь, чтобы добыть секрет, который стал оружием против амиотов.

«Иатл Гьергон... Деверьен Шайхот... Вадрис Пульерос... По возвращении все трое вместе с сыном погибшего Хитла Шерьерона бросили вызов правящей в то время тетраде и возглавили новое правительство...» – как наяву прозвучал в моей голове голос экскурсовода. *«И предпочли забыть о тех, кто на самом деле помог им сбежать и дал это самое оружие»*, – услужливо подсказала память...

– Мы обязаны отомстить! – рычал Шерьерон. – Земляне убили моего сына! Я этого безнаказанным не оставлю!

– Что ты предлагаешь, Крет? – сочувственно, но без особого энтузиазма поинтересовался Иатл. – Напасть на Землю? Не в том мы сейчас... положении.

Положение в тот момент действительно было сложным. Ракис и Лидвот только-только вышли из поля торможения. Из-за изменения гравитационных полей другие планеты начали менять орбиты. Космические перелеты стали занятием опасным. Впрочем, это не помешало тетраде собраться по требованию Шерьерона на совет. Вероятно, он состоялся бы сразу, как только было получено известие о гибели Лаита, рванувшего в погоню за шпионкой, – его тело нашли на разрушенном корабле примерно через два земных года. Но на Ракисе время шло с другой скоростью, и это мешало принимать сигналы с других планет. Он оказался в своеобразной изоляции.

– Земляне сняли с руки Лаита кольцо с реатом и забрали с собой! – воинственно потрясал кулаками Шерьерон. – А в кольце был маячок. По нему мы определили, где они находятся. И я требую, слышите? Требую снарядить боевые крейсеры и отправить штурмовать их базу! Там виновница его смерти и те, кто ей помогал!

Я была на этом совете. Незримо. Ньер попросил Таша сделать для нас связь. Видя его глазами происходящее, я ужасалась и... радовалась тому, что мы оказались в курсе! Тому, что хоть как-то можем повлиять, раз мой муж – дагоден научный консультант, и его обязанность присутствовать на каждом заседании.

Тетрада признала его равным по заслугам – ведь именно он исправил их собственную оплошность. Он выиграл свой вызов. Деверьен Шайхот официально объявил об этом и о том, что Ньевор Хот это Ньер Шайхот. Достойная победа, которая сделала честь и сыну, и отцу: в этом мире самая высокая заслуга – воспитать достойного парка, который превзошел своего родителя.

Ньер выступил против отправки крейсеров, но Крет все же настоял. И я провела немало времени в переживаниях за сестру. А когда выяснилось, что флот возвращается, снова попросила мужа взять меня «с собой» на заседание. Едва могла дышать, пока не услышала – осада и штурм закончились неудачей. Мало того, земной флот, который пришел на подмогу своей космической базе-колонии, одержал победу.

На этом совете тетрады Шерьерон с пеной у рта доказывал, что нужно проучить землян. Новая эскадра, больше кораблей, оружие – все, чтобы атаковать Землю. Мол, земляне планируют на нас напасть, и тут уж либо мы их, либо они нас. Припомнил даже залетевший в систему Лидвот дискоид моих родителей, который, по его мнению, должен был совершить диверсию. Крет требовал войны.

Ньер прекрасно знал истину, потому что я все ему рассказала – и то, что было известно мне самой, и то, что поведала Виола. Однако говорить прямо, обвиняя тетраду в намеренном сокрытии реальных фактов, муж не мог. Иначе возник бы закономерный вопрос – откуда ему это известно?

– Не стоит предвзято относиться к перспективным союзникам. Соперника, который обладает такой мощью, выгодней сделать своим другом, – уверенно возразил Ньер, сделав вид, что просто исходит из соображений выгоды и меньших потерь.

– О каком сотрудничестве ты говоришь?! – возмутился Шерьерон. – Земляне подставляют нас на каждом шагу! Из-за них умер не только мой сын, но и мой отец! Да, фактически его убили амиоты, но виноваты те, кто этих тварей на нас напустил!

– Остынь, Крет, – вмешался Иатл. – Твой отец погиб, но ты забыл, что мы вместе с ним были в плену амиотов. И... – он хмуро посмотрел на своих соратников, которые молчали, и признался: – Нас земляне оттуда вытащили.

– Почему вы мне не сказали?! – взвился Шерьерон.

– Да потому, что в этом нет доблести, – осаживая его, рявкнул Деверьен. – Это позор! А потом земляне еще и предложили прикрыть наши планеты защитными установками...

– Отказываться было равносильно самоубийству, – неохотно поддержал его Вадрис. – Пришлось скрыть то, что мы приняли помощь от... врага.

– И, чтобы не вызвать подозрений в бездействии, дать согласие на рискованный проект «прыжка в будущее», – продолжил его мысль Иатл. – А то, что экспериментальная установка сработала, это действительно случайность. Мы не планировали ее запускать.

– Не враги? – растерянно пробормотал Шерьерон. – Тогда зачем земляне отправили сюда свой дискоид? Командор Лейс Гольш

утверждал, что он шел напрямиком на Ракис, по траектории атаки. И эта шпионка...

– Гольш идиот, – проворчал Деверьен Шайхот. – Ему нужно было заблокировать корабль, задержать. Мы бы разобрались. А он без согласования отдал приказ на уничтожение...

– Шпионка могла просто расследовать гибель дискоида, – поддерживая отца, «предположил» Ньер, который точно знал, что так и было. – Разумеется, вам принимать решение, дагодены, но моя рекомендация: принести землянам извинения. Честность и признание ошибки в данном случае будет куда полезнее. И порядочнее.

Вот так я и узнала, почему убили моих родителей.

Реальность оказалась куда страшнее сказки. Детям этого не расскажешь...

– А дальше? Мама, дальше что? – подал голос Лидьер. Видимо, замолчала я надолго.

– Дальше? – спохватилась, вспоминая, на чем остановилась. – Дальше они вернулись и амиотов уничтожили, ведь у рарков появилось сильное оружие. Все.

– Бу-у-у... – разочарованно выдохнул Лидьер. – Начало классное, конец так себе.

– И слишком быстро все закончилось, – согласился с ним Эдьер.

– Зато для всех счастливо. Кроме амиотов. Теперь спать.

Погасив светильники, я вышла из комнаты. Опустив занавесь, постояла, прислушиваясь. С этих сорванцов станется пуститься в обсуждения! Но, кажется, на этот раз к своему вызову они отнеслись ответственно. По крайней мере, тишина была полнейшая.

Неслышно ступая по сиреневому ковру, я отправилась на кухню. Наш дом не похож на особняк Дьера. Это совсем небольшой домик, хоть и расположенный недалеко от правительственной резиденции в Рардесе. И отдельной столовой в нем нет. Зато есть зал для приготовления и приема пищи. Из-за занятости детьми и работы в проектно́м отделе я готовила мало – к нам приходил повар. Но сегодняшний ужин решила сделать сама. Он для мужа будет поздним: тетрада снова заседает, а у них последнее время быстро дела не решаются.

– Готовишь? – ласковый заботливый голос раздался, когда я почти закончила. – Не нужно было. Ты же и так устаешь. Я бы нашел что перекусить.

– Ты же знаешь, мне нравится, – отвлеклась от сервировки и обернулась, чтобы подставить мужу губы. Получив долгожданный поцелуй, вернулась к столу.

– Перекусить... – сварливый голос с Ньером точно был не согласен. – Разве «перекусить» сравнится с вальсесой по особому рецепту? Мой нос не обманешь!

– Приятно порадовать своего любимого...

– Шоша? – требовательно взглянули на меня янтарные глаза.

– Мужа, – улыбнулся Ньер.

– Вас обоих, мои защитники, – засмеялась я. – Ешьте, пока не остыло.

Дважды их просить не пришлось. Проголодались. Я же просто сидела, подперев голову рукой, и с умиротворением в душе смотрела, с каким удовольствием едят те, кого я так сильно люблю.

Ньер сильно изменился за время, прошедшее с нашего знакомства. Из нескладного и угловатого, вынужденного сутулиться и прятать глаза под неопрятными длинными волосами, чтобы не быть похожим на самого себя, он превратился в настоящего красавца-мужчину. Высокого, статного, с аккуратной стрижкой, без намека на болезненную худобу. Я его все же откормила. И теперь понимала, почему на заседании правящей тетрады в Ньеворе Ньера не признал никто, кроме Дьера и... его отца. Да, Деверьен этого не показал. Скрыл. Сделал вид, что не узнает. Потому что уже в тот момент понял, каким целеустремленным на самом деле оказался его сын. А рарки силу духа уважают и ценят. Тем более в своих детях.

– Мальчишки сильно шалили? – поинтересовался муж, утолив первый голод.

– Не больше, чем всегда, – хмыкнула я, меняя ему тарелку. – Как на совете дела? Есть новости?

– Совместный проект с землянами одобрили. Теперь будут решать, что именно мы готовы предложить.

Не могу сказать, что меня это известие обрадовало. Нет, сам факт того, что Земля становится ближе, несомненно радовал. Возможно, когда-нибудь в будущем у меня даже появится возможность побывать

на родине и встретиться с сестрой. Хотя торопиться я смысла не видела: ведь и так знаю, что у Ви все в порядке и она даже вышла замуж – Ньер очень аккуратно навел «справки» насчет судьбы «шпионки». Но этот проект...

Он ведь не безобиден. И отнюдь не связан с торговлей или дипломатией. Просто, как выяснилось, земляне, которые совместно с другими расами уничтожали призрачного врага, пока рарки находились «вне времени», ухитрились захватить в плен несколько амиотов. Поместили их в какой-то сложный энергетический стазис и теперь хотят исследовать.

– А какие варианты? Что земляне просят? – предчувствуя неприятности, вздохнула я.

– Шошей, само собой, – признался Ньер. – Ну и военных для охраны объекта.

– И вы согласитесь? – я невольно посмотрела на подозрительно молчаливого Таша.

– Граш! – зашипел тот. – Не могли обсудить это после ужина? Амиоты – верный способ испортить аппетит. Даже слушать о них противно!

– Охрану да, а вот шошей – вряд ли. Их и так мало осталось, – уверенно ответил муж.

– Кстати, – спохватилась я, вспомнив. – Как дела у Жели? Таш, ты вчера говорил, схватки начались. Она еще не родила?

– Нет, – буркнул пушистик. – Я вот тоже волнуюсь.

– Я просил смотрителей пансиона прислать мне сообщение сразу, как... – начал было Ньер и осекся – его коммуникатор пиликнул.

Мы замерли в тревожном ожидании. В совпадение верилось с трудом, но, когда муж, прочитав сообщение, посмотрел на нас, в его глазах искрились смешинки.

– Десять! Три девочки, семь мальчиков.

– Я зна-а-а-ал! – Таш в счастливом порыве сорвался со стула-лежанки и принялся носиться по залу.

Мы его понимали. Ньер сам был готов так бегать, когда родились близнецы. Наверное, поэтому муж перевел разговор в другое русло.

– Мама спрашивала, можем ли мы привезти к ним мальчишек на несколько дней? Она в отпуске, соскучилась. Да и отец, я думаю,

найдет время с внуками пообщаться. После сегодняшнего заседания будет большой перерыв, пока от землян не поступит новая депеша.

Слушая мужа, я невольно улыбалась...

Он познакомил меня со своими родителями, когда получил должность руководителя проектного отдела в корпорации «Звездные камни». Запущенный на нужную орбиту хрономодуль работал без сбоев, стало понятно, что торможение идет в соответствии с расчетами, и Ньер посчитал условия вызова отцу выполненными. Теперь он мог вернуться в семью.

Моя тогда еще будущая свекровь оказалась изумительной женщиной – и по внешности, и по характеру. Высокая, стройная, элегантная. Уверенная в себе. С открытым прямым взглядом и всегда строгим пучком темно-каштановых волос на голове. Прямолинейная, имеющая на все свое мнение, но при этом никогда не унижающая других.

Мне кажется, она, в отличие от своего мужа, даже круглоухой меня бы приняла.

– Добро пожаловать в семью, Медея.

Это были первые ее слова, сказанные искренне, едва мы перешагнули порог дома. И я сразу прониклась к ней симпатией. А вот Деверьен Шайхот не был настолько приветлив. Не скрывая интереса, осмотрел меня с ног до головы.

– Хорошенькая, – грубовато похвалил и сообщил: – Лицо знакомое.

– Моя сестра была на совете тетрады, когда шло разбирательство по факту диверсии на орбитальной станции и вызова Лаиту Шерьерону, – я уверенно посмотрела дагодену в глаза. – Дея там по глупости натворила дел. И хотя спрос с круглоухой сомнительный, я все равно беспокоилась за нее и потому предложила Ньеру считать освобождение сестры моим личным вызовом. Он его принял. А я сама – инженер-проектировщик. Мы с Ньером вместе работаем.

– А-а-а... – вспомнил Шайхот-старший. – Та, глупенькая! Сестра, значит? – Он посмотрел на мои заостренные ушки и хмыкнул: – Наследственность у тебя так себе.

– Зато решимости и ума хватает, – встал на мою защиту Ньер.

– Я и не сомневалась, что ты сделаешь семейный вызов достойной девушке, – снижая градус напряжения, вмешалась его мама. – Для пары в первую очередь важны взаимопонимание и общие интересы.

Про интересы она не просто так сказала. Ведь сама была преподавателем факультета дипломатических вызовов. То есть профессию имела близкую к политике, которой занимался ее муж.

Но у этой «общности», как и у всего в этой жизни, оказалось две стороны. И если первая лишь доказывала прочность семьи Шайхотов, то вторая меня нервировала.

Публичность...

Это Ньевор Хот мог позволить себе быть незаметным, даже когда начал подниматься вверх по социальной лестнице. «Воскресший из небытия» Ньер Шайхот, сын дагодена Ракиса, возглавивший корпорацию «Звездные камни» и ставший консультантом тетрады, моментально привлек к себе внимание прессы.

В отличие от своих земных собратьев местные папарацци публиковали только проверенные, достоверные факты – за малейшую клевету журналист мог запросто лишиться жизни. И потому информация о возвращении сына в семью дагодена «ушла в народные массы» раньше, чем мы официально подтвердили свой семейный вызов.

И это стало причиной появления еще одной... гм... знакомой.

– Ньер! – стройная женская фигурка в длинном бордовом платье влетела на открытую веранду гостевого крыла, как фурия на крыльях любви. Осмотрелась и замерла, не обнаружив искомого. – А ты кто?

Она с подозрением посмотрела на меня, сидящую на плетеном диване и изучающую каталог со свадебными нарядами. Глаза ее сузились – выводы девушка сделала быстро.

– Ньера дома нет? Ты его ждешь? В невестки дагодена метишь... Молодец, – презрительно «похвалила». – В скорости тебе не откажешь. Только я хоть и пришла второй, а по факту буду первой! На этот раз Ньер мой вызов примет!

Самоуверенность и наглость меня поразили, но развеивать заблуждения незнакомки я не спешила. Еще и масла в огонь подлила. Очень уж любопытно послушать откровения настоящей остроухой.

– А что ж в первый-то не принял? Может, ты его сделать забыла?

– Не «забыла», а «не захотела»! – с апломбом заявила девица. – Тебя бы тоже не прельстила перспектива переехать из роскошного особняка в убогую квартирку на самом нестатусном этаже. Да еще и на невесту какой срок.

– Как сказать, – загадочно улыбнулась я. – Если есть чувства...

– Ой, да ладно, позерка! – скривилась оппонентка. – Одни слова, а на деле не станешь демонстрировать свою уязвимость. И чувства только мешают, делая нас зависимыми. А мужчины не любят слабых женщин.

Заявление спорное, но я еще не настолько хорошо разобралась в системе вызовов, чтобы позволить себе нарваться на еще один. От бывшей возлюбленной. И потому высказалась без перехода на личности:

– Но если женщина сильнее и не дает мужчине проявить себя, он это тоже вряд ли оценит.

– Так хитрее надо быть, – снисходительно взглянула на меня девушка. – Когда надо – приблизить, когда надо – оттолкнуть. Вот я Ньера на расстоянии держала, подогревала его интерес. А теперь осталось только поманить – сам прибежит.

– Я не шощ, чтобы бегать за тобой, Риви!

Голос Ньера был настолько злым, что «претендентка» аж подпрыгнула от неожиданности, а ее лицо пошло пунцовыми пятнами. Она не ожидала, что он из-за занавеси входа в дом появится, а не придет с улицы.

– Я в другом смысле! – попыталась исправить впечатление и сделала несколько маленьких шажков навстречу. – Тебе же так долго приходилось себя ограничивать в нормальных отношениях. И наверняка уже тошнит от круглоухой любовницы, которой ты вынужден был пользоваться, чтобы тебя не воспринимали как серьезного конкурента. Видишь? Я все понимаю. – Риви чувственно вздохнула и еще на один шаг приблизилась к Ньеру. – А твой брат периодически наводил обо мне справки. Но ты же знаешь, мы с ним не подходим друг другу. Значит, он для тебя это делал. По твоей просьбе. То есть я твой идеал и... невеста. Я права?

Последнее буквально промурлыкала, положив ладони ему на грудь.

– Твой вызов запоздал, Риви, – Ньер брезгливо сбросил с себя ее руки и отступил, – потому что в моей жизни появилась та, которая поделила со мной все лишения. А теперь разделит радость успеха и станет женой. Ясно?

Видимо, объяснил доходчиво. А может, у рарков семейный вызов равносителен штампу в паспорте, как сказали бы на Земле. И после него у конкурентов нет никаких шансов.

Как бы там ни было, Риви сникла, бросила на меня потерянный взгляд и побрела к арке, ведущей на улицу. Даже на свадебном праздновании не появилась, хоть и была приглашена...

– Любимая, ты против? У тебя были другие планы? – муж напомнил о своем вопросе, а я востепенулась. Какая-то у меня сегодня рассеянность подозрительная. Зря детям именно эту «сказку» рассказывать стала. Слишком много воспоминаний она вызвала.

– Не было планов, – торопливо ответила.

– Если я вам буду не нужен, – тут же встрял Таш, – проведу время в пансионе с Жель и детками.

– Конечно, – разрешил Ньер. Проводив взглядом выбежавшего из зала шоша, обнял меня, тесно прижав к себе. И мягко продолжил: – Мы могли бы оставить близнецов у родителей и съездить к Дьеру. Он приглашал. Никакой официальности, просто семейная встреча.

Заурядное на первый взгляд предложение, а я все равно что-то необычное ощутила. Неуловимое, но такое знакомое...

– Нье-е-ер? – вопросительно заглянула в любимые глаза.

– Я дочку хочу, Медея, – прямолинейно заявил муж. – Мальчики это здорово, но как было бы замечательно видеть за этим столом еще и миленькую остроухую малышку. Тебе хочется того же? Возможно, деток снова будет двое. Возможно, с полом мы не угадаем. Возможно, ушки получатся кругленькие. Но... Ты готова рискнуть еще раз?

– Безусловно готова, – выдохнула ему в губы.

Да, Ньер во всем остается истинным рарком. Риск, амбиции и стремление преодолевать трудности привлекают его куда больше, чем спокойная, рутинная обыденность. А я с ним все равно бесконечно счастлива. И меня несколько не беспокоит, что всю оставшуюся жизнь мне придется балансировать на грани... вызова.